

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

Litera

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-06-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhanova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-06-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владивостокского юридического института ФСИН России, 600020, Владивосток, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpo@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrova - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

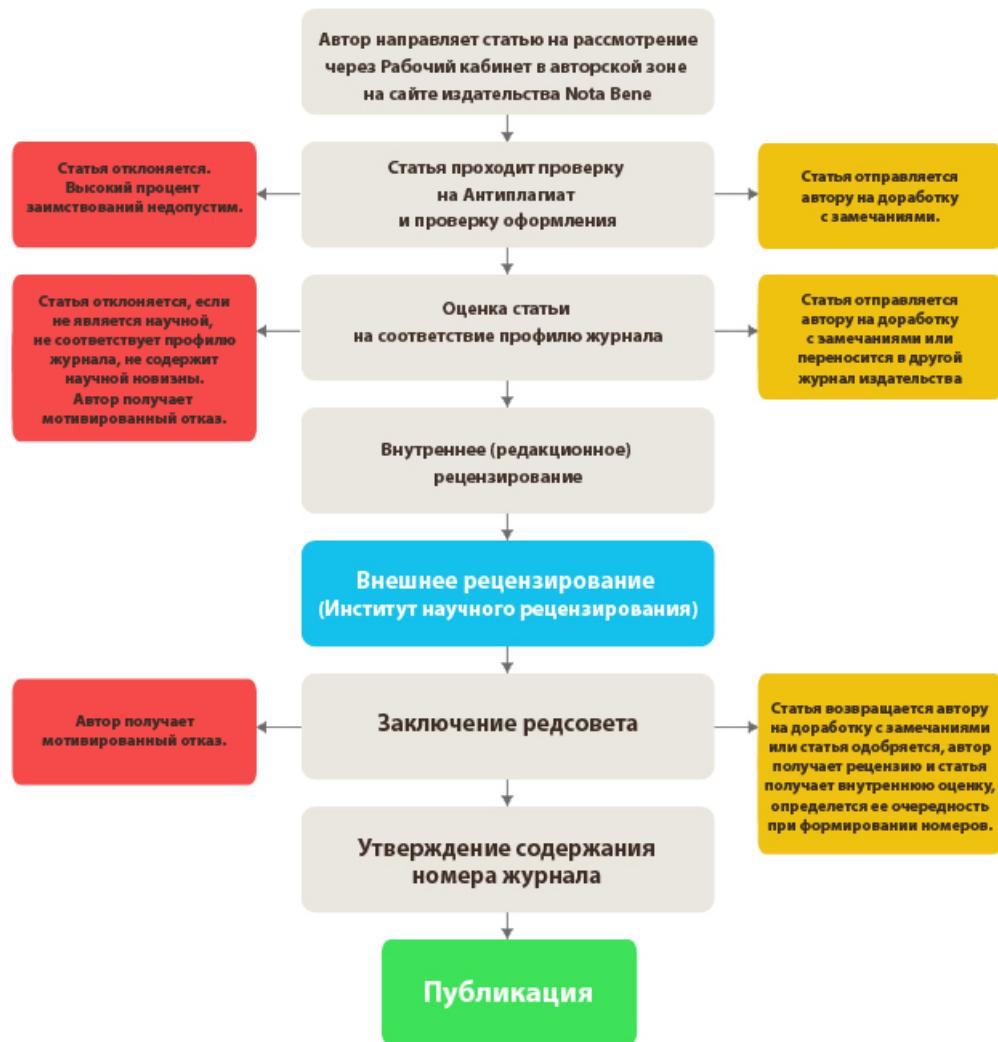
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Альбулани А.Х. "Американская мечта" в романе Нормана Мейлера и травелоге «О'кей. Американский роман» Б. Пильняка: разрушенные иллюзии и переосмысленные мечты	1
Аль-Анбаги Ш. Русская и арабская документарная традиция: синтаксический аспект	17
Лян И., Анисова А.А. Метафорические модели концепта «Тоска» в идиостиле А. П. Платонова	25
Романова К.С., Овчаренко А.Ю. Идейно-художественное своеобразие травелогов о Турции в русской литературе метрополии 1920-х гг. (на материале произведений «Лето в Ангоре» Е. Е. Лансере и «Стамбул и Турция» П. А. Павленко)	32
Михайленко А.Ю. Функции перифрастических сочетаний повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»	41
Ли Ц. Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка)	51
Ильин Б.Б. Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника	61
Никонов С.Б., Е Ю., Байчик А.В., Лабуш Н.С. Постгуманистическая трансформация субъекта в "виртуальном личном присутствии" на онтологическом уровне	70
Булгарова Б.А., Чэнь Ф., Цзюй Я., Чинённая Т.Ю. Исследование трансформации индустрии новостных медиа в Китае и России в эпоху интеллектуальных медиа	79
Хромова Д.А., Кутдюсова А.И. Художественная география "средневолжских текстов" Д.Осокина	98
Ван Ш. Лексемы возраст и возрастной как эвфемизмы в современном медиадискурсе	107
Вороновский А.А., Резник Л.В. Дружба-соперничество Г. Хауптманна и Т. Манна в творчестве и переписке	115
Сунь И. Лингвокультурный скрипт «чаепитие» в китайской коммуникации	124
Сафаралиева Л.А., Абдуллах Л. Образ России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка	136
Дмитриева Н.М., Коробейникова А.А., Малахова О.М. Лексико-семантические особенности вербализации русского концепта «Судьба-Промысел» в диахронии	146
Ню Ю. Рецепция творчества А. Варламова в китайском литературоведении и критике	157
Бао Л. Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива	165
Скомороха Е.А., Чжан Ю. Фонетические особенности диалекта Хакка китайского языка уезда Мэй	175
Ло С. Общие и особенные свойства лексических единиц, обозначающих внутригородские проезды, в китайском языке	183
Зеневич Е.В. Рецепция христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Юлии Жадовской	198
Англоязычные метаданные	208

Contents

Albulanee A.H. "The American Dream" in Norman Mailer's novel and travelogue "O'key, an American Novel" by B. Pilnyak: Shattered Illusions and Rethought Dreams	1
Al- Anbagi S. Russian and Arabic documentary tradition: syntactic aspect	17
Lyan I., Anisova A.A. Metaphorical models of the concept of "Longing" in the idiom of A. P. Platonov	25
Romanova K.S., Ovcharenko A.Y. The ideological and artistic features of the travelogues about Turkey in the Russian parent state literature of the 1920s (based on Summer in Angora by E. Lanceray and Istanbul and Turkey by P. Pavlenko)	32
Mikhailenko A.Y. The functions of peripheral combinations of N. M. Karamzin's novella "Natalia, the Boyar's Daughter"	41
Li Q. The image of China in modern Russian media (based on materials from the National Corpus of the Russian Language)	51
Ilyin B.B. The semantics of landscape vocabulary in the Lives of the Assumption Collection	61
Nikonov S.B., E Y., Baichik A.V., Labush N.S. Posthumanistic transformation of the subject in the "virtual personal presence" at the ontological level	70
Bulgarova B.A., Chen F., Ju Y., Chinennaya T.Y. Research on the transformation of news media industries in China and Russia in the era of intelligent media	79
Khromova D.A., Kutdyusova A.I. Artistic geography of "Middle Volga texts" by D. Osokin	98
WANG S. Lexemes vozrast (age) and vozrastnoy (age) as euphemisms in modern media discourse	107
Voronovsky A.A., Reznik L.V. Friendship-rivalry between G. Hauptmann and T. Mann in creativity and correspondence	115
Sun' Y. The linguistic and cultural script "tea drinking" in Chinese communication	124
Safaralieva L.A., Abdullah L. The image of Russia in the minds of native speakers of the national Syrian version of the Arabic language	136
Dmitrieva N.M., Korobeynikova A.A., Malahova O.M. Lexical and semantic features of the verbalization of the Russian concept of «Fate-Promysel» in diachrony	146
Niu Y. Reception of A. Varlamov's Creativity in Chinese Literary Studies and Criticism	157
Bao L. The influence of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" to Yu Hua's novel "Brothers": carnivalization as a way of forming a novel narrative	165
Skomorokha E., Chzhan Y. Phonetic features of the Hakka dialect of the Chinese language of Mei County	175
Luo X. General and special properties of lexical units denoting inner-city driveways in Chinese	183
Zenevich E.V. Reception of the Christian tradition of "cleansing" prayer in the lyrics of Julia Zhadovskaya	198
Metadata in english	208

Litera

Правильная ссылка на статью:

Albulanee A.H. "The American Dream" in Norman Mailer's novel and travelogue "O'key, an American Novel" by B. Pilnyak: Shattered Illusions and Rethought Dreams // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70512 EDN: SIOVIG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70512

"The American Dream" in Norman Mailer's novel and travelogue "O'key, an American Novel" by B. Pilnyak: Shattered Illusions and Rethought Dreams / "Американская мечта" в романе Нормана Мейлера и травелоге «О'кей. Американский роман» Б. Пильняка: разрушенные иллюзии и переосмыслиенные мечты

[Альбулани Альван Хассан](#)

ORCID: 0000-0003-0997-5472

доктор филологических наук

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

1042218123@pfur.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70512

EDN:

SIOVIG

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2024

Дата публикации:

02-05-2024

Аннотация: Концепт «мечты» как стержня американской литературы признается большинством литературоведов. Утверждение и апологетика «американской мечты», которая связана с традициями критического реализма, остается предметом дискуссии как зарубежных, так и российских исследователей. Литературоведческие исследования концепта «американской мечты», побуждают нас к критическому анализу убеждений, опыта и чаяниях, лежащих в ее основе, а также ее более широких последствий для

общества. Предметом настоящей статьи является концепт «американской мечты», анализируемый на базе романа Нормана Мейлера «Американская мечта» (1946) и модернистского травелога «О'кей. Американский роман» Бориса Пильняка (1933). Представлены различные подходы к определению «американской мечты», представленные в российской и зарубежной литературе. Проанализированы источники и предпосылки возникновения феномена «американской мечты» в американской литературе. Используя описательный, герменевтический, сопоставительный, историко-литературный и историко-культурный методы, автор рассматривает незатронутые в ранее опубликованных научных работах детали данного концепта. Результаты исследования. Исследование показало, что провал проекта «американской мечты» приводит к ее реструктуризации, что подтверждает ее самостабилизирующий характер и основополагающую роль в процессе личностного самоопределения персонажа. Мейлер, глубоко укоренившийся в американской культуре, критикует американскую мечту изнутри, подчеркивая индивидуализм, социальное давление и стремление к успеху. Напротив, Пильняк предлагает нам иной взгляд на «американскую мечту». Это взгляд советского писателя, подчеркивающего взаимосвязь американской мечты с капитализмом, демократией и общественными преобразованиями. Выводы. Несмотря на выявленные различия во взглядах, оба автора побуждают читателей критически отнестись к обещаниям и ловушкам американской мечты, обогащая наше понимание ее универсальной привлекательности и непреходящей актуальности. Полученные автором результаты могут быть использованы как в практике литературной критики, так и в практике сравнительных исследований.

Ключевые слова:

сравнительное исследование, русская литература, американская литература, индивидуализм, коллективизм, культурная перспектива, концепт, американская мечта, Норман Мейлер, Борис Пильняк

1. Introduction

The study of the nature of the concept in linguistics at the present stage is of paramount importance. Objective reality and, in particular, culture are reflected in language, which, in turn, participates in the formation of concepts in the form of which "culture enters the mental world of man". The structure of the concept is multi-layered, it is formed under the influence of linguistic, socio-cultural, and cognitive factors.

The concept of the "American Dream" is one of the main components of the mentality, culture, history, social and political life of the United States; a myth that is deeply rooted in the mass consciousness, predetermined the perception of the world by Americans. The American Dream played a crucial role in the formation of the American state and nation, had a decisive influence on the formation of the American national character, and determined the relationship of the United States with the outside world.

The question on the "American dream"’s emergence remains open and causes a number of disagreements. The phrase "American Dream" was first used by Henry Adams in The History of the United States back in 1884. In his prologue to "The American Adam," R. W. B. Lewis offers a thought-provoking perspective on the American experience: "There may be no such thing as 'American experience'; it is probably better not to insist that there is. But there has been experience in America, and the account of it has had its own specific form." [\[2, p.](#)

[\[8\]](#) He suggests that rather than viewing the American experience as a singular entity, it may be more productive to recognize the diversity of experiences unfolding within the American landscape. Lewis implies that attempting to homogenize the American experience may oversimplify its complexities and overlook the rich tapestry of narratives contributing to its collective identity. However, he acknowledges that there have indeed been distinct experiences within America, each with its unique form and expression. By emphasizing the specificity of these accounts, Lewis invites readers to appreciate the multiplicity of voices and perspectives that have shaped the American narrative over time. His commentary encourages us to embrace the diversity of experiences within America while recognizing the importance of exploring and understanding the various forms through which these experiences are articulated.

Adams's portrayal of the American Dream as a beacon of hope and aspiration resonates deeply throughout history, symbolizing the promise of upward mobility and success through hard work and determination [\[11\]](#). However, as we reflect on Adams's words, we must also acknowledge the dissonance between the idealized vision of the American Dream and the harsh realities of American society. Systemic inequalities, economic disparities, and social barriers often impede the realization of equal opportunity for all citizens, challenging the fulfillment of the American Dream for specific individuals or marginalized groups.

Despite these challenges, the concept of the American Dream continues to evolve, adapting to societal changes, culture, and politics. Contemporary discussions surrounding social justice, economic equality, and the role of government in ensuring equal opportunity highlight the ongoing relevance and significance of Adams's vision. Ultimately, engaging with Adams's words prompts us to reflect on our beliefs, experiences, and aspirations about the American Dream while encouraging critical examination of its broader implications for society.

Russian scholar R. Ia. Batalov provides an insightful perspective on the driving force behind the American Dream, highlighting freedom as its central theme. He elucidates how America, perceived as a land of opportunity, attracted individuals worldwide seeking liberation from historical burdens, social constraints, and class hierarchies prevalent in Europe. Batalov emphasizes that this freedom encompasses independence from past constraints and the freedom of self-creation and self-realization. This concept represents a significant shift in individuals' ability to shape their destinies, transcending mere geographic and historical contexts. Batalov's analysis underscores the transformative potential of the American Dream, offering a nuanced understanding of its allure to immigrants and dreamers across generations. Through his commentary, Batalov prompts reflection on the multifaceted nature of freedom within the American Dream, highlighting its intrinsic connection to human autonomy and self-expression. Batalov underlines the interconnectedness of the "myth-Dream" and the "myth-Idea," underscoring their thematic closeness despite inherent distinctions. The American Dream not only portrays an idealized nation but also embodies "the American Dream is [...] a myth about a great people who boldly pushes the boundaries [...] of the existing world, opens up new horizons for humanity in all areas of activity, inspires other peoples by his own example and is ready to assist them in the struggle for freedom" [\[3, p. 35\]](#).

In a recent examination and contemporary reinterpretation of the nuanced meanings attributed to the "Russian idea" and the "American Dream," Russian author Elena Golovina reflects on their shared origins and subsequent divergence: "The Russian idea and the American dream have much in common; both of these utopias were progressive for their

time and their people, both are now in decline" [4, p. 11]. Both utopias had common features at the beginning: labor, a collective principle, thanks to which both the American colonists and the Russian village survived. Then they diverged in their ideas about life – when the American dream adopted individualism and the desire to get rich through work, and the Russian idea followed the path of a further collective principle, which from the village turned into a national one, replacing itself with the Soviet idea."

The image of the "American dream" is invisibly present in all American literature of the 20th century. This is one of the traditional themes of the American novel, which has received different interpretations and assessments at different stages of the development of literature. Norman Mailer is a novelist, publicist, screenwriter, film director — a landmark phenomenon for American literature of the second half of the twentieth century. Mailer is the author of over 40 books, including both novels and nonfiction works. In his work, Mailer explores the phenomenon of the embodied myth of the "American dream", realizing various figurative concepts of "dreams" in the life path of the characters in his works - American existentialist rebels. "The American Dream" is one of the notable novels by Norman Mailer, a writer who "sought in his works to revive the American dream of limitless opportunities for all Americans." Boris Pilnyak, an eyewitness, a caring observer, an active participant in the life of the early twentieth century, is today perceived as a chronicler of the era. He lived in an era of global change. The scale of events associated with the fascination with the philosophy of F. Nietzsche, A. Bergson, A. Schopenhauer, together with his personal characteristics and admiration for the work of Andrei Bely, determined the paradoxical nature of artistic thinking and the experimental nature of his prose. "O'key, an American Novel" was published in 1933. Direct impressions of what he saw, from numerous meetings and events were included in B. Pilnyak's travelogue. In our opinion, this work is unfairly ignored by numerous researchers both in Russia and in the West, since this particular book by the writer is more relevant than ever today. Pilniak visited the United States in the midst of the worst economic crisis in American history. At that time, industrial construction was on the rise in the USSR. Naturally, there is a parallel between these countries throughout the book [5]. Pilniak opens and closes his "American novel" with such comparisons. The purpose of this article is a comparative analysis of the concept of the "American dream", presented in the novels "The American Dream" (1965) by Norman Mailer and "O'key, an American Novel" (1933) by Boris Pilnyak. To achieve this goal, the work uses descriptive, hermeneutical, comparative, historical-literary and historical-cultural methods for analyzing texts.

2. Discussion of the results

2.1. Unravelling "An American Dream": Norman Mailer's Insight

The postwar era, specifically the late 1940s and the 1950s, witnessed significant changes in American society. The war had ended, leading to a period of economic growth and stability. The American Dream meant believing in progress, pursuing material success, and the ideal of a stable and prosperous family life. It often involved owning a home, a car, and other symbols of affluence. The prevailing cultural narrative emphasized conformity, suburban living, and the nuclear family as the epitome of success. Norman Mailer's exploration of the postwar tenets of the Dream in his novel likely engages with these complex socio-cultural dynamics, offering a critical perspective on the American Dream's promises and the realities of the American experience during this period, the collective aspirations and challenges faced by Americans in the aftermath of World War II, as well as the evolving nature of the concept in a changing social landscape.

Examining the perspectives and challenges of the characters in each novel becomes an essential facet in unraveling the intricacies of the American Dream. The protagonists, conduits for the authors' thematic exploration, navigate a complex terrain that reflects and challenges societal aspirations. Each character becomes a lens through which the American Dream is filtered, offering unique insights into how individuals engage with this elusive concept.

Norman Mailer's thematic consistency throughout his novels, despite shifts in writing style and responses from critics, revolves around the disturbance experienced by individuals oppressed by the state. This overarching theme manifests in various contexts, whether through the crucible of war or the perpetuation of government ideologies. Mailer's characters are often products of the absurdities he witnessed during wartime, serving as vessels to explore the traumas and disparities inherent in the American way of life and its maintenance.

The lens through which Mailer examines oppression, particularly by the state, reflects a keen awareness of the power dynamics and societal structures. War, as a brutal manifestation of State power, becomes a crucible for the formation of characters who grapple with the traumatic consequences of conflict. Mailer delves into the psychological and emotional toll inflicted upon individuals caught in the machinations of war, shedding light on the dissonance between the ideals and the harsh realities faced by those directly affected.

The critique extends beyond the battlefield to encompass the broader scope of government ideologies. Mailer's exploration of how these ideologies perpetuate oppression underscores his commitment to unearthing the complexities of societal power dynamics. His characters navigate not only the external threats posed by war but also the internal conflicts stemming from the tension between individual identity and the demands of a system that may not prioritize their well-being [\[8\]](#).

Norman Mailer was an eyewitness to the post-war period, with its anguish and developments – a society undergoing a profound re-evaluation of values before and after these events. For many thinkers, the beginning of the 20th century represented the peak of humanist thought. Science was consolidating itself as a great producer of human knowledge; that is, the emergence and consolidation of the scientific method generated its fruits, which were not always positive, such as the willingness to go to war. It meant a breakthrough for humanity.

Almost everything could be answered through the scientific method, even the most profound subjective questions. Even though the method applied to science has promoted advances, a dynamic of objectivity, of deep-rooted and overwhelming positivism in human relations, has also been consolidated. The human being, his ideas, history, and struggles suffered from an erasure encouraged by the idea of progress, of unification of states and nations, by sacrifice for the benefit of the collective.

Mailer's choice of title for his novel "An American Dream" signals the writer's intention to examine the intricate layers of the "subterranean river" that flows beneath the surface of the American experience. It becomes a literary invitation to explore the dichotomies, complexities, ecstasy, and violence embedded in the postwar hopes of a better life, often characterized by socio-economic and cultural ideals that shaped the aspirations of many Americans. The American Dream itself revolves around the idea that anyone, regardless of their background, can achieve success, prosperity, and upward mobility in the United States

through hard work and determination.

The title is a great provocation, as it proposes precisely the opposite, a deconstruction of the notion of harmony and social symmetry of the American state, showing how government agendas, aspirations, and games of the rich and powerful transform the lives of others into mere illusions, reducing them to invisibility or disguised oppression. There is no dream if we can understand Norman Mailer's final message that way. We only call dreams what we do not experience, which does not mean something is necessarily good. Thus, we can only believe in the American Dream of the promised land, of all opportunities through separation or alienation.

The novel stands distinctively apart from conventional classifications, straddling the realms between a thriller and a more intricate form of fiction. It defies easy categorization and is not confined to simple fantasy or mimetic fiction constraints. Instead, Mailer crafts a narrative that pulsates with a thriller's energy while offering a profound commentary on the multifaceted nature of the myth.

Mailer witnessed the transition of "worlds" from the modern world, rooted in scientific tradition, method, and collective aspiration for homogeneity, to the postmodern world, full of confusion, options, and disorientations. In a very particular way, he chose to defend humans when science was suffocating and human values when the chaos of a society without parameters, the postmodern, was lost in demagoguery, hypocrisy, and false freedom.

"An American Dream" thrusts readers into the psyche of its protagonist, Stephen Rojack. Rojack's perspective becomes a vehicle for Mailer to dissect the promises and perils of the Dream. Rojack's challenges and decisions unravel the complexities of the pursuit of success and happiness, allowing readers to grapple with the moral ambiguities accompanying the quest for the myth.

By eschewing the traditional heroic archetype and embracing the anti-heroic, Mailer challenges readers to grapple with the moral ambiguities inherent in the human condition. The novel becomes a mirror reflecting the multifaceted nature of individuals, encouraging a deeper exploration of the motivations, contradictions, and consequences that accompany the choices people make. Rojack, as the anti-hero, embodies the complexities and contradictions within each person, acting as a catalyst for introspection and a lens through which readers can scrutinize their own lives.

Norman Mailer, deeply rooted in his American cultural milieu, provides readers with insider perspectives on the Dream. Grounding his exploration of the intricate nuances and historical experiences of his native culture, Mailer navigates the terrain of the Dream with an intimate understanding, capturing its essence through the lens of his insider status.

In "An American Dream," we identify a thesis postulated in this sense: to reveal the oppressed and liberate them from the almost atavistic erasure that accompanied almost half a century of our history until the sexual and civil rights revolution of the 1960s. Mailer creates a strange, rejected, unhappy character, portraying the consequences of the erasing state. This criticism was not readily embraced, as Mailer faced significant rejection when making complaints against a system already widely accepted. Execration and false accusations were constant in the lives of writers who tried to denounce abuses considered lawful at that time. Also, confessing anguish in a time of such progress, when science was solidifying and man's transformative power gained gigantic proportions, was considered highly anti-nationalist and reactionary. It was as if Mailer occupied two spaces in recent

history: conservative when criticizing a state that promoted advances and modern, from the current perspective, when repudiating such abuses. He understood the state's support for science as a possibility of control and manipulation. However, at the same time, he believed in the questioning power of thinking man that this exact science could produce.

It was only after the outbreak of social movements that marked the historical changes of the 1960s that writers from the past began to be heard as precursors of a new and controversial debate, postmodernity. Going beyond some debates about the existence or not of postmodernity and accepting this fact, especially for the American reality, writers contemporary to Mailer used the constant feeling of disorientation to question traditional social structures: the government, moral deviations, the condition of (dis)privileged, sex, politics.

Exploring Mailer's ideas within "An American Dream" paradoxically becomes a profound endeavor to unravel the intricate tapestry of the reality that shapes our contemporary existence. The thematic elements embedded in Mailer's narrative resonate with the persistent challenges surrounding violence and state relations, issues initially believed to be harmonized by the nascent concept of democracy. Today, these enduring dilemmas continue to perplex historians, writers, and governments grappling with the complexities of governance.

In the evolving landscape of nations, the rise and fall of states become manifestations of intricate processes where erasures, alienation, and shifts in consciousness intertwine. What was once seen as a utopian vision of democracy now stands juxtaposed against the stark realities of power struggles, societal fractures, and geopolitical tensions. Mailer's exploration of these themes in "An American Dream" serves as a poignant commentary on the enduring challenges faced by societies attempting to navigate the delicate balance between individual freedoms and the responsibilities of the state.

In the contemporary era, the quintessential man is an amalgamation of diverse processes, characterized by an array of emotions and possessing an identity as dynamic and changeable as his life choices. Mailer's narrative invites us to contemplate the intricate interplay between individual agency and societal forces, prompting us to question the nature of identity in a world where values, ideologies, and personal convictions are in constant flux.

2.2. Beyond Borders: Boris Pilnyak's Outsider Perspective on the American Dream

According to Sheila Fitzpatrick, the intertwining of power and culture was inevitable during the initial two decades following the Bolshevik Revolution. This interpretation pertains explicitly to 1920s Russia, where power was synonymous with state authority. For the Bolsheviks, this authority manifested as the dictatorship of the proletariat. However, many members of the intelligentsia viewed it more narrowly as the dictatorship of the Bolshevik Party and later the Communist Party. In this milieu, culture encompassed literature and various arts, spanning both Russian and Western traditions, past and present, with Russian intellectuals widely acknowledged as custodians of cultural values.

Despite this, the Bolsheviks often contended that the intelligentsia protected high culture because it was perceived as "bourgeois," in contrast to the supposedly "proletarian" culture. Nevertheless, culture served as a contested arena where the power struggle could be won or lost [6, p. 1-2]. Post-war Europe provided ideological material but did not represent a particularly novel theme in and of itself for the imagination of the Soviet reader. The borders had closed a few years ago, and the ties with European nations remained

consistent. Europe was a primarily known continent. The approach towards some emerging nations was different, especially in Asia (primarily Japan), and above all towards the other great nation that embodied an exciting, mythopoetic idea of the New World: the United States of America. This explains why, between the twenties and thirties, the most significant (and influential in terms of editorial circulation) reportages by Soviet writers were dedicated to the "discovery" of America and its comparison with the USSR.

In his volume *Red Virgin Soil* (1987), Robert A. Maguire contends that the conflict, often subtly hinted at in other early stories, is explicitly articulated: "instinct versus intellect, nature versus civilization, chaos versus logic." This dichotomy remained a characteristic theme for Pilnyak, regardless of how intricately he embellished it. However, he rarely grants his protagonists the luxury of "blissful repose in the arms of their discovery." Pilnyak tends to capture them precisely at the moment when they become conscious of "the conflict within themselves," observing as it mercilessly tears them apart. In this exploration, Pilnyak delves into the profound duality of human existence: "man is both agent and victim, pulled by the competing claims of intellect, which wills toward consciousness and seeks it in a self-definition through system and order, and instinct, which is formless and timeless, and constitutes the ground of all being." [\[7, p. 102-103\]](#).

Boris Pilnyak offers a unique outsider's viewpoint. Shaped by the distinctive lens of Russian literature and cultural backgrounds, Pilnyak's interpretation provides a nuanced and external examination. His status as a Soviet citizen adds complexity, reflecting the influence of his outsider position in dissecting the concept and placing it in a broader global context. In Boris Pilnyak's "O'key, an American Novel" (1933), the protagonist is the narrator, and Soviet sensibilities mold his worldview [\[5\]](#). His perception of the American Dream is inherently that of an outsider, strictly adhering to the requirements and expectations set forth by Soviet authorities. Pilnyak's interactions with representatives from all strata of America's cultural and societal fabric illuminate the clash of ideologies and shed light on the challenges inherent in adapting to a new and foreign environment. The writer's accounts of these encounters with diverse characters function to juxtapose the American Dream against the backdrop of Russian literature, thereby adding layers to the exploration of this thematic concept.

Pilnyak's role as the head of the "ornamental prose" movement in Soviet literature in the 1920s is noteworthy. This trend, often associated with "sweepers," highlights the ornate and experimental nature of the prose employed by Pilnyak and his contemporaries [\[9\]](#). The poetics of Pilnyak's sketchy prose, a vast area within his artistic system, still needs to be studied more. Shklovsky's insights into Pilnyak's journalistic creativity emphasize the need for "significant" facts, depicting Pilnyak's literary texts as a cohabitation of several short stories that can be disassembled and reassembled into new works Shklovsky [\[10, p. 74\]](#).

The focus on the factual basis and documentary nature of Pilnyak's works, as noted by A. Katsev (1987), aligns with the writer's commitment to capturing the era's essence. This approach to collecting and arranging materials contributes to the plotlessness evident in Pilnyak's novels. The structural arrangement resembles a "round dance," lacking a defined core. Instead, the novels feature an idea framed by the fusion of literary and artistic text with journalism, essays, sketches, and poetic syllables, creating a cause-and-effect relationship between introduced and critical episodes. This intricate style reflects Pilnyak's innovative approach to narrative, bridging the realms of literature and journalism [\[11\]](#).

In Boris Pilnyak's "O'key, an American Novel," the protagonist is the narrator, and Soviet

sensibilities mold his worldview. His perception of the American Dream is inherently that of an outsider, strictly adhering to the requirements and expectations set forth by Soviet authorities. Pilnyak's interactions with representatives from all strata of America's cultural and societal fabric illuminate the clash of ideologies and shed light on the challenges inherent in adapting to a new and foreign environment. The writer's accounts of these encounters with diverse characters function to juxtapose the American Dream against the backdrop of Russian literature, thereby adding layers to the exploration of this thematic concept.

Pilnyak himself explicitly declared his intention in writing "O'kei, An American Novel" – to elucidate, once again, for his American counterparts the capitalist shackles encasing their lives. This proclamation serves as the writer's credo, defining his creative stance. Grounded in this perspective, he unleashes a torrent of irony, sarcasm, and accusatory grotesque throughout the narrative.

Why this interest for America? Fedorova explains that America emerged as an unintended consequence of the envisioned project the USSR aimed to undertake. This project held the promise of "efficiency, convenience of everyday life, scientific and technological progress," and the realization of social aspirations embodied in the American dream. It was anticipated to be accessible to all, fostering a society "without exploitation, without turning a person into an automaton, without the disunity of people and their absorption in material things." Consequently, traveling to America during this era, particularly for Russians, transforms into a quest for self-discovery more than an exploration of the unfamiliar. For Soviet travelers, America primarily serves as a "space of projections" [\[12, p. 311\]](#).

Lytkina compares texts written by several Soviet writers, among them Yesenin, Mayakovsky, Ilf and Petrov, Pilnyak, "to determine those cultural concepts that formed the structure of the "American Text" in Soviet literature of the 20th century: "technical progress, electricity, freedom, democracy, dollar, capitalism and at the same time the pursuit of sensation, subordination of life to advertising, lack of spirituality of American culture" [\[13, p. 168\]](#). The researcher identifies seven key aspects contributing to what she calls the "American text," shaping the Russian perspective of America and Americans: technical progress, comparison with the Soviet Union, admiration and critique of American thinking, religiosity and the dollar as God, peculiarities of American culture, debunking the myth of democracy, and exposing democratic principles. She concludes that "the twentieth century was largely created by writers under the influence of political guidelines, principles and ideas of the new socialist state, the ideological enemy of which was capitalism. It is no coincidence that in almost every work the refrain sounds: to expect immediate revolutionary uprisings in America is naivety" [\[13, p. 172\]](#).

According to Lazar Fleischman, Pilnyak's trip to the USA was of great importance for Pilnyak himself, "in light of the perception held of him in the West as a "special envoy" of Soviet culture. There was opening up before him the possibility of restoring to himself the official status within Soviet literature that had been lost as a result of the campaign of 1929" [\[14, p. 15\]](#).

Pilnyak establishes a connection between the historical narratives of America and the Union of Socialist Republics (USSR). Emphasizing the relative youthfulness of American history, traced back to its European colonization, and juxtaposing it with the specific date of origin for the USSR in 1917, he implies a similarity between the two historical trajectories. This comparison serves to stress the dynamic and evolving nature of historical processes in both

contexts, suggesting that despite their differences, both America and the USSR share a commonality in the ongoing construction and development of their respective histories:

"...at that hour when in the East the antiquity of the night is lording it over the romantics [...], it is morning in the Union of Socialist Republics, whose history has a date of origin: October 25, 1917 (old style), and whose history is not simply taking place, but rather is being *constructed*, is being *made*, is being *engineered*." [\[5, p. 7\]](#).

In the context of the ongoing transition from capitalism to socialism, Pilnyak characterizes America as persisting in "a culture of capitalism in its pure form", essentially functioning as a "laboratory flask for the hundred and twenty million free-capitalistic American citizens" [\[5, p. 8\]](#). Despite this depiction, he perceives potential opportunities for survival, encapsulated in the slogans fervently shouted and proudly displayed on banners during party rallies. These rallying cries reflect the optimism and resilience Pilnyak envisions within the American socio-political landscape, hinting at possibilities for adaptation or transformation amid the prevailing capitalist ethos:

"America lies on the high road of the development of humankind. This high road paves new routes – to socialism. These routes to socialism are being constructed in the Union of Socialist Republics. Nowadays the USSR. and the USA are playing the chess match of today's humankind." [\[5\]](#).

In interviews, Pilnyak shared impressions gleaned during his five-month stay in America, later incorporating them into his extensive travelogue-novel, "O'kei: An American Novel" (1933), written upon his return to Moscow. His overarching theme was a prediction of capitalism's imminent collapse in the U.S., foretelling its replacement by socialism. Pilnyak critiqued Hollywood, asserting a stagnation or absence of true artistic expression, and condemned widespread gangsterism as a distorted manifestation of American individualism. His portrayal of America is notably negative, aligning with his role as a Soviet advocate of socialism obligated to denounce capitalism.

Embarking on his unique American odyssey, Pilnyak adhered to a fundamental principle that guided his exploration: "I am a writer, and my concerns are writerly ones." [\[5, p. 71\]](#). This unwavering commitment extended across a spectrum of inquiries, encompassing the intricacies of capitalist economy, the underlying nature of American democracy, the plight of immigrants, the nuanced social stratification, the challenges faced by fellow writers, the illusory allure of Hollywood, and the relentless pursuit of the American Dream. Pilnyak's approach to his once-in-a-lifetime adventure was marked by a dedicated focus on extracting literary inspiration and understanding from every facet of the multifaceted American experience. Through the lens of a writer's perspective, he delved into the diverse layers of American society, capturing the essence of his observations in a literary tapestry that would later unfold in "O'kei: An American Novel."

The divergence in paths between two concepts – the American Dream and the Russian idea – becomes more evident as each ideological framework develops distinct values and societal trajectories. In the case of the Dream, there is a notable embrace of individualism, accentuating the pursuit of personal success and wealth through diligent work. This emphasis on individual achievement becomes a cornerstone of the concept, influencing society's cultural and economic fabric. Boris Pilnyak's "O'key, an American Novel" introduces a non-American viewpoint, providing a unique perspective from Russian literature. Pilnyak's exploration allows for a cross-cultural examination of the concept, echoing the questioning

and critique in Mailer's and Abu-Jaber's works.

In "O'key, an American Novel," Pilniak's narrator assumes the role of an exemplary Soviet citizen, positioning himself as a representative of his country. During his six-month stay in America, he deftly employs Soviet propaganda clichés, crafting a portrayal that might seem exaggerated and almost grotesque to contemporary readers. The narrative takes a fascinating turn when the narrator transitions from the first-person perspective to the third-person, intermittently referring to himself as "a Soviet citizen." In doing so, he lavishly praises this envisioned Soviet citizen for their purported political awareness and unwavering commitment to the ideals propagated by the Soviet regime. This narrative technique not only introduces a layer of intricacy to the storytelling but also functions as a satirical device, encouraging readers to critically assess the constructed image of the ideal Soviet citizen presented by the narrator.

Contemplating the distinctive features of American culture, Pilnyak perceives it as an additional component of the American conveyor belt of life. Another prevalent theme in the portrayal of America, though not exclusive to the literature of this period, involves dismantling the prevailing myth of America as a democratic and free country. Virtually every author endeavors to persuade the reader of the illusory nature he finds inherent in the concepts of freedom and democracy. This pervasive trend reflects a critical examination of the societal constructs surrounding the American ideal, challenging conventional notions and prompting a reassessment of the foundational principles associated with the nation.

One significant feature of Pilnyak's approach to this extraordinary sojourn is a singular dedication to extracting literary inspiration and profound insights from every dimension of the multifaceted American experience. Embracing the role of a keen observer and cultural interpreter, he embarked on an exploration that went beyond mere geographical boundaries, seeking to unravel the intricacies of the American psyche. As a Soviet citizen and writer, Pilnyak's unique position was to scrutinize the intricacies of American life and culture with a discerning eye, providing him with a distinctive perspective that would shape the narrative fabric of his unusual novel.

Soviet writers traveling to the USA with Stalin's approval could not have done it without a shared Marxist perspective on the American Dream. Viacheslav P. Shestakov comments that this perspective explained through Lenin's theory of "two cultures within each national culture," suggests that class interests shape the American Dream: "In a capitalist society, each national culture consists of a dominating bourgeois culture with elements of a democratic and even socialist culture opposing it" [15, p. 6]. According to this viewpoint, the American Dream encompasses two distinct dreams within American history and culture: the bourgeois apologetic dream aligned with the capitalist class and the democratic dream carrying elements of democracy and socialism, providing a counterforce to the prevailing bourgeois culture. This framework offers a nuanced understanding of the American Dream, acknowledging its dual nature shaped by competing class interests and cultural forces.

It is Pilnyak's dream about the American Dream that reflects a romanticized longing for the ideals associated with the American Dream. In his recurring dream, he envisions scenes reminiscent of pioneers sailing to America, gathered around tables illuminated by smoky oil lamps. The dream captures the essence of those seeking a better life in America, individuals who had grown beards as a testament to their shared desire:

"...because they were coming to America with one desire: to live well, to live well in every possible way, each according to his own understanding of what 'well' means. And they were

coming to America from all corners of the world, fleeing from persecution at the hands of the European authorities at the time, from starvation: sectarians, bandits, adventurers, dreamers..." [5, p. 143].

Pilnyak's portrayal exudes a sense of hope and idealism associated with the American Dream, emphasizing the diversity and shared pursuit of a better life by those who sought refuge and opportunity in the New World. There is a note of sadness and understanding in the writer's conclusion:

"I didn't get to see this dream. Time has incarnated the good life into dollars. Time had established the rules of the pioneers: do what you want, do it how you want to do it, just as long as you succeeded and prospered. But time had also done what I have written above." [5, p. 143].

He acknowledges a transformation in the dream he once envisioned. The idyllic dream of pioneers seeking a good life has evolved, becoming synonymous with material success measured in dollars. The changing times have brought about a shift in the rules: the imperative is not just to pursue one's desires but to do so in a way that leads to success and prosperity. Pilnyak recognizes the dual nature of time's impact – it has shaped the dream into a pursuit of material wealth. However, it has also given rise to the complex realities he has detailed earlier. The concluding sentiment mirrors the ambivalence and multifaceted nature of the American Dream, now intricately woven with the pursuit of financial success, illustrating this societal ideal's nuanced and evolving character.

3. Conclusion: Norman Mailer and Boris Pilnyak (the overlapping points of view)

Exploring the American Dream through the lenses of Norman Mailer and Boris Pilnyak offers a compelling juxtaposition of perspectives that enriches our understanding of this quintessential American concept. Mailer's examination, characterized by a fervent critique of societal norms and a call for individual rebellion, challenges the conventional notions of the American Dream. Through his literary endeavors, Mailer confronts the illusion of freedom within American society, exposing the underlying tensions and contradictions inherent in pursuing this ideal. Pilnyak, on the other hand, presents a contrasting viewpoint rooted in the collective struggle for societal transformation. His portrayal of the American Dream reflects a broader narrative of communal aspirations and the quest for social justice, emphasizing the interconnectedness of individual destinies within a larger societal framework.

Despite their differing approaches, Mailer and Pilnyak converge on the notion that the American Dream is intrinsically linked to pursuing freedom and self-realization. However, they diverge in their interpretations of how these ideals manifest within American society. While Mailer emphasizes the individual's struggle against societal constraints, Pilnyak underscores the communal endeavor to redefine societal structures and norms. Through their distinct perspectives, Mailer and Pilnyak offer nuanced insights into the complexities of the American Dream, prompting readers to engage with its underlying values and implications critically.

The examination of the American Dream by Norman Mailer and Boris Pilnyak underscores the multifaceted nature of this enduring concept. Their divergent perspectives highlight the tensions between individual autonomy and collective solidarity within the American narrative. As we reflect on their insights, we are compelled to reconsider our understanding of the American Dream, recognizing its evolving nature and its profound impact on the

collective consciousness. Ultimately, Mailer and Pilnyak invite us to interrogate the promises and pitfalls of the American Dream, challenging us to envision a more inclusive and equitable society that embraces the full spectrum of human aspirations and experiences.

Mailer's exploration is a profound meditation on the complexities of individual agency and societal forces. Through the lens of his protagonist, Stephen Rojack, Mailer dissects the promises and perils of the Dream, exposing the moral ambiguities inherent in pursuing success and happiness. Rojack's journey becomes a microcosm of the larger American narrative, reflecting the tension between personal aspirations and societal constraints. As readers grapple with Rojack's decisions and consequences, they are compelled to confront the intricacies of their own lives, navigating the blurred lines between ambition and morality.

At the heart of Mailer's critique lies a profound questioning of the erasures and oppressions accompanying progress and modernity. By portraying Rojack as a character rejected and marginalized by society, Mailer highlights the human cost of societal advancement and the inherent injustices the state perpetuates. In doing so, he challenges the prevailing narratives of progress and nationalism, offering a counterpoint to the dominant ethos of his time. Mailer's insistence on confronting the uncomfortable truths of American society positions him as a prescient voice, anticipating the social movements of the 1960s that would ultimately challenge the status quo and pave the way for a new era of debate and dissent.

As we navigate the complexities of contemporary existence, Mailer's insights remain as relevant as ever, prompting us to interrogate the dynamics of power, identity, and freedom in an ever-changing world. His narrative serves as a poignant reminder of the enduring struggles faced by individuals and societies alike as they grapple with the complexities of governance and the delicate balance between individual autonomy and collective responsibility. Ultimately, Mailer's exploration of the American Dream transcends its historical context, offering timeless reflections on the human condition and the eternal quest for meaning and fulfillment.

Boris Pilnyak's outsider perspective on the American Dream offers a unique lens through which to examine this quintessential concept. Shaped by his Russian literary and cultural background, Pilnyak provides a nuanced and critical examination of the American Dream from a standpoint outside the American experience. His exploration, particularly evident in "O'key, an American Novel," offers a cross-cultural analysis that adds depth and complexity to our understanding of this thematic concept. Pilnyak's interactions with various facets of American society illuminate the clash of ideologies and the challenges inherent in adapting to a new and foreign environment, presenting a narrative that juxtaposes the American Dream against the backdrop of Russian literature.

In Pilnyak's portrayal, the American Dream is not merely a pursuit of personal success and wealth but a broader societal construct deeply intertwined with capitalism and democracy. Through his exploration, Pilnyak critiques the prevailing myth of America as a democratic and free country, challenging conventional notions and prompting a reassessment of the foundational principles associated with the nation. His narrative, marked by irony, sarcasm, and accusatory grotesque, serves as a platform for denouncing capitalism and advocating for socialism, aligning with his role as a Soviet advocate obligated to critique capitalism. Pilnyak's Dream about the American Dream reflects a romanticized longing for the ideals associated with it, juxtaposing the hope and idealism of pioneers seeking a better life with

the harsh realities of materialism and societal transformation.

Ultimately, Pilnyak's exploration of the American Dream transcends geographical and cultural boundaries, offering profound insights into the evolving nature of this concept and its impact on society. His outsider perspective enriches our understanding of the American Dream, inviting readers to contemplate its complexities and contradictions through the lens of Russian literature and cultural critique. As Pilnyak navigates the intricacies of American society, he challenges us to question our assumptions and perceptions, prompting a deeper reflection on the enduring allure and elusive nature of the American Dream.

In conclusion, we note that comparison of Norman Mailer's and Boris Pilnyak's views on the American Dream reveals a fascinating juxtaposition of perspectives. While both writers offer critical examinations of this concept, they do so through distinct cultural lenses and ideological frameworks. Mailer, deeply rooted in American culture, explores the American Dream from within, dissecting its promises and perils with an insider's understanding. His portrayal reflects a complex interplay of individualism, societal pressures, and the pursuit of success within the American context. In contrast, Pilnyak's outsider perspective, shaped by his Russian literary and cultural background, provides a nuanced critique of the American Dream, highlighting its entanglement with capitalism, democracy, and societal transformation. Pilnyak's exploration challenges conventional notions of American exceptionalism, presenting a narrative revealing the contradictions and complexities inherent in pursuing the American Dream. These contrasting viewpoints enrich our understanding of this quintessential concept, prompting a deeper reflection on its universal appeal and enduring relevance across cultural boundaries.

Библиография

1. Adams J. T. *The Epic of America*. Boston: Little, Brown and Company, 1931.-433 p.
2. Lewis R. W. B. *The American Adam: Innocence, Tragedy, and Tradition in the Nineteenth Century*. Chicago, University of Chicago Press, 1955.-225 p.
3. Баталов Э. Я. *Русская идея и американская мечта*. Москва: Прогресс-Традиция, 2009.-382 с.
4. Головина Е. *Русская идея и американская мечта – единство и борьба противоположностей*. Москва: Издательский дом «Родина», 2023.-304 с.
5. Pilnyak B., LeBlanc R. D. (Translator) O'kei: An American Novel (Annotated). Faculty Publications. University of New Hampshire, 2020.-928 p.
6. Fitzpatrick Sh. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Cornell University Press, 1992.-296 p.
7. Maguire R. A. *Red Virgin Soil: Soviet Literature in the 1920s*. Ithaca and London, Cornell University Press, 1987.-482 p.
8. Mailer N. *An American Dream*. [1965]. New York, Vintage Books, 1999.-288.
9. Касицин А. В. *Поэтика очерковой прозы Бориса Пильняка: дисс... кан. фил. наук*. Москва, Коломенский государственный педагогический университет, 2010.-152 с.
10. Шкловский В. Б. *Пять человек знакомых*. Тифлис, 1927.-100 с.
11. Кацев А. С. *Факт, домысел и вымысел в произведениях Б. Пильняка первой половины 20-х годов // Факт, домысел, вымысел в литературе: межвуз. сб. науч. тр.* Иваново: ИвГУ, 1987.-С. 109-116.
12. Федорова Л. Г. «Эта улица тоже ведь наша»: «Свое» и «Чужое» в американских травелогах советских писателей // *Литература двух Америк*.-2017.-№3.-С. 307-324.
13. Lytkina O. I. *The Artistic Concept "America" as the Reflexion of the Russian Language Picture of the World (based on the novel "O'key: An American Novel" by B. Pilnyak) // Current issues of the Russian language teaching XIII*. Simona Korycankova (ed.). Brno,

Masarykova univerzita, 2018.-pp. 555-561.

14. Fleischman L. From the History of Russian and Soviet Culture. Materials from the Hoover Institution Archives. Stanford, Calif.: Dept. of Slavic Languages and Literatures Stanford University, 1992.-Vol. 5.-273 p.

15. Shestakov V. P. American Dream and American Culture. Twentieth-Century Literary Criticism 210, edited by Thomas J. Schoenberg, Gale, 2009. Originally published in The Origins and Originality of American Culture, edited by Tibor Frank, Akademiai Kiado, 1984, pp. 583-590.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «“Американская мечта” в романе Нормана Мейлера и травелоге «О’кей. Американский роман» Б. Пильняка: разрушенные иллюзии и переосмыслиенные мечты», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной ввиду того, что интерес к изучению концепта и его реализации в художественном произведении не угасает.

Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данные концепты претерпевали некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами.

В исследовании автор обращается к “американской мечте”, которая является одной из главных составляющих менталитета, культуры, истории, социальной и политической жизни Соединенных Штатов; миф, глубоко укоренившийся в массовом сознании, предопределивший восприятие мира американцами.

Целью данной статьи является сравнительный анализ понятия “американская мечта”, представленного в романах Нормана Мейлера “Американская мечта” (1965) и Бориса Пильняка “О’кей, американский роман” (1933).

Практическим материалом исследования послужили текст романа Нормана Мейлера — романиста, публициста, сценариста, кинорежиссера и модернистский травелог Бориса Пильняка.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, а также исследовательскую с приведением эмпирической базы.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Основными методами явились описательный, герменевтический, сравнительный, историко-литературный и историко-культурный методы анализа текстов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал.

Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные. Все теоретические постулаты подтверждены ссылками на авторитетные источники и нашли свое отражение в выводах исследования. Выводы обоснованы и отображают проблематику, заявленную в статье.

Библиография статьи насчитывает 15 источников на русском языке и иностранных языках, к которым относятся научные статьи, кандидатские диссертации, тезисы докладов на конференциях.

Апелляция к иностранным трудам позволяет включить настоящую работу в общемировую научную парадигму.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства с работой положительное, статья «"Американская мечта" в романе Нормана Мейлера и травелоге «О'кей. Американский роман» Б. Пильняка: разрушенные иллюзии и переосмыслиенные мечты» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Аль-Анбаги Ш. Русская и арабская документарная традиция: синтаксический аспект // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70576 EDN: RHITMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70576

Русская и арабская документарная традиция: синтаксический аспект

Аль-Анбаги Шайма Тамер Хасан

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ shaimatamerhasan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70576

EDN:

RHITMZ

Дата направления статьи в редакцию:

26-04-2024

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: Объектом исследования являются документы деловой переписки в русско-арабской официальной коммуникации; предметом исследования – синтаксические особенности русских и арабских деловых документов, сходство и отличие русского и арабского синтаксиса в деловой коммуникации. Научная новизна исследования состоит в выявлении универсальных и культурно обусловленных особенностей синтаксического строя применительно к русскому и арабоязычному деловому письму. Среди универсальных элементов можно назвать использование предложений, транслирующих неличный характер коммуникации, непрямое выражение императивности (с помощью форм сослагательного наклонения и вопросительных предложений), вводные слова с семантикой вежливости и др. Могут употребляться своеобразные синтаксические конструкции для достижения схожего коммуникативно эффекта. Исследование проводилось на основе общенаучных методов анализа и синтеза, наблюдения, описания

и др. Применялись методы компонентного анализа, интерпретации и классификации, системно-структурный метод, элементы функционального подхода. В результате исследования отмечено, что отличия в синтаксическом строе русско- и арабоязычных деловых писем являются культурно и исторически обусловленными. На специфику арабского делового синтаксиса повлияли повышенные требования к выражению вежливости в обществе (указание регалий адресата и адресанта в элементах обрамления), преобладание коллективного над личным в культуре (отсутствие имени в обращении), происхождение официально-делового стиля от художественного, а не от разговорного, как в русском языке (длинные, распространённые, сложные, осложнённые предложения). Делается вывод о том, что необходим учёт культурных и исторических факторов как в процессе конструирования деловых писем, так и в процессе их взаимного перевода. Среди важных приёмов русско-арабского перевода можно назвать объединение предложений и наращение содержания.

Ключевые слова:

деловой документ, деловое письмо, деловая корреспонденция, документарная традиция, русское деловое письмо, арабское деловое письмо, синтаксис, синтаксическая конструкция, предложение, традиции

Введение

В современном мире международные отношения являются значимым фактором, способствующим прочному положению государства в международной общественной, экономической, политической, образовательной системах. Взаимодействие с другими государствами позволяет укрепить авторитет страны на международной арене, распространить её влияние на мировое сообщество. Средствами формирования полноценного международного контакта являются официальные документы, среди которых особенно выделяется деловое письмо как способ установления контакта, донесения до адресата своей точки зрения, отстаивания своей позиции. В каждой из стран мира система делового письма развивалась по собственным законам, находилась в зависимости от культурных установок, исторических процессов, религии и менталитета народа. В то же время существуют общие, универсальные закономерности деловых документов, проявляющиеся в документарной сфере различных государств.

Обзор литературы

Деловое письмо рассматривается лингвистами с различных точек зрения. Анализируются жанровые особенности деловых писем [1], реализация в их тексте различных языковых категорий [2], различные черты их стилистической организации, например, стилистическая контаминация [3]. Исследователи отмечают эволюцию делового дискурса инновации, которые появляются в лингвистической организации текста делового письма [4], обращаются к вопросам методики составления деловых писем разных типов и жанров [5], касаются основных языковых и стилистических ошибок, которые могут быть допущены в тексте деловых писем [6].

Становятся предметом анализа и отличия в деловой коммуникации, которая ведётся на международном и межкультурном уровнях, в том числе русско-арабской и арабско-русской деловой корреспонденции. С. Н. Боднар в практическом плане рассматривает

язык арабских документов торгово-экономической сферы [7]. В работе А. Р. Спиркина проводится функционально-стилистическая идентификация арабской официально-деловой письменной речи [8]. А. С. Голикова анализирует отличия между официально-деловым стилем в арабском и русском языках как переводческую проблему [9]. А. Х. Каюмова и П. А. Пепельницына обращаются к культурным объяснениям при выявлении отличительных черт в деловой коммуникации России и Объединённых арабских эмиратов [10]. Предметом рассмотрения Т. Н. Хомутовой, А. К. Шабан и Б. Г. Фаткулина становятся лингвистические средства выражения вежливости в английском, арабском и русском деловом письме [11]. Как показывает обзор литературы, синтаксические средства русской и арабской корреспонденции в сопоставительном плане пока не стали объектом внимания лингвистов.

Цель статьи – выявить универсальное и культурно-специфичное в синтаксическом строении русского и арабского делового письма; определить культурные и исторические основания замеченных отличий.

Материалом для практического исследования стали тексты деловых писем на русском и арабском языках. Страна происхождения писем арабоязычных корреспондентов – Ирак. Все было рассмотрено около трёхсот писем, 200 из которых обслуживаются переписку внутри России, около 100 – международную переписку на русском и арабском языках между российскими и иракскими деловыми кругами (в сфере дипломатии, образования, торговли и др.).

Результаты исследования

Универсальные элементы синтаксического строя писем

И в русском, и в арабском деловом письме наблюдается стремление не акцентировать личность автора, писать письмо без прямого указания на адресанта. Для этого могут использоваться односоставные предложения с подразумеваемым подлежащим я (мы). В русском языке – определённо-личные: «Довожу до Вашего сведения...», «Просим в кратчайшие сроки произвести оплату...» и т. п. В арабском языке применяется специфическая конструкция, которая состоит «из спрягаемой формы глагола, включающей как действие, так и действующий субъект» [12, с. 317]. Например: «يسرنى أن أقدم إليكم يا سيادة ... المحترم بأحر التهاني» – «Я рад передать Вам мои самые теплые поздравления». Такая конструкция возникла в арабском языке с течением времени, когда у глагола сформировалась способность заменять собою оба главные члена в простом предложении, не только указывая на действующий субъект, но и включая его в свою структуру и грамматическую семантику. Специфика данной конструкции означает для переводчика отсутствие необходимости следить за неличностью формируемых на арабском языке писем, потребность просто использовать соответствующую синтаксическую конструкцию.

В русской и арабской деловой корреспонденции схожи способы выражения побуждения, хотя грамматически используются и различные конструкции (что связано со строем языков). Сослагательной конструкции, которая нередко применяется в русских письмах для смягчения просьбы («Не могли бы Вы сообщить нам подробности...»), в арабском языке соответствуют особые формы императивности «раджа» и «вадда», заменяющие в данном случае распространённые в повседневном общении повелительные формы «амр» [11, с. 301], для делового письма недостаточно вежливые. Например: «نحن طلبنا ان ترسل الينا» – «Не могли бы вы отправить нам...». Несмотря на грамматические

отличия, мы считаем данные формы выражения просьбы синтаксическими конструкциями одного типа, поскольку и в русском, и в арабском письме они служат для косвенного выражения императивности.

Кроме того, для вежливого, непрямого выражения просьбы и в русских, и в арабских деловых письмах применяются вопросительные предложения. Например, в русском письме: «Не могли бы Вы сообщить нам точное время своего прибытия?»; в арабском: «لـمـ يـكـنـتـ أـرـسـلـنـاـ قـائـمـةـ بـالـمـوـدـيـلـاتـ وـالـوـصـافـ الـمـوـفـرـةـ؟» – «Не могли бы вы направить нам полный список доступных моделей и спецификации к ним?».

К сходству синтаксического строя русских и арабских писем можно отнести также использование вводных слов, с помощью которых достигается эффект вежливости. В русском языке это слово *пожалуйста*, в арабском – *يرجى*.

Культурно-специфичные элементы синтаксического строя писем

Универсальной чертой деловой переписки является наличие в письмах трёх частей, которые присутствуют и в русских, и в арабских документах: зачина (*حـبـكـةـ*), основной части (*عـرـضـ* – ‘изложение содержания’), концовки (*الـنـهاـيـةـ*). Одним из компонентов зачина является обращение, в употреблении которого в русском и арабском письме наблюдаются отличия. В русском письме в обращении к единичному адресату обязательно указывать имя («Уважаемый Сергей Борисович!», «Уважаемый господин Сергеев!»), в арабском деловом письме имя при обращении опускается, зато обязательно надо указать должность адресата («حضرـةـ السـيـدـ رـئـيسـ الـجـامـعـةـ» – «Уважаемый господин президент университета»). В арабской коммуникативной традиции отразился «коллективистский и авторитарный характер культуры» [11, с. 31], превалирование в традиционном общении арабского мира коллективного, общественного над личным. Личность в арабском письме находится на втором плане, а на первом – организация (фирма), которую она представляет.

Обязательность указания звания, должности и других регалий адресата в начале письма, как и в подписи в конце отмечается исследователями: «Для арабов принципиальным является указание в письме полного наименования должности адресата и его регалий, наличие ученой степени» [13, с. 89], а отсутствие такого указания может быть расценено как грубость и неуважительное отношение. Полностью называет все свои регалии и адресант, что не считается для него нарушением правил скромности.

В арабских деловых письмах используется больше, чем в русских, языковых единиц, с помощью которых передаются чувства автора. На синтаксическом уровне это может быть, к примеру, вводное слово *لحـسـنـ الحـظـ*, которое обычно переводят как *к счастью*. Например, в составе фразы: «ـ لـحـلـ مـشـكـلـتـكـ، لـحـسـنـ الحـظـ. كـانـ مـنـ المـمـكـنـ ...» – «Решить вашу проблему, к счастью, удалось...». В русском деловом письме такая конструкция вряд ли будет уместна, поэтому при переводе необходимо убрать вводное слово.

На стилистику русского и арабского письма оказывает значительное воздействие история официально-делового стиля в данных языках. Если русский деловой язык сформировался на основе разговорного стиля и строился изначально на разговорных синтаксических конструкциях, то арабский официально-деловой язык восходит к художественному стилю, что отражается на всех его уровнях, в том числе на синтаксическом. Именно происхождение стиля обуславливает в арабском деловом письме орнаментальность, эстетичность, образность, благозвучие, патетичность; продуцирует многословные уверения в почтении, апелляции к Аллаху, пожелания

благоденствия не только самому адресату, но и всем членам его семьи и т. п.

На синтаксическом уровне художественность арабского официально-делового стиля проявилась в тенденции к использованию длинных, многокомпонентных, осложнённых предложений – знаков арабского красноречия. Конечно, адресатом патетика, созданная в письме, не воспринимается напрямую, оценивается как традиционная черта, однако это не уменьшает необходимости конструировать в письмах на арабском языке длинные предложения. Если письмо не очень длинное, то рекомендуется всю его информативную часть представить в одном абзаце, как единое предложение. Наличие в одном абзаце нескольких предложений наблюдается редко, чаще всего можно говорить о соответствии: предложение = абзацу. Напротив, при переводе корреспонденции с арабского языка на русский можно членить объёмные синтаксические конструкции на несколько более привычных в русском письме предложений средней длины. Как считает И. Т. Мухамадеев, короткие предложения в арабоязычном письме будут восприняты не как способ сжатого, точного донесения до адресата информации, а как средства, демонстрирующие «однообразие, невыразительность, а это отнюдь не будет залогом успеха в торговых делах» [14, с. 56]. Кроме того, короткие предложения будут выглядеть признаками низкого уровня вежливости, проявлением неуважения к адресату.

Рассмотрим в качестве примера «тело» письма с предложением услуг:

نـحن شـركـة (الـجـدار) الـأـمـرـيـكـيـة لـلـتـجـارـة الـعـامـة وـالـاستـثـمـار وـالـاسـتـيرـاد وـالـتصـدـير وـمـجمـوعـة شـركـات (دام سـو)
الـتـرـكـيـة لـلـإـعـمـار وـالـإـنـشـاءـات وـالـتـجـارـة الـعـامـة وـالـزـرـاعـة وـالـنـفـط، عـلـى اـسـتـعـادـلـبـنـاء مـجـمـوعـات سـكـنيـة
لـمـنـتـسـبـيـ مدـيـرـيـتـكـمـ، معـالـعـلـمـ أـنـ شـرـكـتـنـا مـسـجـلـةـ فـيـ وزـارـةـ التـجـارـةـ العـراـقـيـةـ فـيـ بـغـدـادـ /ـ دـائـرـةـ سـجـلـ
الـشـرـكـاتـ الـأـحـبـيـةـ، وـلـنـاـ الـأـمـكـانـيـةـ وـالـكـوـادـرـ الـكـتـحـصـصـةـ لـإنـجـارـالـعـمـلـ وـبـقـيـةـ قـيـاسـيـةـ، وـفـيـ حـالـةـ رـغـبـتـكـمـ بـرـحـىـ
اعـلـامـنـاـ بـالـحـضـورـ وـالـتـعـاوـنـ

Адаптированный перевод письма на русский язык будет выглядеть следующим образом: «Мы, американская компания “Аль-Джидар” по общей торговле, инвестициям, импорту и экспорту, а также турецкая группа компаний “Дам Су”, специализирующаяся в реконструкции, строительстве, общей торговле, сельском хозяйстве и нефтяном бизнесе, готовы осуществить жилищное строительство для членов вашего управления. Наша компания зарегистрирована в Министерстве торговли Ирака в Багдаде, в отделе иностранных компаний, и у нас есть возможности и специализированный персонал для завершения работы в рекордно короткие сроки. Если вы заинтересованы, то сообщите нам о своем намерении и необходимости провести переговоры».

В переводе длинное предложение на арабском языке разделено на три предложения на русском языке, в оригинале это одна синтаксическая конструкция сложной структуры.

В процессе перевода с русского языка на арабский имеет смысл применить не только приём объединения нескольких предложений в одну синтаксическую конструкцию, но и приём наращивания содержания, о котором говорит Ы. Чо [15]. Наращивание может быть произведено посредством добавления пространных формул вежливости, апелляций к Аллаху (коранизмов), уверений в почтении и т. п. В любом случае будет происходить усложнение содержания вкупе с усложнением синтаксической структуры текста письма. Можем предложить для данного приёма следующие обороты:

عـنـ اـمـتـانـهـاـ الـعـمـيقـ عـلـىـ الـعـمـلـ الـمـشـترـكـ الـمـثـمـرـ وـمـسـتـوىـ الـتـعاـونـ الـذـيـ توـصـلـنـاـ إـلـيـ

«Выражаем глубокую признательность за плодотворную совместную работу и тот уровень сотрудничества, которого мы достигли»

ن عالقاتنا الوثيقة سمحت لنا بالحصول على إنجازات وإنجازات المعتبرة في مكافحة... الإرهاب الدولي

«Наши доверительные отношения позволили нам достичь значительных успехов в...»

أود أن أعبر لكم عن الشكر والامتنان العميق علalجهود المبذولة في سبيل تحقيق... الهدف المشتركة

«Выражаю искренние чувства благодарности и признательности за проводимую Вами работу...» и др.

В целом можно говорить о наличии как универсальных, так и специфических черт в синтаксисе русского и арабского делового письма, при этом отличия имеют как грамматические, так и культурные основания.

Заключение

Деловая переписка имеет схожие цели и функции в каждом обществе, включённом в официально-деловую коммуникацию, поэтому деловые письма на русском и арабском языках имеют много общего, в том числе и на уровне синтаксической организации текста. Показательно, что одинаковые коммуникативные задачи (придание неличного характера сообщению, трансляция непрямой императивности) могут выполняться посредством грамматически разнородных синтаксических конструкций.

Отличия, которые наблюдаются в синтаксическом строе русского и арабского делового письма, имеют культурные и исторические причины. С традиционным преобладанием в арабской культуре коллективного над личным связано отсутствие в обращении имён собственных. С более высокими требованиями к выражению вежливости можно соотнести обязательность указания в зчине и концовке письма регалий (званий, степени, должности) обоих субъектов деловой коммуникации, а также важность наращения содержания письма за счёт специфических формул и оборотов. Основная масса характерных черт синтаксического уровня обусловлена восхождением арабского делового письма к художественному, а не к разговорному, как в русском языке, стилю. Художественный (высокий) стиль генетически определяет патетичность письма, пространность выражений, красноречие, эмоциональность. Важнейшее следствие этого – наличие в арабоязычных письмах очень длинных, сложных и осложнённых предложений.

Перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в дальнейшем более глубоком сопоставительном анализе синтаксиса русского и арабского делового письма с целью выявления общих особенностей и отличий, а также уточнения культурных, исторических и иных причин, обуславливающих их.

Библиография

1. Дарбишева Х. А. Жанровые особенности деловых писем // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 1 (21). С. 36.
2. Новиков Д. А. Модальность в официально-деловых письмах исполнительных органов государственной власти // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 35. С. 351–358.
3. Корниенко К. Б. Стилистическая контаминация в деловой переписке 30-х годов XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 4. С. 28–31. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.5.
4. Котляревская И. Ю. Эволюция делового дискурса в современном обществе на примере деловой корреспонденции // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 118–123.

5. Алешина Л. Н. Сопроводительное письмо: как правильно его писать? // Правовой альманах. 2022. № 3 (16). С. 41–42.
6. Крылова М. Н. Типичные ошибки в языке деловых бумаг // Современные научные исследования: проблемы и перспективы: материалы IV международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2019. С. 172–179.
7. Боднар С. Н. Язык арабских документов торгово-экономической деятельности / предисл. Н. Д. Волкова. М.: Тезаурус, 2012. 400 с.
8. Спиркин А. Р. Функционально-стилистическая идентификация арабской официально-деловой письменной речи // Вестник Военного университета. 2008. № 1 (13). С. 126–132.
9. Голикова А. С. Разница между официально-деловым стилем в арабском и русском языках как переводческая проблема // Понимание и рефлексия в России: международная научно-практическая конференция: материалы докладов. Тверь: ТГУ, 2020. С. 44–51.
10. Каюмова А. Х., Пепельница П. А. Сравнение систем деловых коммуникаций России и Объединенных Арабских Эмиратов // Наука через призму времени. 2017. № 3 (3). С. 168–173.
11. Хомутова Т. Н., Шабан А. К., Фаткулин Б. Г. Лингвистические средства выражения вежливости в деловом письме-просьбе: контрастивное исследование (на материале английского, арабского и русского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 2. С. 27–35. DOI: 10.14529/ling190204.
12. Абдулина В. Предложение как единица синтаксиса в арабском языке // Минбар. Исламские исследования. 2015. Т. 8. № 2. С. 315–318. DOI: 10.31162/2618-9569-2015-8-2-315–318.
13. Матвеенко В. Э. Национально-культурные особенности вербальных и невербальных средств аргументации в арабском официально-деловом стиле общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 4. С. 85–90.
14. Мухамадеев И. Т. Деловой арабский: учебное пособие по арабскому языку. Практический курс. Уфа: ПГПУ, 2013. 82 с.
15. Чо Ы. Приемы повышения информативности перевода синтаксических конструкций корейского делового письма на русский язык // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 36–44

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья «Русская и арабская документарная традиция: синтаксический аспект», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно является актуальной ввиду важности официальной переписки на международном уровне.

Работа является сопоставительной, выполненной на материале арабского и русского языков. Автор обращается к проблематике стилистики русского и арабского языков в части исследования особенностей официально-делового стиля в данных языках.

Цель статьи – выявить универсальное и культурно-специфичное в синтаксическом строении русского и арабского делового письма; определить культурные и исторические основания замеченных отличий.

Материалом для практического исследования стали тексты деловых писем на русском и арабском языках. Страна происхождения писем арабоязычных корреспондентов – Ирак.

Все было рассмотрено около трёхсот писем, 200 из которых обслуживаются переписку внутри России, около 100 – международную переписку на русском и арабском языках между российскими и иракскими деловыми кругами (в сфере дипломатии, образования, торговли и др.).

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные, которые проиллюстрированы отрывками текстов на арабском языке с авторским переводом на русский, а также примерами из русскоязычных источников.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справки разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал.

Перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в дальнейшем более глубоком сопоставительном анализе синтаксиса русского и арабского делового письма с целью выявления общих особенностей и отличий, а также уточнения культурных, исторических и иных причин, обусловливающих их.

Библиография статьи насчитывает 15 источников российских исследователей. Считаем, что при заявленной проблематике целесообразным бы было обращение к трудам зарубежных лингвистов на арабском языке.

К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы.

Исследование стиля кажется удивительным без апелляции к трудам отечественных стилистических школ и признанных мэтров филологии (Арнольд, Виноградов, Гальперин, Солганик, Кухаренко и др.).

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам – востоковедам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства с работой положительное, статья «Русская и арабская документарная традиция: синтаксический аспект» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лян И., Анисова А.А. Метафорические модели концепта «Тоска» в идиостиле А. П. Платонова // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70641 EDN: RDOKTC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70641

Метафорические модели концепта «Тоска» в идиостиле А. П. Платонова

Лян Илань

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет
690000, Россия, г. Владивосток, ул. О. Русский, 10

✉ lyan.il@dvfu.ru

Анисова Анна Александровна

кандидат филологических наук
доцент, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет
690000, Россия, г. Владивосток, ул. Народный Проспект, 51

✉ anisann@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70641

EDN:

RDOKTC

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2024

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: Статья посвящена выявлению и анализу концептуальных метафор, которые участвуют в реализации концепта «Тоска» в произведениях А. П. Платонова. Предметом исследования являются метафорические модели исследуемого концепта. На современном этапе лингвистической науки метафоры представляются как сложные

явления, которые являются не только фактом языка, но отражают механизмы человеческого сознания и представления о мире. Концептуальные метафоры рассматриваются как особый инструмент человеческого познания, имеющий культурно-архетипическую природу. Механизмы восприятия кроются в подсознании человека, на уровне которого находятся единицы ментального уровня – концепты, репрезентируемые в большей степени концептуальными (когнитивными) метафорами. Метафорические модели являются одной из составляющих образного компонента того или иного концепта и могут быть отождествлены с «признаками концепта, формирующими его структуру».

Работа выполнена в русле когнитивного похода в лингвистике, опирается на исследования концептуальной метафоры. Использованы метод сплошной выборки, описательный, контекстуальный, моделирующий методы. Научная новизна исследования состоит в выявлении метафорических моделей концепта «Тоска» в дискурсе А. П. Платонова. В результате исследования было выявлено 6 когнитивных моделей метафор: «Локализация», «Живое существо», «Вещество», «Предмет», «Орган», «Вместилище». Эти модели представляют представление о понятии «Тоска» как о сущности, которая имеет локацию внутри человека, чаще – это сердце человека. Эта сущность представлена как живое существо или предмет. При этом, если тоска – живое существо, то человек не может ею управлять, а может только спрятаться от нее, а если тоска предстает как предмет, то человек может манипулировать ею. Также тоска мыслится как некое вместилище, которое может поглотить человека.

Ключевые слова:

метафора, когнитивная метафора, Андрей Платонов, концепт, тоска, дискурс, художественный текст, модель метафоры, когнитивистика, лингвокультурология

Введение

В XX в. появляются новые подходы к пониманию природы метафоры. Метафора рассматривается как особый инструмент человеческого познания, имеющий культурно-архетипическую природу. Механизмы восприятия кроются в подсознании человека, на уровне которого находятся единицы ментального уровня – концепты, репрезентируемые в большей степени концептуальными (когнитивными) метафорами или, по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафорическими концептами [9, с. 288]. Метафорические модели являются одной из составляющих образного компонента того или иного концепта и могут быть отождествлены с «признаками концепта, формирующими его структуру» [4, с. 81].

Предметом настоящего исследования являются метафорические модели концепта «Тоска», выявленные в произведениях А. П. Платонова. Материалом исследования является наиболее полное и современное собрание сочинений А. П. Платонова в 8 томах [8]. **Методологической базой** исследования послужили идеи когнитивистики, а именно теория концептуальной метафоры, предложенная Дж. Лакоффом. В работе были использованы методы: сплошной выборки, описательный, контекстуальный, моделирующий.

Обсуждение

На современном этапе лингвистической науки метафоры представляются как сложные явления, которые являются не только фактом языка, но отражают механизмы

человеческого сознания и представления о мире. Развивается когнитивный подход к метафоре, который был заложен трудами Д. Лакоффа и М. Джонсона [6]. В связи с этим изучением метафор начинает заниматься не только лингвистика, но и психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и т. п. Чтобы описать абстрактное, используют метафоры, ведь иной способ осознать вещи отвлеченные, по-видимому, отыскать крайне трудно. Результатом является мышление, в основе которого лежит метафорическое мышление, базирующееся на мифе. Эти исследователи провели систематическое обсуждение метафоры с точки зрения мышления и познания и создали теоретическую систему концептуальной метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что существуют особые ментальные сущности – метафорические концепты в самых глубинных основах понятийной системы человека [там же, с. 90], поэтому в структуре концепта выделяют когнитивные модели, связанные с особым видом метафоры – концептуальной метафорой.

Российские лингвисты активно исследуют когнитивные метафоры. В. Н. Телия подчеркивает связь метафоры с познавательной деятельностью сознания человека [10, с. 50]. Н. Д. Арутюнова видит в метафоре «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только специфического культурно-национального видения действительности, но и её универсального образа» [1, с. 6]. При этом исследователь делит метафоры по когнитивной функции «на второстепенные (побочные) и базисные (ключевые)» [там же, с. 14]. Первые «определяют представление о конкретном объекте или частной категории объектов <...>, вторые <...> определяют способ мышления о мире (картину мира) или о его фундаментальной части <...>» [там же]. С точки зрения И. М. Кобозевой, метафора создает у участников по общению «общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [10, с. 48]. М. А. Кронгауз видит механизм метафор в том, что они «концептуализируют различные области путем переноса в них концептуальной системы из другой области» [5, с. 265]. Согласно Л. О. Чернейко, «метафора образная является способом особого видения предметной сущности субъектом, такого видения, при котором из множества ее свойств высвечивается лишь то, на что направлено в данный момент внимание сознания (а точнее, подсознания, так как метафоризация – процесс бессознательный)» [10, с. 50].

При исследовании концептуальных метафор выявляется та или иная модель, под которой понимается «ментальная модель обработанных и переработанных языковых данных, сформированная по определенным когнитивно-семантическим параметрам и существующая в языковом сознании носителя данного языка и культуры» [там же, с. 11].

Ход исследования и основные результаты

Из анализа произведений А. П. Платонова можно представить следующие метафорические модели концепта «Тоска». Мы выявили 6 моделей. Рассмотрим их подробнее.

1. Локализация

Тоска имеет местонахождение:

- внутри человека: «Я знал, отчего во мне тоска и отчего вечер кажется задумчивым любящим далеким существом, прилегшим на землю» [8, т. 1, с. 257];

- **в сердце**: «Но в сердце этого бойца тоже была память и тоска по убитым товарищам, и он подумал <...>» [там же, т. 5, с. 154];
- **около сердца**: «Москва стояла против скрипача по-бабы, расставив ноги и пригорюнившись лицом от тоски, волнующейся *вблизи ее сердца*» [там же, т. 4, с. 26];
- **в голове**: «Музыка вращалась быстро, как тоска в костяной и круглой *голове*, откуда выйти нельзя» [там же, с. 69];
- **в глазах**: «Иван слушал мать и смотрел в ее любимое лицо, *вееглаза*, глядевшие на него с тоскующей любовью» [там же, т. 7, с. 193];
- **в душе**: «– Вот, понимаешь, – говорил он, – не могу переносить света просто, не могу видеть ночью звезды, – такая тоска и истома поднимаются *в душе*, как будто что-то дорогое утрачено невозвратно» [там же, т. 1, с. 296];
- **в груди**: «<...> внутри его рождалась тоска, она вырастала *из-под* его нагрудных костей <...>» [там же, т. 4, с. 84];
- **в голосе**: «Песни были ясные и простые, почти без слов и мысли, один человечий голоси в нем тоска <...>» [там же, т. 1, с. 26].

2. Живое существо

В структуре исследуемого концепта выделяются следующие витальные признаки, которые характеризуют тоску как живое существо, которое может

- **рождаться**: «Днем Сарториус был почти всегда счастлив и удовлетворен текущей работой, но по ночам, когда он лежал навзничь на папках старых дел, внутри его рождалась тоска <...>» [там же, т. 4, с. 84];
- **расти**: «Только в груди у Макара росла какая-то совестливая рабочая тоска» [там же, т. 1, с. 224];
- **трагать**: «Но в такие минуты нас схватывала тоска, и мы сокращали напор энергии, под нами исчезала материя» [там же, с. 283];
- **преследовать**: «Успокаиваясь и укрываясь от тоски, он перехватывал руку выше и прислонился к Фекле Степановне» [там же, т. 3, с. 116];
- **отвлечься**: «Он воображал себя паровозным машинистом, летчиком воздухофлота, геологом-разведчиком, <...> – лишь бы занять голову бесперебойной мыслью и отвлечь тоску от сердца» [там же, т. 2, с. 351];
- **издавать звук**: «И человечество почувствовало одиночество и зов тоски и, влюбленное в мир, ушло искать единства с ним» [там же, т. 1, с. 334];
- **иметь возраст**: «<...> и в душе его тронулось привычное горе, **старая** тоска по погившему дому отца» [там же, т. 5, с. 83];
- **двигаться**: «<...> чтоб отошла от них тоска, которая непосильна для человеческого сердца» [там же, с. 35]. При этом тоска может передвигаться по линии **верх – низ**: «Во мне поднялась тоска» [там же, т. 1, с. 257]; «Стану отдыхать – тоска на меня опускается<...>» [там же, т. 3, с. 119].

3. Вещество

Тоска как вещество имеет следующие признаки:

- **объем**: «И он мыл и промывал свой мозг, затесненный узким страданием, однообразным трудом и глухою тоскою» [там же, т. 1, с. 129]. Она может **увеличиваться**: «От всеобщей занятости, электрических реклам, запаха отработанных газов и рева бушевавших машин тоска Крейцкопфа **удесятерилась**» [там же, с. 114];
- **температуру**: «Горячая тоска сосредоточенно скоплялась в нем, и не случался подвиг, чтобы утолить одинокое тело Копенкина» [там же, т. 3, с. 110];
- **вкус**: «Захар Павлович наблюдал реки – в них не колебались ни скорость, ни уровень воды, и от этого постоянства была *горькая тоска*» [там же, с. 45];
- **запах**: «<...> из глухи степных далеких мест пахло грустью расстояния и тоской отсутствия человека» [там же, с. 244].

Предстает как:

- **твердое**. Оно может стереться: «Уже давно стерлась тоска в сердце Тимура, а курганы все стоят, и их не стерли ни ветер, ни вода» [там же, т. 1, с. 90]. Имеет **форму**: «Там шествовал Егор, чувствуя давление крови, свободную вибрацию мозга и острую тоску приближающейся любви» [там же, т. 2, с. 79] и **размер**: «<...> и тоска по нем в его сердце была больше, чем страх перед этой чужой большой женщиной» [там же, т. 7, с. 88];
- **жидкое**: «Москва стояла против скрипача по-бабьи, расставив ноги и пригорюнившись лицом от тоски, волнующейся вблизи ее сердца» [там же, т. 4, с. 26];
- **газообразное**. Она проникает вместе с воздухом: «<...> возбужденный воздух, согретый миллионами людей, тоской проникал в сердце Сарториуса» [там же, с. 43]. Предстает в виде **огня**: «И мир будет ураганом выть и гореть в тоске, в смерти, в восторге и экстазе» [там же, т. 1, с. 302].

4. Предмет

Тоска предстает как **ткань**, которой можно покрыть: «... Все это давно миновало, и лишь тихой тоской изредка осеняет сердце человека» [там же, т. 5, с. 280].

Ею человек может манипулировать как предметом. Он может ее:

- **спрятать**: «Но глаза этой девушки были более темными, чем у Сони, и замедленными, точно имели нерешенную заботу, но они глядели полуоткрытыми и скрывали свою тоску» [там же, т. 3, с. 172];
- **оставить**: «Главное – тоску о сестре, наверное, навсегда покидающую родное племя, – вождь оставляет внутри себя» [там же, т. 6, с. 446];
- **носить**: «На земле так тихо, что падают звезды. В своем сердце мы *носим* свою тоску и жажду невозможного» [там же, т. 1, с. 277].

5. Вместилище

Тоска понимается как **пространство**: «Но тоска по утрате друга у Филата теперь заросла грустным воспоминанием, почти не мучительным» [там же, т. 2, с. 274], туда можно войти: «И начала жена его грызть, пригнать, а мужик заскорбел, в тоску *вдался*, не мог жить» [там же, т. 7, с. 216]. Она может вмещать в себя:

- **человека**: «В предупреждение этого общественного страдания козьминские комсомольцы ежегодно начинали рыть колодцы, но истощались мощью непроходимых песков и ложились на землю в тоскетщного труда» [там же, т. 1, с. 154];
- **сердце**: «Сердце его стеснилось в тоске по привычной жизни» [там же, т. 5, с. 107].

6. Орган

Тоска уподобляется органу тела. Так, она может **чесаться**: «Тем усерднее средоточится скорбь во мне по родине, тем явственней свербит во мне тоска пустынножительства» [там же, т. 2, с. 95].

Выводы

Итак, выявление моделей метафор позволяет описать представление о тоске в дискурсе А. П. Платонова. Прежде всего надо отметить указания на локализацию тоски. Она находится внутри человека. Происходит уточнение, где именно: чаще – это сердце и то, что с ним связано: около сердца, в груди, в душе. Иногда тоска находится в голове. Таким образом, тоска объективируется, представляется некой сущностью, имеющей местонахождение. Эта сущность материальна, предстает как вещество или живое существо. Как живое существо тоска может трогать человека или преследовать его, она движется вверх – вниз. В основном тоска предстает как вещество, имеющее объем, температуру, вкус и запах. Это вещество может быть жидким и газообразным. Но чаще всего оно твердое. В этом случае оно имеет форму, и предстает как предмет. Тогда человек может ею манипулировать: носить или спрятать. Встречаются единичные случаи, когда тоска мыслиться как орган внутри человека. Также тоска предстает как закрытое пространство, которое может вместить в себя человека. Таким образом, тоска, хоть и тесно связана с человеком, но предстает как автономная сущность, во взаимодействие с которой человек вынужден вступать.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
3. Баранов Л. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
4. Кондратьева О. Н. Душа, сердце, ум // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 80–92.
5. Кронгауз М. А. Семантика. М.: Академия, 2005. 352 с.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
8. Платонов А. П. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1–8 / сост. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2011.
9. Сергеева Н. М. Ум и разум // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 286–305.
10. Янь Кай. Анализ лексических средств выражения эмоций в современном русском языке и в художественных текстах И.А. Бунина (радость, удивление, страх). Дисс. ... канд. филол. н. М., 2018. 330 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья Метафорические модели концепта «Тоска» в идиостиле А. П. Платонова, предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению идиостиля отечественного писателя. Работа выпадена в русле языковедческой стилистики, автор обращается к исследованию метафорических моделей выражения концепта в художественном тексте.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что работа направлена на изучение идиостиля писателя.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы языкоznания и литературоведения. Основными методами явились метод сплошной выборки, описательный, контекстуальный, моделирующий. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на русском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Структурно во введении отсутствует постановка проблематики, четких целей и задач, что не позволяет сопоставить вводную часть с выводами по итогам работы. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке, в том числе и переведенные.

Считаем, что обращение к работам зарубежных авторов на языке оригинала по сходной тематике, несомненно, обогатило бы теоретическую оставляющую работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, литературоведческой стилистики, а также для дальнейшего изучения творчества писателя. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Метафорические модели концепта «Тоска» в идиостиле А. П. Платонова» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Романова К.С., Овчаренко А.Ю. Идейно-художественное своеобразие травелогов о Турции в русской литературе метрополии 1920-х гг. (на материале произведений «Лето в Ангоре» Е. Е. Лансере и «Стамбул и Турция» П. А. Павленко) // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.40846 EDN: RXPNVE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40846

Идейно-художественное своеобразие травелогов о Турции в русской литературе метрополии 1920-х гг. (на материале произведений «Лето в Ангоре» Е. Е. Лансере и «Стамбул и Турция» П. А. Павленко)

Романова Ксения Сергеевна

кандидат филологических наук

преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации

127083, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Масловка, 15

✉ ksuromanova@inbox.ru

Овчаренко Алексей Юрьевич

доктор филологических наук

доцент, кафедра русского языка и лингвокультурологии Института русского языка, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ovcharenko_ayu@pfur.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.40846

EDN:

RXPNVE

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2023

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: В статье рассматриваются травелоги о Турции F. E. Лансере и P. A.

Павленко. Если до 1917 г. Турция в русской литературе описывалась в основном с этнографических и географических точек зрения или становилась частью модернистской картины мира, то в 1920-е гг. авторы обращаются, главным образом, к происходящим здесь политическим, социальным и культурным изменениям. Целью работы являются анализ образа Турции в литературе метрополии 1920-х гг., восполнение лакуны в ее «азиатском» тексте и формирование более полного представления о русском литературном процессе указанного периода. Используются описательный, биографический и культурно-исторический методы исследования. Формулируется вывод о том, что такие разноплановые авторы, представители двух разных поколений и двух разных художественных миров, как Е. Е. Лансере и П. А. Павленко, делая в своих произведениях разные акценты – на этнографии и на формировании новой государственности соответственно – склонны оптимистично интерпретировать происходящие в Турции революционные изменения. Потому турецкий мотивно-тематический вектор следует рассматривать как важный этап на пути формирования идеологии и эстетики нового искусства, впоследствии закрепившемся под названием социалистического реализма.

Ключевые слова:

травелог, Восток, Турция, реформы, мириискусники, эскиз, Ататюрк, ориентализм, эманципация, этнографический

1920-1930-е гг., когда в советском искусстве шли поиски канонов, соответствующих официальной идеологии социалистической власти, отмечены в литературе значительным расширением географических координат, интеллектуальным освоением территории СССР и, как следствие, формированием представлений о советском социокультурном пространстве.

Если в дореволюционных текстах русские писатели традиционно сосредотачивали сюжет в европейской части России или на Кавказе, то теперь литература активно осваивала малоизвестный для нее «срез бытия» – таежные и дальневосточные территории и Туркестан (Средняя Азия), известные ранее, в основном, или по научным трудами П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грум-Гржимайло и по колониальной прозе Н. Н. Каразина [\[29\]](#).

С одной стороны, магистральной линией в формирующемся каноне советского азиатского текста была борьба большевиков с «тёмным» прошлым азиатской глубинки (и, по сути, этот цивилизаторский проект по «покорению пустыни» [\[13, с. 125\]](#) был продолжением уже на новом историческом этапе «внутренней колонизации» [\[33\]](#) Российской империи). Выразительны в этом смысле «Большевики пустыни и весны» В. А. Луговского, «Афганистан» Л. М. Рейснер и публицистика А. П. Платонова. С другой – значимой была и противоположная тенденция – стремление авторов распознать в Востоке «свое», понять его традиции и культуру – которая воплотилась в этнографически точных «Путевых очерках» об Узбекистане А. Е. Адалис, философской книге «узбекистанских импрессий» «Салыр-Гюль» С. Д. Кржижановского и повестях «Джан» и «Такыр» А. П. Платонова [\[32\]](#) переводящих образ Туркмении в метафизическую плоскость. При этом такая оптика изображения Востока оказывалась не менее идеологически оправданной, так как подспудно подготавливала почву для развития перспективной с точки зрения интернационализма темы «дружбы народов».

Особое место в советской прозе указанного периода занимают еще практически не изученные тексты о Турции, без исследования которых невозможно сформировать целостного представления о литературном процессе 1920-х годов.

Если до 1917 г. Турция, в основном, описывалась с этнографических и географических точек зрения [6] или становилась частью модернисткой концепции мира, как у И. А. Бунина [5], то теперь писатели обращаются, главным образом, к тем политическим, социальным и культурным изменениям, которые происходят в Турции в 1920-е гг. Анализируя отечественные тексты о Турции этого периода, следует, прежде всего, учитывать то, что послереволюционное время в обеих странах закономерно отмечено сходными политическими и социокультурными процессами: формированием государства и нации в постимперский период [28], языковыми реформами (реформа русской орфографии в 1918 г. и «языковая революция» [8, с. 72], в ходе которой был создан новый турецкий язык на основе латинского алфавита в 1928 г.), возникновением новых литературных канонов (литературы критического реализма – в Турции, диалогом и борьбой творческих методов, в конечном итоге способствовавших формированию соцреализма в СССР), появлением новых национальных мифов [14]. Поэтому отличительной особенностью «турецкой» прозы этого периода является то, что из исторического врага в прошлом Турция превращается в «привлекательного» союзника [15]. В 1920-е гг. в фокусе внимания русских писателей оказываются именно те перемены, которые происходят в стране вследствие революции и реформ Ататюрка. Показательны в этом смысле названия «В новой Турции» Д. А. Лебедева [12] или «По новой Турции» Тишанского Ю. (Астахова Г. А.) [23], акцентирующее внимание на том контрасте, который представляет собой Турецкая Республика с ее революционными преобразованиями по отношению к Османской империи, «стране уходящего ислама» (формулировка из книги Л. Н. Сейфуллиной, приехавшей в страну в качестве корреспондента газеты «Заря Востока» и открывшей турецкую тему в советской литературе [21]).

Для того, чтобы показать своеобразие образа Турции в русской литературе 1920-х гг., а также для выявления специфики русского литературного процесса указанного периода, обратимся к творчеству таких разноплановых авторов, представителей двух разных поколений, двух разных художественных миров, как Е. Е. Лансере и П. А. Павленко, улавливающих, однако по-разному художественно воплощающих одни и те же тенденции.

В 1922 г. по приглашению Полномочного Представителя РСФСР при Большом Национальном Собрании Турции С. И. Арапова и по рекомендации секретаря советской миссии в Анкаре Н. Д. Романова в Турцию приехал академик живописи императорской Академии художеств Е. Е. Лансере. Во время путешествий по стране он написал книгу очерков «Лето в Ангоре» (1925), представляющую из себя сплав фрагментов текста и иллюстраций и ставшую одним из последних изданий объединения «Мир искусства». Двумя годами позже в качестве представителя торговой миссии СССР в турецкую столицу прибыл будущий классик советской литературы П. А. Павленко, создавший на материале турецких впечатлений «Азиатские рассказы» (1929) и сборник очерков и рассказов «Стамбул и Турция» (1930).

К моменту поездки Лансере в Турцию уже на протяжении долгого времени она была источником вдохновения для русских художников. Как известно, в XIX в. столицу

Османской империи предприняли поездки Карл Брюллов, Григорий Гагарин, Иван Айвазовский, Михаил Скотти, Никанор Чернецов, Яков Корнилов, воссоздавшие в своих живописи и графике экзотичные стамбульские виды и характерные бытовые эпизоды в духе ориентализма [25]. Так или иначе учитывая опыт предшественников, Лансере в своей графике уходит от стилизации а-ля «туркери» в общем восточном стиле и отдает предпочтение реализму. Так как в 1920-е гг. он работает в музее этнографии, в своем травелоге он стремится к научно достоверному воссозданию местных пейзажей, обычаям и традиций, архитектурных построек, предметов обихода, национальных костюмов, одновременно придерживаясь эстетики мирикурничества. Художник внимательно вглядывается в природный ландшафт, и воссоздает особенности турецкой архитектуры: это и рассыпанные на улицах Анкары «обломки античного мира <...> римского и византийского», и «капризная непринужденность» построек Трапезонда, и орнамент на их фасадах [11, с. 15, 24]. В своих литографиях он копирует арабскую вязь, орнамент, встречающийся на карнизах турецких домов, седлах, могилах, изображает свой маршрут на карте Малой Азии, украшенной мотивом глиняного кувшина из известной еще с Античности своей керамикой Кутахии.

Однако так как главной целью поездки Лансере была подготовка картин и литографий для выставки в Кремле [10], его травелог помимо этнологических подробностей воссоздает сюжеты, так или иначе идеологически и культурно сближающие Россию и Турцию. Среди них – боевые народные танцы, народные гуляния, факельцуг, молотьба. Кроме того, симптоматичен сам выбор героев, портреты которых создает Лансере: это Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк), русские старообрядцы казаки-некрасовцы, деятели Анатолийского движения, эмансипированные женщины – все то, что характеризует «новую» Турцию.

Как и другие мирикурники, черпавшие вдохновение в театре и пластических искусствах, Лансере в своих очерковых эскизах обращается к турецким танцам и пантомиме: запечатленные им танцы лазов и аскеров (турецких воинов), комические танцы и актерские представления передают все нюансы движений и жестов исполнителей. Так, например, одна из литографий фиксируют «манеру держать кинжал в танце с кинжалами» [11, с. 55]. Эти пластические этюды предваряются характерной для эстетики мирикурников театрализованной сценой борьбы полицейского с «наваливающейся» на иностранцев толпой: «Схватив большой шест, он стал им неистово бить по сплошной стене народа, такой густой, что казалось, ей уже некуда было уплотниться. Дикий ужас был написан на лицах толпы <...> Это было подобно Самсону, побивающему лошадиной челюстью филистимлян» [11, с. 56] и рассказом о том, как во время начавшегося экспромтом представления вынесли длинную скамью для «друзей-русских». К этой идеи о перспективе развития дружественных русско-турецких связей Лансере неоднократно подступает в своем травелоге: например, когда делает комплиментарную ремарку в адрес турецкого народа – «удивляет усидчивость и трудолюбие этого люда» [11, с. 18] – и идеологически выверенное замечание о характере социальных отношений в Турции: «крестьянин и паша сидят тут рядом» [11, с. 30].

Приехав вместе с полномочным представителем РСФСР на дачу к Мустафе-Кемалю-паше и рисуя по заказу Аралова его портрет, Лансере замечает, что у него «может быть, и самом деле <...> есть славянская кровь: он блондин, черты лица довольно неопределенные; глаза серые, смотрят сурово и упорно» [11, с. 30]. Такое приятие, распознавание «своего» в восточном человеке явно перекликается со сценой встречи Полторацкого с Хаджи Муратом из одноименной повести Л. Н. Толстого, когда вместо

«мрачного, сухого, чуждого человека» русский герой встречает «самого простого человека, улыбавшегося такой доброй улыбкой, что он казался не чужим, а давно знакомым приятелем» [24, с. 541]. Типологическое сходство этих эпизодов, опосредованно сближающее фигуру Ататюрка с воссозданным Л. Н. Толстым образом доблестного горца, задает героическую модальность нарративу о турецких повстанцах в трактовке.

Явно желая показать восточных революционеров в выгодном свете, Лансер создает колоритный коллективный портрет воинов-лазов, составляющих личный конвой Мустафы Кемаля: «Лазы, – любимцы и гордость ангорцев: все в черном, с черным башлыком вокруг головы, обвешанные патронами, они нравятся своей воинственностью» [11, с. 30]. При этом сравнительная краткость речевых характеристик «бунтовщиков» и их предводителя компенсируется в «Лете в Ангкоре» литографиями, акцентирующими их героизм и, тем самым, придающими выразительность словесным образам.

Сборник очерков и рассказов «Стамбул и Турция», наряду с другими «турецкими» текстами, стал литературным дебютом П. А. Павленко. Как известно, один из его первых рассказов «Лорд Байрон» был написан им в соавторстве с Б. А. Пильняком – опыт, в значительной степени оказавшийся на стилевом облике его ранних произведений, в которых писатель экспериментирует с приемами орнаментальной прозы.

Павленко демонстративно декларирует разрыв с ориенталистикой традицией в изображении Турции, однако вопреки этому создаёт природные эскизы в духе культивировавших восточный миф французских романтиков. Например, «белые пальмы минаретов и кудрявая нежная зелень кладбищ <...> придают Эйюбу <...> чисто турецкую старосветскость <...> подкупающую сумеречно-ласковыми чертами» [19, с. 21], а «в прекрасное одиночество тополевых аллей приходят по пятницам безголосые женщины последних скутарийских гаремов» [19, с. 224]. При этом нагромождение разных сенсорных характеристик и синестетических образов способствует впечатлению нарочитого экзотизма природного пространства: выразительны «бирюзовый лак» стамбульского неба, «музыка муэдзиновых рыданий», доносящаяся с минаретов мечетей, «стая горбоносых Принцевых островов, дышащих потной хвоей», запах «еще не остывшего солнца, за день пролитого в землю и воду» [19, с. 153, 152, 153, 136].

Такое явное несоответствие теоретической установки писателя на объективность и реализуемых им повествовательных стратегий в «турецких» текстах объясняется, главным образом, его поиском в период своего творческого становления адекватных форм художественной образности, в частности его желанием вслед за Пильняком привнести в прозу поэтическую интонацию.

Для создания рельефного слепка турецкой жизни Павленко совершает экскурсы в историческое прошлое Османской империи, объясняющее суть туземной культуры, описывает обычаи, искусство и фольклор, религиозные верования и ремесла аборигенов. Отдельные очерки посвящены турецкой «старине», стамбульским увеселениям, театру Карагез, ковроткачеству, восточным монахам – дервишам. Но в отличие от «Лета в Ангкоре», акцентирующего эстетическую самоценность проявлений национальной жизни, у Павленко все эти культурологические сведения служат скорее фоновой декорацией для констатируемых им социальных изменений.

Главная сцепляющая нарратив «Стамбула и Турции» идея – это именно идея революционной переделки действительности. С точки зрения писателя, сейчас «жизнь вываривают в кипятке, чтобы смыть древнюю пыль» [19, с. 91], во время празднования

Дня республики он с удовлетворением констатирует возникшее у него чувство нахождения «у себя дома, в Союзе» [19, с.151]. И подчеркивая благоприятный характер происходящих преобразований заключает: «У сегодняшней Турции выпадают зубы, но не от старости, а от юности» [19, с. 257].

В этой связи показательна и манера изображения в очерках «Стамбула и Турции» русских беженцев. В отличие от павших духом, «безвольных» интеллигентов, «белых чаек, у которых только одно крыло за спиной» [31, с. 20], какими они предстают в белоэмигрантских мемуарах, у Павленко они показаны деловитыми, находчивыми людьми, «проникшими во все щели турецкой жизни», «голодной на сметливого человека» [19, с. 234]. Критический взгляд писателя на белых русских обусловлен, главным образом, той отрицательной ролью, которую «эмигрантская пропаганда российского величия и российской мудрости» могла сыграть в отношениях кемалистской Турции и Советской России [19, с. 236].

Павленко, лично не встречавшийся с турецким президентом, создает в очерках «Стамбула и Турции» значительно более патетичные и абстрактные описания Мустафы Кемаля, нежели у Лансере, портрет которого выстраивается как из непосредственных авторских наблюдений, так и из высказываний и реакций на него персонажей. В силу осуществляемого им радикального переустройства общества, Ататюрк сближается автором с Петром I. В пересказе солдата Февзи он предстает воином с почетным титулом Гази, который «жесток, как подобает быть турку, и прост, как подобает быть потомку пророка» [19, с. 130]. Писатель фиксирует восторженные реакции аборигенов на «человека с прекрасным лицом степного волка, дико и спокойно глядящего на людей» [19, с. 170] во время показа кинокартин «Вступление кемалистских отрядов в Константинополь» и «Поездка Мустафы-Кемаль-паши по Анатолии».

На специфику трактовки фигуры Мустафы Кемаля Павленко не мог не повлиять тот факт, что к моменту его приезда в Стамбул вокруг предводителя борьбы за независимость уже был создан ореол славы национального героя. Поэтому размышая о той роли, которую сыграл Ататюрк в «освобождении» своей страны, писатель доводит его образ до символического обобщения о том, что «в этом сухом высоком человеке с жуткими немигающими глазами заключены тысячи побед и поражений, добродетелей и пороков сегодняшней Турции» [19, с. 170].

В плане отображения социальных преобразований в Турции в путевых очерках Лансере и Павленко концептуально значимой оказывается тема эмансипации женщин Востока. Писатели создают серию выразительных портретов местных писательниц, участниц политической борьбы и предводительниц отрядов. Кисти Лансере принадлежит запечатленное на страницах «Лета в Ангоре» изображение выдающейся романистки и деятельницы националистического движения Халиде-ханум, служившей «чауш», илиunter-офицером, при штабе. Взгляд художника в значительной степени сказывается и на ее литературном облике. Так, обращает на себя внимание живописная «текучесть» ее наряда: «поверх платья накинута «мешла» – широкая белая, шелковая одежда, вроде пеньюара, арабского покроя, окутывающая всю фигуру и дающая великолепные складки» [11, с. 36].

С точки зрения сочувствия художника феминизму турчанок, показательна зафиксированная им ремарка Халиде-ханум о предопределённой Богом миссии женщины в освободительной войне: «Из отдаленных мест Анатолии пришла в армию женщина и

объявила, что во сне ей явился Али, дядя Пророка, и велел ей проповедовать войну против неверных, и изгнание «румов» (греков)» [11 с. 34, 35].

Другим характерным примером восточной героини, уравненной в своих правах с мужчиной и ни в чем ему не уступающей, является возглавляющая отряд курдов Фатьма-ханум «чауш». Как бы желая подчеркнуть состоятельность женщины в такой нетрадиционной и нетипичной для нее, в особенности на Востоке, роли, автор упоминает распространенное представление о том, что у курдов «вообще случается, что женщины водительствуют племенем в случае отсутствия более достойного мужчины в семье вождя» [11, с. 39]. Впечатление ярко выраженного личностного начала у курдинки усиливают подмечаемые живописцем экспрессивные цвета ее носового платка и одежды и экзотичные украшения.

Павленко к женской теме подводят его размышления об азиатском искусстве. Чтобы показать близость культур двух государств, он выстраивает всевозможные параллели между русскими и турецкими литераторами и, как и Лансере, с благоговением говорит об одаренной писательнице Халиде-Эдеб-ханум, которая стала одновременно «апостолом националистического движения» [19, с. 85]. Он отдает дань социалистически настроенной романистке Суад-Дервиш, «нигилистке» и «безбожнице» [19, с. 94, 86], по манере письма напоминающей Леонида Андреева, но, с его точки зрения, глубже разрабатывающей общественную проблематику. Он «радуется ее успехам» и «интересуется ее лекциями по радио о женском движении» [19, с. 89]. Подчеркивая продуктивность культурного диалога между турками и русскими, писатель подмечает «ученые разговоры о литературе» Суад-дервиш с Пильняком и констатирует, что турчанка «на зло всем смокингам, твердо ориентировалась на советские пиджаки» [19, с. 89].

Итак, с одной стороны, травелоги о Турции будущих лауреатов Сталинской премии Е. Е. Лансере и П. А. Павленко показательны для периода 1920-х гг. с его многообразием художественных поисков в силу своей экспериментальности. Если Лансере экспериментирует с жанром травелога, объединяя два вида искусства, живопись и литературу, то Павленко – со стилем, используя приемы орнаментальной и ориенталистской прозы. Но, главным образом, симптоматично, что такие несхожие авторы, как Лансере и Павленко, делающие в своих произведениях разные акценты – на этнографии и на формировании новой государственности соответственно – склонны оптимистично интерпретировать происходящие в Турции революционные изменения. Поэтому турецкий мотивно-тематический вектор следует рассматривать как важный этап на пути формирования идеологии и эстетики нового искусства, впоследствии закрепившемся под названием социалистического реализма.

Библиография

1. Алтынбаева Г. Русский Стамбул в книге П.А. Павленко «Стамбул и Турция» // Balkanistik Dil ve Edebiyat Dergisi. №1, 2019. С. 27-38.
2. Алтынбаева Г. М., Речбер Д. Образ Стамбула в рассказах 1920-х годов П. А. Павленко // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых в 3 ч. № 18, ч. I-III. Саратов, 2015. С. 73–77.
3. Арсеньев В.К. Дерсу Узала: из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток: Свободная Россия, 1923, 255 с.
4. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. Владивосток: Тип. Эхо, 1921, 280 с.
5. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1988, 591 с.

6. Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. Т.1. Санкт-Петербург, 1897, 689 с.
7. Горбачев О.В. Концепция советского пространства: от материальности к мифу // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации/ Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.
8. Дурсунова Ф. Эволюция турецкой прозы: от Намыка Кемаля до Орхана Памука. Баку: Elm və təhsil, 2018, 136 с.
9. Желтяков А.Д. Изучение культуры Турции в России и СССР // Тюркологический сборник 1978. М.: Наука, 1984. С. 88–109.
10. Лансере Е.Е. Дневники: в 3 кн. Т.2. Москва: Искусство – XXI век, 2008, 762 с.
11. Лансере Е.Е. Лето в Агоре. Л: Брокгауз-Ефрон, 1925, 86 с.
12. Лебедев Д.А. В новой Турции. М.: Долой неграмотность, 1928, 73 с.
13. Луговской В. Стихотворения и поэмы. Москва-Ленинград: «Советский писатель», 1966, 640 с.
14. Миллер А.И. Нация, или могущество мифа. СПб.: Европ.ун-т, 2019, 146 с.
15. Озтурк М. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923: дисс. канд. ист. н. СПб.: СПбГУ, 2010, 188 с.
16. Ориентализм. Турецкий стиль в России, 1760-1840-е. М.: Кучково поле, 2017, 255 с.
17. Павленко в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. Ц.Е. Дмитриевой. М.: Советский Писатель, 1963, 413 с.
18. Павленко П.А. Писатель и жизнь. Статьи. Воспоминания. Из записных книжек. Письма, М.: Советский писатель, 1955, 368 с.
19. Павленко П.А. Стамбул и Турция. М.: Федерация, 1930, 259 с.
20. Пономарёв Е.Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. Изд. 2, испр. и доп. СПб: СПбГУКИ, 2013, 411с.
21. Сейфуллина Л.Н. В стране уходящего ислама. Поездка в Турцию. Л.: Гос.издат., 1925, 145 с.
22. Схиммельпенник Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОССПЭН, 2019, 285 с.
23. Тишанский Ю. (Астахов Г.А.) По новой Турции. М.: ОГИЗ, Мол.гв., 1933, 136 с.
24. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат: повести и рассказы. М.: Белый город, 704 с.
25. Узелли Г. Поэтическое своеобразие стамбульского пейзажа в работах русских художников XIX века // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2018, № 37. С. 68-75.
26. Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре. М.: Институт востоковедения РАН, 2013, 328 с.
27. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае: об отношениях Запада и России к Востоку. СПб: Восток, 1900. 87 с.
28. Фадеева И.Л. От империи к национальному государству: идеи турецкого социолога Зии Гек Алпа в ретроспективе XX в. М.: Вост. лит., 2001, 214 с.
29. Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Своё изд-во, 2016. 370 с.
30. Шехурина Л.Д. Ф.Ф. Нотгафт и Лансере: история издания книги Е.Е. Лансере «Лето в Ангоре» // Весник СПбГУКИ, №2 (11) июнь, 2012. С. 88-90.
31. Шульгин В. 1921 год. М.: Кучково поле, 2018.
32. Эпельбау А. Платонов и Средняя Азия. // Беглые взгляды: Новое прочтение русских трактатов первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 212-231.
33. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2022, 448 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Идейно-художественное своеобразие травелогов о Турции в русской литературе метрополии 1920-х гг. (на материале произведений «Лето в Ангоре» Е. Е. Лансере и «Стамбул и Турция» П. А. Павленко)» написана на новом литературном материале, который привлекается для глубокого филологического анализа впервые, поэтому автору пришлось формировать подходы к его анализу. Обращение к травелогам 1920-х годов не случайно. Автор статьи фиксирует, что в это время в русской литературе происходит качественное изменение «литературы путешествий», так как меняются локации, которые являются целью путешествий, - ими становятся «таежные и дальневосточные территории и Туркестан (Средняя Азия)». Также отмечается, что эти древние территории, имеющие долгую историю, не похожую на европейскую культуру включаются в современные исторические процессы, преображаются, а в творчестве А. Платонова, Л. Рейснер, В. Луговского и др. формируется «канон советского азиатского текста». В этом контексте рассматриваются и травелоги о Турции. Автор удачно выбирает материал для сопоставления – «Лето в Ангоре» Е. Е. Лансере и «Стамбул и Турция» П. А. Павленко. Выбор обусловлен тем, что авторы принадлежат к разным поколениям, культурным и эстетическим традициям, профессиям, у них кардинально отличается жизненный опыт, и система ценностей. Все это позволяет представить образ Стамбула и Турции в русских травелогах 1920-х годов объемно, разносторонне и объективно.

Достоинством работы является глубокий и тонкий анализ как текстов травелогов, так и литературного и исторического контекста. В статье раскрываются история появления этих травелогов, обстоятельства и цели путешествий в Турцию Е.Е. Лансере и П.А. Павленко, что во многом определяет их оптику на историю, этнографию Турции, процессы, в ней происходящие. В частности, отмечается, что «главной целью поездки Лансере была подготовка картин и литографий для выставки в Кремле, его травелог помимо этнологических подробностей воссоздает сюжеты, так или иначе идеологически и культурно сближающие Россию и Турцию», интересно рассмотрено влияние пластических видов искусства на стилистику его словесного произведения, на принципы художественного портретирования. По поводу художественной манеры П.А. Павленко отмечается, что писатель «демонстративно декларирует разрыв с ориенталистикой традицией в изображении Турции, однако вопреки этому создаёт природные эскизы в духе культивировавших восточный миф французских романтиков», указывается на «несоответствие теоретической установки писателя на объективность и реализуемых им повествовательных стратегий в «турецких» текстах». Особо выделяются экскурсы в историческое прошлое Турции и интерес к проблеме женской эмансипации в этой стране.

Статья выполнена на высочайшем научном уровне. В ней нет описательности, выделены, систематизированы и охарактеризованы авторские повествовательные стратегии. В статье отчетливо проступает ее внутренняя структура, в ней логично и последовательно раскрывается заявленная цель исследования. Таким образом, создается целостное представление о литературном процессе 1920-х годов, об образе Турции, об эволюции жанра путешествий. В списке литературы указаны только те произведения и исследования, которые необходимы автору для рассмотрения проблемы.

Статья будет востребована в учебном процессе, при издании и комментировании литературных травелогов, заинтересует и широкого читателя.

Таким образом, вывод очевиден – статья рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Михайленко А.Ю. Функции перифразистических сочетаний повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70682 EDN: SUHGOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70682

Функции перифразистических сочетаний повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»

Михайленко Арина Юрьевна

ORCID: 0000-0001-9687-1490

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

119334, Россия, г. Москва, ул. Ленинский, 32 А

 arina.mikhaylenko@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70682

EDN:

SUHGOC

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2024

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: Лингвистическое описание художественного текста предполагает рассмотрение его семантической структуры, под которой мы вслед за Л. А. Новиковым понимаем систему образов произведения и языковые средства их воплощения в авторском тексте. Перифразистические сочетания играют заметную роль в арсенале художественных приемов Н.М. Карамзина, реализованных в сентиментальных повестях, и демонстрируют прежде всего функции обозначения чувства и состояний, украшения речи, авторской характеристики персонажа и поэтизации прозаического текста. Предметом исследования анализируемого текста повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» является перифраз как особое средство создания семантической структуры. Актуальность работы обусловлена уточнением статуса перифраза как важного структурного элемента сентиментальной повести. Целью работы стало уточнение понятия

перифраза в современной и предшествующей Н. М. Карамзину литературной традиции и выделение его функций в текстах повестей. Методологическую основу исследования составили работы отечественных лингвистов школы В. В. Виноградова, основывающиеся на системно-функциональном подходе к анализу языка художественной литературы. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что перифраз является основой образности Н. М. Карамзина и реализуют функции украшения речи; характеристика персонажа, в которой перифраз содержит авторское отношение к герою; стилистически маркированные перифрастические сочетания служат для разделения частей повести, например, авторские отступления и основной текст повести. Новизна исследования заключается в уточнении функций перифраза как центрального средства семантической структуры сентиментальной повести. Перифразы становятся одним из новых инструментов построения семантической структуры прозаического произведения формирующейся эстетики сентиментализма. Употребление перифраз включено в концепцию реформирования русского языка путем введения в текст свойственных сентиментальному стилю французской салонной литературы элементов при общем упорядочении синтаксиса на уровне простого и сложного предложения.

Ключевые слова:

сентиментальная повесть, перифраз, функция, Карамзин, историческая повесть,
синтаксическая реформа, образность, структура образа, семантика, эстетика
сентиментализма

Введение

Перифрастическое сочетание, которое мы понимаем вслед за Т. И. Бытевой как «особая двухчастная лексическая конструкция, состоящая из трех членов: слова номинанта (первая часть) и перифразирующего и предицируемого компонента (вторая часть), обладающая актуально-номинативной функцией и коммуникативно релевантным (перифрастическим) значением» [3, с. 353]. Творчество Н. М. Карамзина принадлежало литературным направлениям классицизма и сентиментализма, в инструментарии средств выражительности которых перифраз занимал центральное место: «Рубеж между XVIII и XIX вв. был временем в наибольшей активности перифрастического способа выражения» [9, с. 8; 19; 20].

Оценивая перифраз как стилеобразующий элемент творчества Н. М. Карамзина, В. В. Виноградов писал: «Принятые Пушкиным стиль карамзинской школы характеризовался, с одной стороны, господством условных перифраз и отвлеченно-метафорических выражений, с другой стороны, устойчивостью признанных фразеологических типов и их смысловой ограниченностью» [5. с. 132].

Цель проведенного исследования заключается в классификации перифрастических сочетаний повести «Наталья, боярская дочь» по их функциям. Следует отметить, что функциональная характеристика перифрастических сочетаний не является постоянной; ее изменение становится аспектом, который указывает на эволюцию стиля писателя. Ю. М. Лотман определил три этапа эволюции художественных взглядов Н. М. Карамзина: «... время издания «Московского журнала», творчество 1793–1800 годов и период «Вестника Европы» ...» [15, с. 123].

Включение перифраза в семантическую структуру произведения частотно реализует

функцию сближения прозаического текста с поэтическим: «Субъективно-лирический характер карамзинской прозы делает ее <...> стилистически и даже интонационно близкой к стихотворной речи» [2, с. 95]. Это положение подтверждается мнением И. И. Ковтуновой: «Проблемы ритма прозаической речи были из основных проблем в карамзинской реформе синтаксиса. В «изящной прозе» ритму придавалось первостепенное значение. Впоследствии «изящная проза» Карамзина представлялась даже излишне ритмизованной. Однако такая ритмизация прозы была подсказана ходом исторического развития. Ведь ощутимое ритмическое начало является обязательным и, может быть, наиболее важным условием всякой эстетически организованной речи» [12, с. 177].

Значительная часть перифрастических сочетаний в повестях и других прозаических жанрах Н. М. Карамзина относится к традиционно-поэтической фразеологии, т.е. перифразы данного типа представляют собой элементы поэтического языка, что понимается исследователями литературы конца XVIII – первой трети XIX века как попытка провести границу между общим литературным языком и языком художественной литературы, которая основывается на функциональных признаках. Это противопоставлено предшествующей литературной традиции, согласно которой язык художественной литературы маркировался наличием тех или иных элементов сферы поэтического языка, т.е. на формальной основе.

Литература до Н. М. Карамзина сформировала значительный список перифрастических сочетаний и перифрастических моделей, которые использовались в поэтических текстах [7–10]. Автор повестей «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или Покорение Новаграда», безусловно, широко использовал их в различных функциях. Однако исследователи отмечают, что «в начале своего литературного поприща <...> гораздо свободнее включал в круг своего пользования такие формы традиционно высокого простого стиля, от которых он затем отказался» [6, с. 239]. Снижение частотности употребления традиционно-поэтических перифрастических сочетаний в более поздний произведениях связано их маркированностью как элементов высоко стиля, что противоречило эстетическим установкам Карамзина, контекст их использования стилистически мотивирован, что было не характерно другим литераторам.

Методы и материал исследования

Материалом исследования стали перифразы, отобранные из текстов повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», использовался компонентный, контекстуальный и сопоставительный анализ перифрастических единиц. Общее число перифрастических сочетаний – 45.

Результаты исследования

Перифрастические сочетания в художественном тексте выполняют такие функции, как украшения речи; характеристика персонажа, в которой перифраз содержит авторское отношение к герою; оценка события или ситуации; поэтизация прозаического текста; речевая характеристика героя. В повестях Н. М. Карамзина перифразы реализуют такие функции, как функция украшения текста (для маркирования сентиментальной эстетики); поэтизация прозаического текста; речевая характеристика героя; а также разделения частей повести, для этого служат стилистически маркированные перифрастические сочетания, разводящие в тексте авторские отступления и основной текст повести.

Обсуждение

Перифраза в российских риториках

Полученные в результате исследования функциональные типы перифраз представлены в повестях Карамзина неодинаково. Выделенная нами функция *украшения речи* имеет давнюю историю рассмотрения перифрастических сочетаний в качестве одной из фигур речи. Авторы всех российских риторик конца XVIII – начала XIX века рассматривают ее именно в этой функции. Более того, данная функция считается основной несмотря на то, что в риториках этого периода не было достигнуто однозначного применения термина перифраз, а понятие представлено различными описательными способами.

Так, М. В. Ломоносов в труде «Краткое руководство к красноречию» использует термин *парафразис* в следующем контексте: «Парафразис есть представление многими речениями того, что одним или немногим изображено быть может» (раздел «О украшении») [\[14, с. 185\]](#).

Амвросий (Серебренников) в работе «Краткое руководство к Оратории российской, сочинённое в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» описывает семантико-грамматическую сущность перифраза, называя его *приложением*: «Приложение (Epithetum et periphrasis) бывает: 1) когда к имени существительному или глаголу придается прилагательное для большего уважения или яснейшего изображения; 2) когда к имени существительному новое придается существительное, показывающее свойство, сравнение, или что-то другое» [\[1, с. 129\]](#).

Феоктист (Мочульский) в труде «Словеснословие и песнопения, то есть грамматика, логика, риторика и поэзия в кратких правилах и примерах» номинирует перифраз *толкованием* (*Paraphrasis* (толкование)) и акцентирует внимание на его функции: «Когда какое-либо речение или предложение пространно объясняется» [\[17, с. 61\]](#).

А. С. Никольский в сочинении «Логика и Риторика кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные, изъяснённые и в пользу юношества изданныя» предлагает называть перифраз терминологическим сочетанием *определение риторическое* и дает ему следующее толкование: «Определение риторическое есть исчисление и соединение действий или подобие одной вещи» [\[18, с. 51\]](#).

И. С. Рижский в работе «Опыт риторики» вслед за А. С. Никольским называет перифраз *определением риторическим с толкованием*: «Определение риторическое, то есть описание какого-либо лица, или вещи, посредством вычисления в виде определении свойств, действий, обстоятельств, подобий и прочая» [\[23, с. 55\]](#).

В.С. Подшивалов в труде «Сокращенный курс российского слога» предлагает сложный термин *околочнословие*, который определяет следующим образом: «Околочнословие (*périphrase*) условие или описание одного слова многими либо для красоты, либо для того, что не хочешь называть прямым ея именем» [\[21, с. 70\]](#).

В «Краткую риторику в пользу любящего российский слог юношества», автор которой не известен, перевод с латинского И. Богоявленского включен термин *определение*: «Определение, в котором какая-нибудь вещь через одно или многия названия определяются» [\[22, с. 73\]](#)

А.Г. Могилевский в работе «Российская риторика, основанные на правилах древних и новейших Авторов» использует термин перифраз: «Перифраз есть фигура, изъясняющая во многих словах то, что можно сказать одним или немногими. Перифраз употребляется

в различных случаях, а именно: 1) для украшения; и сие обыкновенное у стихотворцев ... 2) Для возвышения обыкновенных вещей, которые без сего не могли бы быть привлекательными... 3) Для умягчения выражения грубых и неприятных, кои показались бы противны слуху, если бы представлены были просто и обнажённо. 4) Для наполнения в периоде численных пространств, составляющих плавность речи и гармонию» [Могилевский 1817: 229].

Таким образом, перифраз оценивался как:

- 1) средство выразительности, которые реализует функцию украшения, иносказания (М.В. Ломоносов, В.С. Подшивалов, А.Г. Могилевский) и как
- 2) средство выразительности, номинация в котором проходит с помощью нескольких слов или является определением к номинирующему слову (Феоктист (Мочульский), Амвросий (Серебренников), А.С. Никольский, И.С. Рижский).

Н.М. Карамзин в заметке «О богатстве языка» имплицитно описал свое представление о перифразе так: «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выраженных оным. Богатый язык есть тот, в котором вы найдете слова не только для означения главных идей, но и для изъяснения их различий, их оттенок больше или меньше силы простоты и сложности. Иначе он беден; беден со всеми миллионами слов своих. Какая польза в том, что в арабском языке некоторые телесные вещи, например, меч и лев имеют 500 имен, когда они не выражают никаких тонких нравственных понятий и чувств? В языке, обогащённом умными авторами, в языке, выработанном не может быть синонимов; всегда имеют они между собой некоторое тонкое различие, известное тем писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попугаями других бывают» [11, с. 85]. В этом выражении Н. М. Карамзин рассматривает перифразу как средство выразительности, существующее в языке художественной литературы, о чем говорит оборот «обработанный умными авторами»; перифраза используется для указания на различные смысловые и стилистические оттенки.

Перифраз в повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»

Исследователи отмечают, что рассматриваемая повесть завершает первый этап творчества Н. М. Карамзина, в котором употребление принципа перифраза отличается от более поздних текстов [3; 7; 15]. Проследим данные изменения на примере функций перифрастических сочетаний в тексте.

Важно отметить, что жанровая принадлежность повести как исторической исследователями подвергалась уточнению, поскольку сюжет и герои произведения отражают историческое прошлое Московской Руси не вполне точно. Следует отметить, что в период создания рассматриваемой повести жанр исторического романа и исторической повести находился на этапе начального формирования, поэтому современники Н. М. Карамзина восприняли эту повесть, близкую по сюжету и героям к авантюрному роману, как первую русскую историческую повесть. Установка на историческую стилизацию определяет двуплановость образа автора также как и на выбор стилистических средств, которые, как известно, были пересмотрены Карамзиным в ходе значительной авторской правки текста повести. Был сокращен объем литературно-критических отступлений автора и количество стереотипных фразеологических единиц и образной символики стиля классицизма (по [6, с. 241–253]).

В итоговом тексте повести «Наталья, боярская дочь» содержится 45 перифрастических

сочетаний, которые можно разделить на такие тематические группы: как

- 1) перифрастическое обозначение лица, персонажа;
- 2) перифрастическое обозначение объектов и предметов природы, описание визуальных деталей;
- 3) перифрастические обозначения чувств, состояний;
- 4) перифрастические обозначения жизни и смерти.

Приведем примеры и проанализируем их функциональный аспект.

Перифрастическое обозначение лица, персонажа

Перифрастический сочетания обозначение лица и персонажи представлены такими подгруппами, названные по номинирующему слову, как «сын», «подруга», «друг»:

о *Таков был боярин Матвей, верный слуга царской, верный друг человечества* – перифраз характеризует персонажа и содержит авторское (положительное) отношение к герою;

о *Наталья не у разбойников!* но кто же сей таинственный молодой человек, или, говоря языком Оссианским, **сын опасности и мрака**, живущий в глубине лесов? – перифраз характеризует персонажа и содержит авторское ироническое отношение к герою, которое мотивировано историей с побегом Натальи; в данном случае характер отношения к герою не является окончательным, но создает интригу развития сюжета;

о *Страшно разят мечи Российские; тверда, подобно камню, грудь сынов в твоих – победа будет всегда верною их подругой* – перифраз характеризует ситуацию и содержится в речи боярина Матвея – идеального героя повести. Интенция речи – внушить царю уверенность в победе в трудном бою, выбран высокий стиль. Частотно используемый Н. М. Карамзиным эпитет **верный** реализует семантику наивысшего качества того существительного, к которому он относится: **верный друг человечества** ‘истинный, настоящий’; **верною их подругой** ‘вечной’, **верный слуга царский** ‘преданный’; **верную служанку** ‘любимую, ту, которая давно работает’; **верный друг** отворил ему дверь темницы ‘единственный, самый близкий’; чертежи его сделались **верными копиями** натуры ‘максимально точными’.

Перифрастическое обозначение объектов и предметов природы

Группа перифразов, обозначающих объекты и предметы природы объемная и неоднородная, поскольку данные перифразы сюжетно относятся и к авторским описаниям непосредственно природы; и как аналогия человеческой судьбы, и как вставочные элементы авторского блока. Рассмотрим два примера:

о *Пусть читатель вообразить себе белизну Италианского мрамора и Кавказского снега; он всё еще не вообразит белизны лица ея – и, представляя себе цвет Зефировой любовницы, все еще не будет иметь совершенного понятия об алости щек Натальиных* – номинант данного перифраза – это алый цвет поскольку Зефира любовница – роза; перифраз относится к описанию внешности героя, реализует функцию поэтизации прозаического текста;

о *Время в старину так же скоро летело, как ныне, и между тем как наша красавица вздыхала и томилась, год перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лето*

покрылись пушистым снегом, грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула выюгами на Русское царство; то есть зима наступила – в данном случае перифраз сдержит отсылку к поэтическому языку и противопоставлен языку бытовому, реализуя ироническую функцию и функцию поэтизации прозаического текста, включается в авторский блок текста.

Перифрастические обозначения чувств, состояний

Группа перифразов, обозначающих чувства и состояний, является самой многочисленной в тексте произведения, что определено ее характером сентиментальной повести и основной темой — темой любви, поскольку сюжетно повесть посвящена истории любви двух главных героев. Основной особенностью перифразов группы стало их соотнесенность с темой огня:

о *Ты же первым взглядом влила какой-то огонь в мое сердце*, первым взглядом привлекла к себе душу мою, которую тотчас полюбила тебя, как родную свою – перифраз непосредственно содержит лексическую единицу огонь, которая в контрастивном употреблении с глаголом влиять, имеющим сему ‘жидкость’, создает дополнительное эмоциональную окраску, реализует функцию поэтизации прозаического текста;

о *Aх! Для чего самая нежнейшие, самая пламеннейшая из страстей* родится всегда с горестью, ибо какой влюблённый не вздыхает, какой влюблённый не тоскуют в первые дни страсти своей, думая, что его не любят взаимно – перифраз содержит лексическую единицу пламеннейшая, которые является дериватом лексическая единицы пламя, которая, в свою очередь, входит лексико-тематическую группу огонь; номинант данного перифраза любовь. В данном перифразе реализуется функция оценки ситуации и функция поэтизации прозаического текста. Также важно отметить, что данный перифраз является штампом образности XVIII века, и именно такие конструкции частотны в речах второго главного героя – Алексея Любославского. Таким образом, данный перифраз реализует также функцию речевой характеристики героя.

Перифрастические обозначения жизни и смерти

Группа перифразов, обозначающих чувства и состояний, является самой многочисленной в тексте произведения, что определено ее характером

о *Уж давно оплакал он мать ее, которая заснула вечным сном в его объятиях, но кипарисы супружеской любви покрылись цветами любви родительской* – и в юной Наталье он увидел новый образ умершей, и, вместо горьких слез печали, воссияли в глазах его сладкие слезы нежности – перифраз содержит лексическую единицу кипарис, который является символом горести печали в греческой мифологии. Таким образом, тема смерти в одном предложении затронута в серии слов и словосочетаний: оплакал; **заснула вечным сном** (умерла); **кипарисы супружеской любви** (горе от смерти жены); образ умершей; горьких слез печали. В данной цепочке перифразы реализуют функцию оценки ситуации.

Заключение

Перифрастические сочетания играют заметную роль в арсенале художественных приемов Н.М. Карамзина, реализованных в сентиментальных повестях, и демонстрируют прежде всего функции обозначения чувства и состояний, украшения речи, авторской характеристики персонажа и поэтизации прозаического текста. Перифразы становятся

одним из новых инструментов построения семантической структуры прозаического произведения формирующейся эстетики сентиментализма. Употребление перифраз включено в концепцию реформирования русского языка путем введения в текст свойственных сентиментальному стилю французской салонной литературы элементов при общем упорядочении синтаксиса на уровне простого и сложного предложения.

Библиография

1. Амвросий (Серебренников). Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится Риторика показующая общие правила обоего красноречия то есть оратории и поэзии, сочиненные в пользу любящих словесных наук. – СПб., 1778.
2. Благой, Д. Д. От Кантемира до наших дней. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1979. – 552 с.
3. Бытева, Т. И. Феномен перифразы в русском литературном языке: проблемы семантики и лексикографии: дисс. на соискание д.филол.н. 10.02.01. – Красноярск, 2002. – 352 с.
4. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Художественная литература, 1934. – 287 с.
5. Виноградов, В. В. Стиль Пушкина. – М.: Художественная литература, 1941. – 620 с.
6. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Гослитиздат, 1961. – 615 с.
7. Грехнева, Л. В. Особенности перифрастической номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6–2. – С. 207–210.
8. Греч, Н. И. Чтения о русском языке. – Ч. 1. – СПб., 1840.
9. Григорьева, А. В. Поэтическая фразеология конца XVIII – начала XIX века // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. – М.: Наука, 1964. – С. 3–21.
10. Иванова, Н. Н. Глагольные перифразы в русской поэзии конца XVIII — начала XIX (К вопросу об эволюции поэтической фразеологии): автореферат дис. ... кандидата филол.н. – М., 1970.
11. Карамзин, Н. М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1984.
12. Ковтунова, И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX века. – М.: Художественная литература, 1969. – 231 с.
13. Ковтунова, И. И. Н. М. Карамзин в истории русского литературного синтаксиса // Исследование по славянскому языкоznанию. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова / Отв. ред. В. А. Белошапкова, Н. И. Толстой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – С. 153–160.
14. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений. – Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952.
15. Лотман, Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 51. – Тарту, 1957. – С. 123.
16. Могилевский, А. Г. Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов. – Харьков, 1817.
17. Мочульский, Ф. Словеснословие и песнопение, то есть грамматика, логика, риторика и поэзия в кратких правилах и примерах. – М., 1790.
18. Никольский, А. С. Логика и риторика кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные, изъясненные и в пользу юношества изданныя. – СПб., 1790.
19. Орлов, П. А. Русская сентиментальная повесть // Русская сентиментальная повесть. – М: Изд-во МГУ, 1979. – С. 5–26.

20. Орлов, П. А. Русский сентиментализм. – М: Изд-во МГУ, 1977. – 268 с.
21. Подшивалов, В. С. Сокращенный курс российского слога. – М., 1796.
22. КР – Краткая риторика в пользу любящего российский слог юношества, перевод с латинского. – СПб., 1801.
23. Рижский, И. С. Опыт риторики сочиненный и преподаваемый в Санктпетербургском Горном Училище. – СПб., 1796

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Функции перифрастических сочетаний повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению стилистических особенностей указанного жанра. Автор рассматривает типы текстового перифраза и их реализацию в рассматриваемом художественном тексте.

Цель проведенного исследования заключается в классификации перифрастических сочетаний повести «Наталья, боярская дочь» по их функциям.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др. Материалом исследования стали перифразы, отобранные из текстов повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», использовался компонентный, контекстуальный и сопоставительный анализ перифрастических единиц. Общее число перифрастических сочетаний – 45.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам на иностранных языках по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его

результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, русской литературе, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Функции перифрастических сочетаний повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Ц. Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка) // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70692 EDN: TPFANE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70692

Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка)

Ли Цичжэн

аспирант; кафедра современного русского языкоznания; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ LiQizheng@yandex.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70692

EDN:

TPFANE

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2024

Дата публикации:

10-05-2024

Аннотация: В статье рассмотрена репрезентация в языке современных СМИ образа Китая как компонента русского языкового сознания. Отмечается, что в языке СМИ одновременно реализуется образ Китая, сложившийся в русском языковом сознании, и конструируется, дополняется данный образ в его современной реализации. СМИ оказывают значительное воздействие на образ Китая, то, каким он будет в дальнейшем, а также на то, как его воспринимают россияне. Анализ строился на рассмотрении функционирования в СМИ лексем и фразеологизмов, выражающих китайскую семантику: Китай, китайский, китаец, Поднебесная, китайская грамота, иероглифы и др. Наблюдение показало, что образ Китая является частотным, журналисты регулярно обращаются к нему для характеристики различных не связанных с китайской темой явлений действительности. Исследование проводилось на основе традиционных методов

наблюдения, описания, анализа, синтеза, обобщения. Одним из основных стал метод корпусной лингвистики; применялся метод лингвокультурной интерпретации, структурно-семантический, методика поиска по ключевому слову. Выявлено, что наиболее важной частью образа Китая, реализуемой в СМИ, является представление об этой стране как о сильном государстве с развитыми промышленностью, экономикой и социальной сферой, как о стратегическом партнёре Российской Федерации и глобальном антагонисте США. Акцентируется внимание на том, что яркими средствами репрезентации образа Китая в русском языковом сознании выступают сравнительные конструкции, метафоры, фразеологизмы, посредством которых актуализируются такие признаки Китая, как древняя история, богатая и сложная в понимании культура, глубокая философия. Китаец в русском языковом сознании – это человек трудолюбивый, предпримчивый, умный, хитрый, мудрый, независимый, с характерной внешностью. Делается вывод о динамичности образа Китая, в изменение которого значительный вклад вносят российские СМИ.

Ключевые слова:

языковое сознание, психолингвистика, Китай, образ Китая, Россия, русский язык, СМИ, лексема, фразеологизм, сравнительная конструкция

Введение

Любое явление, важное для человеческого общества, находит своё отражение в языке, причём язык отвечает на значимые реалии действительности мгновенно и закрепляет представляющие их единицы надолго. Особенно активен в языковом воплощении актуальных компонентов действительности язык средств массовой информации (СМИ) как подвижная структура: «Будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование» [\[1, с. 210\]](#).

Понятие языкового сознания относится к сфере психолингвистики – междисциплинарной науки, которая сформировалась на пересечении психологии и языкоznания и «изучает язык прежде всего как феномен психики», существующий «в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего» [\[2, с. 398\]](#). Под языковым сознанием И. А. Стернин предлагает понимать «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [\[3, с. 7\]](#). Для психолингвистики важно не то, какие феномены (лексемы, фразеологизмы, образы) уже существует в языке, а то, как они появились, чем мотивированы с точки зрения человеческой психики, восприятия человеком окружающей действительности. Языковое сознание получает в языке, в том числе в языке СМИ, конкретное воплощение; таким образом абстрактное реализуется в конкретном. С этой точки зрения языковое сознание представляет собой «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [\[4, с. 20\]](#).

В контексте языкового сознания можно рассматривать различные образы, каждый из которых есть 'копия, слепок, отпечаток в сознании явлений объективной действительности' [\[5\]](#). Каждый образ, получивший отражение в языковом сознании, а

затем и в языке, заслуживает самого внимательного изучения как в аспекте содержания, так и с точки зрения формы – воплотивших его языковых единиц. Наше исследование посвящено репрезентации в русском языковом сознании (в пространстве языка современных СМИ) образа Китая.

Обзор литературы

Образ Китая в современных российских медиа привлекает внимание многих исследователей, наблюдения которых отличаются разнообразием. А. М. Кирсанова концентрируется на дискурсе тех СМИ, которые пишут о Китае, и отмечает, что их публикации «носят преимущественно нейтральный, а в некоторых случаях положительный характер» [6, с. 60]. Л. Го полагает, что в современных российских СМИ создан «образ цифрового Китая» как «одного из мировых лидеров цифровизации, которая поддерживается государством и его гражданами» [7, с. 26]. И. В. Бицуева касается вопроса об эволюции образа Китая в российских СМИ, обращаясь к периоду XVIII – начала XX вв., и обнаруживает, что такие особенности этого образа, как «представление о Китае как о стране философии, мистики и мудрости» и «страх перед заселением Китаем Дальнего Востока» [8, с. 101], актуальны и сегодня. Р. В. Павлюкевич отмечает, что в советских СМИ 1946–1953 гг. Китай прошёл путь от «жертвы милитаристов» до «брата-пролетария» [9, с. 117]. Представление о динамике образа очень важно для понимания его сути, трансформируемой в связи с историческими, политическими, культурными причинами.

В научных публикациях можно увидеть противоположные оценки коннотаций образа Китая в российских СМИ. К примеру, А. А. Хабаров, А. П. Чудинов и Ян Кэ замечают, что «нarrативы современного российского медиадискурса по китайской тематике способствуют формированию положительного образа КНР как стратегического союзника и торгового партнера РФ» [10, с. 159], о положительном характере данного образа говорят также Ю. И. Злобина, К. Лян [11, с. 205]. В то же время И. С. Карабулатова и М. Д. Лагуткина выявляют, что в российских СМИ «создается угрожающе-опасный образ Китая с использованием яркой, эмоционально окрашенной лексики» [12, с. 48]. Чаще всего Китай рассматривается как востребованный в русской культуре многозначный и амбивалентный символ – «носитель и положительной символики (древняя история, богатая культура, прекрасное искусство, политическая значимость, стабильность, экзотика, таинственность), и отрицательной (низкое качество товаров, переизбыток населения)» [13, с. 227]. Наблюдаемые расхождения в понимании образа Китая актуализируют значимость проводимого нами исследования.

Целью настоящей статьи стало выявление основных особенностей образа Китая, репрезентированного в языке современных СМИ. Исследование проводилось на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [14], при этом отбирались в первую очередь тексты, не посвящённые китайской теме, в которых фрагменты русского языкового сознания репрезентируются наиболее достоверно. Как нам думается, отобранный таким образом материал НКРЯ позволит объективно представить образ Китая, существующий в языковом сознании современного носителя русского языка.

Результаты исследования

Образ Китая создаётся в СМИ посредством целого комплекса лексических и фразеологических средств: Китай, китайский, китаец, Поднебесная, китайский

болванчик, китайские церемонии, китайская грамота и др.

Китай упоминается в публикациях достаточно часто, сведения о нём, чаще всего его экономике и технологиях, приводятся даже в статьях, которые посвящены другим вопросам, не связанным с КНР. Эти сведения могут касаться технологических достижений страны: «Самой обширной сетью зарядных станций для автомобилей в мире располагает **Китай**» (Ведомости, 2021.12.29), а также успехов Китая в социальной сфере – областях медицины, социальной защиты населения: «Сегодня этим путем идет **Китай**, где социальные гарантии доступны пока преимущественно городским наемным работникам и госслужащим» (Ведомости, 2021.12.20). Их приводят для иллюстрации, сопоставления с аналогичными достижениями других стран. Также в Российских СМИ, в публикациях политической тематики, постулируется мысль о geopolитическом, глобальном противостоянии КНР и США: «Ермаков обращает внимание на то, что, несмотря на всю напряженность в российско-американских отношениях, главным противником для США остается **Китай**» (Ведомости, 2021.12.22).

Китай характеризуется в СМИ также pragmatizmom, изображается как государство, действующее прежде всего в своих собственных интересах. Для этого, к примеру, используется эпитет **pragmaticальный Китай** принципиально не помогает единомышленникам» (Ведомости, 2021.12.20).

Важнейшая черта образа Китая как современного государства, проявляющаяся в публикациях российских СМИ, – производство здесь значительного количества разнообразных товаров, которые экспортируются в различные страны мира, в том числе и в Россию: «**Китай**, со своей стороны, поставляет для россиян смартфоны и другую технику, которая занимает лидирующие места с точки зрения популярности» (Парламентская газета, 2021.12.16). Также о Китае нередко говорится как о стране, куда Россия активно поставляет свои энергоносители: «Импорт угля в **Китай** из России значительно вырос в этом году» (Ведомости, 2021.12.15). Интересно, что образ Китая, создаваемый в российских СМИ, не включает такой составляющей, как низкое качество и дешевизна произведённых в Китае товаров, как это наблюдается, к примеру, в языке художественной литературы [13, с. 230]. В СМИ речь идёт скорее о силе китайской промышленности и экономике, их значимой роли в мировом пространстве.

Сочетание **китайский дракон** используется как национальный символ страны и её народа. С помощью данного символа можно, к примеру, аллегорически представить невыгодность для России плохих отношений с КНР, утраты взаимодействия: «А если за монгольским волком встанет **китайский дракон**, нашему медведю придется туга» (Ведомости, 2021.12.13).

Восприятие современного образа Китая отражает представление о древней истории данной страны, о её богатой культуре, медицине и философии, которые, по мнению журналистов, европеец не может до конца ни понять, ни постичь: «Мы не знаем возможностей китайской, **восточной** и тибетской **медицины**, не знаем основ **китайской философии** поведения» (Советский спорт, 10.04.2010). Всё, что происходит в современном Китае, все связанные с ним явления, события, черты представителей китайского народа трактуются как обусловленные этой древней философией: «Истоки искусства Тай-Чи уходят в глубины **китайской философии**» (Славянское братство // Ведомости, 2000.06.16).

В СМИ создаётся (и/или отражается уже созданный в русском языковом сознании) образ Китая как сильного государства, играющего немаловажную роль на мировой арене, как

технологически передовой страны со стабильно развивающейся социальной сферой и мощным производством, как постоянного экономического партнёра России, а также как государства с древней историей и философией. СМИ воспроизводят характерную для русского языкового сознания мысль о том, что с данным государством необходимо поддерживать дружеские отношения, которые являются гарантией стабильности обеих стран и безопасности российских границ.

Одна из лексем, которые представляют в СМИ образ Китая, обладает высокой стилистической окраской: *Поднебесная* (империя). Она может использоваться просто как синоним во избежание повтора лексем *Китай*, *китайский*, но чаще выполняет функцию создания положительного образа Китая. Например: «**Поднебесная** пытается решить свои внутренние задачи, придать новый импульс экономическому развитию страны» (Парламентская газета, 2018.04.18).

Китай в российских СМИ позиционируется также как страна с древней и богатой культурой. Ряд реалий китайской культуры (*китайский фонарик*, *китайский болванчик*, *китайская ваза* и др.), судя по данным СМИ, выступают как привычные для России, вошедшие в обиход, ставшие понятными. О них в статьях говорится без пояснений; подразумевается, что читателям известно, о чём идёт речь. Кроме того, ряд объектов китайского происхождения понимаются как обладающие значительной материальной ценностью: «**Китайская ваза** была похищена из квартиры московского пенсионера» (lenta.ru, 04.10.2017).

Прочное положение явлений китайского происхождения в российском культурном поле проявляется, в частности, тогда, когда они выступают в качестве объектов сравнительных конструкций, например, в описании внешнего облика участницы конкурса «Краса России – 2006»: «Сашенька Мазур – в платье, **похожем на китайский фонарик**, и с двумя смешными косичками...» (Комсомольская правда, 26.07.2006). Устойчивые обороты, обозначающие китайские реалии, нередко понимаются иносказательно:

«Есть такая игрушка – **китайский болванчик**. Его тронешь – и он начинает безостановочно качать головой. Наше кино сейчас, к сожалению, напоминает эту игрушку – его мотает то в одну, то в другую сторону» (Аргументы и факты, 20.06.2007); в данном случае за основу берётся внешний признак китайской игрушки, который переосмысливается как внутренний признак развития российского кинематографа;

«Что делать с поломанным тюленем? – обращаться с ним так, как будто он **китайская ваза** (попробуйте принудительно накормить селедкой орущую и удирающую от тебя **китайскую вазу**)» (Л. Белоиван. Всё на свете тюлень // Новая газета, 05.08.2015); выражение как с *китайской вазой* понимается в смысле 'бережно, чтобы не повредить хрупкий и ценный предмет';

«Алгоритмы взаимодействия между российскими ведомствами сравниваются со сложными "древними **китайскими церемониями**"» (Известия, 08.11.2012). Под *китайскими церемониями* имеются в виду 'излишнее проявление вежливости, излишние условности в отношениях между людьми' [15, с. 203]; выражение восходит к знаниям о сложности правил этикета при дворе китайских императоров;

«Для Европы многоступенчатая система американских выборов – **как китайская грамота**» (NEWSru.com, 04.01.2008). Фразеологизм *китайская грамота* в словаре трактуется как 'что-либо недоступное пониманию' [15, с. 202]. Можно дополнить, что так называют что-то очень сложное, с трудом объяснимое, но обладающее внутренней

логикой, которую без специальной подготовки трудно понять; выражение имеет основой сложность китайского иероглифического письма;

«Новый спектакль Татьяны Багановой: люди **как иероглифы**» (Ведомости, 2011.12.09) – сравнение с иероглифами применяется в СМИ, чтобы подчеркнуть загадочность, непостижимость, сложность и замысловатость явления;

«В финансовой компании должна быть **“китайская стена”** – она призвана ограничить доступ к конфиденциальной информации» (Ведомости, 2019.12.17). Китайская стена здесь – ‘непреодолимая преграда (от названия древней стены, отделявшей Китай от Монголии)’ [\[15, с. 202\]](#);

«Но до субботы еще – **как до Китая...**» (Советский спорт, 09.03.2011). Выражение **как до Китая** обозначает ‘очень далеко’, что отражает представление о далёком расположении Китая, восходящее к раннему этапу взаимоотношений между странами, когда достичь Китая жители России могли только за несколько месяцев.

Использование объекта в качестве фразеологизма, образа метафоры или сравнительной конструкции говорит о прочном проникновении его в русское языковое сознание, о том, что он входит в число прецедентных феноменов, к которым носитель языка апеллирует в твёрдой уверенности, что они имеются и в культурном фонде адресатов [\[16, с. 62\]](#). Прецедентные феномены в качестве объектов иносказательных конструкций касаются в первую очередь русской культуры, а уже затем – иностранной, обозначая явления, безусловно знакомые большинству говорящих на языке. Фразеологический фонд русского языка (а большинство из данных выражений относятся к фразеологизмам) формировался в течение столетий на основе знаний о Китае и китайской культуре, её древности, ценности её объектов (художественной и материальной), сложности и замысловатости древнего иероглифического письма, а также далёкого расположения Китая. В содержании фразеологических единиц тесно переплелись менталитеты русского и китайского народов, отразилось представление о Китае как экзотической, необычной стране, с оригинальной культурой, которая издавна привлекала внимание жителей России.

Интересно рассмотреть появляющиеся в языке СМИ сравнительные конструкции с объектом **китаец** и выражаемые ими смыслы:

«Я вообще **как китаец**, – смеется Герасичкин. – Если что хорошее где увижу – обязательно у себя это сделаю» ([lenta.ru](#), 13.05.2017), «Мы, рэперы, – **как китайцы**, берем лучшее» (Труд-7, 15.11.2010) – выделяется такая особенность китайского менталитета, как умение копировать достижения других и воплощать их в собственных культуре и производстве. Данное качество, с одной стороны, оценивается уважительно, как в примерах выше, с другой –иронично, с намёком на то, что именно в этом состоит причина производственных успехов китайцев: «Срисуйте дизайн, измените логотипы, **как китайцы делают**» ([lenta.ru](#), 28.08.2015). Можно говорить о закреплении в русском языковом сознании представления о китайцах как о предпримчивых людях, открытых всему новому, и как о хитрецах;

«Наутро просыпаюсь – **как китаец**, оба глаза заплыли» (Аргументы и факты, 2004.08.18). В рассказе об опухшем от укусов пчёл человеке акцентируется особенность внешности китайцев – узкий разрез глаз;

«Алла призналась, что в ее работе главное – практика и фанатичная любовь к своему делу: “Работаем **как китайцы**. Много работаем”» ([lenta.ru](#), 29.11.2017). Сравнение

построено на апелляции к трудолюбию как ключевому признаку китайского народа, граждан КНР;

«Когда я учился в школе, говорили: умный, **как сто китайцев**» (Советский спорт, 04.02.2013). В данном случае основанием для сравнения стало такое качество китайцев, как ум, связанное, по нашему мнению, с хитростью и мудростью. Представление носителей русского языка о китайском уме мотивируется знаниями о древности китайской культуры, о наличии у китайцев особой философии, частью которой является умение обособиться от других, жить своей жизнью, независимо, не поддаваясь значительно влиянию западной цивилизации, что также проявляется посредством сравнительной конструкции: «Он, **как мудрый китаец**, *воздвиг вокруг себя стену, через которую мы пробиться не смогли*» (Известия, 19.05.2003).

В восприятии представителей китайской нации существует множество стереотипов, закреплённых в языковом сознании носителей русского языка. Ещё один состоит в том, что китайцы похожи, а жители России их путают, не могут отличать по внешности. На основании данного стереотипа сформировалось сравнение **похожи (одинаковы)** как китайцы: «Сегодня много постановок по классике, и все они **похожи** одна на другую, **как китайцы**» (Известия, 22.01.2014); «В костюмы Bosco чиновники обряжаются по торжественным дням и сидят в правительственные ложах стадионов, **одинаковые, как китайцы** на трибуне съезда» (Ведомости, 2013.05.31). Во втором сравнении речь идёт не только о внешности, но и о партийных традициях, звучит ирония в отношении «одинакового» поведения членов Коммунистической партии КНР.

Можно заключить, что китайцы в русском языковом сознании стереотипно воспринимаются как люди с характерным разрезом глаз, единообразной внешности, предприимчивые, трудолюбивые, хитрые, умные, мудрые, независимые.

Заключение

Взаимоотношения России и Китая, русского и китайского народов продолжаются в течение многих столетий, что не могло не найти отражения в сознании русского народа и в его языке. СМИ демонстрируют актуальный слепок русского языкового сознания, презентируя сформированные в нём в течение истории народа образы. Особенность данной сферы применения русского языка состоит в том, что посредством СМИ одновременно воссоздаётся и конструируется тот или иной образ, то есть СМИ, находясь под влиянием языкового сознания, в свою очередь оказывают на него воздействие.

Анализ языка российских СМИ показывает, что созданный здесь образ Китая имеет характерные черты. Журналистами изображается Китай как сильное и прагматичное государство с древней историей, богатыми и сложными культурой и философией, с развитыми технологиями, экономикой, промышленностью, социальной сферой, являющееся международным партнёром России и противником США (политическим и экономическим) на мировой арене. Многие объекты китайской культуры вошли в культурный код русского человека, поэтому их наименования (**китайская ваза, китайский болванчик, китайская грамота, китайские церемонии** и др.) являются фразеологическими единицами, переосмысливаются, активно используются в метафорах, сравнительных конструкциях. В восприятии носителей русского языка сформирован образ китайца как трудолюбивого, мудрого, предприимчивого, хитрого, независимого человека, с характерной внешностью (разрезом глаз).

Китай для русского языкового сознания является устойчивым и даже стереотипным образом. Всё связанное с Китаем воспринимается как древнее, сложное и иное, Другое.

Как нам кажется, именно оригинальность, инаковость привлекают носителей русского языка в образе Китая, и они вновь и вновь обращаются к нему для характеристики самых разнообразных явлений действительности, на которые посредством данного образа можно посмотреть под иным углом зрения.

Проведённое в данной статье исследование имеет большие перспективы, поскольку Россия и КНР являются стратегическими партнёрами в политической, экономической, культурной, образовательных областях; взаимодействие между странами постоянно укрепляется, и это не может не отразиться на русском языковом сознании. Многие компоненты образа Китая в представлениях носителей русского языка стереотипны, традиционны, но есть и динамичные компоненты, причём их изменения во многом зависят от способа реализации в российских СМИ образа Китая.

Библиография

1. Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык средств массовой информации / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 210–220.
2. Фрумкина Р. М. Психолингвистика // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Карапулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 398–399.
3. Стернин И. А. Коммуникативное и языковое сознание // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж: Истоки, 2002. С. 4–14.
4. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Институт языкоznания РАН, 1996. С. 7–22.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 05.05.2024).
6. Кирсанова А. М. Образ Китая в российских специализированных интернет-СМИ // Архонт. 2019. № 3 (12). С. 55–61.
7. Го Л. Образ цифрового Китая в российских средствах массовой информации // Научный диалог. 2020. № 10. С. 26–36. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36.
8. Бицуева И. В. Эволюция образа Китая в российских СМИ (XVIII – начало XX вв.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 4 (96). С. 97–103. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-4-96-97-103.
9. Павлюкевич Р. В. Китай – от «жертвы милитаристов» до «брата-пролетария» (эволюция образа Китая в советских СМИ. 1946–1953 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 2. С. 117–124.
10. Хабаров А. А., Чудинов А. П., Ян Кэ. Образ Китая в российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 159–171.
11. Злобина Ю. И., Лян К. Образ Китая в российской печати: национально-культурные особенности коммуникации // Медиаисследования. 2019. № 6. С. 205–212.
12. Карабулатова И. С., Лагуткина М. Д. Образ Китая в лингвоинформационной модели современного медиадискурса (на материале русских и китайских СМИ) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 4. С. 40–53. DOI: 10.37482/2687-1505-V124.
13. Крылова М. Н. Символика Китая в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 227–235.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.05.2024).

15. Булыко А. Н. Фразеологический словарь русского языка. Минск: Харвест, 2007. 448 с.
16. Крылова М. Н. Художественный текст как прецедентный феномен // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62–65.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, и обратному явлению в Китае. В статье рассматривается представление образа Китая в современном российском медиадискурсе, а именно репрезентация в русском языковом сознании (в пространстве языка современных СМИ) образа Китая.

Целью настоящей статьи стало выявление основных особенностей образа Китая, репрезентированного в языке современных СМИ.

В статье автор обращается к историографии вопроса, описывая возникновения интереса к изучению культуры Китая в нашей стране. В основной части статьи автор обращается к изучению репрезентации образа Китая и культуры Поднебесной в медиадискурсе.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Исследование проводилось на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), при этом отбирались в первую очередь тексты, не посвящённые китайской теме, в которых фрагменты русского языкового сознания репрезентируются наиболее достоверно.

К недостаткам также можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на языке оригинала обогатило бы работу и включило ее в мировую научную парадигму. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, медиалингвистике, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по

междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильин Б.Б. Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70691 EDN: TWWWKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70691

Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника

Ильин Борис Борисович

ORCID: 0000-0002-9771-9374

старший преподаватель; кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации;
Государственный университет просвещения

105005, Россия, г. Москва, ул. Энгельса, 21, стр. 3

✉ bilin85@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70691

EDN:

TWWKO

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2024

Дата публикации:

10-05-2024

Аннотация: Цель работы заключается в описании семантики слов, номинирующих части ландшафта в житийных текстах, бытовавших в Древней Руси. Объектом исследования являются слова с пространственной семантикой, обозначающие объекты природы. Предметом исследования является семантика указанных лексических единиц. Материалом для анализа послужили житийные тексты, входящие в Успенский сборник. Для систематизации материала предложена классификация ландшафтной лексики по семантическим группам. Теоретическая часть работы представляет собой анализ уже имеющихся способов тематического идеографирования ландшафтной лексики, на основе чего предлагается классификация ландшафтной лексики для рассматриваемого языкового материала. Практическая часть статьи посвящена описанию значений слов, которые репрезентируют группу ландшафтной лексики. Обращается внимание на значение слова, частотность его использования, связь с событийной семантикой текстов.

Лексический материал был получен методом сплошной выборки. При выявлении семантики использованы лексикографический, контекстный, количественный анализы. В статье охарактеризованы слова с их базовыми значениями, которые характеризуют ландшафт в житиях Успенского сборника: возвышения: гора, хълмъ; ровные пространства — совпадают с открытыми пространствами; углубления: дъбрь, ровъ, яма, пещера (пещера); поросшие участки: боръ, лѣсъ, дрязга; открытые участки: поле, поустыни; водные пространства и участки суши рядом с ней: источникъ, рѣка, море, устие, брѣгъ, островъ. Отмечается, что группа ландшафтной лексики немногочисленна и нечастотна по употреблению. Автор приходит к выводу, что семантика ландшафтных именований в рассматриваемых житиях включает в себя элементы различных языковых славянских систем. Подчёркивается, что формирование метафорических значений у ландшафтной лексики происходит под влиянием библейских контекстов. Новизна исследования заключается в избираемом источнике языковых фактов: житийные тексты Успенского сборника не становились предметом системного лексико-семантического анализа. Также можно отметить, что анализ пространственной лексики на материале текстов, бытавших в Древней Руси, не осуществлялся. Работа может быть полезна в исследованиях категории локативности в древнерусском языке, а также при изучении образов пространства в славянских житийных текстах.

Ключевые слова:

жития, Успенский сборник, семантика, ландшафтная лексика, идеографирование, тезаурус, пространство, локусные именования, локативность, номинации природных объектов

В данной статье из возможных номинаций природных объектов будут рассматриваться только те, которые называют участки земной поверхности, то есть ландшафтная лексика. Целью исследования является классификация и описание ландшафтной лексики, которая встречается в житиях Успенского сборника.

При описании категории локативности отдельную семантическую область, семантический подкласс, составляет группа лексики, называющая участки земной поверхности и водные пространства. В Русском семантическом словаре эта группа относится к словам именующим, что указывает на грамматическую сему предметности, и включается в суперпарадигму «Космос. Земля. Природные образования», в которой реализуется семантика пространств и мест, существующих вне зависимости от деятельности человека [1, с. 798–800].

Л.Н. Федосеева среди лексических средств выражения категории локативности в современном русском языке выделяет «пространственные конкретизаторы событий», в которых отдельно выделяется группа ландшафтной лексики (в работе: Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. — Москва, 2013, с. 127–135). В этой классификации система номинаций объектов природы также противопоставлена системе номинаций рукотворных объектов.

К группе ландшафтной лексики, по мнению исследователя, относятся: а) водные пространства, б) ровные участки, в) горные поверхности, г) открытые пространства, д) пространства, покрытые растительностью, е) впадины и углубления, ж) нерукотворные трассы передвижения, з) залежи полезных ископаемых, и) части земной коры ниже

почвенного слоя. Отметим, что лексика последних двух групп в житийных текстах Успенского сборника не отмечена. Также стоит обратить внимание на возможность отнесения слова к разным группам, что обусловлено спецификой семантики слова, его способностью отражать разные представления о предмете. Так, слово луг включается и в группу «открытые пространства», и в группу «пространства, покрытые растительностью» (см. работу Л.Н. Федосеевой, с. 133).

Ландшафтная лексика охарактеризована на материале старославянского языка Т.И. Вендиной, которая в рамках семантической сферы «Пространство» выделяет группу «Земля». Она хорошо представлена лексемами, характеризующими ландшафт (возвышения, равнинные пространства, обрывы и пропасти), которые актуализируют противопоставление верха и низа, а вместе с тем и религиозно-этическую оценку [2, с. 168–172].

Разработка классификации для языкового материала, предлагаемого древнерусскими текстами, может опираться на предложенные классификации, так как, во-первых, членение пространства человеком носит универсальный характер, во-вторых, книжный материал древнерусской книжности и современный русский язык находятся в отношениях преемственности. Опираясь на предложенные схемы, для древнерусской книжности можно выделить группу «Природа как нерукотворное пространство», в рамках которой предлагается отдельно рассмотреть её подкласс «Земля и суша», который может быть описан следующим образом: 1. Участки земли: 1.1 Ландшафт/рельеф: а) возвышения, б) ровные места/пространства, в) углубления (обрывы, пропасти); 1.2 Растительность: а) поросшие участки, б) открытые участки; 2. Водные пространства и участки суши возле них.

Из встречающихся в житиях Успенского сборника номинаций, характеризующих рельеф местности и обозначающих **возвышения**, отмечены следующие.

Г о р а 'гора' [3]; 'значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью' [4, с. 218]. Значение совпадает со старославянским — 'гора' [5, с. 174]. Встречается 14 раз в семи различных житийных текстах, как в оригинальных, так и в переводных (например, в Житии Феодосия Печерского: *есть бо мала гора надълежащи надъ манастырь т□мы* [6, с. 55г15-19]; в Мучении Христофора: *нъ с горы подъходяще съглядываоуть и* [6, с. 96в2-4]). Слово отмечено при номинации географического объекта: *въниде въ манастырь ту суции близъ города иже нарочи и святая гора* [6, с. 41613-15]. Его использование продиктовано в некоторых случаях библейскими контекстами, например, в Сказании Бориса и Глеба цитируется стих из Евангелия от Матфея [7]: *не может градъ укрыти ся връху горы* стоя [6, с. 16в19]. В житиях слово может обозначать и место, в которое святой удаляется от мирского и в котором посвящает свою жизнь Богу, например, в житии Мефодия: *а ты любиши гороу вельми то не мози горы ради оставити оучения своего* [6, с. 105г3-6].

Слово гора становится в житиях обозначением сакрального локуса. О святости такого места, свидетельствует и дальнейшая возможность образования от него лексемы горний в значении 'духовный'. В первой части жития Мефодия с локусом горы связано жертвоприношение Исаака (Быт, 22: 1-19), но важно, что оно имплицитно сопоставляется с Голгофой, как местом принесения добровольной жертвы: *исакъ по образу хвоу на гороу въ жърту възведенъ бысть* [6, с. 103а28-30]. Христос является мерилом праведников, и поэтому хронология событий нарушена: Исаак поступает по

образу Христову, а не наоборот. Гора превращается в место, которое связано с Богом и со служением ему. Так и святой в житии должен быть на горе, чтобы служить богу.

Хълмъ 'холм, гора' [3]: и отътуда пакы преселися на инъ **хълмъ** антонии [6, с. 35г71], и акы комара сътворивъ ся пр□иде на дроугыихълмъ (в житии Феодосия Печерского). Значение совпадает со старославянским — 'холм, пригород' [5, с. 761]. Слово встречается три раза и только в славянских житиях: Житии Феодосия Печерского (2 раза) и Житии Мефодия (1 раз). По сравнению со словом *гора* слово *хълмъ* является менее частотным.

В Житии Мефодия слово использовано в неточной библейской цитате [8]: яко же рече пр□мудрость пр□же въс~~хълмъ~~ ражает мя [6, с. 102в25-26]. Обладая ближайшим, лексическим, значением 'возвышенное место', она в тексте приобретает значение, заданное используемой в тексте библейской цитатой, слова в которой принадлежат Премудрости: «Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов» (Притчи Соломона 8:25) [9, с. 601]. Слово *хълмъ* приобретает символическое значение: он становится символом тварного мира.

К номинациям, характеризующим **углубления**, относится несколько слов.

Дъбрь 'ров (?)' [3], 'обрыв, ров; горный склон, поросший густым лесом' [ДРЯ Т.3, с. 131]. Слово встречается только в оригинальном житии — Житии Феодосия Печерского: таче съньмъ съ него святую мантию и въвръже ю **въ дъбрь** [6, с. 34611]. Это значение сближается со значением, отмеченном в старославянском языке — 'ущелье' (в группе значений 'долина, низина, ущелье') [5, с. 202], однако их нельзя признать тождественными.

Ровъ 'яма' [3] (в Сказании о Борисе и Глебе: на поле потъчеся подъ нимъ конь **въ ровъ** [6, с. 1369]). Значение слова совпадает со старославянским — 'ров, яма' [ССЯ, 1994, с. 582]. Встречается 10 раз в 4 различных житиях. Самое большое количество употреблений отмечается в Житии Ирины (6 раз). В житиях слово обозначает место мучения или страдания, например, в Повести о святом Авраамии (да не в□мъ чъто сътворю къде съкрыю ся камо идоу **въ** котерый **ровъ** въввъргу ся [6, с. 301а5]), в Житии Ирины (она же просльжъши ся сама въскочи въ ровъ къ змиямъ [6, с. 75г25]).

Яма 'яма, ров' [3], то же значение отмечается и в старославянском языке — 'яма' [5, с. 2971], что говорит об общности значения слова для старославянского и древнерусского языков. В рассматриваемых житиях встречается только один раз — в переводном Житии Ирины: святая же ирини рече печеть ся о мн□ съхраниви данила пророкавъ **ямъ** от львъ [6, с. 75г3]. Подобный контекст встречаем и в Житии Еразма: и данила раба своего **издрова** львова [6, с. 120г4]. Употребление слов *яма* и *ровъ* в этих примерах показывает, что они использовались как синонимы.

Пещера (печера) 'пещера' [3; 5, с. 445], 'углубление, полое пространство в земной коре или в горе, образованное естественным путём или созданное человеком' [4, с. 830]. Встречается 44 раза в трёх житиях в различных орфографических вариантах, самое большое количество употреблений приходится на Житие Феодосия Печерского (41 раз), тогда как в житии Епифания Кипрского слово использовано 1 раз, в житии Пахомия — 2 раза. Обычно слово используется в рассматриваемых текстах для указания на место, в котором обретается святой: и въпроси епифанъ стар□ишиноу корабльного о велиц□ме

иларионъ къде живеть и тъ повѣда яко в пафѣ **въ пещере** (Житие Епифания Кипрского [\[6, с. 153а23-28\]](#); съдящовъ **пещере** емоу (Житие Пахомия) [\[6, с. 115г23\]](#)). Только в Житии Феодосия Печерского отмечается, что монашествующие сами создавали пещеры в холмах: и оттуда пакы преселися на инъ хълмъ антонии и ископавъ **пещеру** живяше не излазя из нея [\[6, с. 35г6-9\]](#).

В семантический подкласс «Участки неосвоенной земли» включается группа слов, в которых присутствует или отсутствует растительность. Группа «Поросшие участки» включает немногочисленную группу именований лесных участков, так как упоминания о лесе в житиях окказиональны и не встречаются в большом количестве житий.

Борь. Лексема борь встречается в тексте Успенского сборника единожды — в Сказании о Борисе и Глебе. Старославянский словарь этого слова не фиксирует. Относясь к конкретной лексике, оно не входило в круг употребительных в начале русской книжности. Словарь И.И. Срезневского фиксирует это слово и омонимичные ему в значениях 'сосна, сосновый лес', 'ячмень', 'род дани', а также похожее на него слово борь 'борьба' [\[3\]](#). Будучи распространённым в славянских языках [\[10, с. 193\]](#), оно не входило в корпус религиозной лексики. Его использование мотивировано хорошим знанием древнерусских реалий, а также, возможно, знанием деталей происходящих событий, описанных в житии. Автор Жития был свободен в выборе слов, не сдерживаемый греческим, латинским или славянским текстом.

Единственное употребление лексемы связано с упоминанием о нанесении смертельной раны в сердце мученику Борису, пока его везли в телеге по лесу: и яко быша на бороу начать въскланяти стою главоу свою [\[6, с. 12г5\]](#). Словари приводят этот пример со значением 'сосновый лес' [\[3\]](#), 'бор, сосновый лес' [\[11, Т1, с. 298\]](#).

Лѣсь. Слово используется в значении 'лес' [\[3\]](#), 'место, поросшее деревьями': тоже они отъшьдъше мало **въ лѣсь** и съдъше глаголааху [\[6, с. 46г31\]](#). В текстах житий встречается 4 раза: дважды — в Житии Феодосия Печерского, один раз — в Житии Епифания Кипрского. В контекстах житий лес становится местом укрытия (*и мало помъдливъше въ лѣсь* [\[6, с. 46г4\]](#)), местом добывания дров (*и воду нося и дръва из лѣса на свое плещю* [\[6, с. 366г13\]](#)). В житии Мефодия отмечается омонимичное слово — лѣсь 'пашня, поле' се брате въ соупроуга бяховъ диноу браздоу тяжаща и азъа лѣсъ падаю свои днь съконъчавъ а ты любиши **гороу** вельми [\[6, с. 107в5-11\]](#).

Дрязга 'лес' [\[3\]](#), 'лес, роща' [\[5, с. 199\]](#). Слово используется только один раз, причём использовано оно в переводном житии — Житии Епифания Кипрского, в котором оно синонимично слову лѣсь и связано с эпизодом о победе Епифания над львом: и искочи лъвъ **из дрязги** противу епифану [\[6, с. 148г24\]](#). Слово пришло в древнерусскую книжность благодаря церковнославянским текстам.

Рассмотрим группу ландшафтной лексики, обозначающую места, которые имеют низкую растительность или не имеют её. Такие пространства можно назвать **открытыми**, так как зрение человека не встречает препятствий при их восприятии. Из слов, обозначающих открытое пространство, лишённое растительности, в рассматриваемых житиях встречается чаще всего слова *пустыни* и *поле*.

Поле 'открытое место, поляна, луг, поле' [\[3\]](#), 'поле, равнина' [\[5, с. 474\]](#). В житийных текстах встречается 6 раз: дважды — в Сказании о Борисе и Глебе, трижды — в Житии

Феодосия Печерского, один раз - в Житии Епифания Кипрского. Слово используется в прямом значении, обозначая место передвижения (**на поле** потъчеся подъ нимъ конь въ ровѣ [\[6, с. 1368\]](#)), место битвы (и покрыша **поле** льтъское множествоъ вои [\[6, с. 15632\]](#)), место для строительства церкви (показа тѣмъ мѣстомъ своеемъ **поли** веля ту възградити ту таковую црквь [\[6, с. 160г17\]](#)).

Пустыни 'пустыня, необитаемая местность' [\[3\]](#), 'пустыня, пустынное место' [\[5, с. 557\]](#). Слово встречается 10 раз в житиях различного происхождения: в Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского и Мучении Еразма - по одному разу, в Житии Мефодия и Житии Епифания Кипрского - по 2 раза, в Повести Поливия - 3 раза. В значении 'пустыня' оно используется при упоминании о библейской истории хождения Моисея и людей, последовавших за ним, через пустыню: *обаче же надѣюся на Бога иже въ пустыни людьмъ непокоривымъ хлѣбъ небесныи одѣжди и источи крастѣли*(в Житии Феодосия Печерского) [\[6, с. 50в1-2\]](#); и в **пустыни** безводыи люди напои воды и хлѣба ангельского насыти и птицы(в Житии Мефодия) [\[6, с. 103618-24\]](#), и сквозь море проведе и яко по сусѣ земли и проведе **ипустынею** (в Житии Епифания Кипрского) [\[6, с. 151в2\]](#). Пустыня становится местом странствий и жительства и самих святых, тогда актуализируется значение 'необитаемая местность': *камо грядеши чадо рече же епифанъ къ илариону въ аскalonъ и газу и мимо въ пустынию* (Житие Епифания Кипрского) [\[6, с. 153616\]](#), *по разуму въси трие въсхотѣша чѣрнъци быти и ишьдѣшевъ пустынию бѧху ... и житиемъ добрѣмъ утваряеми* (Повесть Поливия) [\[6, с. 168а30\]](#). Отмечается значение 'пустынное место' (и приѣжевъ **пустынию** межю чехы и ляхи [\[6, с. 15г26\]](#)). Пустынное место становится как местом уединения для святого (слышав же се блаженныи еразмъ **поустынию** възлюби и прѣбысть тоу(Житие Еразма) [\[6, с. 119а1-3\]](#)), так и опасным местом (**по пустынамъ** въ разбойники [\[6, с. 108624-25\]](#)).

Отдельную группу ландшафтной лексики составляют слова, характеризующие водные пространства и расположенные рядом с ними участки суши. К **водным пространствам** можно отнести следующие.

Источникъ 'водный поток'. В этом значении слово используется в житии Вита. В тексте после явления бесов святому, когда он расположился у реки Силарь, следует рассказ о том, как люди приходили к нему, а Вит обращал их в христианство. После этого следует отсылка к псалму: *и въ иномъ фалмѣ рече · яко же жадаѣть елень **наисточники** водныя· ... тако жадаѣть дша мої къ тебѣ* [\[6, с. 127а17-24\]](#). В этом фрагменте цитируется стих из Псалтири: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс 41:1) [\[9, с. 552\]](#). Библейский контекст предполагает и метафорическое истолкование слова **источникъ**: водный источник ассоциируется с верой.

Море 'море, озеро' [\[3\]](#), 'море' [\[5, с. 332\]](#). Слово используется 27 раз в 8 житийных текстах. Оно употребляется в прямом значении как в повествовательных фрагментах (и приишьдѣша **надъ море** [\[6, с. 2665\]](#)), так и в евангельских цитатах (и речете горѣ сеи преиди и въвръзися въ **море** и аbie послушаетъ васъ [\[6, с. 2665\]](#)). Море в житиях становится местом странствий (и **по морю** въ вѣлны вѣтрыны (Житие Мефодия) [\[6, с. 108626\]](#), и шедъше **на море** обрѣтохомъ дѣва корабля(Житие Епифания Кипрского) [\[6, с. 153632\]](#).

Рѣка 'водный поток' [\[3\]](#), 'река' [\[5, с. 587\]](#). Слово использовано 16 раз в семи различных

житиях. Оно употребляется в прямом значении: *събрати въ кошь укрухи ты и несьше посрѣдѣ рѣкы въсыпати* [6, с. 52а15]. Слово *рѣка* используется и в качестве сравнения, утрачивая при этом пространственную семантику: *вижь течение слезъ моихъ яко рекоу* (Сказание о Борисе и Глебе) [6, с. 14в13]. В связи с описываемыми событиями отдельно может обозначаться устье как место впадения реки: *святыи же поиде въ кораблици и сърѣтоша иустие смядины* (Сказание о Борисе и Глебе) [6, с. 13г6], *того ради епископъ сътвори црквь на устии рѣкы* (Житие Христофора) [6, с. 102а12].

В некоторых житиях обозначаются **участки суши, расположенные возле воды.**

Брѣгъ 'берег' [3; 5, с. 102]. В житийных текстах сборника встречается только один раз в Житии Пахомия: *и принесъше положать ю на брѣзѣ рѣкы* [6, с. 11764]. В этом житии слово *страна* контекстно сближается по значению со словом *брѣгъ*: *жены же соуть о сию страноу нила рѣкы моужи же об оноу страноу сихъ* [6, с. 117а29-62]. В другом графическом оформлении (берегъ) слово в житиях не отмечено.

Островъ 'остров' [3; 5, с. 421]. Слово используется 12 раз в трёх житиях: в Житии Феодосия Печерского - 5 раз, в Житии Епифания Кипрского - 3 раза, в Повести Поливия - 4 раза. Синонимичное ему слово *отокъ* в житиях не отмечено.

В житии Феодосия упоминаются два острова, куда отправляются монахи и на одном из которых впоследствии создаётся сакральное место - церковь и монастырь: *великыи же никонъ отыде въ островъ тъмутороканъскыи и ту обрѣсть мѣсто чисто близь града сѣд на немъ и Божиєю благодатию въздрасте мѣсто то и црквь стыя Богородица възгради на немъ и бысть манастирь славънъ* [6, с. 35620-28]. Другой остров получает название по прозванию монаха, называемого болярином: *се же и донынѣ островъ тъ зовомъ есть боляровъ* [6, с. 35618-20]. Использование *figura etimologia* в данном случае показывает, что имя собственное закрепляет духовный подвиг монаха в памяти. В Житии Епифания Кипрского и Повести Поливия, которая примыкает к предыдущему тексту, слово *островъ* указывает на конкретный географический объект - остров Кипр: *и иди въ кипръскы островъ* [6, с. 150а11], *и ведыи ведяше епифана въ кипръскыи островъ* [6, с. 153а6].

Таким образом, в житиях Успенского сборника встречаются слова с их базовыми значениями, которые характеризуют ландшафт: возвышения: *гора, хълмъ*; ровные пространства — совпадают с открытыми пространствами; углубления: *дѣбрь, ровъ, яма, пещера (печера)*; поросшие участки: *боръ, лѣсъ, дрязга* открытые участки: *поле, поустыни*; водные пространства и участки суши рядом с ней: *источникъ, рѣка, море, устие, брѣгъ, островъ*.

Можно отметить, что группа ландшафтной лексики немногочисленна и нечастотна по употреблению. По встречаемости в разных житийных текстах особо выделяются лексемы *рѣка* и *море*. Большая частота словоупотребления слова *пещера (печера)* приходится только на один житийный текст (житие Феодосия Печерского).

Обращает внимание и происхождение ландшафтной лексики: вся анализируемая лексика является славянской. Можно говорить о графической разноформленности некоторых слов при идентичности семантики (*пещера/печера*). Однако семантика ландшафтных именований в рассматриваемых житиях включает в себя элементы различных языковых славянских систем: одни слова проникали из древнерусского языка (*дѣбрь, боръ*), другие — из диалектов южных или западных славян (*дрязга*).

Реализация базовой семантики у слов, относящихся к ландшафтной лексике, происходит для передачи мест, в которых происходят описанные в житиях события. Этим продиктована частотность некоторых лексем в житиях (пещера в житии Феодосия Печерского). Наряду с этим формирование и реализация метафорических значений происходит благодаря библейским контекстам. В некоторых случаях ландшафтная лексика выступает как локализатор жизни и деятельности святого и становится основой для возникновения агиоантропонима (пещера — Феодосий Печерский, Кипр — Епифаний Кипрский).

Библиография

1. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. /РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: «Азбуковник», 2002.
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002..
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (Дата обращения: 15.04.2024)
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. — Спб.: «Норинт», 2000.
5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М.: «Русский язык», 1994.
6. Успенский сборник XII–XIII вв. — М.: Наука, 1971.
7. Сказание о Борисе и Глебе // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871#_edn46 (Дата обращения: 15.04.2024)
8. Житие Мефодия // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2164> (Дата обращения: 15.04.2024)
9. Библия. — Москва: Издание Московской патриархии, 1988.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — Т. 1. — М.: «Издательство Астрель», «Издательство ACT», 2003 г.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл.ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улуханов. — М.: «Русский язык», 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения исследователей к изучению номинаций природных объектов на языковом материале древнерусской пергаменной рукописи южнорусского происхождения конца XII — начала XIII века.

Целью исследования является классификация и описание ландшафтной лексики, которая встречается в житиях Успенского сборника.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. Основными методами исследования являются описательный, сравнительно-сопоставительный. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует уточнения, не все поставленные задачи в нем оказались раскрыты и не представлена дальнейшая перспектива исследования.

Материалом исследования явились тексты Успенского сборника. К сожалению, автор не приводит информацию о параметрах выборки, ее принципах, а также не дает пояснений насколько велик отобранный для исследования языковой корпус.

К недостаткам также можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на языке оригинала обогатило бы работу и включило ее в мировую научную парадигму. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Ряд ссылок указаны в центре работы, но не выведены в библиографический список (например, Федосеева). Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории русского языка, теории номинации, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Семантика ландшафтной лексики в житиях Успенского сборника» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Никонов С.Б., ЕЮ., Байчик А.В., Лабуш Н.С. Постгуманистическая трансформация субъекта в "виртуальном личном присутствии" на онтологическом уровне // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70690
 EDN: ZEXTFP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70690

Постгуманистическая трансформация субъекта в "виртуальном личном присутствии" на онтологическом уровне

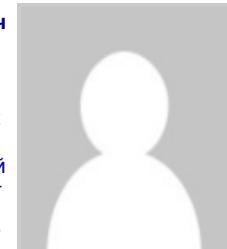
Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru**ЕЮй-Чиэнъ**

аспирант, кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ n.labush@spbu.ru**Байчик Анна Витальевна**

ORCID: 0000-0003-0527-5858

доктор политических наук

профессор; кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ annabaichik@gmail.com**Лабуш Николай Сергеевич**

доктор политических наук

профессор; кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ n.labush@spbu.ru[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.5.70690

EDN:

ZEXTFP

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2024

Дата публикации:

10-05-2024

Аннотация: Актуальность данного исследования обусловлена растущей коммерциализацией и интеграцией технологии «виртуальной реальности» (VR) в повседневную жизнь и науку, требующей осмыслиения её влияния на опыт пользователя и конструкцию человеческой субъектности, а также потенциала модификации человеческого взаимодействия с окружающим миром. Ученые обсуждают потенциальные возможности VR и выражают потребность в том, чтобы она как можно скорее открыла перед человечеством двери в новую эпоху. В этом контексте критический анализ и философская рефлексия по поводу развития техники виртуальной реальности и возможного влияния на жизнь человека становятся крайне актуальными и злободневными. Предмет исследования - содержание и трансформация субъекта реальности в виртуальном пространстве посредством медиатизации. Объектом исследования является виртуальная реальность. В основу работы положен метод деконструкции основанный на принципах, толкования прочитанного без искажения смысла. С его помощью были отобраны наиболее существенные и подходящие фрагменты для научного понимания и исследования феномена. В результате исследования обнаружено, что в процессе интеракции со средой виртуальной реальности человек как субъект уже не является изолированной субстанцией, а выражает свое существование посредством информатизации. Концепция «виртуального личного присутствия» предоставляет человеку рамки для онтологического расширения в виртуальном измерении, поэтому деятельность виртуальной реальности на субъектное конструирование человека оказывает глубокое влияние, характеризуемое постгуманистическими особенностями. Наряду с этим, такое влияние на уровне онтологии, главным образом, проявляется в виртуализации и информатизации субъекта. Виртуализация субъекта не только показывает расширение субъектности в виртуальном измерении, но и выражает, что она всегда сохраняет постоянно меняющийся, пластичный потенциал; информатизация субъекта подразумевает, что в деятельности виртуальной реальности субъект представляет своё существование в виде конкретной информационной структуры.

Ключевые слова:

Аксиология журналистики, виртуальная реальность, медиатехнологии, медиафилософия, технический прогресс, Журналистика, Медиатизация, объективная реальность, философия журналистики, медийный эффект

Введение

Главное отличие техники VR от предшествующих медийных технологий заключается в том, что в искусственно сгенерированной виртуальной среде она способна создавать для человека ощущение полного погружения, или своего рода чувство «личного присутствия» (как будто там и сейчас). Такой феномен «виртуального личного присутствия» обычно интерпретируется как результат пассивного восприятия действия внешних технологий, или просто как изменение субъективного опыта, вызванное чувственными стимулами. Однако, такой подход, основанный на дуализме субъекта и объекта, просто рассматривает технику виртуальной реальности как средство, доступное человеку для использования или развлечения, при этом человек и технология находятся во внешнем отношении. Если мы освободимся от дуалистического противоположного мышления о мире и взглянем на ситуацию с другой позиции, то увидим, что опыт погружения в технику виртуальной реальности оказывает глубокое воздействие на образ жизни человека.

В феноменологии телесности французского философа Мерло-Понти перцептивное тело занимает важное место в понимании взаимоотношений между человеком и миром. Тело (понимаемое нами, как человек) представляет собой не только материальный объект, но и область человеческого восприятия и практики, где сливаются физическое и психическое состояние [Мерло-Понти, 2008: 99]. Другими словами, тело — это способ человеческого взаимодействия с миром и основа человеческого существования в нем. В этом смысле мир для человека не является объектом, который находится в противоположности к нему как субъектам, а предстает перед человеком в виде конкретизированного воплощения, и становится реальной жизненной сферой человека в зависимости от перцептивных активностей тела.

Основываясь на данной феноменологии, можно предположить, что, когда человек погружается в виртуальную реальность, связь между ним и виртуальным миром не сводится к простому дуалистическому отношению субъекта и объекта, а к опыту взаимному сплетению телесных ощущений человека и виртуальной среды. Такое явление «виртуального личного присутствия» относится не только к прямым стимулам для чувств человека внешними технологиями, но и фактически к тому, что оно расширяет способы существования человека в виртуальном пространстве и способно оказать глубокое влияние на конструирование человеческой субъектности.

Актуальность данного исследования обусловлена растущей коммерциализацией и интеграцией технологии «виртуальной реальности» в повседневную жизнь, требующей осмыслиения её влияния на опыт пользователя и конструкцию человеческой субъектности, а также потенциала модификации человеческого взаимодействия с окружающим миром.

Научная разработанность исследования

Вопрос о сущности виртуальной реальности вызывает различные толкования среди ученых, которые можно разделить на объяснения, основанные на внешнем технологическом аспекте, и объяснения, основанные на внутреннем философском аспекте.

Объяснения на технологическом аспекте в целом сходятся. Например, американский компьютерный художник Майрон Крюгер считает, что виртуальная реальность — это трехмерная реальность, создаваемая с помощью очков, способных воспроизводить стереоскопическое зрение, и сенсорных устройств [Крюгер, 1991: XIII]. Американские ученые Григор Бурдия и Филипп Коффе отмечают, что виртуальная реальность является

высокоуровневым интерфейсом человека-машинного взаимодействия, который осуществляет симуляцию и интеракцию между человеком и машиной в реальном времени через опыт органов чувственного восприятия, таких как зрение, слух, осязание, обоняние и вкус, и объединяет погружение, взаимодействие и воображение в одно целое. В качестве искусственной среды она в некотором смысле осуществляет синтез реалистичной реальности и искусственной реальности [Бурдиа, Коффе, 2003: 3]. В общем, толкования на технологическом аспекте включают в себя электронную имитационную среду и связанные с ней системы электронного оборудования, такие как специальные визуальные шлемы или очки, сенсорные перчатки и сенсорные одежды.

Философский аспект исследования сущности виртуальной реальности в основном связан с пониманием взаимоотношений между «виртуальностью» и «реальностью», а также с вопросами о переживаниях и опытах, получаемых человеком в этом контексте.

Американский ученый Майкл Хейм в своей работе «От интерфейса к киберпространству: метафизика виртуальной реальности» с точки зрения семантики определяет виртуальную реальность как «события или объекты, которые истинны в практическом, но не в фактическом смысле». Иными словами, техника виртуальной реальности может имитировать свойства и функции реальных вещей, тем самым создавая ощущение реальности, однако, оно на самом деле не эквивалентно реальным объектам или фактической реальности. Ученый суммирует семь основных характеристик виртуальной реальности: имитативность, интерактивность, искусственность, иммерсивность, удалённое восприятие, погружение всего тела в сетевую коммуникацию [Хейм, 2000: 111-132].

Российский ученый-философ В. М. Розин рассматривает виртуальную реальность как «реальность символов», основанную на компьютерных технологиях, и подчеркивает эффективность человеческого поведения в виртуальном мире [Розин, 2018: 196-197].

Французский философ Пьер Леви считает, что виртуальное отличается от ошибки и воображения, и оно представляет собой реальность, которая отдельно сосуществует независимо от действительности, и сочетание тенденций или сил, связанных с определенными ситуациями, при этом, оно соединяется с реальностью в творческом процессе [Леви, 1998: 15-34].

Английский ученый Кристофер Хоррокс утверждает, что виртуальная реальность является расширением чувств и возвращением к действительности, а не бегством от нее [Хоррокс, 2005: 69-92].

По мнению американского ученого Джонатана Стойера, что ключ к пониманию виртуальной реальности заключается в опыте человека, а не в аппаратных технических устройствах. Ученый использует концепции «личного присутствия» и «удаленного присутствия» для объяснения виртуальной реальности, рассматривая личное присутствие как естественный непосредственный опыт сознания окружающей среды и удаленное присутствие как перцептивный опыт окружающей среды, созданный с помощью медицинских технологий. Таким образом, он определяет виртуальную реальность как реальную или симулированную среду, которая позволяет человеку получить опыт удаленного присутствия [Стойер, 1995: 33-65].

Используемый понятийный аппарат

Техника виртуальной реальности (VR) это компьютерная технология в сочетании с соответствующими научными технологиями для создания цифровой среды, которая в значительной степени имитирует реальную среду в аудиовизуальных и тактильных

аспектах. Пользователи с помощью необходимого оборудования взаимодействуют с объектами в цифровой среде, что позволяет им получить опыты, которые схожие с нахождением в реальной среде [Чжоу Цинппин, 2009: 2].

В качестве нового вида развивающихся медиатехнологий наиболее привлекательная особенность техники виртуальной реальности заключается в своей способности предоставлять человеку глубокое погруженное ощущение «личного присутствия». По сравнению с традиционными видео технологиями, такая техника в определенной степени преодолевают барьер, создаваемый экраном, позволяя пользователю больше не просто наблюдать со стороны, а действительно входить в тот мир и непосредственно испытать, и почувствовать себя непосредственно. Таким образом, она показывает нам не только изображения, но и дает доступ к открытому, виртуальному и, одновременно, реальному миру.

Обычно считается, что техника виртуальной реальности обладает тремя основными характеристиками: «ощущение погружения», «интерактивность» и «креативность». Эти характеристики впервые были предложены американскими учеными Бурдия и Коффетом в их работе «Система и применение виртуальной реальности», и впоследствии получили широкое признание. С развитием техники виртуальной реальности в сторону интеллектуализации эти существующие характеристики постепенно эволюционировали, добавив особенность «интеллектуальности» к первоначальной основе [Чжоу Цинппин, 2017: 1].

Ощущение погружения является наиболее ключевой и привлекательной особенностью опыта виртуальной реальности. Благодаря высокореалистичной симуляции окружающей среды, мультисенсорным стимулам и эффективному привлечению внимания, пользователь способен глубоко интегрироваться и ощущать свое состояние как реальное нахождение непосредственно в виртуальной среде, что позволяет ему временно игнорировать существование внешней физической среды. В такой обстановке пользователь не только видит себя как часть виртуального мира, но и может полностью погрузиться, глубоко испытывая этот новый и необычный мир.

Интерактивность — это характеристика виртуальной реальности, позволяющая пользователям в создаваемый ей среде взаимодействовать с объектами данного окружения, оказывать на них влияние и получать соответствующую обратную связь. Вместо того, чтобы полагаться на традиционные устройства ввода, такие как мыши или клавиатуры, взаимодействие происходит непосредственно на уровне телесных ощущений пользователя с помощью носимых шлемов-дисплеев, сенсорных перчаток, сенсорной одежды и так далее. Такой подход интеракции приближает объекты виртуальной среды к пользователю, усиливая его связь с виртуальным миром. Чем естественнее интеракция и реалистичнее обратная связь, тем больше усиливается ощущение погружения в этот мир.

Креативность подразумевает, что иммерсивные и интерактивные среды виртуальной реальности могут вдохновить воображение и творческий потенциал пользователей, что позволяет такой технике продемонстрировать гигантский потенциал широкого применения в области научных исследований, дизайна и разработки продуктов, художественного творчества и т. п.

Интеллектуальность — это направление будущего развития техники виртуальной реальности, и цель состоит в том, чтобы создать интеллектуальные модели, которые смогут саморазвиваться и обладать жизненными характеристиками. Иными словами,

построение среды виртуальной реальности будет постепенно выходить за рамки традиционных статичных геометрических и физических моделей, развиваясь в направлении динамичных, более комплексных геометрических и физических моделей. Это позволит системе виртуальной реальности создать более реалистичное визуальное восприятие, улучшить симулированные отображения в аспектах динамики окружающей среды и событий, интеллектуализации поведения живых объектов и других, с идеальной целью воссоздания постоянно меняющегося мира [ГИСРТИВР, 2016].

Аксиологические аспекты журналистики

Российский ученый К.Р. Нигматуллина полагает, что «журналистика как наука пересекается почти со всеми областями гуманитарного знания, особенно - с философией, поскольку описывает и использует в качестве методологического инструмента познание. Объектом познания в журналистикой практике становится весь окружающий мир. а в число объектов познания журналистики, рассматриваемой в качестве науки, входят такие онтологические категории, как, например, ценности» [Нигматуллина, 2008:140]. Данные характеристики показывают, техника виртуальной реальности, по существу, фокусируется на состоянии и образе существования человека, относясь к более гуманизированной технике, которая глубоко отражает «личное присутствие» человека в мире виртуальной реальности. Простыми словами, личное присутствие означает, что пользователь не является внешним наблюдателем изменений виртуального изображения, а лично входит или находится в виртуальной, зато активной и конкретной обстановке. В таком случае, при взаимодействии с пользователем обстановка будет меняться соответствующим образом, и пользователь тоже становится частью обстановки, вместе формируя мир, который постоянно изменяется. Таким образом, именно такое «чувство личного присутствия» отличает технику виртуальной реальности от предыдущих медиатехнологий. Она больше не является просто техническим инструментом, а на более глубоком уровне оказывает влияние на состояние и образы существования человека.

С развитием техники виртуальной реальности (VR), феномен «виртуального личного присутствия» не ограничивается лишь субъективным опытом, вызванным внешними технологическими стимулами, но представляет собой расширение онтологической структуры существования человека в виртуальном измерении, что, в свою очередь, оказывает глубокое влияние на конструирование человеческой субъектности. В этом контексте традиционный гуманистический взгляд на субъектность уже не недостаточен для объяснения изменения субъектности в технике виртуальной реальности, а на смену ему приходит постгуманистический образ мышления.

По словам немецкого философа Мартина Хайдеггер, западная история вступила в завершающую фазу современности, характеризующейся тем, что человек стал мерилом и центром существ. Человек является не только основой для всех существ, но и основой для всех современных объективаций и представляемости [Хайдеггер, 2015: 747]. Однако, с бурным развитием цифровых виртуальных технологий, искусственного интеллекта и других высоких технологий, первозданная простота внутренней сущности человека подвергается подрыву, и традиционное положение субъекта также колеблется. Это требует переосмыслиния концепции «человека» и состояния его существования, что постепенно приводит к формированию течения постгуманизма.

В отличие от гуманистических взглядов, постгуманизм считает, что «человек» больше не является защищенным привилегированным центром, что границы между человеком, животными и машинами нечетки, что человек это всего лишь результат исторических и

культурных различий, и это делает невозможным стремление к любой универсальной сущности человека [Эллиott, Бедмингтон, 2020: 72].

Постгуманизм выступает за децентрализацию и противодействует как пониманию сущности человека как абстрактной субстанции, так и бинарной оппозиции субъекта, и объекта. На самом деле постгуманизм не возражает против субъективированного понимания человека, а формы абстрактных субъектов, которая предполагается в традиционном гуманизме, и пытается, с точки зрения плюрализма, дифференциации и реляционности, переосмыслить смысл существования человека в контексте современной науки и технологии.

Возникновение постгуманизма было под влиянием информационно-теоретической концепции жизни, согласно которой, что сущность жизни, по существу, это информационный режим существования. Информация здесь определяется как то, чем мы обмениваемся с внешней средой в процессе регулирования её [Винер, 2017: 3]. С точки зрения информационно-теоретической концепции жизни, внутренняя сущность человека больше не является абстрактным субъектом сознания, а информационным режимом, при этом, материальное тело представляет собой лишь временный носитель информации.

Выводы

Информатизация субъекта обозначает, что в процессе интеракции со средой виртуальной реальности человек как субъект уже не является изолированной субстанцией, а выражает свое существование посредством информатизации.

Концепция «виртуального личного присутствия» предоставляет человеку рамки для онтологического расширения в виртуальном измерении, поэтому деятельность виртуальной реальности на субъектное конструирование человека оказывает глубокое влияние, характеризуемое постгуманистическими особенностями.

Наряду с этим, такое влияние на уровне онтологии, главным образом, проявляется в виртуализации и информатизации субъекта. Виртуализация субъекта не только показывает расширение субъектности в виртуальном измерении, но и выражает, что она всегда сохраняет постоянно меняющийся, пластичный потенциал; информатизация субъекта подразумевает, что в деятельности виртуальной реальности субъект представляет своё существование в виде конкретной информационной структуры.

Список сокращений

1 . ГИСРТИВР - Группа исследований стратегии развития технологий и индустрии виртуальной реальности

Библиография

1. Мерло Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
2. Krueger M.W. (1991)Artificial reality (2nd ed.). Addison-Wesley, 1991 P/286
3. Burdea G.C., Coiffet P. Virtual Reality Technology. New York: John Wiley & Sons, 2003.
4. Heim, Michael. From Interface to Cyberspace: Metaphysics of Virtual Reality. Translated by Jin Wulun and Liu Gang. Shanghai: Shanghai Scientific & Technical Publishers, 2000.
5. Розин В.М. Философия техники. От египетских пирамид до виртуальных реальностей. – М.: NOTA BENA, 2001.
6. Lévy P. Becoming Virtual: Reality in the Digital Age. Translated by Bononno R. New York and London: Plenum Trade, 1998.

7. Хоррокс Кристофер (2005). Маклюэн и виртуальная реальность [M] / перевод Лю Цяньли. — Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005 Р.320
8. Steuer J. Defining Virtual Reality: Dimensions Determining Telepresence// Biocca B F, Levy M R. Communication in the Age of Virtual Reality. Hillsdale, NJ:Lawrence Erlbaum, 1995: 33-56.
9. Чжао Цинппин. Тенденции развития VR после первого года VR. Научно-технический вестник, 2017, 35(15): С. 1.
10. Нигматуллина К.Р.. "Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения" Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, №. 1-1, 2008, pp. 140-146.
11. Чжао Цинппин. Обзор виртуальной реальности. Китайская наука: информационные науки, 2009, 39(1): С. 2-46.
12. Хайдеггер Мартин. Собрание сочинений Хайдеггера. Ницше (том второй) / Мартин Хайдеггер. — Пекин: Издательство коммерческой печати, 2015. Р.240
13. Эллиott Грегори, Нил Бедмингтон Гре Гуманизм и постгуманизм Культуры Китая и зарубежья, 2020, (00): С. 69-76.
14. Винер Норберт. Человек имеет свое значение / перевод Чэнь Бу. — Пекин: Издательство коммерческой печати, 2017.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Постгуманистическая трансформация субъекта в "виртуальном личном присутствии" на онтологическом уровне», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к осмыслению вопроса о сущности виртуальной реальности, который вызывает различные толкования среди ученых, которые можно разделить на объяснения, основанные на внешнем технологическом аспекте, и объяснения, основанные на внутреннем философском аспекте.

Работа является теоретической.

Актуальность данного исследования обусловлена растущей коммерциализацией и интеграцией технологии «виртуальной реальности» в повседневную жизнь, требующей осмыслиния её влияния на опыт пользователя и конструкцию человеческой субъектности, а также потенциала модификации человеческого взаимодействия с окружающим миром.

Несомненно, трансформация современного общества, с учетом доминирования высоких технологий, увеличения скорости распространения информации и моделирования виртуальной реальности, погружаясь в которую люди, зачастую, теряют связь с внешним миром очевидна, как и очевидно то, что назрела потребность в изучении трансформации личности в виртуальном пространстве.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается как к

общенаучной методологии, так и к методам философии и лингвистики.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых присутствуют работы как на русском языке, в том числе переводные, так и зарубежных исследователей на языке оригинала. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации российских ученых по данной и смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории и практике перевода. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Постгуманистическая трансформация субъекта в "виртуальном личном присутствии" на онтологическом уровне» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Bulgarova B.A., Chen F., Ju Y., Chinennaya T.Y. Research on the transformation of news media industries in China and Russia in the era of intelligent media // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70416 EDN: XMXZAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70416

Research on the transformation of news media industries in China and Russia in the era of intelligent media / Исследование трансформации индустрии новостных медиа в Китае и России в эпоху интеллектуальных медиа

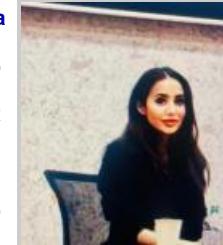
Булгарова Белла Ахмедовна

ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Чэнь Фэнлань

ORCID: 0009-0007-2297-6126

аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042238094@rudn.ru

Цзюй Ян

ORCID: 0009-0009-3422-8402

магистр; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1032228405@rudn.ru

Чинённая Тамара Юрьевна

ORCID: 0000-0002-2621-6606

кандидат филологических наук

доцент; кафедра национальных и федеративных отношений; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, ул. Пр. Вернадского, 82, стр.1.

✉ t.chinennaya@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70416

EDN:

ХМХЗАО

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2024

Дата публикации:

12-05-2024

Аннотация: Предметом данного исследования является эра умных медиа, которая окажет значительное влияние на экосистему новостных СМИ в России и Китае. Она приведет к очередной промышленной трансформации и изменениям в новостной индустрии. Конвергенция традиционных и новых медиа становится возможной благодаря технологиям 5G, облачным вычислениям и большим данным. Пандемия COVID-19 ускорила темпы развития медиааналитики, оцифровки и медиаплатформ в обеих странах. Кроме того, в последние годы наблюдается всплеск развития искусственного интеллекта, который находит применение в различных областях, таких как военное дело, здравоохранение, пенсионное обеспечение и т. д. Развитие ChatGPT стало важным сигналом перемен в медиаиндустрии. Новостная медиаиндустрия переживает трансформацию, которая уже идет полным ходом. Методология исследования носит комплексный характер и включает в себя: описательный метод, сравнительный анализ данных, статистический анализ и контент-анализ. Новизна исследования заключается в анализе интеллектуальных медиапарадигм в Китае и России. Исследуется характер медиавзаимодействия между двумя странами, а также траектория развития глобальных инновационных технологий. Подробно описываются тенденции, связанные с развитием цифровизации и искусственного интеллекта в следующих областях: цифровизация деятельности, производство новостей, развитие медиаплатформ и технологий искусственного интеллекта, процессы цифровизации медиаконтента. Проводится перспективный анализ потребности в международных специалистах, обладающих как гуманитарными, так и техническими компетенциями. Исследуется характер медиавзаимодействия между двумя странами, а также траектория развития глобальных инновационных технологий. Подробно описываются тенденции, связанные с развитием цифровизации и искусственного интеллекта в следующих областях: цифровизация деятельности, производство новостей, развитие медиаплатформ и технологий искусственного интеллекта, процессы цифровизации медиаконтента. Проводится перспективный анализ потребности в международных специалистах, обладающих как гуманитарными, так и техническими компетенциями. Делается вывод о том, что цифровая и интеллектуальная трансформация новостных СМИ может вывести сотрудничество между двумя странами на новый исторический уровень. Кроме того, медиасотрудничество между Китаем и Россией может способствовать стабилизации ситуации в мире и созданию благоприятной экологической среды для международных СМИ.

Ключевые слова:

Китай, Россия, медиа, искусственный интеллект, цифровизация, платформа, ориентированные на технологии, изменение, создание контента, развитие

1. A theoretical description of a research question

Background Analysis of the Transformation of the media industry of Chinese and Russian

The rapid pace of technological change is astounding, with discussions shifting from the transformation of traditional media and media convergence to the transformation of new media into intelligent media. News media are facing significant challenges, and transformation in media industry is imminent. We are currently in the midst of the big data era, which began in 2013, and have been riding the wave of big data development for a decade. Today, the focus is not only on data analysis but also on the decision-making process behind it. This includes capturing user preferences, retaining users, and creating greater value. Intelligence is synonymous with this era, and every aspect of daily life is pursuing it. If a platform or item lacks intelligence, it will be instantly eliminated by this era. As an industry that advances with the times, it is the mission of news media to change with them.

The purpose of this research is to comparatively analyse the development trajectory of the media industry in Russia and China.

For this purpose, the authors have chosen the following methodological approaches: comparative analysis, conceptual analysis of digital media of the modern era in both countries, statistical data method and survey results. This comprehensive approach is able to reflect the dynamics of the development of the Chinese and Russian media industries and further vision. The study also takes into account the latest trends in AI and digitalisation.

The intelligent media Age is an advanced version of the Big Data Era. It integrates the entire information system through the combination of powerful Internet technology and the Internet of Things. News is produced and disseminated through the computational functions of big data, virtual reality, and other technologies. The prominence of intelligent media is increasing as artificial intelligence has a greater impact on human life. This process has been ongoing, but the label of intelligent media is becoming more prominent. Intelligent media is characterized by its ability to connect people with people, people with things, and things with things through any substance. The popularisation of artificial intelligence has enabled human-machine interaction and symbiosis. Currently, the main way of human-machine symbiosis is through the interaction between people and smartphones. In the future, more convenient sensors and chips may emerge, leading to a higher degree of human-machine fusion. Another characteristic of the intelligent media era is the ability of self-learning. The maturity of intelligent media is demonstrated by its ability to meet human needs through learning and evolution. In the future, news may be generated and reported automatically, but the possibilities are endless. ChatGPT was launched in November 2022 and has had a significant impact on the text assignment industry. Some people believe that media workers may lose their jobs due to ChatGPT's ability to quickly generate high-level articles based on user requirements. However, it is important to note that ChatGPT is a tool that can assist reporters and editors in their work. It is not a replacement for human creativity and critical thinking. This technology can enhance the efficiency of journalists, compensating for professional shortcomings. However, it may also stifle the creativity of media personnel, reducing them to mere keywords. The integration of

artificial intelligence into the news media industry is undoubtedly significant, particularly in the international media sector, where it can address a wide range of challenges. The integration of artificial intelligence into the news media industry is undoubtedly significant, particularly in the international media sector, where it can address a wide range of challenges. For instance, Sino-Russian media cooperation faces challenges such as cultural differences, language barriers, statistical difficulties, public opinion backlash, and other issues. The international social environment is unpredictable, and conflicts between countries are increasingly prominent. As the world becomes more multipolar, international cooperation is becoming closer, and the need for cross-cultural exchanges is growing. Improving the quality of media cooperation between China and Russia is crucial not only for their bilateral relations but also for promoting global peace. The media serves as an effective tool for communicating a country's culture, and with the rise of social media, it has become easier to access information from abroad. Official or mainstream media outlets from both countries have established their own social media accounts to disseminate their foreign propaganda content. In an international context, the effectiveness of communication is closely linked to the level of visual aids used in news media. For instance, AI anchors, VR, video animation, and audio are all attention-grabbing tools. This is particularly important given the challenges of cross-cultural communication.

Media cooperation and exchanges between China and Russia have entered a new era. To face the future of media intelligence, innovation is the only way forward, and cooperation is an inevitable choice. China-Russia media cooperation has always been a part of the strategic cooperation between the two countries. This cooperation is in line with the current trend of digital media transformation and aims to improve the ability to cooperate and innovate ways of collaboration. The ultimate goal is to build bridges for exchanges between the people of both countries. The main common denominator of Russian and Chinese media is the nationalization of media ownership. China's media has always been state-led, state-audited and gate-keeping, and has never deviated from serving the basic interests of the people. In contrast, Russia's news media has undergone several changes. For a period of time, it was privatized and owned by Western capitals. However, after Vladimir Putin became president in 2000, he made significant efforts to rectify the national media market and regain control of the media discourse. As a result, the media returned to a state of nationalization. Therefore, the two countries have a cordial relationship in terms of media cooperation at the political level. In response to some Western media's slander, smear, and distortion of China and Russia, the media of both countries have unitedly confronted them and pushed the world's media development towards objectivity, truthfulness, and openness. At the national level, China and Russia have signed several cooperation agreements. In 2016-2017, they organized the China-Russia 'Year of Media Exchanges' program, which elevated media cooperation between the two countries to the national level. The Xinhua News Agency of China and TASS news agency of Russia jointly developed an AI news anchor, which made its debut during the 70th anniversary of the establishment of friendly diplomatic relations between the two countries. In 2017, the China-Russia Headlines App was jointly developed by China and Russia. It integrates the resources of mobile APP, WAP, PC, WeChat, VK and other social platforms. The app covers graphic information, mobile radio, live video broadcast, online translation, news, and other media. The mobile media platform integrating the resources of the mobile application's APP, the web platform's WAP side, the PC side, WeChat, VK, and other social platforms is a joint venture between China and Russia. China and Russia have mentioned plans to establish a media think tank. On 22 March 2023, President Xi Jinping visited Russia at the invitation of President Vladimir Putin. During the visit, China and Russia issued the Joint Declaration of the People's Republic of China and the Russian Federation on Deepening the Comprehensive Strategic Collaborative

Partnership in the New Era. Article 4 of the declaration clearly states that 'the two sides agreed to strengthen exchanges and cooperation in the fields of media, think-tanks, publishing, social sciences, archives, literature, and art.'

The COVID-19 pandemic has had a global impact, leading to advancements in media intelligence. Following the pandemic, China's media environment has shifted towards mobile, pan-media, video, and platformization. Platformized news media has become increasingly relied upon, utilizing various forms of media such as audio, video, pictures, and links to report on the pandemic in different countries and visualize information. The internet has given rise to numerous online platforms, such as distance learning, telecommuting, live selling, fitness, entertainment, and precision medicine. It seems that there is nothing that cannot be achieved on the internet. As a result, people's lifestyles have changed, and an online reading habit has emerged. Additionally, Sino-Russian media cooperation has continued during the epidemic. Russia's Red Star TV, a state television station affiliated with the Russian Ministry of Defense, aired the Chinese protest documentary Wuhan Epidemic Chronicle in a live program and contacted its creators. Following the broadcast of the English-language version of the documentary, several TV stations from over a dozen countries, such as South Korea, Russia, and Italy, contacted Ryo Takeuchi to request a broadcast. The Russian media outlet 'Ryo Takeuchi' was also featured in the program [1]. The Russian media outlet Komsomolskaya Pravda has reported on the protests in China, including interviews with experts. This has contributed to a positive image of China among Russians. Information and data on the outbreak were shared between the two countries, and most of the data on Russian reports on the outbreak came from Chinese media. The new coronavirus pandemic has not only increased global attention towards China, but also strengthened the relationship between Chinese and Russian media. Deputy Minister of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, Bella Mukhabieva Cherkosova, praised the active exchange between the two countries' media. The two parties frequently host events, such as the Online Media Forum and the Russian-Chinese Television Week. Despite the epidemic, cooperation projects between the two sides have grown.

Intelligent media has emerged in response to the demands of the times, and the intelligence of Chinese and Russian news media is the result of historical evolution. The emergence of intelligent media is driven by changes in science and technology, the need for international cooperation, and the impact of the COVID-19 pandemic. The transformation of the Chinese and Russian news media industry is therefore inevitable.

2. Discussion

Transformation Path of Chinese and Russian News Media Industry in the Era of intelligent media

1. Technology-driven changes in the news media industry.

Scientific and technological innovation never ceases. In the international arena, science and technology reflect a country's capabilities. Today's world is experiencing significant changes in highly sophisticated fields such as military capabilities, aerospace, energy, and nuclear technology, as well as in soft power fields such as culture, education, and media. Innovation and development are needed in all these fields. The Internet's rapid development and the arrival of the 5G era, coupled with the increasing sophistication of artificial intelligence, have had a significant impact on various fields. The impact of 5G technology on the news media industry is significant. Its integration with the industry has

become a driving force for its transformation and upgrading. The technology has had a profound effect on China's digital construction process. The COVID-19 pandemic has accelerated the country's digital governance system. The value of building media integration continues to be highlighted, and the construction of an all-media dissemination system and new media think tanks has entered the fast lane, with a focus on 5G+ [2]. In 2019, during the CCTV National Day parade, China showcased its widespread use of 5G technology. Huawei, a leading provider of 5G technology, is capable of delivering over 500M of stable broadband. This technology has been widely adopted in various media and live events, resulting in reduced broadcasting costs and preparation time. The cooperation between the media of the two countries has also been gradually digitized, networked, and made more intelligent. In the age of big data, where information is produced explosively, news media occupy a prominent position in news production and dissemination, striving to attract and retain users. Technological innovation is crucial for every news media organization. Currently, news media organizations are exploring new reporting methods and enhancing user experience through the use of cutting-edge technologies such as virtual reality, augmented reality, and artificial intelligence. The development of drones, sensors, big data and other technologies has revolutionized news gathering and production methods. Drones are now widely used to remotely film media events and news sites, while sensors can collect all kinds of data in real time. Additionally, big data technology helps news staff to mine and analyse data, resulting in more real-time, comprehensive and accurate news reporting.

Due to the rapid development and popularization of China's mobile internet, the number of internet news users has reached a point of saturation. As of June 2023, the number of internet news users in China reached 781 million, accounting for 72.4% of all internet users [3]. The speed and scope of news dissemination has increased significantly due to technological advancements, resulting in a higher demand for news among users. The trend towards digital operation, networking, and platformization of news media is increasingly evident. Digital technology is driving the transformation of news media into images, videos, music, and more. The development of the news media industry has put forward a comprehensive range of transformation requirements. User experience and interactivity are receiving more attention, aspects that traditional media cannot provide. Convergence at the technological level can be viewed as the process of unifying digital content, including verbal, aural, and visual elements, into an integrated media on the internet.

Over 80% of Russians are digitally connected by the end of 2021 and use the Internet regularly, at least once a month. Increased Russians' use of social media parallels growth in digital media ecosystem built around Russian digital services (search engine Yandex), social networks VKontakte, Odnoklassniki, Mail.ru and messenger Telegram, its popularity has grown over the past decade. Yandex as well as global digital platforms and some popular bloggers including Journalists and lay writers have become strong competitors. As a result, since the 2020s, the Internet and social media has become a popular source of news and entertainment as well as Interpersonal/group communication in Russia [4]. Both VK and Telegram platforms contain multimedia elements such as photos, videos, blog posts, links to partner resources, and more. The majority of the content featuring the Komsomol Truth and Reconciliation booklet was published by the Komsomol Truth. Most of the links on Komsomolskaya Pravda's website lead to news articles. The adoption of online publishing has helped it maintain its position as Russia's largest media outlet. Komsomolskaya Pravda's website is ranked 55th in terms of the number of visitors [5]. In 2022, the number of internet users in Russia increased to 129 million. The number of social media users in

Russia continues to grow, despite the blocking of Western sites. In 2022, the number of users increased by 4.9% to 106 million. This growth highlights the increasing role of information technology in Russian society and its institutions, including the media [6].

Currently, the development of news media is driven by internet technology, network infrastructure, and technology-based operation modes. The user profile has changed, and people now demand not only knowledge of news but also a satisfying experience, high degree of interaction, and a sense of speed and freshness. Therefore, the development of intelligent media is crucial for the future era.

2. Transformation of data-based operations and content production

(1) Digitalization of operations

To ensure efficient news production, a stable and secure digital network infrastructure is necessary. Media organizations are constantly improving their hardware facilities and software engineering, integrating new technologies and techniques into their existing infrastructure to create new digital products and media architecture. The construction of new digital infrastructure can facilitate a more efficient digital transformation of the media industry. This involves integrating and optimizing advantageous resources to establish genuine connections between employees, companies, and society. The ultimate goal is to streamline the entire process of news production, from creation to distribution, resulting in greater efficiency. As of September 2023, China had constructed and opened 3.189 million 5G base stations, with 737 million 5G cell phone users. Additionally, China accounts for 42% of the world's 5G standard essential patent declarations, making it the world's largest and technologically advanced network infrastructure [7]. Russia's network infrastructure progress is relatively weak due to several factors. However, the government is working to improve it. According to Russian Deputy Prime Minister Chernyshenko, there are plans to produce 1,000 domestically made 5G base stations by 2025. This will enable the rollout of 5G networks to large cities with a population of millions [8]. In the coming years, Russia aims to enhance its network infrastructure by overcoming various limitations. Furthermore, Russia places significant emphasis on the modernisation of traditional media platforms. To ensure the continued sustainability of traditional newspapers and periodicals, the Russian National Library has developed a 'digital newspaper calendar' (Календарь оцифрованных газет). This allows users to easily access newspapers based on their desired date, covering the period from 1703 to 2017. The portal includes newspapers from as early as January 2, 1703 [9]. The Russian Post has launched a pilot version of its digital publication reading service called 'Subscription Post' (почта Подписка) on 'коммерсанть'. The service already offers versions of some popular newspapers and magazines, including 'Expert', 'Amateur', 'Science and Life', 'Businessman', as well as scientific, children's, medical and other thematic publications [10]. In addition, to celebrate the 100th anniversary of the Moscow Evening Post, the full version of its digitized archive is now available on Yandex, allowing users to access any information from that year through text messages [11]. China and Russia are cooperating in the media, and have gradually transformed into jointly establishing online media platforms and digital operations to increase user participation. From May 20 to June 5, 2019, China Central Radio and Television and the all-media platforms of the "Russia Today" international news agency ("China-Russia Headlines", CCTV News, Russia News Network, Satellite Network, etc.) simultaneously launched the main page of the all-media cross-border creative activity "Joyful China and Russia" actively interacts with mainstream social media in China and Russia such as Sina Weibo and VK,

and uses cutting-edge technologies such as virtual reality (VR) and artificial intelligence (AI) to reach audiences in both countries. You can upload creative pictures or videos. The event aroused great attention and participation on social media in China and Russia, with a total number of clicks and interactions reaching 1.01 billion, and more than 18 million creative tribute works of various types were collected from China and Russia [12]. China-Russia Headlines APP is a mobile integrated media client jointly created by China Central Radio and Television and the "Russia Today" international news agency. On July 3, 2019, as the China-Russia Headlines APP celebrated its second birthday, its client downloads exceeded 6 million [13].

The importance of news media lies in its content output, despite the various stages of its digital operation. In the online era, where freshness and excitement are sought after, news media must cater to readers' reading and browsing habits. Currently, AI is the most appealing innovation. AI anchors are not a new concept. In 2018, China's official People's Daily introduced its AI anchor Ren Xiaorong, while China's Xinhua News Agency launched its English-language AI anchor Xin Xiaowei. Taiwan also launched its own AI anchor, Minxie. Additionally, Russian TV station Svoje TV introduced its AI anchor, Snezhana Tumanova, among others. They have become the main force in the news media industry due to their good image, clear speech, almost zero error rate, and ability to work 24/7 and appear in a variety of news scenes. Additionally, in October 2023, Surge News will launch a 24-hour live channel featuring a combination of 'real people + digital hosts', 'AI + 4K HD', and other forms, making it the first true 24-hour live media outlet in China's internet new media [14]. In November 2020, SMG Integrated Media Center launched a virtual secondary news anchor named 'Shen xiao ya'. The anchor has gained a significant following, with over 40,000 fans in a short period of time. Several videos have received over 100,000 views, and the total views on videos have surpassed 1.2 million. Additionally, there have been over 10,000 comments and interactions, and the news has received over one million total views [15].

The business model of news media is changing due to advancements in technology. Traditional media primarily rely on advertising and subscription revenue. However, in the era of intelligent media, news organizations can achieve precision marketing, content payment, and advertising revenue through data analysis, user profiling, and other technologies. According to iiMedia Research, Chinese news media users are increasingly willing to pay for news, with 69.5% of users expected to pay for reading by 2023. Among the news categories, financial news (47.7%) and legal news (40.3%) are the most preferred by users for paid subscriptions due to their functional nature. Additionally, users tend to favor financial information in video format. According to the Global Digital Subscription Report 2019 published by FIPP, an international journal federation, the number of global digital subscription users increased by close to 20 million year-on-year, indicating an upward trend in news digital media content charging compared to 2018 [16]. According to iiMedia Research, the knowledge payment market in China grew significantly from 2015 to 2022, with a market size of 112.65 billion yuan. It is projected to reach 280.88 billion yuan by 2025. In recent years, the business model for content payment has shifted towards the subscription system, particularly for traditional newspapers and magazines. The New York Times introduced a paywall in March 2011. According to the company's financial report, advertising revenue accounted for 29%, 22%, and 24% in 2019, 2020, and 2021, respectively, while subscription revenue reached 60%, 67%, and 66% in the same period [17]. In 2016, according to the Association of Communication Agencies of Russia (ACAR), the total the volume of advertising (excluding VAT) reached 360 billion rubles, the volume of the marketing segment services - almost 95 billion rubles. Russia is in the top 10 in terms

of advertising market volume European advertising markets. Available data on the sale of newspapers and magazines, Russians' spending on pay television and the Internet make it possible to even increase the assessment of the financial resources of the domestic media industry [18].

In general, news media in China and Russia reflect digital operations in various stages, including network infrastructure construction, news broadcasting methods, and overall business operation models. Digitization is a distinctive feature of the age of intelligent media.

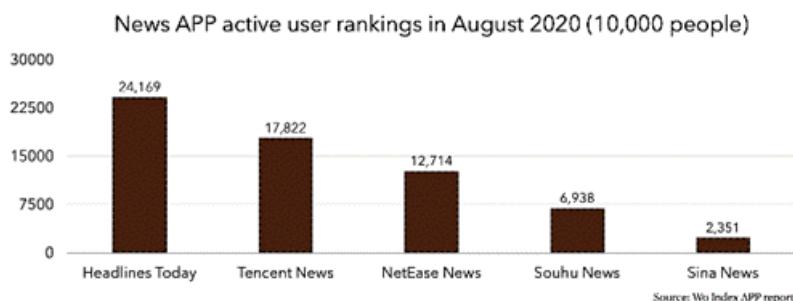
(2) News production

Traditional news production relies primarily on professional journalists and news editors. However, in the age of intelligent media, this human-powered mode of news production has been challenged and impacted. Nowadays, many media organizations are using digital tools, software, and artificial intelligence to assist in all aspects of media production. For instance, in November 2015, China's Xinhua News Agency launched a writing robot called 'Quick Pen Xiao xin', which can complete a press release in just three to five seconds. The Southern Newspaper Industry's 'Xiao nan' is also available. Although they do not provide humanistic care or emotional expression in their manuscripts, they excel in collecting keyword-related information and organizing language. Their biggest advantage is their speed, which surpasses that of human beings in writing press releases. Efficient news production can be achieved through big data analysis and refined calculation. Artificial intelligence can track news hotspots through the network in a timely manner, identifying potential news topics and events, and quickly generating news reports. This approach can greatly reduce the pressure on journalists and improve the efficiency of news production. Therefore, the media should combine integration transformation with the development of artificial intelligence to establish new connections with individuals, industries, and society through technological empowerment. During the process of media digital transformation, news producers, production tools, and materials have all undergone changes, significantly increasing news productivity [19]. In today's society, the line between news producers and consumers is becoming increasingly blurred. It is important to maintain objectivity and avoid subjective evaluations, while using clear and concise language with a logical flow of information. Additionally, the language should be formal and free from biased or emotional language, and precise word choice should be used when appropriate. Finally, the text should be grammatically correct and adhere to formatting guidelines. While the content of a news piece may not have a significant impact, the readers' comments can be the most important aspect of the information. News is not just information or a scene; it is an experience that is interactive. The function of news is not only to inform and supervise, but also to facilitate dialogue and consensus [20]. The following cases exemplify news production during the intelligent transformation of Chinese media. Wu Hailing, director of CCTV's new product development department, stated that the AI editorial department at CCTV has implemented artificial intelligence in the collection, production, distribution, and feedback of news, creating the first ecosystem of the country's first platform for the deep integration of media and AI. In 2020, Beijing News Group's technology company launched AR integrated media smart glasses, a intelligent media tool. The glasses are equipped with collection, editing, and distribution capabilities, as well as real-time on-site video linking, live broadcasting, face recognition, simultaneous interpretation, and voice recognition. They are fully adaptable to the needs of all-media editing and can truly record the scene from the 'first viewpoint'. Brightnet has developed an intelligent publishing system that caters to the needs of its entire content production chain. The system covers article collection, content

categorization, content mapping, multimedia editing, media review, network-wide distribution, and effect tracking [21]. Yandex is an automated service that processes and systematizes Russian news. It has been in operation since June 21, 2000. The service categorizes stories and forms a daily information picture from sources provided by Yandex's media partners. There is no human involvement in the service's work, ensuring unbiased news coverage from multiple perspectives [22]. In 2015, Yandex launched Yandex.Zen, a personal recommendation service that uses machine learning technology to create a content feed that is automatically adjusted to the user's interests. This is not the first time that Yandex has entered the field of news dissemination. Yandex.News, launched in 2000, is Russia's most popular news aggregation website, with more than 30 million digital news users per month. As of January 2017. Collectively, these two services drive significant traffic to Russian news media, and due to their central role in Russian news media, the Russian online news ecosystem can influence the country's news agenda. On Yandex.Zen, content is not limited to news produced by media organizations, but also includes content produced by individuals. Therefore, the themes and forms are diverse, and in addition to text, Yandex.Zen supports the publication of photos and videos. Unlike Yandex.News, Yandex.Zen is also available as a mobile app, which may partly explain its popularity [23]. Digital media is actively used by the audience in Russia Yandex.News and Yandex.Zen are a priority for them. Provincial readers turn to digital versions of the same municipal newspapers, mass papers and quality publications as well as numerous communities in social networks. The migrant and native metropolitan audiences prefer online digital media projects and personal channels on YouTube [24].

The biggest feature of news production in the smart media era is that the definition of news producers has become very vague, and everyone can edit news and produce news. The Internet and technology have provided everyone with a new news environment, and the connection between people and society has become very close. Network communication technology has fundamentally changed the nature of news production and consumption. The digitization of news not only increases the control and consumption of news by individual users, but also enables them to participate in computer-mediated activities and engage in dialogue with news producers and other users through various feedbacks. These changes further enhance participatory journalism and highlight the collaborative and collective nature of news production, with users actively participating in news through comments, discussions, etc., promoting forums, recommendation systems, social media, and personal blogs [25].

3. Platform development and the changing news ecology

In 2018, China's media industry underwent a strategic transformation [26]. Traditional media entered a critical period of transformation, and the media ecosystem became clearer with the rise of short video platforms and the implementation of important technologies. China's new media took

a step towards intelligence. In order to improve interactivity with users and expand their influence, major mainstream media outlets have moved into short video platforms. In August 2019, news broadcasts officially moved onto the short video platforms Jitterbug and Shutterbug. In December 2019, CCTV news was officially stationed on the news social video pop-up site Beili Beili. During the National Day of 2019, nearly 6,000 media outlets released nearly 280,000 National Day-related video contents on microblogs. These videos received widespread attention and consumption, with an overall broadcast volume of more than 8.6 billion [27]. The COVID-19 pandemic has prompted many industries to transition to online platforms, resulting in the emergence of education apps, medical online platforms, office platforms, live broadcasting, and other industries. People's online habits have also shifted, as if their lives have suddenly moved to online platforms. This shift has also forced traditional media to adopt platform-based operations to meet user demand.

Russia has invested heavily in platform construction to strengthen and improve new media. As part of this effort, they have reorganized RIA Novosti and the Voice of Russia radio station into the international news agency 'Russia Today'. Based on the merger, we have consolidated the former press stations worldwide and established 12 news gathering and editing centers, achieving the unified collection and dissemination of information. Regarding content creation, newspapers, TV, and radio stations often reproduce information on new media platforms. The Voice of Russia broadcasts news in nearly 20 languages, providing round-the-clock and non-stop coverage.[28] Russian mainstream media outlets, including Komsomolskaya Pravda, Arguments and Facts, and Kommersant, have initiated digital transformation by establishing their own websites and launching online and mobile versions for readers' convenience. Some have also created blogs and micro-pages to enhance their reports. The dissemination of news in Russia has been affected by the sanctions imposed by the West. Russia has increased its efforts in integrating new media and shifted to online digital operations to cope with the international influence of the West. This move allows for better communication capabilities than traditional paper media. In October 2021, China Television Station's Asia-Europe Station and the European News Television (Euronews) Russian channel cooperated to launch a localized news review column "China Panorama" to deeply promote "favorable impression communication" and display China's economic and social development achievements from multiple angles. At the same time, it accurately responded to Western public opinion doubts. The program covers about 50 million users, with a coverage rate of 38% in Russia, the official website of the partner Russia's Great Asia Television has 3.3 million unique visits per month [29]. The cooperation between Chinese and Russian media platforms has strong dissemination and wide coverage, which effectively resists interference from other countries.

(3) Changes in Media Ecology in the Age of intelligent media

In today's intelligent media era, the digital transformation of the news media industry is an inevitable trend. With the continuous promotion of transformation in media industry, the ecological change of news media industry is also changing. The most obvious change in the media ecosystem is the change of news media, and the path of communication has become more and more complex. Technology dominates the media ecosystem, and every great change in the media ecosystem comes from a revolutionary breakthrough in media technology. Traditionally, news was mainly disseminated through newspapers and magazines, and later developed into television and radio as the medium of dissemination. With the emergence and development of the Internet, users can view the news on the network platform, and now the mobile network provides a convenient and fast mobile news APP, people can view the news on their cell phones anytime and anywhere. Every leap

forward is driven by technological advances. Changes and progress in the media have greatly increased the speed of news dissemination and coverage, news content can be disseminated in the first time through the Internet to the world, users can receive the latest news information in the first time. Moreover, the form of communication media is more diversified, the content of news dissemination is no longer limited by traditional media, and can be freely displayed through a variety of forms, such as charts, maps and other interactive content to present specific data, to better help users understand the complexity of the news content. Nowadays, with the development and application of artificial intelligence technology, many news platforms provide personalized news recommendation to news users through big data analysis, recommending news content that users may be interested in according to their news viewing habits. The positioning of media in the era of intelligent media is no longer purely news and information transmission, but as an infrastructure to join the social structure, promote the production and dissemination of news content, to assume the responsibility of mainstream media internally, and to help the country to build a national image externally. This is an era where everything is media, and the media ecosystem is no longer purely about producing and distributing news. The media ecosystem is inextricably linked to the social, entertainment, and commercial ecosystems, and many things can be interpreted and publicized as news, even if it's an advertisement. This is our current media ecosystem.

3. Discussion of the results and future prospects

Challenges and Prospects for the Transformation of the Chinese and Russian News Media Industry

The age of intelligent media is transforming all areas of news media. The traditional mode of news production is gradually fading away, while the visualization of news is becoming more diverse. The boundaries between readers and writers are also becoming less distinct, and traditional print media appears to be losing its relevance. The era of intelligent media places high demands on the news media industry, requiring technological innovation to keep up with the trends of intelligence, digitization, and platformization. Everything is built on the basis of science and technology, which require constant investment of human and financial resources. This can be a challenge for some media organizations. Additionally, media personnel must maintain their competence and keep up with the latest developments in their field, including computer technology, artificial intelligence, and other related areas. Currently, the shortage of qualified professionals in China and Russia is hindering the media's transition to AI news dissemination. Additionally, the issue of liability for AI remains unclear, which may lead to disputes over errors. Furthermore, the problem of AI infringing on intellectual property rights is becoming more apparent. AI is currently unable to authenticate data, leading to the proliferation of fake news and disruption of the news ecosystem.

Throughout history, China and Russia have maintained a friendly and cooperative relationship. The news media plays a crucial role in international communication and serves as a platform for showcasing international cooperation. China has a long-standing commitment to the development of science and technology. Innovations in artificial intelligence have been applied to various fields, including medical care, teaching, household chores, and media. These advancements have brought about greater convenience and efficiency in daily life. According to Zhao Zizhong, director and professor of the New Media Research Institute of Communication University of China (CUC), the future of all-media will be characterized by content quantization, process cloudization, terminal material connection, and intelligent communication modes. However, the Russian media system lags

behind the world leaders in the adoption of AI innovations, as the industry has only recently entered this high-tech field. The retail sector has the potential to develop AI technologies in the future, similar to other industries such as medicine and finance. The retail sector has the potential to develop AI technologies in the future, similar to other industries such as medicine and finance. It is currently in an active stage of AI proliferation [30].

4. Conclusion

China and Russia should develop the capabilities of their news media comprehensively. This includes developing innovative news production technologies, training media professionals with an international outlook who are both technologically savvy and journalistic, and utilizing artificial intelligence to serve the development of the news media and promote friendly cooperation between the two countries. News media is an auxiliary discipline that involves the development of various fields. The dissemination of news can significantly impact the effectiveness of China-Russian cooperation. The digital and intelligent transformation of news media has the potential to elevate the cooperation between the two countries to a new historical level. Additionally, media collaboration between China and Russia can help stabilize the world situation and provide a favorable ecological environment for international media.

Библиография

1. Го, Д. Эксклюзивное интервью: "Я надеюсь, что мир увидит усилия Китая в борьбе с эпидемией" // Интервью с японским режиссером-документалистом Рио Такеучи. Токио: 4, 10 апреля, Информационное агентство Синьхуа, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-04/10/c_1125837833.htm.
2. Хуан К.Х. Ванг Д. (2020). 5G+: Текущее состояние и перспективы развития новых медиа в Китае // Наука, технологии и публикации. 2020. № 8, С. 5-13. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjE0MDYyNg==&mid=2694677195&idx=1&sn=ce415a57b0e1440e5566ce83d17c2714&chksm=bae36e768d94e760dfa3086df8a49f63fd538e888d14c9a2634fd13c4473a37597a9d2976c9c&scene=27.
3. iiMedia Consulting. Совместно с Институтом экономических исследований 21-го века. Отчет об анализе поведения пользователей мобильного интернета в Китае за 2023 год / iiMedia.com., 10, 2023. URL: <https://www.iimedia.cn/c400/96274.html>
4. Вартанова Е., Гладкова А. От цифрового неравенства к эпистемологическому: возникновение новых форм неравенства в конфликтном медиапространстве // Мир МЕДИА. Журнал российских СМИ и журналистских исследований. 2022. № 4, С. 5-22.
5. Бобров Д. В., Буга В. В. (2024). Цифровая трансформация печатных изданий в медиа (на примере издательского дома "Комсомольская правда") // Филологический аспект: Международный научно-практический журнал. 2024. № 1, С. 105.
6. Малинина Т. Б. Проблемы деятельности ученого и исследовательских коллективов // Человек в цифровую эпоху. Москва: № 4 (34), С. 146 — 156, 2018.
7. Ли К. Министерство промышленности и информационных технологий: Моя страна построила крупнейшую в мире и технологически лидирующую сеть 5G. People's Daily Online. 2023. № 10. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2023/1021/c1004-40100491.html>.
8. Российское агентство спутниковых новостей. Заместитель Премьер-министра России: К 2025 году планируется построить 1000 базовых станций 5G в России. Российское агентство спутниковых новостей, Москва, 2, 5, 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1790088475606406637&wfr=spider&for=pc>.

9. Российская национальная библиотека. 2019. URL:<http://www.library.fa.ru/page.asp?id=733>.
10. Гормалева Н. Почта России запустила пилотную версию сервиса для чтения оцифрованных изданий "Почтовая подписка", сообщает "Коммерсантъ", 19.10. 2022. URL: <https://rb.ru/news/pochta-rossii-servis/>.
11. Москва 24. (2023). К 100-летию издания в Яндексе появился оцифрованный архив "Вечерней Москвы". 2023. URL: <https://www.m24.ru/news/tehnologii/06122023/646516/>.
12. Янь, Х. Лю, Ю. Исследование и размышления о новых медиа-коммуникациях Китая с Россией на примере транснациональной медийной креативной деятельности «Радостный Китай-Россия» // Глобальная коммуникация. 2019. № 6, С. 38-45.
13. Тянь, Дж. Лю, С., Х. Анализ новых путей коммуникации для китайско-российского сотрудничества в области СМИ в эпоху интегрированных СМИ на примере приложения "Китайско—российские заголовки" // СМИ. 2020. № 14, 2020, 50-52.
14. Исследовательская группа Института журналистики Шанхайской академии социальных наук. Рожденный в интеграции, растущий в инновациях - Исследовательский отчет о "Известных примерах" конвергенции СМИ за десять лет // Шанхайская академия социальных наук. 2023. № 10, С. 30. URL: <https://www.sass.org.cn/2023/1030/c1210a556377/page.htm>.
15. Коммуникационный университет Китая. Синайский медицинский исследовательский институт. Отчет о развитии интеллектуальных медиа в Китае (2020-2021) // Guangming Net. 2021. №3, 29. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20210329A07JE800>.
16. Ван Дж.П., Сюй Дж.Л. Caixin вошла в число 15 лучших компаний в "Отчете о глобальной цифровой подписке за 2019 год" caixin.com, 12, 23, 2019. URL: <https://m.caixin.com/m/2019-12-23/101497066.html>.
17. Медиа-консалтинг. Отчет о текущей ситуации и перспективах развития индустрии информационных платежей в Китае в статье 2023.iiMedia.com., № 3, 27. URL: <https://www.iiimedia.cn/c400/92443.html>.
18. Вартанова Е.Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 186–196.
19. Чанг Дж. Луо Ю.К. Цифровая журналистика и открытое производство: от практических инноваций к концептуальным // Media Observer, 10. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/Ue4WCdP5ekoosfaX0gTdCw>.
20. Чжан, З.А. Новая новостная экосистема: настоящее и будущее. The Press. 2016. № 4, С. 44-48. URL: http://paper.people.com.cn/xwzx/html/2016-04/01/content_1702575.htm.
21. Коммуникационный университет Китая. Исследовательский институт Сина ИИ медиа. Отчет о развитии интеллектуальных медиа в Китае (2020-2021). Guangming Net. 2021. № 3, С. 29. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20210329A07JE800>.
22. Чертовских О.О., Чертовских М.Г. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития, вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 3, С. 555-568.
23. Довбыш О., Вийермарс М., Махортых Н. Как достичь Нирваны: Яндекс, персонализация новостей и будущее российских журналистских СМИ // Цифровая журналистика. 2022. С. 1-20.
24. Сумская А., Соломеина В. Российские МЕДИА-поколения «цифровой границы». Теоретическое осмысление и эмпирическая проверка // Мир МЕДИА. Журнал исследований российских СМИ и журналистики. 2022. № 4, С. 68-93.
25. Ли, Э.||Дж., Тандок, Э. С. Когда новости находят отклик у аудитории: как отзывы аудитории онлайн влияют на производство и потребление новостей. Исследование

человеческой коммуникации. 2017. № 43 (4), С. 436-449.

26. Цуй Б.Г., Лю Дж. Х. Обзор и перспективы медиаиндустрии Китая // The Press. 2019. № 1, С. 19-23. URL: <http://media.people.com.cn/n1/2019/0515/c426843-31086700.html>.
27. Хуан К.Х., Ванг Д. 5G+: Текущее состояние и перспективы развития новых медиа в Китае // Наука, технологии и публикации. 2020. № 8, С.5-13. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjE0MDYyNg==&mid=2694677195&idx=1&sn=ce415a57b0e1440e5566ce83d17c2714&chksm=bae36e768d94e760dfa3086df8a49f63fd538e888d14c9a2634fd13c4473a37597a9d2976c9c&scene=27.
28. Чжан Дж.Х. Состояние развития интернет-технологий и новых медиа в России //Научный взгляд. 2021. № 5, С. 111-119. URL: <http://www.rmit.com.cn/2021/0723/619596.shtml?from=singlemessage>.
29. Шао, Дж., Г. Сонг, Ю. Чжу, М. Текущее состояние китайско-российского сотрудничества в области СМИ и предложения по совершенствованию коммуникации в России // Глобальная коммуникация. 2023. № 2, 2023, С. 49-58.
30. Давыдов С. Г., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских СМИ и журналистике // Вестн. Москва. Университет, серия 10: Журналистика. 2023. №5, С. 3-21.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Исследование трансформации индустрии новостных медиа в Китае и России в эпоху интеллектуальных медиа», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представленная на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду увеличивающейся роли масс медиа в жизни людей, а также их развитию в век искусственного интеллекта.

Автор обращается к описанию тех вызовов, с которыми столкнулись новостные медиа в наши дни, а именно быстрая обработка больших данных, применению искусственного интеллекта к генерации текста, что вызывает опасения и вопросы в обществе.

В исследовании автор обращается к опыту Китая и России.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Однако статья является по сути своей описательной, в которой ведется повествование в форме рассуждения. Автор не приводит каких бы то ни было убедительных данных, которые можно легко верифицировать.

Теоретические положения не проиллюстрированы практическим материалом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, основной части и заключения. Однако, отметим, что в вводной части отсутствует постановка проблемы, автор не обращается к истории рассматриваемого научного вопроса, для выделения научной лакуны. В основной части отсутствует исследование.

Заключение в полном его понимании отсутствует, выводы не коррелируются с задачами, поставленными в исследовании.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены научные труды как российских исследователей, так и зарубежных. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Текст статьи, представленный на английском языке трудно читаем и воспринимаем по причине путаницы в терминологии, например, в русскоязычном варианте автор упоминает «трансформацию индустрии СМИ», а в англоязычном варианте фигурирует «Industrial Transformation Media», что имеет совершенно иное значение и далее по тексту. Считаем, что качество перевода низкое в части соблюдения единообразия терминологии и научного стиля, вероятно было сделано с применением онлайн переводчика.

Статья «Исследование трансформации индустрии новостных медиа в Китае и России в эпоху интеллектуальных медиа» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после 1) стилистической редакции англоязычного текста, 2) усиления заключения, 3) приведения измеримых данных, подтверждающих постулируемое автором, 4) обращение к историографии вопроса.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена сравнительному анализу процесса развития медиа индустрии в России и КНР в цифровую эпоху с акцентом на исследование интеллектуальных медиа. Концепт интеллектуальные медиа в научной литературе возникает сравнительно недавно и призван отразить специфику инструментов распространения содержательного контента в отличие от развлекательного и досугового, которым заполнена медиа индустрия. Вместе с тем, необходимо признать, что в отечественном научном дискурсе данный концепт распространен слабо, поэтому представленная публикация является собой попытку обоснования принципиально новых подходов к изучению медиа структур. Россия и Китай в этом плане предоставляют достаточно богатую эмпирическую почву для того, чтобы определить ключевые векторы потенциального развития цифровой медиа индустрии на значительную перспективу. Структура статья соответствует общепринятым международным нормам и отражает распространенную схему IMRAD (введение, методы, результаты и выводы (дискуссия), при этом она разделена на обстоятельные тематические подзаголовки, в каждой части из которых присутствуют кейсы, характерные как для России, так и для Китая. Большое внимание уделяется технологиям 5G и их связям с медиа индустрией и СМИ в обеих странах. Автор также описывает интеграцию технологий искусственного интеллекта для продвижения интеллектуальных медиа и их возможностей в обучении и удовлетворении ключевых потребностей Интернет пользователей. Вместе с тем, во вводной части отсутствует четко артикулированный исследовательский аппарат, а именно ключевая целевая установка и задачи исследования. Сами методы исследования также описаны слабо и не вполне ясно, на какую методологию опирается автор, хотя в статье используются значительные

статистические данные, данные медиа исследований и опросов. Представляется, что эта часть статьи могла бы быть усилена. Актуальность публикации и ее теоретико-практическая значимость, как и новизна, потенциальный интерес для читательской аудитории журнала Litera сомнений не вызывают. Однако в тематическом отношении, представляется, что статья в большей степени соответствует изданию "Социодинамика", поскольку затрагивает в основном социологические аспекты исследования современных медиа. Список литературы представлен достаточно большим количеством как зарубежных, так и российских источников не старше 5 лет, но поскольку статья выполнена на английском языке, то библиография также должна быть представлена на английском. В целом статья заслуживает высокой оценки, она отражает результаты обстоятельной и структурной работы по анализу новых технологий в современных медиа, посвящена различным аспектам интеллектуальных медиа, сравнительному(!) изучению СМИ в России и Китае. С учетом выше обозначенного, статью рекомендуется доработать, усилить методологический блок (обозначив компаративистский подход и концептуальные подходы анализа цифровых медиа, существующие в современной литературе по медиа исследования, обозначить также степень научной разработанности данной тематики) и направить для публикации повторно.

This article is devoted to a comparative analysis of the process of development of the media industry in Russia and China in the digital era, with an emphasis on the study of intelligent media. The concept of intelligent media in scientific literature appears relatively recently and is intended to reflect the specifics of the tools for distributing meaningful content, in contrast to entertainment and leisure content, which fills the media industry. At the same time, it must be recognized that this concept is poorly distributed in domestic scientific discourse, therefore the presented publication is an attempt to substantiate fundamentally new approaches to the study of media structures. In this regard, Russia and China provide sufficiently rich empirical ground to determine the key vectors of the potential development of the digital media industry for a significant future. The structure of the article complies with generally accepted international standards and reflects the common IMRAD scheme (introduction, methods, results and conclusions (discussion), while it is divided into detailed thematic subheadings, each part of which contains cases characteristic of both Russia and China. Much attention is paid to 5G technologies and their connections with the media industry and media in both countries. The author also describes the integration of artificial intelligence technologies to promote intelligent media and their capabilities in training and meeting the key needs of Internet users. However, the introductory part does not clearly articulate research apparatus, namely the key target setting and objectives of the research. The research methods themselves are also poorly described and it is not entirely clear what methodology the author relies on, although the article uses significant statistical data, data from media research and surveys. It seems that this part of the article could be strengthened. The relevance of the publication and its theoretical and practical significance, as well as its novelty and potential interest for the readership of the Litera magazine, are beyond doubt. However, from a thematic point of view, it seems that the article is more consistent with the Sociodynamics publication, since it mainly touches on the sociological aspects of the study of modern media. The list of references is represented by a fairly large number of both foreign and Russian sources no older than 5 years, but since the article is written in English, the bibliography should also be presented in English. In general, the article deserves high praise; it reflects the results of detailed and structural work on the analysis of new technologies in modern media, is devoted to various aspects of intelligent media, and a comparative (!) study of media in Russia and China. Taking into account the above, it is

recommended to finalize the article, strengthen the methodological block (outlining the comparative approach and conceptual approaches to analyzing digital media that exist in modern literature on media research, also indicating the degree of scientific development of this topic) and resubmit it for publication.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня многочисленные специалисты - философы, политологи, социологи, экономисты - и рядовые наблюдатели все чаще говорят о тех глобальных переменах, которые в корне меняют как глобальный миропорядок, так и повседневную жизнь. И здесь стоит сказать о той роли цифровых технологий, которые в корне меняют и подходы к медиапространству. В этой связи вызывает интерес обратиться к изучению различивз различных аспектов изучения медиапространства двух стремительно развивающихся гигантов - КНР и России. Автор ставит своими задачами проанализировать технологические изменения в индустрии средств массовой информации, а также рассмотреть Вызовы и перспективы трансформации китайской и российской индустрии новостных СМИ.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать медиа-сотрудничество между Китаем и Россией.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на китайском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых источников укажем на отчеты о развитии медиаиндустрии КНР.

Из используемых автором исследований отметим труд С.Г. Давыдова и других авторов, в центре внимания которых использование технологий искусственного интеллекта в российских СМИ и журналистике, а также работы китайских авторов, освещдающих перемены в китайских СМИ. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для написания не только специалистам, но и широкой читальской аудитории, всем, кто интересуется как современным медиапространством, в целом, так и медиа России и Китая, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "в ответ на клевету, клевету и искажение информации о Китае и России со стороны некоторых западных СМИ СМИ обеих стран объединились и выступили против них и подтолкнули развитие мировых СМИ к объективности, правдивости и открытости". В работе показано, что "играют решающую

роль в международном общении и служат платформой для демонстрации международного сотрудничества". Большое внимание в статье уделяется новым возможностям, которые уделяют Россия и Китай в формирование медиапространства, способного противостоять западной медиа-индустрии. Примечательно, что как отмечает автор, "Китай и Россия сотрудничают в сфере средств массовой информации и постепенно перешли к совместному созданию онлайн-медиа-платформ и цифровых операций для увеличения участия пользователей".

Главным выводом статьи является то, что

"медиа-сотрудничество между Китаем и Россией может помочь стабилизировать ситуацию в мире и обеспечить благоприятную экологическую среду для международных СМИ".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана на английском языке, что увеличивает ее доступность для аудитории, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий российско-китайского сотрудничества.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Литера".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хромова Д.А., Кутдюсова А.И. Художественная география "средневолжских текстов" Д.Осокина // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70715 EDN: XNOORW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70715

Художественная география "средневолжских текстов" Д.Осокина

Хромова Диана Александровна

преподаватель; кафедра словесных искусств; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

115573, Россия, г. Москва, Ореховый пр-д, 19, кв. 12

✉ idianaalexandrova@yandex.ru

Кутдюсова Адиля Ильдусовна

аспирант; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

115573, Россия, г. Москва, Ореховый пр-д, 19, кв. 12

✉ adilya@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70715

EDN:

XNOORW

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Дата публикации:

13-05-2024

Аннотация: Данная статья посвящена репрезентации средневолжского пространства в творчестве российского прозаика Дениса Осокина. Отечественные литературоведы предлагают рассматривать художественное пространство с точки зрения пространственной топографии, подразумевающей противопоставление абстракции

конкретности, её горизонтальной или вертикальной направленности, пространственной протяженности и локализации (расширение-сжатие, открытость-замкнутость). Исследование абстрактности и/или конкретности художественного пространства кажется нам наиболее перспективным в рамках исследования современных «локальных текстов». Поиск новых методов изучения литературных текстов породил необходимость комплексного метода, в котором довольно перспективным является метод, сочетающий в себе культурно-исторический, мифопоэтический и геопоэтический анализ. При таком подходе последний из упомянутых типов анализа имеет преимущество перед анализом произведения как локального текста в рассмотрении художественной географии как метафизических параметров авторского мира. Предмет исследования – художественное пространство «поворотских» текстов Осокина. Целью исследования является определение специфики литературной географии произведений Осокина, связанных с Поволжьем. В работе используются такие научные методы анализа, как культурно-географический, структурно-семиотический методы и контекстуальный анализ. Научная новизна исследования определяется тем, что среди современных литературоведческих трудов отсутствуют работы, посвященные исследованию художественного пространства произведений многих современных авторов, в частности Дениса Осокина, в недостаточном качестве рассматриваются его произведения в соотнесении с феноменами казанского и других региональных текстов. Основным выводом исследования является обоснование особых свойств художественного пространства Средней Волги в произведениях Д. Осокина, которое обладает аттрактивными свойствами – уникальностью, смысловой насыщенностью, познавательной ценностью. Отражение географического пространства в художественных произведениях дает возможность представить и интерпретировать социокультурные процессы места, задавать онтологические ориентиры. Средневолжье Осокина – это метапространство, где национальное органично сочетается с инонациональным, это пространство памяти и обретения утраченных смыслов.

Ключевые слова:

проза Дениса Осокина, народы Поволжья, средневолжские тексты Осокина, художественная география, презентация национальной культуры, коренные народы России, региональный текст, марийцы, казанский текст, городское пространство

Введение

Обращаясь к категории художественного пространства как к метафоре, дающей представление о «своей физической природе» (Лотман), необходимо оговаривать её условность, равно как условность любого художественного мира. Отечественные литературоведы предлагают рассматривать художественное пространство с точки зрения пространственной топографии, подразумевающей противопоставление абстракции конкретности, её горизонтальной или вертикальной направленности, пространственной протяженности и локализации (расширение-сжатие, открытость-замкнутость). Исследование абстрактности и/или конкретности художественного пространства кажется нам наиболее перспективным в рамках исследования современных «локальных текстов». Отмечая смещение фокуса исследования художественных текстов с центра на периферию, породившее такие понятия в литературоведении как «петербургский текст» [Топоров], «уральский текст» [Абашев, 2000], «нижегородский текст» [Захарова, 2007], «поворотский текст» [Хлыбова, 1994], «сибирский текст» [Тюпа, 2002], «казанский текст»

[Зайнуллина, 2019], «ташкентский текст» [Шафранская, 2010] и др., связем это, в первую очередь, с поиском новых методов изучения литературных текстов, среди которых довольно перспективным является комплексный метод, сочетающий в себе культурно-исторический, мифопоэтический и геопоэтический анализ. При таком подходе последний из упомянутых типов анализа имеет преимущество перед анализом произведения как локального текста в рассмотрении художественной географии как метафизических параметров авторского мира.

О тесной связи героя и пространства ещё до появления понятия «петербургского текста» (Топоров), как легализировавшего обращение к локальным текстам, писала О. Фрейденберг, которая считала, что герой является лишь функцией пространства и напрямую зависит от мифологизированности последнего. Вслед за Топоровым, который говорил о наличии «сложного взаимодействия духа с бездушной стихией» [1, с. 38], Лотман также показывал в своих исследованиях, что география выступает разновидностью этического знания: «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным - нравственный» [8, с. 298]. Поэтому убедительным выглядит вывод о том, что авторская поэтика основывается на месте пребывания. Пространство влияет на идентичность и поведение человека [9,10]. К примеру, современный психогеографист, писатель Йен Синклер, постоянно возвращается к той мысли, что его писательский дар заключается в том, что нужно настроиться на определенное место, пропустить его через себя, стать словесным проводником его особого ощущения смысла.

Среди российских писателей-современников таким «проводником», безусловно, можно назвать Дениса Осокина – казанского поэта и писателя, чьё творчество тесно связано с Поволжьем – регионом в России, расположенным в бассейне Волги. Отметим, что сам автор избегает понятия «Поволжье», предпочитая ему словосочетание «Средняя Волга», что можно объяснить особым отношением писателя к водному пространству между впадением Оки в Волгу и устьем Камы. Для Осокина область Средней Волги, которую он, впрочем, понимает довольно условно и не всегда следует реальным географическим границам, представляет собой мифологический континуум, в котором «... любовь любовь/ к человеку <...> так смертельно сопряжена / с любовью любовью / к пространству» [11, с.172].

Пространство осокинского Средневолжья подчиняется литературным законам устройства художественного текста: оно имеет свой центр и периферию. Бытие осокинского героя, который наделен возможностью «гулять средневолжскими снами» [11, с.172], строится вокруг старинного города Казань – столицы Республики Татарстан. Осокин всячески подчеркивает в своих произведениях, – «заверяет своим казанством» [11, с.172], что Казань для него не только и не столько предпочитаемое городское пространство, сколько его друг, возлюбленная, ведь именно с ней у писателя сложились самые крепкие и продолжительные отношения.

Мифогеографическое пространство Казани

Отношение Дениса Осокина к родному городу лучше всего иллюстрирует фраза из поэмы «Ледянки», в которой он без ложной скромности заявляет что Казань – «лучшая на свете» [11, с. 62]. Эта же мысль прослеживается и в стихотворении «Верхний усон», где читателя завлекают чудесной жизнью в татарской столице: «если останешься в казани / навсегда будешь / жить чудесно / вскоре перемещение / за линию казань - / верхний усон / потеряет смысл / будет суетой (прим.: пунктуация здесь и далее сохранена

авторская) [\[11, с. 36\]](#). Создавая морфологию городского ландшафта, в котором есть «красные автобусы / зеленые мечети» [\[11, с. 62\]](#), «миленькая сирень» [\[11, с. 166\]](#), «коричневый дом / и коричневый подъезд / жесть коричневых крыш» [с. 35], «площадь где плитка как чешуя зиланта» [\[11, с. 171\]](#), «казанский кремль» [\[11, с. 171\]](#), и т.п., писатель выстраивает культурную и социальную карту города, в котором маршруты прогулок лирического героя выписываются с точностью путеводителя («Ледянка», «Сухая река» «Сирень в сапогах», «Затон имени Куйбышева», «Верхний услон плюс Франция», «Рюмочные и шашлычные» и др.): «местом своих постоянных прогулок в столице они почему-то выбирают улицу клары цеткин с трамваем № 1 – и всю – лежащую от нее по обе стороны адмиралтейскую слободу – деревянно-смутную – с заводом 'серп и молот' – со скульптурами пионеров <...>» [\[11, с. 346\]](#). В то же время, писатель не ставит перед собой задачу презентировать город как туристический объект, ему важнее показать такое бытие Казани, в котором блеск местного Арбата (улицы Баумана) и старинных особняков существует с грязными закусочными и неопрятными общественными уборными. Поэтому герои Осокина водят казанских гостей по «ближним – по выставочным залам – по рюмочным – по стройкам – по паркам в которых недавно была тишина а теперь идет реконструкция» [\[11, с. 347\]](#)

Границы города в произведениях Осокина редко совпадают с реальными границами Казани. Писатель предпочитает определять их, исходя из собственного мироощущения, – используя визуальный метод, включая в состав города только тот пригород, из которого «можно глядеть на казань» [\[11, с. 301\]](#), называя их «окрестностями Казани»; исключая места, откуда город увидеть не удается. Так южная граница проходит в правобережном Верхнем Услоне, а северная граница пролегает рядом с Сухой рекой, которая «полурваной нитью прошивает северную границу города» [\[11, с. 78\]](#) и «далше неё <...> уже ничего не существует».

Реки – это неотъемлемая часть городского пейзажа Казани: кроме Волги, на левом берегу которой расположен город, и её притока реки Казанки, в городе протекают Булак, Нокса, Киндерка, Подувалье, Солонка и Сухая Река. Следует отметить, что водные пространства в принципе занимают важное место в творчестве Осокина (вспомним хотя бы о посмертной жизни Аиста в мерянской реке в повести «Овсянки»). Писатель поясняет свою приязнь к водоёмам так: «вода изрядно снимает напряжение земли – снимает и уносит – поэтому жить нам гораздо легче чем жителям местностей лишенных больших рек» [\[11, с. 83\]](#); вода даёт «возможность двигаться целым миром. вода сама жизнь» [\[11, с. 319\]](#).

Примечательно, что большей любовью автора на самом деле пользуются малые реки; особенно те, которые находятся в уязвимом состоянии: например, зависят от количества осадков в летний период, как уже упомянутая Сухая река: «и среди всей здешней названной и не названной нами воды – сухая река занимает особое место. конечно мы не скажем что она значимее допустим волги – но точно уж волга не значимее сухой реки. сухую реку всегда имеет в виду каждый настоящий житель казани и пригородов» [\[11, с. 83\]](#). Этот небольшой водный поток, овеянный многочисленными городскими мифами о неизвестных животных и духе-хранителе, является одним из любимых мест горожан. В одноименном сказе «Сухая река» автор дает характеристику и другим рекам Татарстана: «тугая упругая волга – с запахами неумирающих пятисотлетних рыб: река казань – грустная любовь к которой приобретается лишь через чтение татарского народного эпоса: свияга с поймой в тысячу островов – где хрюкает выпь и колдуют цапли –

щекастым браконьерам жестоко выбивают глаза: кама – хвойная наша невеста – камское устье с сорока километрами ширины – с деревнями с луковыми грядками неожиданно уходящими к кромке океана – с городом лаишево на приокеанской горе» [\[11, с. 83\]](#). В одном из интервью Осокин признавался, что наделяет водное пространство не только культурной и социальной, но и магической функцией [\[12\]](#). Так на вопрос о реке Свияга он отвечал: «Свиягу я прямо боготворю и считаю чуть ли не самой волшебной нашей рекой, самой фантастической, одной из самых своих родных рек, меня воспитавших...» [\[13\]](#).

Южная граница Казани определяется рамками Верхнего усона – дачного посёлка, расположенного на холме на правом берегу Куйбышевского водохранилища. Эта местность неоднократно упоминается в поэтических и прозаических текстах Осокина, и он даже выводит её формулу: «холмы + ветер / и никаких лесов» [\[11, с. 30\]](#). Здесь герои проводят время со своими возлюбленными и друзьями, предаваясь воспоминаниям о некогда происходящем в Казани. Выход же «за линию казань – / верхний усон» [\[11, с. 36\]](#), обозначается как бессмысленный, что характерно и в ситуации с северной границей. О западной и восточной границах в текстах упоминается абстрактно, без возможной идентификации конкретного места. Интересно, что свой принцип определения границ города Осокин предлагает жителям других населённых пунктов: «жители любого города могут задуматься – где находится их сухая река – их верхний усон» [\[11, с. 38\]](#).

Несмотря на «обретенный рай» в Казани, герои осокинских произведений постоянно находятся в движении: выезжают за город, путешествуют по республике и за её пределами. К примеру, они отправляются в Чистополь, Лаишево или Затон имени Куйбышева и часто остаются там на длительный срок. Это обстоятельство лишь еще один раз подчеркивает любовь Дениса Осокина к малой родине: «куплю тюбетейку – и не сниму / у мечетей буду молиться / татарстан, реву тебя и люблю – / в тебя нельзя не влюбиться» [\[11, с. 171\]](#).

Создавая тексты, бытующие вокруг Казани, писатель не только дополняет список произведений, маркируемых как «казанский текст», но и закрепляет новые семантические константы на карте отечественной литературы.

Особенности «заказанского» пространства Средней Волги

Поволжье за пределами Республики Татарстан представляет собой более сложный пространственный механизм: с одной стороны, Осокин использует географические объекты как способ дополнительной национальной коннотации, с другой – через то или иное место раскрывает внутренний мир героя, мотивируя его мысли, чувства, поступки [\[13\]](#). Так, например, многочисленные населенные пункты, упомянутые в цикле «Небесные жёны луговых мари», служат скорее декорацией, на фоне которой разворачивается действие. И только в общей сложности они дают представление о географии расселения луговых марицев – коренного народа Поволжья, которым посвящен цикл. В текстах упоминается столица республики Марий Эл – город Йошкар-Ола, посёлки Параньга, Сернур, Мари-Турек, Шушера, Новый Торъял, Килемары, села Шиньша, Усола, Мари-Билямор, Шурабаш, деревни Чингасола, Ивансола, Семисола, Ужарсола, Лудосола, Унур, Верхняя и Нижняя Вичмарь, Горки (вероятно, имеется в виду Красная Горка), Малый Кожляял (Пекейсола), Старый Юледур, Шой-Шудумар, Портянур, Кугунур Йошкар Памаш, Липша, Китнемучаш, Яснур, Юльял, Ярань-Мучаш, Пессемерь, ныне не существующие Пинженер и Нужа, Пумарь, Нур-Кугунур (вероятно имеется в виду Малый

Кугунур), Малый Тюнтерь. Так Осокин рисует культурно-географическую карту народа мари, намеренно обращаясь к населенным пунктам, расположенным не только в республике Марий Эл, но и за ее пределами, подчеркивая действительный, а не установленный административно-территориальным делением ареал проживания народа, обращая внимание на хрупкость этносистемы малочисленных народов России, оказавшихся вне культурной политики региона. Среди произведений с похожим методом использования географических объектов можно также отметить такие поэтические и прозаические тексты, как «Кукмор», «Новые ботинки», «Барышни тополя», «Танго Пеларгония», «Утиное горло», «Отличница», «Три пьесы для Риты и клоуна» и др. В уральском цикле «Фигуры народа коми», посвященном родственным финно-угорским народам – коми-зырянам и коми-пермякам, в котором помимо топонимов (Пожъя, Керчомъя, Усть-Кулом, Ыб и др.) Осокин активно использует гидронимы (Вакша, Кама, Вымь, Пижма, Большая Сыня и т.д.), географические объекты выступают узнаваемыми маркерами национальной культуры, помогая автору воссоздавать самобытную картину окружающего мира народов коми.

Известный своими непрерывными творческими поисками, Осокин, экспериментируя с формой и содержанием, написал два (как минимум) текста с иной, отличной от большинства произведений, коннотацией художественного пространства. В этих произведениях географические объекты обретают повествовательную значимость, материальность и онтологическую субнациональность. Это – принесшая писателю всероссийскую известность повесть «Овсянки» и не менее известный сказ «Ночной караул». И в том, и в другом произведении читателю предлагается погрузиться в историю места, посмотреть на него через ретроспективу воспоминаний героев. Так, мерянская Одиссея, – повесть «Овсянки», – предоставляет нам возможность совершить одновременное путешествие по настоящему и прошлому Нижегородской и Костромской земли посредством опыта персонажей. Каждое место, в котором останавливаются герои, разблокирует воспоминания Аиста Сергеева и/или Мирона Алексеевича (например, воспоминания о медовом месяце в месте, где проводится похоронный обряд над телом жены Мирона). Кроме того, воображаемая географическая карта многих городов и сёл становится доступна только через призму памяти героев, которые, например, проезжая Юрьевец верхней окраиной «не видели, но прекрасно знали, что внизу за спусками – вереницы уютных домов, магазины с ивановскими и костромскими настойками» [с. 313]. Схожим образом пробуждаются воспоминания Олёша – главного героя сказа «Ночной караул». Волей секундного порыва оказавшись в родной деревне Маскароудо, Олёш начинает вспоминать о жизни в родительском доме и быте мариийской деревни. Как и во многих произведениях Дениса Осокина, детализированный, уходящий в прошлое пейзаж деревни пропускается через призму магического реализма и авторской ностальгии, порождая мистическое ночное приключение, переживая которое герою удается вспомнить не только о давно забытых вещах, но даже родной язык (который ОН забывает с рассветом, когда магия утрачивает действие) [\[14,15\]](#).

Таким образом, основная функция пространства «заказанских» текстов Осокина заключается в создании национальной среды, в рамках которой репрезентируются личные истории его героев.

Выводы

Проанализировав географическое пространство, отраженное в текстах Д. Осокина, можно сделать вывод о том, что оно обладает аттрактивными свойствами – уникальностью, смысловой насыщенностью, познавательной ценностью. Отражение

географического пространства в художественных произведениях дает возможность препрезентировать и интерпретировать социокультурные процессы места, задавать онтологические ориентиры.

Средневолжье Осокина – это метапространство, где национальное органично сочетается с инонациональным, это пространство памяти и обретения утраченных смыслов.

Библиография

1. Топоров, В. Н. Человек и место («антрополокальное» единство Средиземноморья) / В. Н. Топоров // Топоров, В. Н. Эней – человек судьбы. – Москва: Радикс, 1993. – С. 37–88.
2. Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
3. Захарова В.Т. Нижегородский текст русской словесности: к постановке проблемы // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. – Н. Новгород: НГПУ, 2007. – С. 3-7.
4. Хлыбова Т. В. Эстетика духовного стиха. // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. Вып. 6. М., 2004. С. 144-154.
5. Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
6. Зайнуллина Г.И. Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) // Нева. – 2019. №3. – С. 208-219.
7. Шафаринская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. – М.: Арт Хаус медиа, 2010. – 304 с.
8. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – С. 297–303.
9. Марьин, Д. В. Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 99–105.
10. Богумил, Т. А. Геopoэтика В. М. Шукшина / Т. А. Богумил, А. И. Кулепин, Е. А. Худенко. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – 176 с.
11. Осокин. Д. Огородные пугала с ноября по март. Москва: ACT, 2019. – 528 с.
12. Одесский, М. П. Волга – колдовская река: от «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» / М. П. Одесский // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 605–625.
13. Нигматуллин А. С людьми, пропагандирующими всякие антиказанские теории, не стану ни дружить, ни работать // Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online». Retrieved from: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fm.business-gazeta.ru%2Farticle%2F439745%3Futm_source%3Dbo-amp-page%26_gl%3D1*1v0n318*_ga*YW1wLXUwem44cDhDdGoyNFdkZExlMW80LXc
14. Александрова-Осокина, О. Н. Вопросы геopoэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 216–241
15. Пьянзина В.А. Авторский миф как жанр современной литературы. Universum. 2017; № 9: С. 9-11.
16. Митин, И. Мифogeография: пространственные мифы и множественные реальности / И. Митин // Communitas / Сообщество. – 2005. – № 2. – С. 12–25.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Художественное пространство, пожалуй, основная категория, формирующая литературный текст, его не наличный, но смысловой объем. Следовательно, работы ориентированные на этот уровень значимы, востребованы, актуальны. Собственно это и отмечает в начале рецензируемой статьи автор: «исследование абстрактности и/или конкретности художественного пространства кажется нам наиболее перспективным в рамках исследования современных «локальных текстов». Отмечая смещение фокуса исследования художественных текстов с центра на периферию, породившее такие понятия в литературоведении как «петербургский текст» [Топоров], «уральский текст» [Абашев, 2000], «нижегородский текст» [Захарова, 2007], «поволжский текст» [Хлыбова, 1994], «сибирский текст» [Тюпа, 2002], «казанский текст» [Зайнуллина, 2019], «ташкентский текст» [Шафранская, 2010] и др.». Работа имеет конструктивно-законченный вид; точка зрения автора объективна, так как складывается на основе серьезных исследований. Например, «о тесной связи героя и пространства ещё до появления понятия «петербургского текста» (Топоров), как легализировавшего обращение к локальным текстам, писала О. Фрейденберг, которая считала, что герой является лишь функцией пространства и напрямую зависит от мифологизированности последнего. Вслед за Топоровым, который говорил о наличии «сложного взаимодействия духа с бездушной стихией» [1, с. 38], Лотман также показывал в своих исследованиях, что география выступает разновидностью этического знания: «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным - нравственный» [8, с. 298]. Поэтому убедительным выглядит вывод о том, что авторская поэтика основывается на месте пребывания. Пространство влияет на идентичность и поведение человека...». Видна заинтересованность автора темой сочинения, удачно работает и принцип систематизации данных. Новизна статьи заключается в обращении к творчеству Дениса Осокина в качестве литературного материала. Отмечено в частности, что «среди российских писателей-современников таким «проводником», безусловно, можно назвать Дениса Осокина – казанского поэта и писателя, чьё творчество тесно связано с Поволжьем – регионом в России, расположенным в бассейне Волги. Отметим, что сам автор избегает понятия «Поволжье», предпочитая ему словосочетание «Средняя Волга», что можно объяснить особым отношением писателя к водному пространству между впадением Оки в Волгу и устьем Камы» и т.д. Верификация пространственных координат в творчестве Д. Осокина дается в целом верно, объемность заметна: «пространство осокинского Средневолжья подчиняется литературным законам устройства художественного текста: оно имеет свой центр и периферию. Бытие осокинского героя, который наделен возможностью «гулять средневолжскими снами» [11, с.172], строится вокруг старинного города Казань – столицы Республики Татарстан. Осокин всячески подчеркивает в своих произведениях, – «заверяет своим казанством» [11, с.172], что Казань для него не только и не столько предпочитаемое городское пространство, сколько его друг, возлюбленная, ведь именно с ней у писателя сложились самые крепкие и продолжительные отношения», или «отношение Дениса Осокина к родному городу лучше всего иллюстрирует фраза из поэмы «Ледянки», в которой он без ложной скромности заявляет что Казань – «лучшая на свете» [11, с. 62]. Эта же мысль прослеживается и в стихотворении «Верхний усон», где читателя завлекают чудесной жизнью в татарской столице: «если останешься в казани / навсегда будешь / жить чудесно / вскоре перемещение / за линию казань - / верхний усон / потеряет смысл / будет суетой (прим.: пунктуация здесь и далее сохранена авторская)» и т.д.

Методология исследования актуальна, серьезных противоречий не выявлено. Иллюстративный фон, на мой взгляд, достаточен. Суждения аналитического порядка имеют выверенный вид, правка излишня. Например, «границы города в произведениях Осокина редко совпадают с реальными границами Казани. Писатель предпочитает определять их, исходя из собственного мироощущения, – используя визуальный метод, включая в состав города только тот пригород, из которого «можно глядеть на казань» [11, с. 30], называя их «окрестностями Казани»; исключая места, откуда город увидеть не удается». Ссылки / цитации формально верны, требования издания учитываются. Цель работы достигается планомерно, задачи решаются ступенчато. Удачно, на мой взгляд, статья дробится на смысловые блоки, уровневый характер позволяет следить за развитием авторской мысли последовательно. Номинатива, маркирующего «средневолжское» пространство в текстах Осокина достаточно: «среди произведений с похожим методом использования географических объектов можно также отметить такие поэтические и прозаические тексты, как «Кукмор», «Новые ботинки», «Барышни тополя», «Танго Пеларгония», «Утиное горло», «Отличница», «Три пьесы для Риты и клоуна» и др. В уральском цикле «Фигуры народа коми», посвященном родственным финно-угорским народам – коми-зырянам и коми-пермякам, в котором помимо топонимов (Пожъя, Керчомъя, Усть-Кулом, Ыб и др.) Осокин активно использует гидронимы (Вакша, Кама, Вымь, Пижма, Большая Сыня и т.д.), географические объекты выступают узнаваемыми маркерами национальной культуры, помогая автору воссоздавать самобытную картину окружающего мира народов коми». Выводы по тексту соотносятся с основной частью, думается, что тема может быть рассмотрена и далее в новых работах, новых статьях, так как «средневолжье Осокина – это метапространство, где национальное органично сочетается с инонациональным, это пространство памяти и обретения утраченных смыслов». Практически материал можно использовать при изучении гуманитарных дисциплин, а также творчества Д. Осокина. Рекомендую статью «Художественная география "средневолжских текстов" Д. Осокина» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ш. Лексемы возраст и возрастной как эвфемизмы в современном медиадискурсе // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70684 EDN: VSVIWN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70684

Лексемы возраст и возрастной как эвфемизмы в современном медиадискурсе

Van Shuin

аспирант, кафедра русского языка, Московский Государственный Университет

119313, Россия, г. Москва, пр-т Ленинский, 89/2

✉ shoin.van@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70684

EDN:

VSVIWN

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Дата публикации:

13-05-2024

Аннотация: Объектом данного исследования являются лексемы возраст и возрастной; предметом исследования — эвфемистические употребления этих лексем и их семантическая деривация в современном русском языке и в медиадискурсе. Автор также рассматривает дефиниции лексем в основных толковых словарях русского языка, анализируя их семантическую структуру. На материале Национального корпуса русского языка анализируется употребление данных лексем в современном публицистическом дискурсе как эвфемизмов. Корпусное исследование подтверждает значительное количество эвфемистических наименований возраста в современном русском языке, а также предположение о том, что в современном публицистическом дискурсе лексема возраст может использоваться в значении 'пожилой возраст', а возрастной — в значении 'пожилой'. Исследование проводилось с помощью общенаучных методов компонентного и контекстуального анализа, корпусного исследования, функционально-

семантического метода, элементов количественного метода и др. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей функционирования лексем возраст и возрастной, выступающих как эвфемизмы, в современной русской речи (на материале медиадискурса), а именно в высокой употребительности именно эвфемистических употреблений. С такими употреблениями обычно сообщают о том, что психологический возраст не совпадает с физическим, о стремлении людей выглядеть моложе своих лет (чаще о женщинах), скрывать реальный (физический) возраст, о переживаниях по поводу ушедшей молодости. Эвфемизация отражает закреплённое в культуре представление о старости как ненормативном возрасте. Делается вывод о том, что эвфемистические значения лексем возраст и возрастной закрепились в языке, стали широко употребительными и стилистически нейтральными. Благодаря эвфемистическому значению лексемы расширили своё употребление.

Ключевые слова:

современный русский язык, медиадискурс, эвфемизмы, возраст, психологический возраст, семантическая деривация, семантические неологизмы, возрастной, молодость, старость

Введение

Возраст является неотъемлемой характеристикой человека, связанной с естественным ходом времени, однако периодизацию возраста нельзя назвать в полной мере естественной, она социально и культурно обусловлена. Социально обусловленные представления о возрасте человека отражаются в культуре в качестве стереотипов, а в языке — в семантике и прагматике языковых единиц семантического поля (СП) 'возраст человека'. Отдельные этапы возраста — детство, юность, молодость, зрелость, старость — воспринимаются в общественном сознании как значимые характеристики человека, влияют на его восприятие как члена общества, на осознание им собственного места в социуме, отношение к нему других членов коллектива, что находит свою фиксацию в языке.

Поскольку представления о возрасте социально обусловлены, они меняются вместе с явлениями окружающего мира. Технический прогресс, достижения медицины и т. п. приводят к постепенному увеличению продолжительности человеческой жизни, что приводит к смещению границ возрастных периодов и трансформации возрастных стереотипов. Нежелание говорящих акцентировать негативную оценку, выявляемую в семантике лексемы *старость*, приводит к употреблению в речи эвфемизмов. В наиболее полном на данный момент словаре эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной [1] отмечаются такие эвфемизмы, указывающие на пожилых людей и на состояние старости, как *век Мафусаила, вечер (жизни, лет), вторая молодость, золотая осень, золотой возраст, осень жизни (лет), пожилого возраста, пожилой, почтенного возраста (лет), преклонного возраста (лет), солидный, старшее поколение* и др. Состав эвфемизмов данной семантики постоянно пополняется.

Обзор литературы

Лексика, обозначающая возраст, привлекает внимание лингвистов, работающих в русле антропоцентристической научной парадигмы, и является объектом значительного количества исследований.

Проблеме анализа возрастных наименований русского языка посвящены исследования В. В. Голубевой [2], Н. Ю. Моспановой [3], И. В. Салимьяновой [4] и других учёных. Существенный вклад в изучение проблемы современных номинаций сферы возраста в русском языке внесли И. Т. Вепрева и Н. А. Куприна [5], М. Е. Новичихина [6] и другие лингвисты. Вопрос о лингвокультурной сути возрастных наименований рассматривали К. А. Бурнаева [7], К. Н. Эркинбек [8] и др. Эвфемистические наименования возраста анализируют О. Б. Волкоморова [9], Ю. В. Горшунов [10] и др. Значительная часть работ выполнена в 2010-е годы в русле когнитивного подхода к анализу языка и посвящена описанию соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, проводимому в том числе в сопоставительном аспекте, однако динамическому подходу в этих работах уделено недостаточно внимания. Номинации возраста человека и его принадлежности к той или иной возрастной группе быстро реагируют на изменения в окружающем мире, в связи с чем лингвистические исследования даже десятилетней давности нуждаются в дополнении и переосмыслении. Непрерывная языковая динамика требует постоянного глубокого анализа наименований сферы 'возраст' как динамичной группы слов русского языка, находящейся под постоянным социальным и культурным воздействием. Формирование в лингвистике антропоцентрического подхода усилило внимание к способам вербализации в языке информации о возрасте человека, в том числе эвфемистическим.

Цель статьи — выявить особенности значения и функционирования в современном русском языке, в частности, в медиадискурсе, лексем *возраст* и *возрастной*, выступающих в эвфемистических употреблениях. Материалом для исследования значений и речевого употребления данных лексем стали основные толковые словари русского языка и основной и газетный корпусы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Все примеры использования анализируемой лексики, приведённые далее, взяты из НКРЯ [11].

Лексикографическая характеристика лексем *возраст* и *возрастной*

Лексема *возраст* — ядерная для семантического поля (СП) 'возраст человека', она обладает наиболее общим для поля значением и одновременно соответствует архисеме 'возраст', наличествующей в семантической структуре всех единиц данного семантического поля. Семантика слова *возраст* определяется в толковом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой как 'количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет; период, ступень в росте, развитии человека, животного, растения' [12, с. 201]. Семантическая структура слова включает в качестве обязательного количественный параметр, поэтому возраст может быть оценен как *большой / маленький, больший / меньший*, а количество лет — как *много / мало*. Семантика слова предполагает наличие определённого начального этапа, с которого исчисляется возраст, — дату рождения, появления на свет. Этот этап оценивается как параметр, стабильный для живого существа, в то время как сам возраст — как динамический показатель, предполагающий периодичность, наличие ступеней, изменяемость, рост.

Внутренняя форма слова *возраст* отражает его связь с глаголом *расти* и представление об изменении роста в течение жизни человека. Хотя не каждый возраст человека связан с определённым ростом (маленький рост характерен для детей, невысокий — для подростков, высокий, обычный — для людей всех остальных возрастов), именно в течение первых лет жизни изменения в человеке наиболее явны, подтверждаются ростом. Кроме того, этимологически лексема восходит к глаголу *возрастать* (от которого

образована с помощью нулевой суффиксации), то есть в его семантику заложено изменение количества прожитых человеком лет в сторону увеличения. Префикс *воз-* имеет значение, мотивирующее данную семантику: 'направленность движения или действия вверх' [12, с. 196]. Поэтому лексему *возраст* можно назвать мотивированной, имеющей прозрачную, ясную внутреннюю форму.

Будучи производным словом, образованным от глагола *возрастать* (*возрасти*), лексема *возраст*, в свою очередь, является производящим словом для других языковых единиц, в том числе для прилагательного, образованного суффиксальным способом, *возраст-но-*й [13, с. 108]. В толковом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой данная лексема отсутствует. В «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах семантика слова *возрастной* дана в одной словарной статье со словом *возраст*: 'обусловленный возрастом, определяемый по возрасту' [14, стб. 588]. Также здесь указана семантика 'зрелого возраста', близкая к эвфемистической, но помеченная как «устаревшее и в просторечии» [Там же]. В более современных словарях, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [15], а также в словарях неологизмов эвфемистическая семантика данных лексем также не отмечена. В словаре Т. Ф. Ефремовой видим эвфемистические значения: у слова *возраст* — 'зрелый период в развитии человека, животного, растения', у слова *возрастной* — 'вступивший в зрелый возраст' (с пометой разговорно-сниженное) [16]. В словаре эвфемизмов отмечается, что слово *возраст* употребляется «вместо старость», и это значение является разговорным, переносным [1, с. 85]. Мы считаем наличие эвфемистических значений у этих лексем несомненных, причём полагаем, что их можно сформулировать, соответственно, как 'пожилой возраст' и 'пожилой'.

Эвфемистическое употребление лексем *возраст* и *возрастной*

СП 'возраст' пополняется не только за счет лексических неологизмов — заимствований, но и за счет семантической деривации. Это проявляется и в том, что в современном языке широко используется семантические неологизмы *возраст* в значении 'пожилой возраст' и *возрастной* в значении 'пожилой'. В данном случае мы имеем дело с такими семантическими процессами, как эвфемизация и одновременно сужение лексического значения: вместо семантики возраста вообще, любого возраста лексемы указывают на определённый возраст (пожилой).

Как правило, высказывания, где слово *возраст* употребляется в значении 'пожилой возраст', выстраиваются таким образом, что возраст, о котором идёт речь (*немолодой, пожилой*) ни для кого не составляет тайны, вполне ясен. Например: «*И одна актриса, которая скрывала свой возраст, спросила у директора: мол, что нужно делать, чтобы подольше прожить?*» [11, 2002]. В данном предложении совершенно ясно, что актриса скрывала именно пожилой, а не молодой или какой-то ещё возраст. Эта уверенность формируется за счёт экстралингвистических факторов, фоновых знаний говорящих: и автор, и читатели прекрасно понимают, что актриса будет скрывать свой возраст только в том случае, когда это уже не молодой возраст.

Аналогично воспринимается следующий пример: «**Несмотря на возраст**, он продолжал участвовать в научной жизни, выступал с докладами, писал книги» [11, 2004]. Лексема *возраст* употреблена здесь в уступительной конструкции, то есть обозначает несоответствие чего-либо имеющимся условиям, в данном случае — немолодого возраста — активной научной жизни. Уступительная конструкция *несмотря на возраст*

(без определения перед словом *возраст*) является в русском языке достаточно распространённой; в НКРЯ обнаруживаем 356 примеров. В них, как правило, говорится о людях, биологический и психологический возраст которых не совпадает: психологический меньше физического.

Люди, по отношению к которым употребляется данное сочетание, бодры, ведут себя как молодые: «На репетициях я увидел, как Касьян Ярославич вдохновенно, **несмотря на возраст**, показывает движения и все время внимательно слушает музыку, придумывая сложные балетные переплетения танцовщиков» [11, 2013]. В более редких случаях данное сочетание используется при описании людей младшего возраста, которые совершают что-то значимое, вопреки своему возрасту, то есть ведут себя как взрослые: «Первыми на лед по традиции вышли самые юные гонщики, некоторым из которых всего 4 года. **Несмотря на свой возраст**, ребята уверенно проходили трассу, стремясь к победе» [11, 2020]. Можно говорить о том, что подобными конструкциями представлено желание людей соответствовать возрастной норме молодости — не быть ни моложе, ни старше. Обратим внимание на то, что в последнем примере используется определение *свой*, тогда как применительно к старшему возрасту определение обычно не используется.

Если речь идёт о женщинах, то важнее становится мысль о внешнем несоответствии возрасту, о том, что та или иная героиня выглядит гораздо моложе своих лет: «Это правда: долгие десятилетия Фатеева опровергала свой **возраст** одним лишь внешним видом, да и сегодня выглядит моложе своих лет» [11, 2020]. Способность выглядеть моложе своих лет становится доказательством незаурядности личности женщин, о которых идёт речь.

В то же время лексема *возраст* в значении 'пожилой возраст' может указывать и на наличие психологических проблем у героев, которые не могут смириться с наступлением зрелого возраста и старости, испытывают мучения по поводу утраченной молодости, постоянно обращают на это внимание. Например: «Гузеева назвала критиков "недорогие плохие люди" и отметила, что их очень волнует ее **возраст**, вес и внешний вид» [11, 2020].

Семантическая деривация представлена также в слове *возрастной*, употребляемом в значении 'пожилой'.

Это, несомненно, эвфемизм, призванный смягчить указание на пожилой возраст. В современном употреблении слово, как нам кажется, уже утратило сниженную стилистическую окраску, часто используется нейтрально. Например: «Ранее **возрастной** спортсмен из Свердловской области умер после неудачного прыжка в бассейн» [11, 2023], «Петр Иванович был бледен **возрастной**, усталой бледностью» [11, 2014].

Вообще имя прилагательное *возрастной* значительно расширило своё употребление в современном русском языке, реализуясь в ряде сочетаний-неологизмов: *возрастной ценз*, *возрастные изменения*, *возрастные проблемы* и др. Некоторые из данных сочетаний со временем могут получить статус фразеологизмов. Как мы считаем, особенно близко к этому находится сочетание *возрастной ценз*, регулярно употребляемое в различных медиатекстах. В НКРЯ мы находим 926 примеров его использования. Например: «Компаниям, предоставляющим услуги по прокату самокатов, рекомендовано ввести **возрастной ценз** на управление самокатами с 16 лет» [11, 2021].

Заключение

Признак возраста является одной из важнейших черт, характеризующих человека, определяющих как его мысли, поступки, общественную значимость, так и отношение к нему других членов социума. В связи с этим различные наименования человека и совокупностей лиц по возрасту являются широко употребительными в публицистике. В центре СП 'возраст человека' находится ядерная лексема *возраст* как единица с наиболее общим значением; соответствующая ей архисема 'возраст' присутствует в семантике всех остальных компонентов СП. СП 'возраст человека' является живым, динамичным полем и постоянно пополняется неологизмами различного происхождения, в том числе семантическими неологизмами (*возраст* в значении 'пожилой возраст' и *возрастной* в значении 'пожилой'). Как показывают рассмотренные примеры, во многих случаях употребление слова *возраст* и его деривата *возрастной* связано с эвфемизацией, смягчением информации о пожилом возрасте, который в коллективном сознании оценивается негативно. Соответствующие значения, которые были зафиксированы словарями середины XX века как стилистически маркованные, перешли в состав нейтральной лексики и расширили сферу употребления.

Поскольку в речи формируется и активно используется всё большее количество эвфемизмов, с помощью которых, как правило, именуют пожилых людей: человек преклонного возраста, 65+, ветеран, в возраст элегантности, то перспективы настоящего исследования состоят в дальнейшем внимательном исследовании эвфемистических компонентов СП 'возраст человека' и их отражения в медиадискурсе и других сферах употребления современного русского языка.

Библиография

1. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 459 с.
2. Голубева В. В. Выражение категории возраста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 4 (82). С. 126–129.
3. Моспанова Н. Ю. Тематическая группа «детство (детский возраст)» и ее лексико-семантические особенности в брянских говорах // Поливановские чтения. 2022. № 16. С. 129–135.
4. Салимьянова И. В. Лексико-семантическое поле «пожилой человек» в русской языковой картине мира // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 114–117.
5. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Серебряный возраст // Русский язык за рубежом. 2019. № 2 (273). С. 116–119.
6. Новичихина М. Е. О роли номинации в процессе коммуникации (или о «пенсии по старости» и «возрасте дожития») // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2012. № 3-4 (106-107). С. 39–40.
7. Бурнаева К. А. «Старость» в русской и английской фразеологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 149–154.
8. Эркинбек К. Н. Фразеологизмы, обозначающие возрастные периоды человека в киргизской и русской лингвокультурах // Актуальные вопросы образования и науки. 2021. № 1 (71). С. 101–104.
9. Волкоморова О. Б. Процессы эвфемизации и дисфемизации в семантическом поле «возраст» // Славяно-русские духовные традиции в культурном сознании народов России. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 37–40.
10. Горшунов Ю. В. Возраст как объект эвфемизации и политкорректности // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 4. С. 1020–1026. DOI: 10.33184/bulletin-b su-2021.4.28.

11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.04.2024).
12. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. 702 с.
13. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 2. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 1394 стб.
15. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
16. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 18.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексемы возраст и возрастной как эвфемизмы в современном медиадискурсе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению как медиадискурса, так и чисто лингвистическому исследованию эвфемизмов.

Цель статьи — выявить особенности значения и функционирования в современном русском языке, в частности, в медиадискурсе, лексем возраст и возрастной, выступающих в эвфемистических употреблениях.

Актуальность исследования обусловлена также интересом исследователей к процессу эвфемизации как лингвистическому явлению, который значительно возрос в последние времена, что делает данное исследование особо релевантным. Кроме того, в настоящее время возрастает интерес к исследованиям в области стилистики, лексикологии и лексикографии, в изучение чего вносит определенный вклад рецензируемая работа. В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования явились метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций и др.

Материалом для исследования значений и речевого употребления данных лексем стали основные толковые словари русского языка и основной и газетный корпусы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Все примеры использования анализируемой лексики, приведённые далее, взяты из НКРЯ.

Автор приводит убедительные данные, однако методы корпусного исследования, а также статистические методы, которые могли бы быть применены в данном случае, не были использованы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены

выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды на исключительно русском языке.

Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных исследователей, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации российских ученых по данной и смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в теории и практике преподавания русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексемы возраст и возрастной как эвфемизмы в современном медиадискурсе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Вороновский А.А., Резник Л.В. Дружба-соперничество Г. Хауптманна и Т. Манна в творчестве и переписке // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70700 EDN: VUOHLW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70700

Дружба-соперничество Г. Хауптманна и Т. Манна в творчестве и переписке

Вороновский Александр Александрович

ORCID: 0009-0009-2119-8486

аспирант; кафедра истории зарубежной литературы; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

105523, Россия, г. Москва, Щёлковское шоссе, 82 к. 1

✉ voronovsky2112@yandex.ru

Резник Людмила Викторовна

ORCID: 0009-0008-6395-3374

аспирант; кафедра истории зарубежной литературы; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

✉ lyudmilareznik1996@gmail.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70700

EDN:

VUOHLW

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2024

Дата публикации:

14-05-2024

Аннотация: Статья посвящена истории взаимоотношений двух выдающихся немецких писателей Томаса Манна и Герхарта Хауптманна. Отношения между ними развивались как соперничество, отразившееся не только в их творчестве, но и в переписке. В

разные периоды своего знакомства Хауптманн и Манн испытывали по отношению друг к другу самые противоречивые чувства — от восторженного признания до категорического отрицания. Публикация в 1924 г. романа Манна «Волшебная гора» стала первым вестником начала взаимного отдаления после многих лет дружбы. Образ мингера Пеперкорна чувствительно задел самолюбие Хауптманна. Кроме того, между писателями существовало соперничество, связанное с подражанием Гёте и борьбой за право считаться национальным поэтом Германии. В 1929 г. при поддержке Хауптманна Манн получил Нобелевскую премию по литературе. Однако реакция последнего вызвала враждебное неприятие со стороны старшего современника. В 1933 г. разрыв контактов между Манном и Хауптманном произошел уже по политическим причинам, и общение так и не было возобновлено, несмотря на попытку примирения со стороны Хауптманна. Методологическую основу статьи составляет историко-литературный подход, в рамках которого производится анализ биографий, переписки и дневников Манна и Хауптманна, а также изучается взаимодействие между писателями, отразившееся на их художественном творчестве. Научная новизна данной статьи определяется отсутствием отечественных исследований, посвященных взаимоотношениям Томаса Манна и Герхарта Хауптманна. Настоящая работа впервые вводит в российское литературоведение ряд актуальных текстов: писем и дневниковых записей Манна и Хауптманна, в которых они высказываются о своем отношении к друг другу и поднимают широкий круг вопросов литературного творчества и культуры. Непростые отношения между двумя писателями, отстаивавшими совершенно разные литературные и мировоззренческие позиции, не только преломляются в их переписке и в художественном творчестве, но и в значительной степени отражают опыт творческой саморефлексии каждого. Главным оказывается вопрос о соотношении искусства и жизни, возможности автономности творчества. Если Манн настаивает на неизбежном вторжении "жизни" в сферу деятельности художника, то Хауптманн видит в искусстве спасение поэта от недостойной его суety.

Ключевые слова:

немецкая литература, Герхарт Хауптманн, Томас Манн, Волшебная гора, Нобелевская премия, подражание Гёте, фрейдистские комплексы, Смерть в Венеции, дионисийское начало, ницшеанство

История сложных взаимоотношений (дружбы-соперничества) двух немецких писателей, Герхарта Хауптманна (Gerhart Hauptmann, 1852–1946) и Томаса Манна (Thomas Mann, 1875–1955), на протяжении их долгой литературной жизни отразилась как в их художественном творчестве, так и в переписке. Первая встреча Манна, которому было 28 лет, и Хауптманна, который был на 13 лет старше, произошла в 1903 г. у их общего издателя С. Фишера. В то время Хауптманн, бесспорно, был номером один в издательстве Фишера, и Манн, опубликовавший ранее «Будденброков» (Buddenbrooks, 1901), находился под впечатлением от знакомства. В письме к издателю он возводил встречу с Хауптманном в ранг «первой величины», глядя на старшего современника как на наставника: «В памятный час он назвал меня своим братом. Я, как и Грильпарцер в Гёте [...], видел в нем скорее отца» [\[1, с. 368\]](#). В письме к брату Генриху Манн даже называет Хауптманна своим «идеалом»: «Я и близко не подозревал, что его личность обладает таким очарованием, какое она оказывает на самом деле. [...] Таким можно было бы стать, если бы не иметь "изъяна", [как говорится у Ибсена] ...» [\[2, с. 30\]](#).

Манн неоднократно сопоставлял свои произведения с творениями своего старшего товарища. Примечательна его единственная попытка написать драматическое произведение в попытке освоить тот жанр, которому Хауптманн был обязан своим литературным успехом. Однако пьеса Манна «Фьоренца» (Fiorenza, 1906), действие которой разворачивается в эпоху Возрождения, оказалась неудачной. Провал драмы, создававшейся с большим энтузиазмом, переживался — и тогда, и много позже — молодым амбициозным автором как трагедия (тем более что в 1912 г. Хауптманн был удостоен Нобелевской премии за выдающуюся деятельность в области драматического искусства).

С тех пор сосредоточившийся исключительно на прозе Манн внимательно следил за тем, как периодически темы его творчества сближались с хауптманновскими. Так, в 1918 г. Манн назвал новеллу Хауптманна «Еретик из Соаны» (Der Ketzer von Soana, 1918) одним из лучших произведений немецкой литературы и отметил близкую связь сочинения старшего современника со своей новеллой «Смерть в Венеции» (Tod in Venedig, 1912). В обоих произведениях центральное место занимает тема пробуждения художника, поиска импульса внутреннего вдохновения, тем или иным образом связанного с дионисийским началом. У Манна Густав фон Ашенбах во время болезни видит сон о дионисийской процессии, кульминацией которой является фаллическое поклонение. Для Ашенбаха сон начинается с тоски и заканчивается вожделением. В новелле Хауптманна также появляется мотив ритуальной процессии мужчин и женщин, шествующих в атмосфере эротического томления. Следствием духовного приобщения главного персонажа к дионисийскому обряду оказывается расширение его познавательных способностей: его сердце бьется в такт пульсу природы, и он становится участником вселенского творческого процесса. Но в то же время Манн указывал и на расхождения с Хаутманном в выборе творческого метода. В эссе «Дух и искусство» (Geist und Kunst, 1908) писатель отделил свое творчество от «немецкого поэтического» (das Deutsch-Poetische) стиля Хауптманна: искусство последнего, по Манну, было миметическим, не имело аналитической основы, в то время как себя писатель относил к «европейской интеллектуальной» (das Europäisch-Intellektuelle) традиции.

В 1922 г. Томаса Манна пригласили выступить с речью по случаю 60-летия Хауптманна, празднование которого должно было стать событием национального масштаба. Приняв приглашение, Манн сел за статью, которая, по мере того как работа затягивалась, все больше утрачивала черты поздравительной речи и превращалась в манифест. В знаменательной речи Манна «О немецкой Республике» (Von deutscher Republik, 1922) Хауптманн почитается им как «король Республики» и «совесть нации». Однако в своем выступлении Манн лишь кратко остановился на юбиляре, затем сменив тему. Автор «Размышлений аполитичного», до сих пор считавшийся монархистом, использовал эту возможность для сенсационного признания немецкой демократии. Выступление, которое не раз прерывалось как аплодисментами, так и неодобрительным гулом и топотом публики, завершалось словами «Да здравствует Республика!» и стало сенсацией, вследствие чего в прессе много говорилось о Томасе Манне и мало о самом юбиляре.

Серьезным испытанием для дружеских отношений и творческих контактов двух авторов и этапом их дальнейшего творческого размежевания стала публикация романа Манна «Волшебная гора» (Der Zauberberg, 1924). Хауптманн сразу же с неудовольствием узнал себя в гротескном образе мингера Питера Пеперкорна. Безусловно, очевидное сходство не было совпадением: в октябре 1923 г. на отдыхе в Больцано и на Хиддензее в июле 1924 г. семьи Маннов и Хауптманнов останавливались в одной гостинице и вместе проводили время. Известно, что Манн зачитывал Хауптманну отдельные выдержки из

«Волшебной горы» и тот позитивно отзывался о романе. Но в хауптманновском экземпляре романа череда полных восхищения маргиналий в главе «Мингер Пеперкорн» прерывается записью: «И эта идиотская свинья должна иметь какое-то сходство с моей ничтожной персоной!» [3, с. 263]

В черновике письма Хауптманна от 4 января 1925 г. С. Фишеру говорится: «Коллега завоевал мою настоящую симпатию, и это выражалось, в частности, в том, что я рекомендовал его в Стокгольме на соискание Нобелевской премии» [4, с. 256]. В том же письме Хауптманн подробно останавливается на замеченном им и возмущившем его сходстве: «[...] Пеперкорн указывает на мою персону и является фактом унижения. Мне даже хочется верить во фрейдистские комплексы. Вкратце: голландца, пьяницу, отравителя, самоубийцу, интеллектуальную развалину, [...] зараженную мешками с золотом и [малярией], Томас Манн одевает в мои одежды. Этот Голем оставляет предложения незаконченными, что порой является моей вредной привычкой. Как и я, он часто повторяет слова “готово” и “абсолютно”. Мне шестьдесят лет, и ему тоже. Как и Пеперкорн, я ношу шерстяные рубашки, сюртук и жилет, застегнутый до самого горла. [...] Томас Манн однажды [...] назвал меня “некоронованным королем республики”, и я стал кофейным королем. И когда Пеперкорн показывает “капитанскую веснушчатую руку”, следует учитывать, что по-немецки “капитан” звучит как Хауптманн» [5, с. 268]. Образ мингера Пеперкорна — это одновременно и карикатура, и дань уважения. Как отмечает Л. И. Мальчуков, в этом образе проявилось восприятие Манном старшего современника в контексте ницшеанского антиинтеллектуализма, иррациональной поэтической стихии [6, с. 130]. Хауптманна он видит, прежде всего, в призме Шопенгауэра и Ницше, ставящими иррациональное выше сократовской культуры мысли: “Ибо лишь художественным, а не аналитическим словом можно достойно трактовать об иррационально-поэтическом” [7, с. 497].

Важным аспектом образа Пеперкорна выступает его сходство с Гёте, характеристики которого — «олимпийство», «богоподобность» — проецируются Манном на Пеперкорна в тексте «Волшебной горы». Хауптманн и Манн оба претендовали на роль «нового Гёте» и в этом отношении были соперниками. Несомненно, Гофмансталь, Гессе, Каросса также были последователями Гёте, каждый по-своему. Но ничье *«imitatio Goethe's»* не беспокоило Манна так, как подражание Хауптманна, который любил фотографироваться таким образом, чтобы его внешнее сходство с Гёте было безошибочным, и который с помощью этого сходства претендовал на звание национального поэта. Во всяком случае, начиная со своего 50-летия Хауптманн действительно играл роль национального поэта, что достигло своего апогея к 1932 г., когда в Германии были устроены торжества по случаю 100-летия со дня смерти Гёте и празднование 70-летнего юбилея Хауптманна. Томас Манн заглянул глубже: он увидел, что и творчество Хауптманна также стремится считаться подражанием Гёте. Значительное влияние на роман Хауптманна о театре «В вихре призыва» оказал роман Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Другим примером обращения Хауптманна к наследию Гёте является «Сказка» (*Das Märchen*, 1941), задуманная как продолжение одноименной философской повести Гёте, включенной в «Разговоры немецких беженцев» (*Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten*, 1795). Кроме того, Хауптманн еще раз отдает дань Гёте в своей последней новелле «Миньона» (*Mignon*, 1947). Едва ли кто заметил это устанавливающееся в творчестве Хауптманна родство с Гёте раньше, чем Томас Манн, который, в свою очередь, выстраивал собственный ряд параллелей: «Тонио Крегер» — Вертер, «Признания авантюриста Феликса Круля» — «Поэзия и правда», «Волшебная гора» — Вильгельм Мейстер и т.д.

Разрыв, последовавший после публикации «Волшебной горы», был преодолен стараниями Манна, обратившегося к Хауптманну с покаянным письмом, в котором он называл себя «согрешившим ребенком» [5, с. 207]. По мнению Г. Вислинга, нельзя упускать из виду «эдипову» закономерность отношений Томаса Манна с Хауптманном: «Классический случай: вначале восхищение королем или отцом, затем к нему примешивается зависть, возникает соперничество, ненависть и, наконец, всё заканчивается убийством» [8, с. 247]. Сам Хауптманн в письме Фишеру упоминает «фрейдистские комплексы», а смерть Пеперкорна в романе напоминает мифологический ритуал «умерщвления одряхлевшего царя» [9, с. 312]. Томас Манн предпринял попытку преодоления «страха влияния», противопоставив себя, писателя-критика, «пластическому» поэту Хауптманну. Манн понимал, что их таланты были принципиально разными и любил цитировать слова из Евангелия, с которым однажды обратился к нему Хауптманн: «В доме Отца нашего горниц много» [10, с. 337]. Но вечное присутствие рядом Другого задевало это Манна: «Открытие того, что ты не один в этом мире, всегда по-особому обидно. Гёте однажды недвусмысленно спросил: “Можно ли жить, если живут другие?”» [11, с. 543] — написал он однажды Агнес Майер, комментируя полученную им от Гессе «Игру в бисер».

В 1929 г. именно Хауптманн выдвинул кандидатуру Томаса Манна на Нобелевскую премию. Возникла обычная в таких случаях борьба: группа университетских профессоров и журнал «Литературный мир» выступили в поддержку кандидатуры Арно Хольца. По этому поводу Томас Манн 15 октября 1929 г. обратился к Хауптманну с письмом: «Раз уж мы говорим о наградах: что Вы скажете о широко распространившейся новости о том, что благодаря пропаганде клики профессоров [...] Арно Хольц должен получить Нобелевскую премию? Позвольте мне говорить с Вами откровенно [...]: я счел бы такое награждение абсурдным и скандальным и убежден, что вся Европа схватилась бы за голову в полном недоумении. Будьте уверены, я говорю по существу: мне есть чем жить, и я бы, например, от души наградил нашу умную и выдающуюся Рикарду Хух. Но Хольц?! Это было бы настоящей неприятностью, и с этим действительно нужно что-то делать» [8, с. 262]. Хауптманн прислушался, поскольку еще в 1922 г. выступал против номинирования Хольца, и принял меры, о чем Манн позднее написал, что присуждением Нобелевской премии в 1929 г. он во многом обязан именно ему. Манн сообщал о телефонном разговоре с Хауптманном, в ходе которой последний заверил будущего нобелевского лауреата, что в решающей беседе с профессором Шведской академии Бёком предопределил триумф Манна [8, с. 262–263].

12 ноября 1929 г. Томас Манн получил из Стокгольма телеграмму о своей победе. На следующий день в интервью газете «Vossische Zeitung» он рассказал, что ему действительно нужно спросить себя о правомерности подобного выбора Академии: «В Германии есть целый ряд выдающихся поэтов, которые по меньшей мере так же, как и он, заслужили Нобелевскую премию [...]. Разве Арно Хольц не имел права на эту награду?» [5, с. 231] Хауптманн был возмущен и приступил к письму Манну, в котором заявил о своем замешательстве насчет последних высказываний лауреата и своем сожалении от его победы. По словам старшего современника, сомнения Манна по поводу справедливости выбора Академии граничат ни с чем иным как «с самой серьезной публичной ложью, основанной на низком лицемерии и погоне за наживой...» [5, с. 230]. Манн попытался оправдаться тем, что его слова были неточно воспроизведены журналистом. В своем дневнике Хауптманн оставил запись: «Случай вопиющей, бесстыдной, публичной лжи: Томас Манн» [8, с. 263].

В 1933 г. разрыв контактов между писателями произошел уже не по личным, а по политическим причинам. Захват власти национал-социалистами потребовал от обоих выражения четкой позиции. Томас Манн не вернулся из зарубежного турне уже через несколько недель, Хауптманн остался в Германии. Манн сначала выразил понимание того, что престарелый поэт не захотел покидать свою родину. Однако уже 9 мая 1933 г., прочитав газету, он презрительно заметил: «Он [Хауптманн] вывесил свастику на своем доме в "День труда"». Томас Манн с горечью добавляет, как сильно он сожалеет о том, что способствовал славе Хауптманна своими предыдущими выступлениями по случаю дня рождения. В дневнике он записал: «Хауптманн [остался], даже этот приверженец Республики, друг Эберта и Ратенау, которого возвысили и сделали великим евреем. [...] Я ненавижу эту марионетку, [...] величественно отвергающую мученичество, на которое не способен и я, но к которому неминуемо призывает мое духовное достоинство» [\[8, с. 264\]](#).

В 1935 г., в день 60-летия Томаса Манна, Хауптманн предпринял попытку возобновить общение, выбрав стихотворение из своего богатого творческого наследия. Снабдив его посвящением «великому художнику Томасу Манну», Хауптманн отправил текст юбиляру в Швейцарию. П. Шпренгель в исследовании «Поэт стоял на высоком берегу. Герхард Хауптманн в эпоху национал-социализма» интерпретирует стихотворение в политическом ключе в качестве личного манифеста, характеризуя данное произведение как «выражение превосходства поэта над своими недругами» [\[11, с. 90\]](#). В стихотворении оставивший суету поэт пребывает на высоком морском берегу, в то время как внизу кипят недостойные его идеино-политические дрязги. В то же время в этом образе можно увидеть обращенный к Томасу Манну призыв присоединиться к «аполитичной» позиции и оправдание Хауптманном своего положения после 1933 г. В этом произведении также присутствует и непосредственная аллюзия на творчество Манна: во второй части Хауптманн создает образ моря, отсылающий к морскому символизму манновской прозы (см. «Тонио Крегер», «Смерть в Венеции»). Манну было важен этот аспект его творчества, и он раздражался, когда критики упрекали его в недостатке изображения природы. Однако на полученное от Хауптманна стихотворение-посвящение Манн никак не отреагировал, даже не оставил о нём ни одной дневниковой записи и не общался с Хауптманном вплоть до его смерти.

В дневнике жены Томаса Манна, Кати Манн, сохранилась запись о почти состоявшейся случайной встрече двух писателей 22 марта 1937 г. в Цюрихе: «В магазине "Лондонский дом" [...] мой муж примерял костюм на верхнем этаже, когда к нему подошел продавец и спросил: "Вы знаете, кто внизу? Господин Герхарт Хауптманн. Хотели бы Вы его видеть?" Мой муж сказал: "О, вероятно, нам стоит подождать другого раза". На что продавец ответил: "Ровно то же сказал и Хауптманн"» [\[13, с. 48\]](#). Тем не менее, в 1946 г. известие о смерти Хауптмана — 6 июня, в день рождения самого Манна — не оставило его равнодушным. «[...] Источником скорби моей было чувство, что при всем различии наших характеров и как ни разошлись в ходе событий наши жизненные пути, мы все-таки были когда-то почти что друзьями» [\[10, с. 339–340\]](#) — написал он в 1949 г. в «Романе одного романа», где подробно отразил свой взгляд на историю своих взаимоотношений с Хауптманном.

В 1952 г. по просьбе вдовы Хауптманна Маргарет Манн произнес речь, посвященную 90-летию ушедшего. Писатель оценил величие творчества и личности Хауптманна, опустив историю их политических разногласий, отметив лишь то, что «однажды, пусть даже недозволенным образом», он уже почтил память Хауптманна «долговечнее» в своем романе. И этот «проникновеннейший взгляд в глубины человеческой личности», который

когда-либо, по мнению Манна, ему удавался, «больше расскажет будущим поколениям об этом человеке, о его скорбной торжественности, нежели все критические монографии о нём» [7, с. 499].

Таким образом, сложная динамика отношений между двумя писателями не только преломляется в их переписке и в художественном творчестве, но и в значительной степени отражает опыт творческой саморефлексии каждого. Первоначальное взаимное уважение между ними после публикации романа Манна «Волшебная гора» сменилось недопониманием и соперничеством за роль национального поэта Германии, «нового Гёте». Результатом последующего примирения и возобновления связей стало выдвижение Хауптманном в 1929 г. кандидатуры Манна на Нобелевскую премию по литературе. Однако политические разногласия, вызванные приходом к власти в Германии национал-социалистов, привели к окончательному разрыву контактов между писателями. Смерть Хауптманна в 1946 г. положила конец соперничеству и заставила Манна переосмыслить свое отношение к старшему товарищу, что нашло отражение в речи по случаю 90-летия Хауптманна и в воспоминании о нём, изложенном в «Романе одного романа».

Библиография

1. Mann Th. Briefe 1948–1955 / Hrsg. von E. Mann. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1965.
2. Thomas Mann — Heinrich Mann. Briefwechsel 1900–1949 / Hrsg. von H. Wysling. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1984.
3. Wysling H., Schmidlin Y. (Hrsg.) Thomas Mann. Ein Leben in Bildern. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997.
4. Fischer S., Fischer H. Briefwechsel mit Autoren / Hrsg. von D. Rodewald und C. Fiedler. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1989.
5. Wysling H., Bernini C. (Hrsg.) Der Briefwechsel zwischen Thomas Mann und Gerhart Hauptmann. „Mit Hauptmann verband mich eine Art Freundschaft.“ Teil II / Thomas Mann Jahrbuch / Hrsg. von E. Heftrich und H. Wysling. Bd. 7, 1994. Frankfurt a. M.: V. Klostermann Verlag, 1995.
6. Мальчуков Л.И. Мингер Пеперкорн: «священное» и «классическое» (К вопросу о границах художественных миров Герхарта Гауптмана и Томаса Манна в «Волшебной горе») / Граница в языке и литературе. М., 2009.
7. Манн Т. Герхарт Гауптман / Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. / Пер. с нем.; под ред. Н.Н. Вильмонта и Б.Л. Сучкова. М.: Гослитиздат, 1961.
8. Wysling H., Bernini C. (Hrsg.) Der Briefwechsel zwischen Thomas Mann und Gerhart Hauptmann. „Mit Hauptmann verband mich eine Art Freundschaft.“ Teil I / Thomas Mann Jahrbuch / Hrsg. von E. Heftrich und H. Wysling. Bd. 6, 1993. Frankfurt a. M.: V. Klostermann Verlag, 1994.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: «Восточная литература» РАН, 2000.
10. Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. / Пер. с нем.; под ред. Н.Н. Вильмонта и Б.Л. Сучкова. М.: Гослитиздат, 1960.
11. Sprengel P. Der Dichter stand auf hoher Küste: Gerhart Hauptmann im Dritten Reich. B.: Propyläen Verlag, 2009.
12. Thomas Mann — Agnes E. Meyer. Briefwechsel 1937–1955 / Hrsg. von H. R. Vaget. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1992.
13. Mann K. Meine ungeschriebenen Memoiren. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Постановка проблемы рецензируемой статьи нетривиальна, она имеет смежный характер и может быть интересна заинтересованным читателям. Автор обращает внимание на вектор «дружбы-соперничества» Г. Хауптманна и Т. Манна. В частности, отмечено, что «история сложных взаимоотношений (дружбы-соперничества) двух немецких писателей, Герхарта Хауптманна (Gerhart Hauptmann, 1852–1946) и Томаса Манна (Thomas Mann, 1875–1955), на протяжении их долгой литературной жизни отразилась как в их художественном творчестве, так и в переписке». Таким образом, мотивируется выбор темы, острота трактовки, необходимости предельно проанализировать данный «диалог». Суждения по ходу работы правомерны, векторны: например, «Манн неоднократно сопоставлял свои произведения с творениями своего старшего товарища. Примечательна его единственная попытка написать драматическое произведение в попытке освоить тот жанр, которому Хауптманн был обязан своим литературным успехом. Однако пьеса Манна «Фьоренца» (Fiorenza, 1906), действие которой разворачивается в эпоху Возрождения, оказалась неудачной», или «В знаменательной речи Манна «О немецкой республике» (Von deutscher Republik, 1922) Хауптманн почитается им как «король Республики» и «совесть нации». Однако в своем выступлении Манн лишь кратко остановился на юбиляре, затем сменив тему. Автор «Размышлений аполитичного», до сих пор считавшийся монархистом, использовал эту возможность для сенсационного признания немецкой демократии. Выступление, которое не раз прерывалось как аплодисментами, так и неодобрительным гулом и топотом публики, завершалось словами «Да здравствует Республика!» и стало сенсацией, вследствие чего в прессе много говорилось о Томасе Манне и мало о самом юбиляре» и т.д. Стиль соотносится с собственно научным типом, стремление к этому верифицировано: например, «в 1929 г. именно Хауптманн выдвинул кандидатуру Томаса Манна на Нобелевскую премию. Возникла обычная в таких случаях борьба: группа университетских профессоров и журнал «Литературный мир» выступили в поддержку кандидатуры Арно Хольца. По этому поводу Томас Манн 15 октября 1929 г. обратился к Хауптманну с письмом: «Раз уж мы говорим о наградах: что Вы скажете о широко распространившейся новости о том, что благодаря пропаганде клики профессоров [...] Арно Хольц должен получить Нобелевскую премию?... Должный ряд статистики введен в работу, ссылки / цитации сформированы по стандарту издания. Конфликт между писателями как основная проблема конкретизирована, точки соперничества прописаны: например, в следующем фрагменте: «в 1933 г. разрыв контактов между писателями произошел уже не по личным, а по политическим причинам. Захват власти национал-социалистами потребовал от обоих выражения четкой позиции. Томас Манн не вернулся из зарубежного турне уже через несколько недель, Хауптманн остался в Германии. Манн сначала выразил понимание того, что престарелый поэт не захотел покидать свою родину...» и т.д. Цель работы достигнута, задачи решены; материал можно использовать при изучении гуманитарных дисциплин. Выводы соразмерны основной части: автор тезириует, что «сложная динамика отношений между двумя писателями не только преломляется в их переписке и в художественном творчестве, но и в значительной степени отражает опыт творческой саморефлексии каждого. Первоначальное взаимное уважение между ними после публикации романа Манна «Волшебная гора» сменилось недопониманием и соперничеством за роль национального поэта Германии, «нового Гёте». Результатом последующего примирения и возобновления связей стало выдвижение Хауптманном в 1929 г. кандидатуры Манна на Нобелевскую премию по литературе. Однако политические разногласия, вызванные приходом к власти в Германии национал-

социалистов, привели к окончательному разрыву контактов между писателями...». Список источников полновесен, однако, на мой взгляд, их можно унифицировать (стр., издательство, выходные данные). Замечания к работе незначительны, следовательно, статью «Дружба-соперничество Г. Хауптманна и Т. Манна в творчестве и переписке» можно рекомендовать к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сунь И. Лингвокультурный скрипт «чаепитие» в китайской коммуникации // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70518 EDN: UJGXYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70518

Лингвокультурный скрипт «чаепитие» в китайской коммуникации

Сунь Ихань

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9

✉ 1042235303@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70518

EDN:

UJGXYG

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2024

Дата публикации:

18-05-2024

Аннотация: В статье исследуется культурное значение чаепития в китайской коммуникации посредством изучения соответствующего лингвокультурного скрипта. Рассматривается исторический контекст и современное состояние китайской чайной культуры; анализируется язык, используемый для описания процесса чаепития, включая отдельные лексемы, фразы и идиоматические выражения. Также в статье исследуются нормы этикета и традиции, связанные с чаепитием. Предоставлен краткий обзор чайных идиом в китайском языке, отражающих лингвокультурную ценность чаепития. Делается вывод о высокой значимости рассматриваемого лингвокультурного скрипта в китайской культуре, а также о необходимости внедрения данного лингвокультурного компонента в процесс обучения китайскому языку иностранных студентов. Предмет исследования – лингвокультурные скрипты, актуальные в рамках китайской лингвокультуры на примере скрипта «чаепитие». Методы исследования: 1. Контент-анализ. 2. Исторический

анализ. 3. Лингвокультурный анализ. 4. Привести идиомы, связанные с китайским чаепитием. Новизна исследования заключается в том, что в нём проводится многоаспектный анализ лингвокультурного скрипта «Чаепитие» в китайской лингвокультуре. В частности, рассматривается специализированная чайная лексика, фразеологические единицы, а также этикетные реплики, которые имеют отношение к чаепитию в китайской лингвокультуре. В китайской культуре существует сложный и интересный для изучения чайный этикет. Лингвокультурный скрипт «Чаепитие» в рамках китайской культуры состоит из трёх частей: преамбула события, событие и результат события. Преамбула события включает в себя приветствие и заказ чая (последнее актуально, если чаепитие происходит в чайной). Событие (то есть чаепитие), подразумевает заваривание чая и распитие чая. Последнее обычно проходит без слов, ведь в китайской культуре принято отключить все возможные раздражители ради наслаждения чайным напитком. Кроме того, важной частью является благодарность за хороший чай. Результат события – это оплата счёта (если дело происходит в чайной) и прощание по окончании чаепития.

Ключевые слова:

чай, чаепитие, чайная культура, чайный этикет, китайский, коммуникация, лингвокультура, лингвокультурный скрипт, идиома, ценность

Актуальность работы.

Чай появился в Китае, предположительно, около пяти тысяч лет назад, однако, нельзя исключать и более раннее появление этого напитка среди предков современных китайцев. Чай является одним из национальных символов китайской культуры; его принято пить на свадьбах, во время празднования различных событий, а также просто так в свободное время. Следовательно, в китайской лингвокультуре существуют определённые скрипты на чайную тематику. Их планируется рассмотреть в рамках настоящей работы.

Цель работы состоит в том, чтобы детально рассмотреть реализацию лингвокультурного скрипта «чаепитие» с позиции китайской культуры и коммуникации на китайском языке.

Для достижения цели важно реализовать ряд задач:

1. Рассмотреть историю появления и развития чайной культуры в Китае.
2. Проанализировать основные слова и словосочетания, которые имеют отношение к китайской чайной культуре.
3. Разобрать диалоги и высказывания, принятые в Китае во время чаепития, а также их лингвокультурную обусловленность.
4. Привести идиомы, связанные с китайским чаепитием.

Предмет исследования – лингвокультурные скрипты, актуальные в рамках китайской лингвокультуры на примере скрипта «чаепитие».

Методы исследования:

1. Контент-анализ.

2. Исторический анализ.

3. Лингвокультурный анализ.

Новизна исследования заключается в том, что в нём проводится многоаспектный анализ лингвокультурного скрипта «Чаепитие» в китайской лингвокультуре. В частности, рассматривается специализированная чайная лексика, фразеологические единицы, а также этикетные реплики, которые имеют отношение к чаепитию в китайской лингвокультуре.

Согласно неподтверждённой досконально легенде, в давние времена жил человек по имени Шэн-нун, который научил людей земледелию и медицине. Чтобы люди поняли, какие растения съедобны, а какие – ядовиты, а также какие болезни возможно излечить каким растением, Шэн-нун три года путешествовал по лесам и горам, а также пробовал на себе все растения, которые ему встречались. При этом, он постоянно фиксировал собственные наблюдения. Шэн-нуна приписывают авторство источника «Канон Шэнь-нуна о корнях и травах», однако, эта информация не имеет ни доказательств, ни опровержений на настоящий момент. В этом источнике много говорится о целебных свойствах чая, в том числе о том, что он помогает лечить болезни сердца, обладает успокоительным эффектом, полезен для печени и почек.

В эпоху династии Тан (618 – 904) чайная культура стремительно развивалась, а следующая за ней династия Сун (960 – 1279) ознаменовала зрелость китайской чайной культуры. В современном Китае также широко распространён культ чая. В Китае существует четыре крупных центра выращивания чая: на севере (провинции Хэнань, Аньхой, Шаньдун), на юге (провинции Фуцзянь Гуандун, Гуанси), на юго-западе (провинции Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу) и в историческом районе Цзяннань (провинции Чжэцзян, Хунань, Цзянси) [6, с. 70]. В работе рассмотрены некоторые лингвокультурные скрипты чаепития в китайской культуре.

Лингвокультурный скрипт или лингвокультурный сценарий представляет собой набор инструкций для языкового и поведенческого кодов, используемых для небольших членимых ценностных ситуаций [5, с. 390]. Описаны лингвокультурные скрипты на различные темы: «Посещение врача», «Экзамен», «Чаепитие» и так далее [3, с. 35].

Слово «чай» на китайском языке звучит как «cha». В русский язык слово «чай» было заимствовано именно из китайского. Оно записывается иероглифом «茶», который состоит из двух частей. Верхняя часть (艹) означает «трава» и указывает на то, что иероглиф обозначает что-то, относящееся к миру растений. Таким образом, можно сказать, что в Китае изначально чай рассматривался как растение, и только потом – как напиток. Нижняя часть является фонетической, то есть, указывает на конкретное произношение иероглифического символа. Большинство лексических единиц, рассмотренных в рамках настоящей статьи, содержит иероглиф «茶», однако, есть и такие, в которых он отсутствует [2, с. 51].

В Китае существует большое количество различных сортов чая, семь из которых являются основными: красный чай (红茶), чёрный чай (黑茶), белый чай (白茶), зелёный чай (绿茶), жёлтый чай (黄茶), травяной чай (草茶), чай улун (乌龙茶). К менее известным сортам относятся фруктовый чай (果茶), цветочный чай (花草茶), чай из хризантемы (菊花茶) и так далее.

В Китае принято пить чай, наслаждаясь собственно вкусом напитка. Обычно в чай не

добавляется сахар, молоко, мёд и так далее; не принято также и употреблять закуску к чаю. Исключение составляют димсамы (点心) – изделия традиционной китайской выпечки, история существования которых насчитывает более двух с половиной тысяч лет, и которые часто употребляются вместе с чаем в различных провинциях Китая. Однако, в большинстве случаев чай ценен сам по себе, а не в сочетании с другими продуктами питания [\[4, с. 6\]](#).

Чайная церемония в Китае называется «茶艺». Она обладает сложными правилами, которые в чистом виде неизвестны большинству китайцев. В наши дни восстановлением чайной церемонии занимаются специально обученные профессионалы. Чай в Китае принято пить из пиал (盖碗), а наливать – из чайников (茶壺). Чай заваривают как в чайниках, так и в чайных кастрюлях (茶锅). Существует идиома «小钢脚、对钢腰、大钢帽» (некоторые сорта чая нужно заваривать в больших кастрюлях, а некоторые – в маленьких) [\[3, с. 37\]](#). Идиома состоит из трёх частей, первая (小钢脚) означает «варить корни чайных листьев в небольшой кастрюле», вторая (对钢腰) переводится как «варить середины чайных листьев в средней кастрюле», а третья (大钢帽) – как «варить круглые чайные листья в большой кастрюле». В итоге, дословный перевод идиомы звучит следующим образом «варить корни чайных листьев в небольшой кастрюле; варить середины чайных листьев в средней кастрюле; варить круглые чайные листья в большой кастрюле». Это означает, что каждая кастрюля имеет своё предназначение, точно также, как задачи разных сортов чая. Предназначение кастрюли определяется в контексте данной пословицы теми сортами чая, которые в ней рекомендуется заваривать. Идиома изначально возникла в провинции Чжэцзян на юге Китая; в этом регионе растёт большое количество различных сортов чая, которые сильно отличаются друг от друга. Чтобы чай дошёл до необходимого состояния, а получившийся напиток обладал соответствующим вкусом, важно варить чай разных сортов по-разному. Эта идиома также используется и в реальной жизни, когда необходимо показать актуальность индивидуального подхода к различным людям, вещам, событиям и так далее.

В Китае существует обычай, согласно которому гостю необходимо подать чай сразу же после того, как он переступил порог дома. Об этом говорит идиома «客来敬茶, 礼仪人家». Этот обычай китайского гостеприимства традиционно существует в китайской культуре; он широко практикуется и в настоящее время.

Идиома состоит из двух частей: «客来敬茶» и «礼仪人家». Ниже даётся пояснение каждой из них более подробно:

«客来敬茶» = «客» (гость) + «来» (прийти, приходить) + «敬» (уважение, почтение) + «茶» (чай).

«礼仪人家» = «礼仪» (этiquet, приличие, ритуал) + «人家» (дом, семья).

Следовательно, идиома в дословном переводе означает «когда гость пришёл, надо сразу же дать ему чай; это означает «Гостю необходимо выразить почтение, угостив его чаем сразу же, как он вошёл; это показывает умение семьи следовать правилам приличия».

Традиция подавать чай гостю упоминается ещё в источниках династии Тан, однако, нельзя исключать и более длительного её существования. В настоящее время традиция соблюдается не так строго, поэтому любой член семьи может угостить пришедшего чаем. В период династии Тан при приеме гостей дома чай обычно подавали младшие члены семьи или обслуживающий персонал; при приеме важных гостей чай должна подавать сама хозяйка. Если необходимо угостить чаем посетителя учреждения или

подразделения, то чай обычно подавали секретари, администраторы и штатные сотрудники, а при приеме важных гостей – лично руководитель организации или филиала.

Чаепитие в Китае может проходить как дома или в обычном ресторане, так и в специально оборудованной для этого чайной (茶店, 茶馆). Слово «茶店» состоит из двух иероглифов «茶» (чай) и «店» (магазин). Второе слово, «茶馆», строится также из двух частей, «茶» (чай) и «馆» (место, учреждение). Следовательно, эти слова означают в дословном переводе «чайный магазин» и «чайное место» соответственно. На русский язык обычно оба слова переводятся как «чайная».

Как правило, в чайных можно заказать только чай различных сортов. Иногда к этому также полагается сладкая выпечка, сдобные закуски из мяса, грибов, фруктов и овощей, а также первые блюда, такие как рис или лапша. Кроме этого, в чайной также можно играть в маджонг (麻将), читать журналы и книги, которые находятся там в открытом доступе, смотреть на красивые пейзажи, которые открываются из окна чайной.

Важно также отметить обычай пить чай на китайской свадьбе. Согласно традиционному ритуалу, невеста обязана подавать чай родителям жениха в знак благодарности за то, что они приняли её в семью. По этому поводу существует идиома «一女不吃两家茶». В дословном переводе это означает «одна невеста не пьёт чай на двух свадьбах». Пословица говорит о нежелательности повторного брака для женщины и о необходимости хранить верность одному мужчине всю жизнь, даже после его смерти. В настоящее время эта мораль уже устарела [\[1, с. 11\]](#).

Этикет китайской культуры сложный, однако, интересный для изучения. Лингвокультурный скрипт «Чаепитие» в рамках китайской культуры состоит из трёх частей: преамбула события, событие и результат события. Преамбула события включает в себя приветствие и заказ чая (последнее актуально, если чаепитие происходит в чайной). Событие (то есть, чаепитие), подразумевает заваривание чая и распитие чая. Последнее обычно проходит без слов, ведь в китайской культуре принято отключить все возможные раздражители ради наслаждения чайным напитком. Кроме того, важной частью является благодарность за хороший чай. Результат события – это оплата счёта (если дело происходит в чайной) и прощание по окончании чаепития.

В качестве примера рассмотрим несколько вариантов диалога, который может происходить в процессе традиционного китайского чаепития.

Диалог. Пример 1.

- 来了呀！快进来坐！(Здравствуйте! Добро пожаловать! Садитесь, пожалуйста!)
- 你好！(Здравствуйте!)
- 请用茶！(Пожалуйста, попробуйте чаю!)
- 不用不用。我自己来就行。(Не нужно! Не нужно! Я сам могу заварить).
- 谢谢, 茶味道不错！(Спасибо, у вас такой вкусный чай).
- 哪里哪里。怕你喝不习惯, 老板特地从某地买来的。(Что вы, что вы. Боюсь, что вы не привыкли пить подобный чай, так как он из неизвестного места).
- 谢谢你的招待！下回见！(Спасибо за ваше гостеприимство. Мне очень понравилось. До свидания!)

- 慢走。(Счастливого пути!)

Диалог. Пример 2.

- 来了呀！快进来坐！(Здравствуйте! Добро пожаловать! Садитесь, пожалуйста.)

- 老板来壶茶！(Здравствуйте! Официант, принесите, пожалуйста, чайник чая).

- 你平时喝什么茶？(Какой чай Вы обычно пьёте?)

- 我喜欢花茶和白茶。(Травяной чай и белый чай).

- 这家店的黑茶独具特色, 要不要试试？(В нашей чайной особенный чёрный чай, не хотите попробовать?)

- 好哇！(Хорошо!)

- 谢谢, 茶味道不错！今天我请客！(Спасибо, у вас такой вкусный чай! Сегодня я плачу за всех!).

- 不用不用, 今天我请客！(Нет, сегодня я плачу за всех.)

- 没事别客气, 这次我请, 下次你来！(Ничего страшного, сегодня я заплачу, а в следующий раз вы заплатите.)

- 谢谢你的招待！下回见！(Спасибо за ваше гостеприимство. Мне очень понравилось. До свидания!)

- 慢走。(Счастливого пути!)

В таблице 1 приводится набор типичных реплик, используемых в рассматриваемом лингвокультурном скрипте.

Таблица 1. традиционные реплики, используемые в лингвокультурном скрипте "чаепитие"

Выражения на китайском языке	Перевод выражений на русский язык
来了呀！快进来坐, 老板来壶茶！	<p>- Здравствуйте!</p> <p>- Добро пожаловать! Садитесь, пожалуйста.</p> <p>- Официант, принесите, пожалуйста, чайник чая.</p>
你平时喝什么茶？	- Какой чай Вы обычно пьёте?
我喜欢花茶和白茶。	- Травяной чай и белый чай.
这家店的黑茶独具特色, 要不要试试？	- В нашей чайной особенный чёрный чай, не хотите попробовать?
好哇！	- Хорошо!
请用茶！(给客人沏茶)	- Пожалуйста, попробуйте чаю!
不用不用。我自己来就行。	(заваривает чай для гостя)
	- Не нужно! Не нужно! Я сам могу заварить.
谢谢, 茶味道不错！	- Спасибо, у вас такой вкусный чай.

哪里哪里。怕你喝不习惯, 老板特地从某地买来的。	- Что вы, что вы. Боюсь, что вы не привыкли пить подобный чай, так как он из неизвестного места.
今天我请客!	- Сегодня я плачу за всех!
不用不用, 今天我请客!	- Нет, сегодня я плачу за всех.
没事别客气, 这次我请, 下次你来!	- Ничего страшного, сегодня я заплачу, а в следующий раз – вы заплатите.
谢谢你的招待! 下回见!	- Спасибо за ваше гостеприимство. Мне очень понравилось. До свидания!
慢走。	- Счастливого пути!

Комментируя содержание вышеприведённого скрипта с лингвокультурной точки зрения, стоит обратить внимание на вежливый отказ «**不用不用**», который следует после предложения чая. Согласно китайскому традиционному этикету, нельзя принимать предложенную вещь или помочь сразу, необходимо сначала сделать вид, что тебя не слишком интересует предложение. Так как во многих иностранных культурах практикуется более прямой отказ или согласие, то существует большая вероятность межкультурного непонимания, когда иностранец, услышав отказ, не будет настаивать, решив, что собеседнику не нужен чай. Однако, это не совсем правильно, ведь китаец ожидает, что собеседник будет настаивать, чтобы затем согласиться. Если же отказ принят всерьёз, то китаец получит подтверждение эгоизма и невысокого уровня воспитания и культуры иностранного партнёра по коммуникации [\[8, с. 61\]](#).

Правила принятия комплимента в китайской культуре также отличаются от правил, действующих во многих зарубежных странах, включая Россию. Если китаец получает комплимент, он должен изобразить отказ от него. Нужно преуменьшить свои достоинства или достоинства чая, еды, одежды и иных вещей, связанных с ним. В противном случае можно ошибочно прослыть эгоистом или просто не очень вежливым человеком в глазах собеседника. Если хозяин спрашивает, понравилось ли у него гостям, то они должны обязательно похвалить хозяина за вкусный чай и хороший приём [\[7, с. 150\]](#).

Похожая схема действует и в процессе оплаты счёта. В китайской культуре принято спорить относительно того, кто будет платить, при этом, каждый борется за право заплатить за чаепитие самостоятельно. Интересно отметить, что победитель заранее известен, и им является тот, кто пригласил всех на чаепитие (**请客**). Слово состоит из двух иероглифов «**请**» (пригласить, приглашать) и «**客**» (гость). Следовательно, дословно на русский язык его можно перевести как «**пригласить гостя**». Согласно логике китайской культуры приглашение должно выражаться, в том числе, в оплате счёта.

Необходимо объяснять иностранным студентам, изучающим китайский язык, особенности этикета в этом случае, иначе они могут не совсем хорошо понять особенности коммуникации [\[10, с. 391\]](#). Тем не менее, в Китае также возможно оплатить счёт поровну (**AA制**) или договориться, что каждый платит сам за себя (**各付各的**).

Лучше заранее уточнить, какие особенности приняты на конкретном чаепитии, чтобы не потерять лицо. Если же чаепитие проходит дома у кого-то, то подобной дискуссии, скорее всего, не возникнет, так как обязанность оплаты чаепития в этом случае полностью лежит на хозяевах дома, устроивших чаепитие [\[9, с. 449\]](#).

Идиомы также являются важной составляющей лингвокультурного скрипта «чаепитие» в китайской коммуникации. Наиболее показательными в этом плане являются следующие идиомы:

1. **开门七件事, 柴米油盐酱醋茶.** В дословном переводе звучит как «Семь базовых предметов в домашнем хозяйстве: дрова, рис, масло, соль, соус, уксус и чай». Эти предметы и в наши дни являются базовыми в китайской культуре (за исключением дров при условии, если семья живёт в городской квартире). Состав идиомы следующий: **开门** (открыть дверь [дома]) + **七** (семь) + **件事** (вещь). + **柴** (древа) + **米** (рис) + **油** (масло) + **盐** (соль) + **酱** (соус) + **醋** (уксус) + **茶** (чай). Следовательно, имеется в виду, что, открыв дверь дома человека, можно найти там семь важных предметов: дрова, рис, масло, соль, соус, уксус и чай. В противном случае, семья считалась бедной. Идиома изначально фольклорного происхождения, однако, употребляется во многих источниках Древнего Китая, включая стихотворения и прозаические работы китайских писателей.

2 . **三茶六饭.** Дословно: «три сорта чая и шесть сортов риса». Означает богатое и разнообразное угождение. В Китае принято готовить для гостей большое количество еды, чтобы произвести на них положительное впечатление гостеприимством. Состав идиомы: **三** (три [сорта]) + **茶** (чай) + **六** (шесть [сортов]) + **饭** (рис). Идиома является авторской; впервые она появилась в романе «Путешествие на Запад», который был опубликован в 1590-е годы без указания авторства; предположительно, автором является У Чэн-Энь.

3. **浪酒闲茶.** Дословно: «бездержно и бесконтрольно употреблять вино и чай». То есть, придаваться расточительствам и вести праздный образ жизни. Чай не всегда стоил дёшево в Китае, поэтому важно было экономно расходовать его для чаепития. В особенности это касается дорогих сортов чая. Идиома указывает на необходимость тратить деньги разумно, умея ограничивать себя в ненужных излишествах. Состав идиомы: **浪** (зря тратить, слишком много расходовать) + **酒** (вино; любой алкоголь) + **闲** (отдыхать, расслабляться) + **茶** (чай).

4 . **家常茶饭.** Обычный для семьи рис и чай, повседневная еда. Многие китайцы в повседневной жизни часто едят рис и пьют чай. Состав идиомы: **家常** (домашний, по-домашнему, повседневный) + **茶** (чай) + **饭** (рис).

5 . **清茶淡饭.** Слабо заваренный чай и жидкий рис. Указывает на скромный и неприхотливый домашний обед, приготовленный без особых излишеств. Состав идиомы: **清** (здесь: слабый, бесцветный) + **茶** (чай) + **淡** (бледный, слабый, жидкий) + **饭** (рис).

6 . **千茶万桑, 万事兴旺.** Если у тебя много чая и шёлкопрядов, то это принесёт тебе богатство и процветание. Идиома возникла в период династии Сун, когда Китай торговал с другими странами шёлком и чаем, что принесло материальное благополучие как отдельным купеческим семьям, так и всей государственной экономике в целом. Состав идиомы: **千** (тысяча) + **茶** (чай)+ **万** (десять тысяч) + **桑** (шёлкопряд), + **万** (десять тысяч) + **事** (дело) + **兴旺** (процветание). Следовательно, в дословном переводе это означает, что тот, кто обладает тысячу чайных деревьев и десятью тысячами единицами шёлкопрядов, всегда будет процветать в десяти тысячах дел, за которые он возьмётся. В китайском языке слова «**千**» (тысяча) и «**万**» (десять тысяч) часто служат для обозначения понятия «очень много, больше, чем можно вообразить».

Изучая идиомы, связанные с чаем и чайной культурой на занятиях по китайскому языку, необходимо обращать внимание студентов не только на саму идиому, но также и на тот культурно-исторический контекст, который за ней скрывается. Это поможет студентам не

только выучить язык, но также и лучше понять культуру того народа, который является его носителем. Важно уделить внимание изучению подобных скриптов на занятии по китайскому языку в иностранной аудитории ради того, чтобы в дальнейшем облегчить коммуникацию студентов с реальными носителями китайского языка и китайской культуры.

Библиография

1. Ван Юмэй. Современная интерпретация лексических единиц китайского языка, имеющих отношение к чаю // Сельскохозяйственная археология. – Наньчан, 2013. – № 5. – С. 10-12. 王玉梅. 汉语茶词语的现代性解读. 农业考古. 南昌, 2013. – № 5. – С. 10-12.
2. Воробьёва А. В. Традиция чаепития в Китае // Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. – Курск, 2022. – С. 47-54.
3. Зубкова Я. В. Лингвокультурные скрипты в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2008. – № 5 (29). – С. 34-38.
4. Ли Данъян. Культура чаепития в Китае // Студенческий форум. – Москва, 2020. – № 8 (101). – С. 5-7.
5. Лю Фан. Исследование устаревших лексических единиц чайной тематики, а также современной чайной лексики китайского языка // Чай и чайная культура провинции Фуцзянь. – Фучжоу, 2018. – № 40(9). – С. 390. 刘芳. 汉语言茶词语的现代化特征研究.福建茶叶. 福州, 2018. – № 40(9). – С. 390.
6. Лю Юэмяо, Се Линь. Стратегии межкультурной коммуникации в современном обществе на примере чайной культуры различных народов мира // Журнал Уханьского металлургического управляемого кадрового колледжа. – Ухань, 2020. – № 30(4). – С. 69-71. 刘悦森, 谢林. 基于语言景观文化功能的汉语文化传播路径. 武汉冶金管理干部学院学报. 武汉, 2020. – № 30(4). – С. 69-71.
7. Мэй Цянь. Стратегии преподавания китайского языка и китайской культуры иностранным студентам // Литературное образование (Часть 1). – Ухань, 2020. – № 8. – С. 149-151. 梅倩. 对外汉语教学中融入语言文化因素的教学策略. 文学教育(上). 武汉, 2020. – № 8. – С. 149-151.
8. Чжан Ваньтай. Историко-культурный анализ чайного церемониала в традиционном российском и китайском обществе // Человек. Социум. Общество. – Москва, 2020. – № 8. – С. 58-66.
9. Чжан Сяопин., Гун Цянь. Краткая дискуссия о китайской культуре чая и об обучении связанной с ней лексике иностранных студентов, изучающих китайский язык // Чай и чайная культура провинции Фуцзянь. – Фучжоу, 2020. – № 42(3). – С. 448-449. 张晓平, 龚倩. 浅谈茶文化传播中的茶词汇及其教学策略——以高校留学生茶艺课为例. 福建茶叶. 福州, 2020. – № 42(3). – С. 448-449.
10. Ю Цинцзин. Взгляд на различия между китайской и русской культурами в контексте существующей «чайной» лексики // Чай и чайная культура провинции Фуцзянь. – Фучжоу, 2018. – № 40(5). – С. 391. 于晶晶. 从“茶”类语汇翻译看中西文化差异性. 福建茶叶. 福州, 2018. – № 40(5). – С. 391.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В исследовании «Лингвокультурный скрипт «чаепитие» в китайской коммуникации» предпринимается попытка провести анализ лингвокультурного скрипта «Чаепитие» в

китайской лингвокультуре. Цель работы, которая видится автору в детальном изучении реализации лингвокультурного скрипта «чаепитие» с позиции китайской культуры и коммуникации на китайском языке, предполагает рассмотрение специализированной чайной лексики, фразеологических единиц и этикетных реплик, которые имеют отношение к чаепитию в китайской лингвокультуре. Безусловно, обозначенная проблематика очень интересна для российского читателя в силу складывающейся социокультурной обстановки в современном мире. Рецензируемое исследование продолжает серию работ, выявляющих лингвокультурную специфику наиболее колоритных явлений китайской культуры.

В первой части статьи в общих чертах повествуется о появлении и развитии чайной культуры в Китае. Далее идет перечисление и словообразовательный анализ отдельных слов и словосочетаний, используемых в китайской чайной культуре. Следует подчеркнуть, что основная масса слов, которая характеризовала бы процесс приготовления чая именно как церемонию, осталась незадействованной. Например, названия чайных принадлежностей, наименования действий и т.д. Реплики, употребляемые во время традиционной церемонии чаепития, идиомы, основанные на этом обычье, так же рассматриваются лишь номинативно. На наш взгляд, изучаемый культурный пласт мог бы быть гораздо информативнее при более тщательном исследовании лексического материала и культурного подтекста, чего, к сожалению, автору не удалось достичь. В рецензируемой работе рассмотрены некоторые лингвокультурные скрипты чаепития в китайской культуре, однако, на наш взгляд, вопрос о составляющей идиом лингвокультурного скрипта «чаепитие» остался нераскрытым. Автору можно порекомендовать сосредоточить свое внимание именно на разъяснении этих идиом и на их «культурно-историческом контексте», что существенно дополнит общеизвестные представления о традициях чаепития в Китае, поможет читателям разобраться в тонкостях церемонии чаепития, подготовит к восприятию этикетных и поведенческих особенностей. Это обеспечит новизну исследования.

Кроме того, в работе необходимо устраниТЬ стилистические недочеты, например, в предложениях «Шэн-нун три года путешествовал по лесам и горам, а также пробовал на себе все растения, которые ему встречались», «а следующая за ней династия Сун (960 – 1279) ознаменовала зрелость китайской чайной культуры»); убрать тавтологию со словом «существует»; исправить пунктуационные ошибки (например, знаки препинания при слове «однако»). Диалог, представленный в таблице №1, необходимо оформить в виде диалога, с выделением реплик.

Также советуем быть внимательнее при оформлении цитат, т.к. указанные в цитатах ссылки на литературу из библиографии не всегда соответствуют источникам. Например, цитата «Лингвокультурный скрипт или лингвокультурный сценарий представляет собой набор инструкций для языкового и поведенческого кодов, используемых для небольших членных ценностных ситуаций» привязана к 5-му источнику, в которой нет стр. 35, на которую делает ссылку автор: 5. Лю Фан. Исследование устаревших лексических единиц чайной тематики, а также современной чайной лексики китайского языка // Чай и чайная культура провинции Фуцзянь. – Фучжоу, 2018. – №40(9). – С. 390; цитата «Существует идиома «小锅脚、对锅腰、大锅帽» (некоторые сорта чая нужно заваривать в больших кастрюлях, а некоторые – в маленьких)» также не аффилируется с указанным источником №3; то же со ссылками на [7, с. 391], [10, с. 150].

В целом, рекомендуется доработать работу, усилив анализ этикетных формул и идиом в лингвокультурном плане.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи отчасти изучена многогранно, так как есть исследования связанные с т.н. «чайной церемонией» в Китае, но вопрос популяризации знаний придает исследованию особый оттенок и актуальность. Автор отмечает, что «чай появился в Китае, предположительно, около пяти тысяч лет назад, однако, нельзя исключать и более раннее появление этого напитка среди предков современных китайцев. Чай является одним из национальных символов китайской культуры; его принято пить на свадьбах, во время празднования различных событий, а также просто так в свободное время. Следовательно, в китайской лингвокультуре существуют определённые скрипты на чайную тематику. Их планируется рассмотреть в рамках настоящей работы». Собственно этот вектор и дает продуктивность магистрали данного исследования. Цель сводится к тому, чтобы детально рассмотреть реализацию лингвокультурного скрипта «чаепитие» с позиции китайской культуры и коммуникации на китайском языке. Поставленный ряд задач точен, конкретен. Новизна труда в многоаспектном анализе лингвокультурного скрипта «чаепитие» в китайской лингвокультуре. В частности, рассматривается специализированная чайная лексика, фразеологические единицы, а также этикетные реплики, которые имеют отношение к чаепитию в китайской лингвокультуре». Фактические данные вводятся в текст достаточно грамотно, они выверены. Например, «В эпоху династии Тан (618 – 904) чайная культура стремительно развивалась, а следующая за ней династия Сун (960 – 1279) ознаменовала зрелость китайской чайной культуры. В современном Китае также широко распространён культ чая. В Китае существует четыре крупных центра выращивания чая: на севере (провинции Хэнань, Аньхой, Шаньдун), на юге (провинции Фуцзянь Гуандун, Гуанси), на юго-западе (провинции Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу) и в историческом районе Цзяннань (провинции Чжэцзян, Хунань, Цзянси) [6, с. 70]. В работе рассмотрены некоторые лингвокультурные скрипты чаепития в китайской культуре», или «Слово «чай» на китайском языке звучит как «cha». В русский язык слово «чай» было заимствовано именно из китайского. Оно записывается иероглифом «茶», который состоит из двух частей. Верхняя часть (艹) означает «трава» и указывает на то, что иероглиф обозначает что-то, относящееся к миру растений. Таким образом, можно сказать, что в Китае изначально чай рассматривался как растение, и только потом – как напиток. Нижняя часть является фонетической, то есть, указывает на конкретное произношение иероглифического символа. Большинство лексических единиц, рассмотренных в рамках настоящей статьи, содержит иероглиф «茶», однако, есть и такие, в которых он отсутствует» и т.д. Считаю, что материал может быть интересен широкой аудитории, некоторые фрагменты интересны, значимы, конструктивны: «в Китае существует большое количество различных сортов чая, семь из которых являются основными: красный чай (红茶), чёрный чай (黑茶), белый чай (白茶), зелёный чай (绿茶), жёлтый чай (黄茶), травяной чай (草茶), чай улун (乌龙茶). К менее известным сортам относятся фруктовый чай (果茶), цветочный чай (花草茶), чай из хризантемы (菊花茶) и так далее», или «чаепитие в Китае может проходить как дома или в обычном ресторане, так и в специально оборудованной для этого чайной (茶店,茶馆). Слово «茶店» состоит из двух иероглифов «茶» (чай) и «店» (магазин). Второе слово, «茶馆», строится также из двух частей, «茶» (чай) и «管» (место, учреждение). Следовательно, эти слова означают в дословном переводе «чайный магазин» и «чайное место» соответственно. На русский язык обычно оба слова переводятся как «чайная» и т.д. Тема работы раскрывается по ходу научной нарратии, цель достигается

планомерно. Автор не исключает введение / анализ конкретных ситуаций, что значимо для достижения цели изыскания. Например, «Диалог. Пример 1. - 来了呀!快进来坐! (Здравствуйте! Добро пожаловать! Садитесь, пожалуйста!) - 你好! (Здравствуйте!) - 请用茶!(Пожалуйста, попробуйте чаю!) - 不用不用。我自己来就行。(Не нужно! Не нужно! Я сам могу заварить). - 谢谢,茶味道不错!(Спасибо, у вас такой вкусный чай). - 哪里哪里。怕你喝不习惯,老板特地从某地买来的。(Что вы, что вы. Боюсь, что вы не привыкли пить подобный чай, так как он из неизвестного места).- 谢谢你的招待!下回见!(Спасибо за ваше гостеприимство. Мне очень понравилось. До свидания!) - 慢走。(Счастливого пути!)» и т.д. Удачно и грамотно к финалу статьи автор анализирует идиоматические выражения, связанные со скриптом «чаепитие». Примеров достаточно для демонстрации культурологических коннотаций: например, «2. 三茶六饭. Дословно: «три сорта чая и шесть сортов риса». Означает богатое и разнообразное угождение. В Китае принято готовить для гостей большое количество еды, чтобы произвести на них положительное впечатление гостеприимством. Состав идиомы: 三 (три [сорта]) + 茶 (чай) + 六 (шесть [сортов]) + 饭 (рис). Идиома является авторской; впервые она появилась в романе «Путешествие на Запад», который был опубликован в 1590-е годы без указания авторства; предположительно, автором является У Чэн-Энь» и т.д. Вывод по тексту сделан в соответствии с основной частью. Автор отмечает, что «изучая идиомы, связанные с чаем и чайной культурой на занятии по китайскому языку, необходимо обращать внимание студентов не только на саму идиому, но также и на тот культурно-исторический контекст, который за ней скрывается. Это поможет студентам не только выучить язык, но также и лучше понять культуру того народа, который является его носителем. Важно уделить внимание изучению подобных скриптов на занятии по китайскому языку в иностранной аудитории ради того, чтобы в дальнейшем облегчить коммуникацию студентов с реальными носителями китайского языка и китайской культуры». Работа имеет практический характер, материал можно использовать при изучении культуры Китая. Требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Рекомендую статью «Лингвокультурный скрипт «чаепитие» в китайской коммуникации» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сафаралиева Л.А., Абдуллах Л. Образ России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70779 EDN: WQWYQI URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70779

Образ России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка

Сафаралиева Любовь Александровна

ORCID: 0000-0002-6960-9426

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

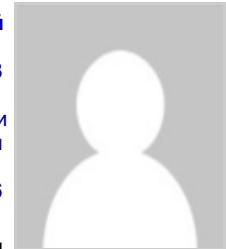
✉ kuznetsova-la@rudn.ru

Абдуллах Луай

ORCID: 0009-0000-6739-4188

магистр; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70779

EDN:

WQWYQI

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2024

Дата публикации:

20-05-2024

Аннотация: Настоящее исследование посвящено реконструкции образа России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка на материале

данных свободного ассоциативного эксперимента со стимулом روسيا 'Россия'. Целью статьи является семантический анализ ассоциативно-верbalных сетей ассоциативного поля روسيا 'Россия' и выявление частотных, коллективных характеристик образа России, а также анализ индивидуальных представлений респондентов на материале единичных ассоциатов. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент позволил не только реконструировать значимый фрагмент языковой картины мира сирийцев – образ современной России, но и выявить общие, усредненные представления носителей сирийской лингвокультуры, обусловленные следующими экстралингвистическими факторами: военно-политическими, культурными, научными и образовательными контактами между Россией и Сирией в последние несколько лет. Как было упомянуто ранее, основным методом исследования явился свободный ассоциативный эксперимент, проведенный при использовании ресурса Google Forms. Было опрошено 116 граждан Сирии, в возрасте от 18 до 60 лет, получающих или получивших высшее образование. Респондентам было предложено написать 3 первые реакции на стимул روسيا 'Россия'. Анализ полученных данных показал, что, в первую очередь, в сознании носителей сирийской лингвокультуры Россия является холодной, но красивой страной, являющейся надежным другом и союзником Сирии. Следует отметить, что среди 319 полученных реакций только 3 отличаются выраженным пейоративным значением. Для сирийцев Россия – это страна с богатой историей, разнообразной культурой и яркими традициями, страна, дающая возможность личного развития, в том числе получения высшего образования. Также было обнаружено, что для сирийцев образ России прочно ассоциируется с ее столицей – Москвой. В целом, можно утверждать, что в сознании носителей сирийской лингвокультуры сложился исключительно положительный образ сильной и независимой России. Перспективой исследования видится проведение ассоциативного эксперимента с русскоязычными респондентами для реконструкции образа Сирии в сознании носителей русской лингвокультуры и сопоставление результатов с приведенными в данной статье.

Ключевые слова:

ассоциативный эксперимент, арабский язык, лингвокультура, Россия, русский язык, Сирия, семантика, стереотипные представления, экстралингвистические факторы, языковая картина мира

Введение

В последнее десятилетие политические, экономические и культурные отношения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой укрепляются на постоянной основе. Присутствие России в Сирии расширяется не только в военной сфере, но и в сфере образования. Все большее число сирийских граждан начинает проявлять интерес к изучению русского языка, что обуславливается не только вышеуказанными экстралингвистическими факторами, но и увеличением присутствия русского языка в Сирии: «В последнее десятилетие русский язык набирает большую популярность в стране. Укреплению его позиций и расширению русского информационно-культурного поля в Сирии призвана способствовать деятельность представительства Россотрудничества» [1]. В связи с этим лингвокультурные исследования, направленные на реконструкцию языковой картины мира сирийского народа, представляются в настоящий момент особо **актуальными**: «<...> лингвокультурология и когнитивная лингвистика направлены на познание человеком окружающей действительности через

язык и в языке» [2, с. 120].

Одним из наиболее эффективных инструментов исследования языкового сознания носителей определенной лингвокультуры является свободный ассоциативный эксперимент— «прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [3, с. 82].

Результатом проведения свободного ассоциативного эксперимента является ассоциативное поле слова-стимула — это «фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании среднего носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [4, с. 341]. Ассоциативное поле представлено, в свою очередь, совокупностью ассоциативно-вербальных сетей. Один из ведущих специалистов в области ассоциативной лингвистики Ю.Н. Каравлов писал о последних: «Ассоциативно-вербальная сеть фиксирует лишь ту часть нашего сознания, которая имеет вербальную оболочку, но именно эта часть и составляет большую часть наших знаний о мире» [5, с. 5]. Таким образом, именно результаты ассоциативного эксперимента позволяют реконструировать усредненные, обыденные представления носителей языка о том или ином фрагменте окружающей действительности.

Целью данной статьи является реконструкция образа России в сознании носителей сирийской лингвокультуры на материале данных свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *Россия*, проведенного среди граждан Сирийской арабской республики.

В российской лингвистике имеется ряд научных работ, посвященных исследованию образа России: на материале полевых исследований в Ираке [6], в Китае [7, 8], во Франции [9, 10], в Словакии [11], в Израиле [12], в странах бывшей Югославии [13] и в современном мире в целом [14, 15, 16].

Поскольку работ, посвященных реконструкции образа России в Сирии, обнаружено не было, можно заключить, что приведенное ниже исследование проводилось впервые, что составляет **новизну** данной научной статьи.

Результаты исследования

Для реконструкции образа России в сознании носителей арабской лингвокультуры, граждан Сирийской Арабской Неспублики, был проведен свободный ассоциативный эксперимент с использованием приложения Google Forms. В эксперименте приняли участие 116 человек, имеющие высшее образование, в возрасте от 18 до 60 лет, из которых 68 мужчин и 48 женщин. Респондентам было предложено написать первые 3 слова или словосочетания на стимул 'Россия'. Всего было получено 319 реакций:

‘Россия’

Представим ассоциативное поле стимула ‘Россия’ в виде рисунка (Рис.1).

Рисунок 1. Ассоциативное поле стимула 'Россия' / 'Russia'

Наиболее частотными реакциями на стимул **‘Россия’** стали **سُلَيْلَة ‘снег’** (56); **برد ‘холод’** (21); **جامعة ‘университет’** (17); **جمال ‘красота’** (16); **قوّة ‘сила’** (15). Анализ данных ассоциатов позволяет реконструировать следующий образ России в сознании носителей сирийского национального варианта арабского языка: Россия – это холодная, но красивая страна, в которой можно получить образование (высшее) и которая обладает сильной позицией в мире. Реакции, репрезентирующие ‘холод’, являются ожидаемыми, поскольку, с одной стороны, в Сирийской Республике зима, как климатическое явление, протекает иначе: температурные показатели являются положительными, снега практически не бывает.

Поэтому, естественно, русская зима откладывает отпечаток на сирийцев, посетивших Россию в зимний период. А, с другой стороны, на восприятие климата России носителями иных лингвокультур оказывают влияние стереотипные представления о России как о холодной стране, большая часть которой покрыта снегом.

Для более глубокого анализа данных ассоциативного эксперимента распределим ассоциаты по семантическим группам (Табл.1).

Таблица 1. Семантические группы ассоциатов на стимул **‘Россия’ ‘روسيا’**

№	Семантическое основание	Реакции
1	Природа и климат России	الطبيعة 'снег' (56); برد 'холод' (21); جمال 'природа' (6); الشتاء 'зима' (3); الغابات 'красота природы' (2); леса 'леса' (2); البحيرات 'озера' (1); الحدائق 'парки' (1); المنتزهات 'сады' (1);
2	Культура и история России	جامعة 'университет' (17); فن 'искусство' (3); الثقافة 'культура' (3); الأدب 'литература' (3); الموسيقى 'музыка' (3); العلم 'наука' (3); السياحة 'туризм' (3); التاريخ 'история' (2); الجندي 'богатая عوامل الجنوب'; достопримечательности 'الأماكن التاريخية' (2); العصور 'древность' (2); الفلكلور 'фольклор' (2); القدمة 'إمبراطورية العظيمة' (1); الإمبراطوري 'великая империя' (1); الاتحاد السوفييتي 'Советский Союз' (1); السوفييتي 'Советский Союз' (1); театр 'театр' (1); القصر 'царь' (1); المسرح
3	География России	الساحة الحمراء 'Красная площадь' (9); الكرملин 'الميترو' (2); метро 'Кремль' (2); الدولة الكبيرة 'большая страна' (1); جمال موسكو 'красота Москвы' (1); موسكو 'Москва' (1); سانت بطرسبرغ 'Санкт-Петербург' (1); سيبيريا 'Сибирь' (1); عاصمة الجمال 'столица красоты' (1);
4	Политическое устройство России	بوتين 'Путин' (7); بوربا 'مواجهة النازية' (3); المسلح 'война' (3); القوة 'ناцизмом' (3); حليف 'военная сила' (2); الشيوعية 'союзник' (2); القانون 'закон' (1); اليمين 'политика' (1); право 'право' (1); الشيوعية 'коммунизм' (1); الاشتراكية 'социализм' (1);
5	Абстрактные, философские представления о России	جمال 'красота' (16); قوة 'сила' (15); الذكريات 'сила' (15); الحب 'любовь' (10); воспоминания 'الحب' (8); النطوير 'развитие' (6); الحضارة 'цивилизация' (5); المساحات الواسعة 'масштабное место' (3); السلام 'мир' (3); المستقبل 'سلام' (3); будущее 'المستقبل' (2); إمكانيات 'возможности' (2); الوطن الثاني 'الوطن الثاني' (1); второй дом 'второй дом' (1);

		'القوى الصديقة' / 'дружелюбные силы' (2); 'الغيرة' / 'аудитория' (2); 'الأخوة' / 'друзья' (2); 'الأمان' / 'отчуждение' (2); 'السلام' / 'безопасность' (1); 'الكرامة' / 'величие' (1); 'الفاخر' / 'гордость' (1); 'الدignity' / 'достоинство' (1); 'الصديق' / 'друг' (1); 'الصداقة' / 'дружба' (1); 'الذكاء' / 'интеллект' (1); 'الرجولة' / 'мужественность' (1); 'الأمل' / 'أمل' (1); 'النادежда' / 'надежда' (1); 'النظام العالمي' / 'новая мировая система' (1); 'الجديد' / 'нестандартный' (1); 'المساعدة' / 'nostalgia' (1); 'الحنين' / 'ностальгия' (1); 'البصريات' / 'помощь' (1); 'يميني' / 'правый' (1); 'الوطن' / 'родина' (1); 'الاستقرار' / 'стабильность' (1);
6	Атрибуты России	'водка' / 'медведь' (7); 'فودكا' (3); 'عيد الميلاد' / 'матрёшка' (2); 'الجدة الروسية' / 'Рождество' (1); 'الروس' / 'русские бабушки' (1); 'علم الروسي' / 'бабушки' (1); 'флаг России' / 'России' (1);
7	Иные индивидуальные реакции	أَخْرَى 'язык' (6); 'белый цвет' / 'اللون الأبيض' (2); 'блондинка' / 'блондинка' (2); 'الصمود' / 'продержаться' (2); 'السفر' / 'путешествовать' (2); 'العمل' / 'работа' (2); 'دراسة' / 'учеба' (2); 'الكتل' / 'алкоголь' (1); 'الطموح' / 'амбиция' (1); 'العمل التطوعي' / 'волонтерская работа' (1); 'النساء' / 'женщины' (1); 'кошмар' / 'кошмар' (1); 'الأولمبياد' / 'олимпиада' (1); 'الأسلحة' / 'оружие' (1); 'الطعام السيئ' / 'плохая еда' (1); 'النصر' / 'победа' (1); 'المال' / 'денеги' (1); 'السرعه' / ' потерять деньги' (1); 'الداعم' / 'скорость' (1); 'شكل حروف الأبجدية' / 'форма букв русского алфавита' (1); 'كرة القدم' / 'футбол' (1); 'الطاقة' / 'энергия' (1).

Для большого числа носителей сирийской лингвокультуры Россия ассоциируется с **красотой природы, с ее разнообразием:** جمال الطبيعة / 'природа' (6); ، 'красота природы' (2); 'леса' / 'الغابات' (2); 'озера' / 'بحيرات' (1); 'парки' / 'الحدائق' (1); 'сады' / 'الحدائق' (1).

Россия в сознании сирийцев – это **страна, обладающая высоким образовательным и культурным потенциалом**, что подтверждается наличием в ассоциативном поле таких реакций, как: جامعه 'университет' (17); فن 'искусство' (3); الثقافة 'культура' (3); الأدب 'литература' (3); الموسيقى 'музыка' (3); العلم 'наука' (3). Для многих носителей сирийской лингвокультуры представляет интерес **историческое прошлое России:** الغني 'богатая история' (2); العظيمة 'великая империя' (1); السوفيتية 'Советский Союз' (1); الفيصل 'царь' (1);

У большого числа респондентов **образ России тесно связан с ее столицей – Москвой.**

Такие реакции, как *الجمالية 'Красная площадь'* (9); *الكرملين 'Кремль'* (2); *الجمال 'красота Москвы'* (1); *موسكو 'Москва'* (1); *عاصمة الجمال 'столица красоты'* (1) **отражают представления о Москве и ее главной достопримечательности – Красной площади, как о центральном культурном образе России.**

Военно-политическое взаимодействие России и Сирии в течение последнего десятилетия также нашло свое отражение в данных ассоциативного эксперимента. Для большого числа респондентов **Россия прочно ассоциируется с образом президента В.В. Путина и его политикой военной поддержки сирийской армии:** *'Путин'* (15); *قوه 'сила'* (7); *النصر 'борьба с нацизмом'* (3); *اللهفة 'война против нацизма'* (2); *النصر 'победа'* (1); *الحرب 'оружие'* (1). **Россия, в первую очередь, – это друг и союзник Сирии:** *'союзник'* (2); *صديق 'друг'* (1); *صداقة 'дружба'* (1). Представления о России как о партнере, способном помочь Сирии сохранить независимость государства, отражаются в реакциях *'закон'* (1); *право'* (1); *الحقارة 'цивилизация'* (5); *الواسعة 'право'* (1); *القانون 'масштабное место'* (3); *السلام 'мир'* (3); *المستقبل 'будущее'* (2); *الإمكانات 'возможности'* (2); *الصداقة 'дружелюбные силы'* (2); *الصمود 'продержаться'* (2); *الأمان 'безопасность'* (1); *الأمل 'надежда'* (1); *الاستقلال 'независимость'* (1); *النظام العالمي الجديد 'новая мировая система'* (1); *المساعدة 'помощь'* (1).

Такие реакции как *جمال 'красота'* (16); *الحب 'любовь'* (10); *العظمة 'величие'* (1); *الفخر 'гордость'* (1); *الكرامة 'достоинство'* (1); *الرجولة 'интеллект'* (1); *المجدة 'мужественность'* (1); **характеризуют образ России в сознании носителей сирийской лингвокультуры с положительной стороны.** Большинство респондентов дали реакции с мелиоративными значениями. Пейоративные реакции единичны: *كابوس 'кошмар'* (1); *السيئ 'плохая еда'* (1); *خسارة المال 'потерять деньги'* (1).

Стереотипные представления о России в мировом сообществе также нашли свое отражение в результатах ассоциативного эксперимента. Наиболее часто сирийцы ассоциируют Россию со следующими национальными российскими «символами»: *водка* (7); *медведь* (3); *матрешка* (2).

Иные реакции отражают индивидуальные представления носителей сирийской лингвокультуры, основанные на личном опыте. Например, студенты, обучающиеся в России, дали реакции, связанные с русским языком: *язык* (6); *форма букв русского алфавита* (1).

Заключение

Проведенный ассоциативный эксперимент, направленный на выявление частотных характеристик образа России в сознании носителей сирийской лингвокультуры, показал, что экстралингвистические факторы – активное развитие отношений России и Сирии в военно-политической, культурно-образовательной, социальной сферах – оказали значительное влияние на формирование представлений сирийских граждан о России. Так, отмечается преобладание мелиоративных реакций в ответах респондентов, характеризующих Россию как красивую, сильную страну, являющуюся надежным другом и союзником. Несмотря на суровые климатические условия, с которыми ассоциируется Россия, природа и культура России отличаются красотой и разнообразием. В сознании носителей сирийской лингвокультуры Россия – это страна с богатой историей и широкими возможностями для получения образования, что подтверждает статистические данные о значительном увеличении числа сирийских студентов в Российских вузах.

Результаты исследования могут найти практическое применение в лексикографической практике, при составлении ассоциативных словарей, в практике преподавания основ

межкультурной коммуникации.

Библиография

1. Официальный сайт Русского Дома в Дамаске. [Электронный ресурс] URL: <https://syria.rs.gov.ru/activities/> (дата обращения: 15.05.2024).
2. Сафаралиева Л.А., Тутова Е.В., Шевченко В.А. Сопоставительный анализ понятийных признаков концептов МОЛОДОСТЬ и JUVENTUD в русской и испанской лингвокультурах // Litera. 2024. № 2. С.119-129. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.2.69820 EDN: FMDSL URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69820.html
3. Евсеева О. В. Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 2 (8). С. 82–84.
4. Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9. С. 340–346
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель, 2002. 781 с.
6. Гребенникова Е. И. Некоторые аспекты образа России: результаты полевого исследования в Ираке // РСМ. 2024. №1 (122). С. 221 – 231.
7. Сизых М. М., Лю Чжэнъ образ России в китайской эргонимии // Форум молодых ученых. 2018. №6-3 (22). С. 118 – 120.
8. Барсукова Е.А., Чжан Я. Пословицы и поговорки как средства формирования образа России в современных китайских учебниках РКИ // Genesis: исторические исследования. 2024. № 1. С.111-120. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.68988 EDN: DHAFKV URL: https://e-notabene.ru/hr/article_68988.html
9. Лапина Н. Ю. Образ России во Франции // РСМ. 2007. №4. С. 90-110.
10. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. №6. С. 76-85.
11. Шведова Н. В. Образ России в Словакии // Славянский альманах. 2012. №2011. С. 536 – 542.
12. Коник С. В. Образ Израиля и образ России: взгляд извне и изнутри // Мониторинг. 2010. №2 (96). С. 191 – 199.
13. Домбровская А. Ю., Марияна Шундич репрезентация имиджа России в медиа стран бывшей Югославии и сознании сербов, черногорцев и хорватов в период с 2014 по 2023 год // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2024. №1. С. 125 – 139.
14. Барабаш В. В., Барабаш О. Б. Современный образ России // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2008. №4. С. 93 – 97.
15. Таньшина Н. П. Славянофильство и парадоксы восприятия России на Западе // Наука. Общество. Оборона. 2024. №1 (38).С. 1-1.
16. Кораблина Е. П. Образ России в зеркале междисциплинарного исследования. Рецензия на коллективную монографию «Образ России во временной перспективе» // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. №2. С. 182 – 183

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи является новой, явно не рассмотренной в кругу критических и научных изысканий. Автор обращает внимание на дешифровку / рецепцию образа России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка. Подход к разверстке вопроса методологически оправдан, причем версия синкретизма, что хорошо, не исключается. Материал органично сложен, основная концепция т.н.

аргументации выверена, считаю, что и цель по большому счету достигнута. Текст статьи дробится на смысловые блоки, логика между ними выдержана в рамках связности предмета анализа. В начале работы отмечено, что «в последнее десятилетие политические, экономические и культурные отношения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой укрепляются на постоянной основе. Присутствие России в Сирии расширяется не только в военной сфере, но и в сфере образования. Все большее число сирийских граждан начинает проявлять интерес к изучению русского языка, что обуславливается не только вышеуказанными экстралингвистическими факторами, но и увеличением присутствия русского языка в Сирии...». Полновесно все элементы исследования конкретизированы и уточнены. На мой взгляд, правильный «отсыпочный» фон дает возможность автору прийти к нужным выводам. Авторитет базы фактически подтверждается цитацией: «ассоциативное поле представлено, в свою очередь, совокупностью ассоциативно-вербальных сетей. Один из ведущих специалистов в области ассоциативной лингвистики Ю.Н. Кацулов писал о последних: «Ассоциативно-вербальная сеть фиксирует лишь ту часть нашего сознания, которая имеет вербальную оболочку, но именно эта часть и составляет большую часть наших знаний о мире» и т.д. Результаты исследования консолидированы, сведение в единый фон дает возможность объективировать парадигмальный вектор восприятия образа России носителями арабского языка. Не лишена статья статистики, в лингвистических изысканиях это важно: «для реконструкции образа России в сознании носителей арабской лингвокультуры, граждан Сирийской Арабской Республики, был проведен свободный ассоциативный эксперимент с использованием приложения Google Forms. В эксперименте приняли участие 116 человек, имеющие высшее образование, в возрасте от 18 до 60 лет, из которых 68 мужчин и 48 женщин. Респондентам было предложено написать первые 3 слова или словосочетания на стимул روسيا 'Россия'. Всего было получено 319 реакций...» и т.д. Полученные наработки воссоздания ассоциативного поля связанного с образом России многомерны: отчасти это и «سnow 'снег' (56); برد 'холод' (21); جامعة 'университет' (17); جمال 'красота' (16); قوة 'сила' (15). Анализ данных ассоциатов позволяет реконструировать следующий образ России в сознании носителей сирийского национального варианта арабского языка: Россия – это холодная, но красивая страна, в которой можно получить образование (высшее) и которая обладает сильной позицией в мире...». Автор вводит схематический, графический, визуальный тип для подтверждения данных. Считаю, что спектральный вариант развертки образа России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка показ полноценно. Примеры / фон объемен: «Россия в сознании сирийцев – это страна, обладающая высоким образовательным и культурным потенциалом, что подтверждается наличием в ассоциативном поле таких реакций, как: فن 'искусство' (3); الثقافة 'культура' (3); الأدب 'литература' (3); الموسيقى 'музыка' (3); العلم 'наука' (3). Для многих носителей сирийской лингвокультуры представляет интерес историческое прошлое России: الغني 'богатая история' (2); العظيمة 'великая империя' (1); الاتحاد السوفييتي 'Советский Союз' (1); القيسار 'царь' (1) ...» и т.д. Работа имеет практический характер, материал можно использовать при изучении ряда дисциплин гуманитарного профиля. Выводы по тексту соотносятся с основной частью, противоречий в данном случае нет. Автор в finale отмечает, что «активное развитие отношений России и Сирии в военно-политической, культурно-образовательной, социальной сферах – оказали значительное влияние на формирование представлений сирийских граждан о России. Так, отмечается преобладание мелиоративных реакций в ответах респондентов, характеризующих Россию как красивую, сильную страну, являющуюся надежным другом и союзником. Несмотря на суровые климатические условия, с которыми ассоциируется Россия, природа и культура России отличаются красотой и разнообразием. В сознании носителей

сирийской лингвокультуры Россия – это страна с богатой историей и широкими возможностями для получения образования, что подтверждает статистические данные о значительном увеличении числа сирийских студентов в Российских вузах». На мой взгляд, базовые требования издания учтены, задачи работы решены, материал имеет оригинальный вид. Статья «Образ России в сознании носителей национального сирийского варианта арабского языка» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дмитриева Н.М., Коробейникова А.А., Малахова О.М. Лексико-семантические особенности вербализации русского концепта «Судьба–Промысел» в диахронии // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70807
EDN: XBERGK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70807

Лексико-семантические особенности вербализации русского концепта «Судьба–Промысел» в диахронии

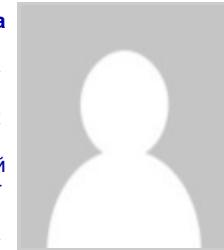
Дмитриева Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0002-5860-5374

доктор филологических наук

доцент; кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка; Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Победы, 13, каб. 4504

✉ dmitrieva1977@yandex.ru

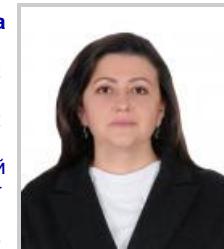
Коробейникова Анна Александровна

ORCID: 0009-0002-9683-2962

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка; Оренбургский государственный университет

460050, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Победы, 13, кв. 4504

✉ SSSR2004@yandex.ru

Малахова Ольга Михайловна

ORCID: 0000-0002-0193-1646

преподаватель; кафедра русского языка; Оренбургский государственный медицинский университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Победы, 13, каб. 4504

✉ o1gamalahova@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70807

EDN:

XBERGK

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2024

Дата публикации:

24-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является русский концепт «Судьба–Промысел» и его лексико-семантическое поле в диахронии. Актуальность исследования обусловлена ключевой позицией идеи судьбы в русской культуре, отмечаемой многими исследователями, а также высокой частотой употребления вербализаторов концепта в русском коммуникативном пространстве. Концепт анализируется с точки зрения его лексико-семантической представленности в разные эпохи, начиная с периода распространения старославянской письменности на Руси и заканчивая современностью. Целью статьи является определение исконных семантических долей основных вербализаторов концепта и исследование их константности и изменяемости в диахронии. В аспекте глубинной семантики авторы рассматривают коллективную природу концепта «Судьба–Промысел». Особое внимание уделяется диахронической сущности, поскольку она дает наиболее полное его понимание. Были применены метод семантического анализа (выделены основные семы, сохранившиеся в поле концепта на протяжении столетий) и метод семантического эксперимента, позволивший установить семантические доли концепта, актуальные для современной молодежи. Основные выводы исследования: 1) обозначены основные семантические доли концепта в старославянском / церковнославянском языках, как исконные для русской ментальности, 2) прослежены изменения вербализаторов и их значений в XIX и XX веках: преобладание вербализаторов с семами «случайное», «доля», «участь» в XIX веке, исчезновение вербализатора «промысел» и редкость фиксации в семантическом поле словарных дефиниций значения «забота Бога о человеке» в 20 столетии, 3) семантический эксперимент позволил определить, что вербализатор «судьба» фиксируется участниками преимущественно в значении «предначертанность», при этом представление о случайности событий, их независимости от воли человека уступает у современных носителей языка пониманию судьбы как совокупности причинно-следственных связей, личных выборов и воздействия внешних обстоятельств, поддающихся прогнозированию и воздействию со стороны человека. Таким образом, в рамках исследования наблюдается значительный семантический сдвиг в лексико-семантическом поле концепта «Судьба–Промысел» от главной семы «Божественная забота о человеке» к семе «стечение обстоятельств» (контролируемое или нет со стороны человека). Особым вкладом авторов и новизной исследования является проведение семантического эксперимента, результаты которого подтвердили константность исконных смыслов концепта «Судьба–Промысел» в русской ментальности.

Ключевые слова:

концепт, этический концепт, языковая картина мира, судьба, промысел, лексико-семантическое поле концепта, семантика, диахрония, вербализация, русский язык

Введение

Представления о судьбе занимают человечество с древних времен. Закономерно, что современные исследователи отводят этому концепту значительное место. Так, концепт анализировался в различных аспектах А. Вежбицкой, отметившей судьбу как ключевое

понятие для русской ментальности наряду с тоской и душой; А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелевым, охарактеризовавшими связь русского «авось» с представлениями о судьбе; В. В. Колесовым, разобравшим связь судьбы и счастья как удавшейся судьбы; К. М. Барановой, М. Г. Меркуловой, О. Г. Чуприна, изучившими становление концепта в разных сообществах в диахронии. Цель нашего исследования – показать изменения в семантике основных вербализаторов концепта от зарождения русской ментальности до сегодняшних дней и выделить константные смыслы. Материалом исследования послужили словарные дефиниции и определения студентов, полученные в ходе семантического эксперимента.

Методология исследования

Основными методами в нашей работе являются лексико-семантический анализ данных из словарей разных периодов, этимологический комментарий, сравнительно-исторический подход к интерпретации смыслового наполнения концепта «Судьба-Промысел» в разные периоды, что позволило определить константные доли в семантическом поле концепта, семантический эксперимент, благодаря которому установлены семантические доли концепта в сознании современных носителей языка.

Исконные смысловые доли концепта «Судьба-Промысел»

Истоки русских ключевых концептов кроются в старославянском и церковнославянском языках, с одной стороны, сформировавших все основные этические представления, с другой, запечатлевших «первосмыслы» русской культуры. Концепт «Судьба-Промысел» мы относим к этической концептосфере русской языковой картины мира наряду с такими, как «Жизнь», «Надежда», «Радость», «Счастье», заключающими жизненные принципы, благодаря которым достигается святость как главная этическая цель.

Итак, понятие «судьба» в качестве наиболее актуального для средневекового человека в старославянском языке представлено значительным количеством синонимов: кобь (в значении «судьба»), р^одъ, жр^обий (судьба, жребий), ч^ость (понималось как судьба: часть, удел), чаша (в значении «судьба, доля, участь»), рокъ как установленное время, оурочьнъ (назначенный, предопределенный), полуучай (счастливая судьба), прич^ости^о (прежде всего как участь, судьба), оуч^ости^о (в значении «доля»), строи (предначертание) [\[1, с. 259\]](#).

Как указывает Т. И. Вендиня, основная сема слова «судьба» в старославянском языке была «суждение, решение, справедливость». Именно эта сема, а также словообразовательная связь слов с^одьба и с^одити, с^одъ (страшный б^од^ощий с^од с^одитель (судья) (богъ с^одитель правъденъ и кр^опокъ і тръп^оливъ) [\[1, с. 259\]](#) обнаруживает связь вербализатора «судьба» и его дериватов с концептом «Промысел» («Провидение») в старославянском языке.

Судьба и промысел в средние века представлены как проявление высшей воли Бога, то есть судьба каждого человека мыслилась предопределенной Богом, его мыслью, промыслом. Сравним старославянское промыслъ как пророчество и промышл^они^о в значении «пророчество, промысел». По словам Т. И. Вендиной, Бог как Творец и Вседержитель мира – промыслни^о въс^охъ видимыхъ и невидимыхъ на земле. Своим промышлением о человеке он стро^ои^о члов^очъ жизнь (порядок, предначертание) [\[1, с. 260\]](#).

При этом в Промысле (в старославянском «промышлении») заключена прежде всего

сема «попечение, забота» Бога о жизни человека. Эта сема в старославянском языке также содержится в синонимичных имени концепта вербализаторах: съмотрни (попечение, забота, промысел, провидение), оусъмошрни (проводение). Эта же сема содержится и в старославянской лексеме полуучай, то есть «счастливая судьба», которую человек получает от Бога по установленному Богом порядку [\[1, с. 260\]](#).

Церковнославянское съдьба означает, во-первых, Всевышнего, во-вторых, постановление, закон. Дериваты этого слова концентрируются только вокруг семы «судебные тяжбы», как например, глагол съдити, означающий «решать споры», съдї – «судья», съдище – «судилище, судебное дело» [\[2\]](#).

Интересно, что Судъ Божій (в словаре записано с заглавной буквы) обозначает древнеславянский способ определения виновного через испытание водой и железом с подробным разъяснением при каких спорах и как именно происходит определение виновного и никак не связывается с грядущим по втором присуществии Страшным Судом, являющимся одной из центральных идей христианства. Так же, как и выражение Страшный судъ, зафиксированное в словаре, связывается прежде всего с земным «применением» христианской идеи: «в воскресенье перед масляницей у алтаря Успенского собора на площадке после утрени происходило действие Страшного суда: торжественное моление перед иконою пришествия Господня» [\[2\]](#).

По результатам исследования лексики старославянского языка Т. И. Вендина делает вывод, актуальный и для картины мира древнего русича: в представлениях средневекового человека его судьба – это всего лишь часть, доля того Мирового Блага, которое распределяется Богом, т. е. каждый человек в своей судьбе оказывается причастен к этому Мировому Благу (причости – сопричастность, участь, судьба [\[1, с. 261\]](#)). Данное высказывание подчеркивает связь концептов «Судьба-Промысел» и «причастие».

В древнерусском языке суд и производные связываются, как и в церковнославянском, с разрешением спорных вопросов: съдии (судья, решитель, произносящий приговор), съдилище (место суда), судьбникъ (книга законов, собрание, постановление) и т. п. [\[3, с. 608\]](#). Словообразовательное гнездо этого корня обширно, что свидетельствует об актуальности данного вербализатора концепта. Кроме того, среди примеров, приводимых И. И. Срезневским, многие связаны с библейскими текстами, где судия – это прежде всего Христос, что отсылает нас к старославянскому представлению о суде как воле Божией.

И. И. Срезневский фиксирует такое значение слова съдъ как «рассуждение», наглядно демонстрирующее связь концептов «суд», «судьба» и «слово». Сравним евангельское: «от словес своих оправдаешься, от словес своих осудишься» (Мф. 12:37).

Лексема съдьба определяется в словаре как: приговор, решение, предопределение, правосудие, судилище, – что сближает представления о Божием суде и суде человеческом [\[3, с. 608\]](#).

Высокий этический смысл концепта «судьба-промысел» раскрывается в евангельском тексте «Моления о Чаше», когда Христос, зная все, что с ним будет, принимает предопределенное ему. Здесь точка пересечения важнейших русских концептов этической сферы: святости, кротости, смиренния, любви, веры, надежды и др. Это архетип этической позиции русского человека.

Лексико-семантические особенности вербализации концепта «Судьба–Промысел» в XIX веке

XIX век сохраняет исконное этическое значение. Судьба в первом издании словаря В. И. Даля определяется, во-первых, как «судъ, судилище, судбище и расправа: «Что судьба скажет, хоть правосудъ, хоть кривосудъ, а такъ и быть». Во-вторых, как «участь, жребій, доля, рок, часть, счастье, как предопредѣленье, неминучее въ быту земномъ, пути провидѣнія». Кроме того, автор словаря уточняет: «что суждено, чему суждено сбыться или быть. Согласованье судьбы со свободой человека уму недоступно. всякая судьба сбудется». Второе значение – «проводѣніе, опредѣленье Божеское, законы и порядок вселенной, с неизбѣжными, неминучими послѣдствіями ихъ для каждого Судьбы Божьи неисповедимы. Воля судебъ. Божими судьбами да вашими молитвами здравствуемъ» – делает связь судьбы и Божьего промысла более явной [4, ч. 4, с. 325].

Вербализатор «суд» и его производные в этом столетии соотносятся в первую очередь со значением, отмеченным И. И. Срезневским: весь ход мыслей, последовательность выводов; вывод или заключенье, мнение, высказанная оценка чего-то. И отдельной статьей речь идет о судебном разбирательстве спорных вопросов: «разбирательство и приговор по спорному делу, или по проступку и преступлению, рассмотрение и решение дел, где есть истец и ответчик; собрание, заседание судей» [4, ч. 4, с. 324].

Предопределенность человеческой жизни раскрывается в понимании брачного союза как предопределенного свыше. В словаре «суженый, суженая» – «женихъ, невѣста, будущіе супруги [4, ч. 4, с. 325]. Отсюда и святость венчания, и представления о незыблемой верности своему спутнику и своей судьбе, нашедшая отражение в русском фольклоре и литературе (см. «Дубровский», «Капитанская дочка» и др.).

Семантика имени концепта «Судьба–Промысел» в XX столетии и на рубеже веков

В словаре Д. Н. Ушакова фиксируется новое, секуляризованное значение «стечение обстоятельств», но с комментарием: «первоначально, в мифологии и мистических представлениях, потусторонняя сила или воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни». Во-вторых, под судьбой понимается «участь, доля, жизненный путь» [5, с. 584]. В дальнейшем в словарях повторяется новое понимание судьбы вне христианско-религиозного контекста, кроме словаря Т. Ф. Ефремовой, где значение «стечение жизненных обстоятельств, не зависящий от воли человека ход событий» вновь сопровождается комментарием, далеким от исконного понимания, но содержащим указание на связь судьбы с Божественным промыслом: «по суеверным представлениям – воля Бога, предопределяющая все, что происходит в жизни» [6]. Кроме того, среди значений вербализатора «судьба», помимо указанных, в этот период отмечаются: история существования кого- или чего-нибудь [7, 8]; будущее, то, что случится, произойдет (книжн.); судьба-индейка (разг. шутл.) о незадачливой доле, трудной судьбе [7].

Д. Н. Шмелев в книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» указывает на два различных синонимических ряда, возглавляемых словом «судьба»: (1) рок, фатум, фортуна и (2) доля, участь, удел, жребий. При этом автор отмечает, что в обоих рядах общим является представление о том, что «из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (решается судьба)» [9, с. 30–31]. Безусловно, что представления о судьбе играют важную роль в русской языковой картине мира, об этом прежде всего, что также отмечается авторами книги, свидетельствует частота

употребления слова. По утверждению исследователей, эта частота значительно превышает частоту употребления аналогов слова в западноевропейских языках [9, с. 30–31]. С судьбой Д. Н. Шмелев справедливо связывает «русский авось», отмечая отрицательное отношение носителей языка к такой установке. А. Вежбицкая, выделяя русский авось среди ключевых понятий русской ментальности, также подчеркивает его отрицательную характеристику, соотнося с такими отрицательными представлениями о русских, как лень, апатия, нежелание менять что-то и др. Однако анализ словарных дефиниций позволил нам установить, что «пресловутый» авось, активно встречающийся в фольклоре как с отрицательной, так и с положительной коннотацией, столь популярен в русском коммуникативном пространстве, потому что понимается он прежде всего как упование, вера в Божий промысел, надежда. Авось практически не связан с представлением о чем-то плохом, фатальном, непредсказуемом. Подтверждение этой мысли находим в том числе и в словаре В. И. Даля (может быть, становится, сбудется с выражением надежды; надеяться – частица авось, выраженная глаголом), в русском фольклоре (как правило, авось – надежда на помочь в добром деле) и в работах лингвистов [10]. Однако и авось, и упомянутое В. И. Далем сходное с ним понятие «надежчивость» как «беззаботная надежда на авось» имеют однозначно отрицательную коннотацию, что связано с семой чрезмерности, с злоупотреблением милосердием Бога. Обратим внимание, что чрезмерность в русской культуре всегда трактуется как зло и несет негативную коннотацию даже для «положительных» значений (ср. чудо и чудовище, щедрость и расточительность и др.).

Вербализатор «промысел» в XIX–XX столетии в словарях фиксируется только в узко материальном смысле «старание, попечение, забота», так что его связь с концептом «судьба» практически стирается: промышлять (жить, добывать хлеб и все нужное), промышление (действие промышляющего что-либо), промысловый (относящийся к промыслам, ремеслам, занятиям, насущным работам) и др. [4, ч. 3, с. 455]; промысел (занятие, ремесло, производство как источник для добывания средств существования [5]; промысел (добычание, добыча, охота на кого-нибудь) [7] промысел – ремесло или какое-либо другое занятие как источник средств к существованию; добывание (зверя, птицы, рыбы) охотой, ловлей; промышленное предприятие добывающего типа [8]).

В словаре Т. Ф. Ефремовой, отчасти возвращается этический смысл вербализатору «промысл» – то же, что провидение [6], хотя остальные дериваты также связываются с узко материальной сферой, как указано выше.

В. В. Колесов в работе, посвященной русской ментальности, говорит о концептуальной связи судьбы и счастья, так как, по небезосновательному мнению автора, «Счастье – это удавшаяся судьба». Он также подчеркивает связывающие нити судьбы и правды, судьбы и духа, души, судьбы и закона, судьбы и благодати: «В силовом поле между Законом и Благодатью живет человек, и судит его Судьба» [11, с. 537].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод: понятие судьбы исконно связано с промыслом Бога о человеке. Мысль подтверждают многие словари, где прослеживается связь между дериватами «судьба», «суд» (Страшный суд). Ключевой этический смысл концепта раскрывается в значении «следование воле Божией, исполнение предначертанного ради благой части в Царстве Небесном», однако в 20 веке вербализатор «промысел» утрачивает этическое значение «Божий промысел, забота о человеке». Нами была отмечена прямая связь концепта «судьба» с такими основополагающими этическими концептами, как «правда», «истина», «слово»,

«причастие», «счастье», из чего можно сделать вывод о наличии имплицитных связей с остальными концептами этической концептосферы: «добро», «благо», «радость» и других. Главной точкой пресечения всех этических концептов в христианских представлениях о судьбе является евангельский символ «Моление о Чаше» как архетип этической позиции русского человека.

Семантическое поле концепта «Судьба-Промысел» в сознании современных носителей языка

Среди студентов разных специальностей Оренбургского государственного университета (111 человек) был проведен семантический эксперимент. Студентам предлагалось определить, как они понимают, что такое «Судьба-Промысел». В условиях эксперимента было указано, что возможно определить значение либо каждого имени концепта, если они их различают, либо как одно понятие.

Интерпретация результатов эксперимента показала следующее. В семантическом поле концепта в сознании современной студенческой молодежи выделяются четыре смысловые доли:

- предопределенность свыше;
- стечение обстоятельств, неподконтрольных человеку;
- события, подготовленные волей самого человека;
- случайное совпадение.

Наибольшую группу ответов представляют значения, имеющие общую сему предначертанности. Однако точное упоминание, что эта предначертанность промыслительна заботой Бога о человеке почти не встречается: то, что **предначертано нам свыше**, то, что **предначертано Богом**; **предначертанное выше**; **совокупность жизненных ситуаций**, которые были посланы свыше и которые мы не вправе изменить; **истинный путь каждого из нас**. В большинстве ответов речь идет просто о предопределенности. Считаем, такое понимание – отголосок многовековой традиции, когда само понятие предначертанности, как мы видели ранее, связано именно с действием высшей, божественной, силы (то, что **предначертано (11)**; **жизненное предназначение**; что **предначертано каждому с рождения**; **событие, которое нельзя избежать**; **заранее сложенный путь**).

Группа значений «стечение обстоятельств, неподконтрольных человеку». Например, **стечение обстоятельств; стечение обстоятельств, неизбежно приводящее к одному результату; череда совпадений; череда случайностей, приводящих к определенному положительному или отрицательному результату; набор случайных действий в жизни человека, считающихся предопределенными; стечение обстоятельств; то что человек не может предвидеть и остановить; вещи, которые происходят незапланированно, когда человек их не ожидает; убеждение человека, что все случайности в жизни были предопределены и произошли бы в любом случае; то, от чего не убежать; череда случайностей, приводящих к определенному положительному или отрицательному результату и др.».**

Следует отметить, большую значимость представлений о судьбе как о контролируемых или прогнозируемых человеком событий в сравнении с прошлыми веками, где неподконтрольность была ключевой. Обратимся к примерам группы значений «события, достигнутые по воле самого человека»: **что-то достигнутое человеком; то, что творит**

человек и строит на протяжении жизни; то, что мы сами строим; жизнь человека, которую он строит сам; определяет человек; понятие, которое определено человеком, как должно быть дальше; путь человека в жизни, который определяется самим человеком; будущее, которое определяет человек; жизнь, которую человек творит сам, его будущее; понятие, которое определено человеком, как должно быть дальше; путь человека в жизни, который определяется самим человеком; предполагаемая цепочка событий; будущее, которое определяет человек; жизнь, которую человек творит сам, его будущее; течение событий, которое не зависит от человека и др.

В особую группу нами были выделены ответы, точно установить семантическую долю в которых не представляется возможным (вера, что все предопределено; жизненные события; уготовано жизнью; ряд событий и явлений, которые можно назвать стечением обстоятельств; книга о жизни; предопределенность событий; кем-то предназначено; цикл событий, которые происходят с тобой от рождения и до смерти; программа на жизненный путь; обстоятельства, влияющие на жизнь: события, которые приводят к определенному исходу; то, что происходит в жизни; то, что творит человек и строит на протяжении жизни) и такие, которые совмещают в себе несколько долей, которые можно отнести, например, и к пониманию судьбы как случайного стечения обстоятельств и как нечто предопределенное, не зависящее от человека: вещи, которые происходят незапланированно, когда человек их не ожидает; предписанное будущее человека; неизменный факт, который должен произойти, но мы не знаем о нем; обстоятельства, сложившиеся по воле кого-то / чего-то, но только не по воле самого человека; философия о том, что каждый для чего-то нужен и др. Такие ответы, с нашей точки зрения свидетельствуют об отсутствии четкого понимания судьбы, в связи с чем и в формулировках смешиваются различные смысловые оттенки.

Встречались среди ответов и широко представленные в словаре В. И. Даля семы: *участь*, *доля*. А также более древние представления, как например, *промысел*, *совокупность событий, влияющих на жизнь*. Интересно отметить частотность представлений о судьбе как дороге, пути, широко распространенных в фольклоре и литературе (*вымощенная дорога жизни, программа на жизненный путь; истинный путь каждого из нас*). Кроме того, показательным, как нам мыслится, является тот факт, что слово «рок» при определении имени концепта «Судьба-Промысел» встретилось только один раз.

Несколько человек указали в ответах, что «судьбы не существует», так и не определив само понятие.

Выводы

- 1) обозначены основные семантические доли концепта в старославянском / церковнославянском языках, как исконные для русской ментальности,
- 2) прослежены изменения вербализаторов и их значений в XIX и XX веках: преобладание вербализаторов с семами «случайное», «доля», «участь» в XIX веке, исчезновение вербализатора «промысел» и редкость фиксации в семантическом поле словарных дефиниций значения «забота Бога о человеке» в 20 столетии,
- 3) семантический эксперимент позволил определить, что вербализатор «судьба» фиксируется участниками преимущественно в значении «предназначанность», при этом представление о случайности событий, их независимости от воли человека уступает у современных носителей языка пониманию судьбы как совокупности причинно-следственных связей, личных выборов и воздействия внешних обстоятельств, поддающихся прогнозированию и воздействию со стороны человека. Таким образом, в

рамках исследования наблюдается значительный семантический сдвиг в лексико-семантическом поле концепта «Судьба-Промысел» от главной семы «Божественная забота о человеке» к семе «стечение обстоятельств» (контролируемое или нет со стороны человека).

Библиография

1. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. М.: Индрик, 2002. 336 с.
2. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. М. : Отчий дом, 2001. 720 с.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 4 т. Т.3. / И. И. Срезневский. СПб, 1893.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т. / сочинение] Владимира Даля. М.: издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при императорском Московском университете, 1863-1866.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 4: С-Ящурный. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 стб.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 3. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. 1168 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 80 000 слов. 4-е изд., дополненное / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М : «Азбуковник», 2003. 944 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е издание. Т.1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
9. Зализняк А. А. и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
10. Форофонтова Ю. Л. Концепт судьба и его языковая презентация в дискурсе: на материале русского языка / Ю. Л. Форофонтова. Тамбов, 2009. 190 с.
11. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант, представленный к публикации, ориентирован на анализ лексико-семантических особенностей вербализации русского концепта «судьба-промысел». Причем автор обращает внимание на определенную диахронность реализации указанной номинации. Вполне уместно в начале труда отмечено, что «представления о судьбе занимают человечество с древних времен. Закономерно, что современные исследователи отводят этому концепту значительное место. Так, концепт анализировался в различных аспектах А. Вежбицкой, отметившей судьбу как ключевое понятие для русской ментальности наряду с тоской и душой...». Структура работы традиционна, дробность на смысловые части оправдана. Как отмечает автор, «основными методами в нашей работе являются лексико-семантический анализ данных из словарей разных периодов, этимологический комментарий, сравнительно-исторический подход к интерпретации смыслового

наполнения концепта «Судьба-Промысел» в разные периоды, что позволило определить константные доли в семантическом поле концепта, семантический эксперимент, благодаря которому установлены семантические доли концепта в сознании современных носителей языка». Конкретика принципов анализа, на мой взгляд, уместна, при этом компаративный формат наиболее удачен для объективной оценки русского концепта «судьба-промысел». Статья информативна, содержательная суть выверена. Удачно, на мой взгляд, автор расширяет т.н. концептуальное поле, потенциальный читатель «условно» погружается в русскую культуру, объемно воспринимает языковую ситуацию: например, «истоки русских ключевых концептов кроются в старославянском и церковнославянском языках, с одной стороны, сформировавших все основные этические представления, с другой, запечатлевших «первосмыслы» русской культуры. Концепт «Судьба-Промысел» мы относим к этической концептосфере русской языковой картины мира наряду с такими, как «Жизнь», «Надежда», «Радость», «Счастье», заключающими жизненные принципы, благодаря которым достигается святость как главная этическая цель», или «судьба и промысел в средние века представлены как проявление высшей воли Бога, то есть судьба каждого человека мыслилась предопределенной Богом, его мыслью, промыслом. Сравним старославянское промыслъ как пророчество и промышлениъ в значении «пророчество, промысел». По словам Т. И. Вендиной, Бог как Творец и Вседержитель мира – промыслъниъ въсѣхъ видимыхъ и невидимыхъ на земле. Своим промышлением о человеке он строилъ чловѣчью жизнь (порядок, предназначение)» и т.д. Продумана по ходу работы оценка / систематизации критической литературы, автору удается создать эффект диалога, в чем-то согласиться, где-то вступить в конструктивный «спор»: «по результатам исследования лексики старославянского языка Т. И. Вендина делает вывод, актуальный и для картины мира древнего русича: в представлениях средневекового человека его судьба – это всего лишь часть, доля того Мирового Блага, которое распределяется Богом, т. е. каждый человек в своей судьбе оказывается причастен к этому Мировому Благу (причастиъ – сопричастность, участь судьбы) [1, с. 261]. Данное высказывание подчеркивает связь концептов «Судьба-Промысел» и «причастие», или «И. И. Срезневский фиксирует такое значение слова судъ как «рассуждение», наглядно демонстрирующее связь концептов «суд», «судьба» и «слово». Сравним евангельское: «от словес своих оправдаешься, от словес своих осудишься» (Мф. 12:37)» и т.д. Цитации, ссылки на первоисточники даются в формате требований, правка данного звена излишня. Думаю, что хронологический принцип, который все же является для текста основным, вполне оправдан. Он дает возможность проследить динамику трансформации концепта «судьба-промысел», выявить наиболее интересные с точки зрения лингвистики рецептивные колебания. Статья осложняется, что необходимо для научного изыскания, академическими данными, проверенные источники, конечно же, словари: «в словаре Д. Н. Ушакова фиксируется новое, секуляризованное значение «стечение обстоятельств», но с комментарием: «первоначально, в мифологии и мистических представлениях, потусторонняя сила или воля божества, предопределяющая всё, что происходит в жизни». Во-вторых, под судьбой понимается «участь, доля, жизненный путь». В дальнейшем в словарях повторяется новое понимание судьбы вне христианско-религиозного контекста, кроме словаря Т. Ф. Ефремовой, где значение «стечение жизненных обстоятельств, не зависящий от воли человека ход событий» вновь сопровождается комментарием, далеким от исконного понимания, но содержащим указание на связь судьбы с Божественным промыслом...» и т.д. Не лишен текст и введения экспериментальных данных: «среди студентов разных специальностей Оренбургского государственного университета (111 человек) был проведен семантический эксперимент. Студентам предлагалось определить, как они понимают, что такое «Судьба-Промысел». В условиях

эксперимента было указано, что возможно определить значение либо каждого имени концепта, если они их различают, либо как одно понятие». Данная статистика поддерживает достоверность предположений, не вводит в заблуждение, наоборот, открыто верифицирует ситуацию. Выводы по работе объективны, в частности отмечено, что «семантический эксперимент позволил определить, что вербализатор «судьба» фиксируется участниками преимущественно в значении «предначертанность», при этом представление о случайности событий, их независимости от воли человека уступает у современных носителей языка пониманию судьбы как совокупности причинно-следственных связей, личных выборов и воздействия внешних обстоятельств, поддающихся прогнозированию и воздействию со стороны человека. Таким образом, в рамках исследования наблюдается значительный семантический сдвиг в лексико-семантическом поле концепта «Судьба-Промысел» от главной семы «Божественная забота о человеке» к семе «стечение обстоятельств» (контролируемое или нет со стороны человека)». Материал имеет целостно завершенный вид, серьезных фактических нарушений не выявлено. Тема исследования раскрыта, поставленные задачи решены, список источников правомерен; материал может быть использован в русле изучения гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Лексико-семантические особенности вербализации русского концепта «Судьба-Промысел» в диахронии» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ню Ю. Рецепция творчества А. Варламова в китайском литературоведении и критике // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.43405 EDN: AGJFAZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43405

Рецепция творчества А. Варламова в китайском литературоведении и критике

Ню Юэцю

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, г. Владивосток, ул. Аянс, 101007

✉ nyu.yu@dvgfu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.43405

EDN:

AGJFAZ

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2023

Дата публикации:

29-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является рецепция творчества А.Н. Варламова в китайском литературоведении и критике. Объектом исследования являются критические статьи, литературоведческие работы, посвященные творчеству А. Варламова, и интервью с автором. Новизна статьи определяется тем, что проанализированы работы китайских исследователей с целью характеристики критических суждений о творчестве современного российского автора с учетом национальной специфики. В статье выделены основные аспекты в области изучения творчества А. Н. Варламова китайской критикой и литературоведением. Определено, что китайские исследователи уделяют внимание рассмотрению религиозной тематики в прозе писателя, а также анализируют творческий метод Варламова, определяя его как неорелигизм. Основными выводами проведенного исследования являются определение аспектов исследования религиозной тематики в романах Варламова, как эсхатология, уровень нравственности и религиозности в

российском обществе, духовное спасение и возрождение человека, сектантство. По мнению критиков, в творчестве Варламова сектантство показано как вирусная идея русского народа, отравляющая коллективное сознание и историческую память. Творческий метод А. Варламова оценивается критиками как неорелизм, особенностями которого являются маргинальные герои, сочетание мистики и реализма, художественное время-пространство. Также китайские литературоведы отмечают важные для произведений Варламова мифологические прототипы и фольклорные элементы. Основным вкладом автора в исследование темы является то, что рассмотрены точки зрения китайских литературоведов и критиков, которые расширяют рецепцию творчества Варламова в мировом искусстве, дополняя единое рецептивное поле, организуя диалог культур.

Ключевые слова:

Варламов, рецепция, творческий метод, китайская критика, контекст, современная литература, литературная критика, критическая рецепция, религиозная тематика, неореализм

Алексей Варламов - современный русский писатель, пользующийся высоким авторитетом в литературном мире Китая. Целью статьи является анализ рецепции творчества А. Варламова в китайском литературоведении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить своеобразие китайской рецепции творчества современного российского автора, популярного в Китае.

Современные исследования в области рецепции можно условно разделить на несколько категорий: рассмотрение рецепции творчества писателя в творчестве другого [1],[2]; читательская рецепция [3], переводческая рецепция [4],[5], критическая рецепция [6],[7]. Именно последнему виду рецептивной практики посвящено данное исследование. Каждое художественное произведение можно воспринимать как часть мировой литературы: «Тем более важна эта мысль в период глобализации, развития средств мировой коммуникации. В то же время произведение инонациональной литературы, попав в свежий контекст и став его частью, принимает участие в развитии воспринимающей литературы, вровень с произведениями, написанными внутри нее» [8]. При анализе художественного текста бывает очень интересно рассмотрение рецепции произведения и иной национальной культуре, при этом ключевой фигурой рецепции является, конечно, читатель: «Читатель любого художественного произведения в идеале становится участником творческой, художественной коммуникации, он учитывает целостность языка произведения и совершает в воображении переход от языка произведения искусства к образам» [9, с. 31]. Но не следует исключать и профессиональное литературоведение, которое способствует введению в культуру инонационального объекта. В случае с А.Н. Варламовым китайское литературоведение остановилось на таких аспектах его творчества, как религиозная тематика и художественный метод.

Исследование религиозной тематики в творчестве А. Варламова

Первым аспектом в отношении исследования религиозной тематики в прозе А. Варламова следует отметить рассмотрение различных проявлений эсхатологии. Лю Тао провел углубленный анализ нескольких важных произведений Варламова («Лох»,

«Затонувший ковчег» и «Купол») и более подробно остановился на «чувстве» конца света у главного героя романа «Лох» Джезкина. Джезкин всю жизнь блуждал, не имея постоянного места жительства и постоянной работы, и был типичным маргиналом. С житейской точки зрения окружающим он кажется «лохом», глупым, неприспособленным к жизни, не стремящимся к материальному накоплению, но на самом деле обладает необыкновенной мудростью. Предчувствие конца света у Джезкина было в значительной степени ближе к «еретической» идеи. Сознание конца света, выраженное в романе «Лох», является исключительно психологическим состоянием героя, вызванным распадом Старого Света, а не битвой добра и зла и окончательным судом в христианском теологическом смысле [10].

Лю Тао также отметил, что в названии романов «Затонувший ковчег» и «Купол» использовался принцип аллюзии для раскрытия эсхатологических тем, лежащих в основе романа, что оказало большое влияние на последующее изучение эсхатологической темы у литератороведов [10]. Название романа уже само по себе является символом. Название романа «Затонувший ковчег» содержит три значения: во-первых, сегодняшнее человечество, как и люди в эпохи Ноя, сталкивается с разрушительной катастрофой - концом света (речь идет о разрушении СССР и построении нового социального и экономического строя); во-вторых, в романе показано, что существуют силы, которые, как Ноев ковчег, могут спасти человечество; в-третьих, это автор демонстрирует, что, пожалуй, он не может предложить идею спасения, идеальную для всех, вариант обращения к старой вере не подходит для новых социальных условий, поэтому демонстрируется скорее неудачный вариант спасения, потому «ковчег» «затонул». Как и «Затонувший ковчег», название романа «Купол» также является символом эсхатологического плана. «Ковчег» в «Затонувшем ковчеге» - это общество старообрядческой секты поселка Бухара. В «Куполе» родной город «Я» Чагодаи также является местом компактного проживания старообрядческой секты [10].

Чжао Цзяньчан использовал символ «ковчег» в качестве отправной точки, чтобы объяснить смысл происходящих в романе событий, «Затонувший ковчег» означает разрушение и возрождение старого мира. Исследователь отмечает, что эсхатологические мотивы в романе на самом деле являются позитивной эсхатологией, которая сочетает в себе как ожидание вечного небесного царства, так и внимание к современному реальному миру, со всеми противоречиями общественной жизни в России после разрушения советской утопии. Противоположностью Бухаре показаны Петербург и поселок Сорок второй, где царят настроения отчаяния, боли, упадка и ожидания смерти. Интересен вывод Чжао Цзяньчана о том, что «вечная» Бухара тоже была тоталитарной и находилась под властью патриарха Вассиана. По мнению критика, автор фокусируется на возрождении после разрушения, и в романе показана возможность появления новых людей, способных возродить потерянную веру: это Маша и Илья Петрович, а также родившиеся от него в секте скопцов двенадцать детей. Критик считает, что этот роман посвящен теме конца света, но в то же время отмечает, что это позитивный эсхатализм, потому что герои романа не ждут конца пассивно, что свидетельствует о новом взгляде на эсхатологию Варламова этого периода [12].

Ли Вэнъцзин отмечает, что размышления автора об уровне нравственности и религиозности в российском обществе сосредоточены на описании жизни в двух разных сектах. Исследователь считает, что Варламов в полной мере демонстрирует отсутствие веры под религиозной маской и пустоту в сердцах людей, раскрывает чувства конца всего общества и изображает это реалистическими методами [12].

Вторым аспектом исследования литературоведами религиозной тематики в творчестве А. Варламова является обращение к идеи духовного спасения и возрождения человека, отраженной в прозе писателя. Чжан Цзяньхуа, обратив внимание на роман «Рождение», рассматривал тему отчуждения между людьми в современном обществе, в том числе между мужем и женой. Критик считает, что писатель призывает людей обратить внимание на духовность в материальном мире и возлагает надежды на возможность ее возрождения в новой жизни. В статье также упоминается, что в романе «Затонувший ковчег» обращение к сектам необходимо русскому народу, чтобы обрести душевное спасение. Но те крайние меры, которые предлагаются мнимыми религиями (в романе, например, самосожжение у старообрядцев), не улучшают жизненную ситуацию, не приводят к духовной свободе, а наоборот, искажают естественные, искренние, гармоничные отношения между людьми. Варламов, по мнению исследователя, утверждает, что демократия и свобода - вот истинное спасение [13].

Чжан Цзин, взяв в качестве основы исследования сюжетную линию Маши, героини «Затонувшего ковчега», и путь, который проделал за ней Илья Петрович, описывает беспомощность, растерянность человека и его отношение к религии, когда традиции вступают в конфликт с новыми веяниями, добром и злом, благочестием и предательством, а Илья Петрович выступает в качестве миссии, который способен уберечь русский народ от гибели в огне или потопе [14].

Ван Канкан уделял основное внимание религиозному комплексу, отраженному в «Затонувшем ковчеге». С точки зрения Ван Канкана, религиозные мотивы, хронотоп романа и образ природы призваны продемонстрировать стремление человека к истине, доброте и красоте. Способов искупления может быть много, но истинной эффективностью должна быть не сила, дарованная Богом, а собственное самосознание, которое вполне может привести к спасению. Человек должен совершенствоваться под руководством научной истины, позволяя гармонично развиваться вере, знанию и морали [15].

Третий аспект, который можно выделить в плане рассмотрения религиозной тематики китайскими критиками, посвящен «сектантству». В своей докторской диссертации «Новый русский роман в контексте религиозного возрождения» Ци Синь представил три типа религиозных убеждений русских писателей в контексте постсоветской эпохи: либералы, консерваторы и радикалы. Автор относит Варламова к либералам и конкретизирует свою позицию при анализе взглядов писателя, нашедших отражение в романах: типичного «образа Юродства» в «Лохе» и «сектантство» в «Затонувшем ковчеге». Варламов утверждает, что сектантство – это вирусная идея русского народа, отравляющая коллективное сознание и историческую память. В диссертации также представлены особенности и происхождение отступников и критика их верования. Ци Синь считал, что Варламов в романе рассматривает проблему сектантства в истории России. В романе большое внимание уделено истории сектантства, в нем даже рассказывается о деятельности сектантских организаций подобных «Церкви последнего завета». По мнению Ци Синя, Варламов, воспевая благочестие Бухары, без колебаний дает ей затонуть. По его словам, по – настоящему выжила только одинокая Маша, почитаемая Бухарой святой [16].

Литературоведы считают, что в романах Варламова религиозный контекст очень важен для понимания идеи. Причем разноспектальный анализ религиозной темы (эсхатология, возрождение человека, роль сект в России 1990-х) позволяет глубже понять авторский идейный замысел и определить значение символов, образов в романах.

Изучение творческого метода А. Варламова

Ряд работ китайских исследователей творчества А. Варламова можно объединить благодаря их вниманию к методу постреализма, нашедшему отражение в творчестве автора. В своем первом интервью с А. Варламовым, Чжан Цзяньхуа отметил, что в условиях социальной и литературной напряженности в России стремление к постреализму, проявленное Варламовым в «Затонувшем ковчеге», является как традиционным, так и прогрессивным [13]. Чжао Сюэхуа считает, что история героя Ильи Петровича в романе «Затонувший ковчег» соответствует особенностям постреалистических произведений, а затем указывает, что «Затонувший ковчег» является произведением постреалистической литературы [17]. Чжоу Цичао относит Варламова к числу писателей постреализма, объединяя романы Варламова «Рождение», «Затонувший ковчег», «Купол» как произведения «постреализма с символистическими оттенками» [18].

Цзи Цзин считает, что «Затонувший ковчег» является типичным постреалистическим литературным произведением, и она анализирует литературные характеристики постреализма, в основном исходя из трех аспектов: маргинальных героев в романе, сочетания мистики и реализма, художественного времени-пространства. С точки зрения Цзи Цзин, создавая образ интеллигенции, такой как директор Илья Петрович и Старец Вассиан, Варламов раскрывает их образ мыслей, показывая их беспокойство о судьбе страны и поиски лучшего пути для ее дальнейшего исторического развития. В романе упоминаются мистические события и мистические явления в реальной жизни, постреалистические произведения - это размышления автора о проявлении невыразимого в реальности, исследование таинственного предназначения человеческой жизни и существования, а также опора поддержающей силы в пессимистической реальности [19].

Интересны исследования китайских литературоведов, посвященные мифологическим прототипам. Чжао Тинтин отметила, что Варламов включил в свое творчество множество элементов фольклора. Так, образ «Другого царства» является важным пространственным хронотопом в романе Варламова «Затонувший ковчег», подразумевающим стремление главного героя к миру и поиску веры. Одно царство представлено Петербургом, другое царство - село Бухара. Построив село Бухара, расположенное в девственном лесу, Варламов демонстрирует хождение русского народа по русской земле в поисках «небесного царства», воплощает стремление к иному лучшему миру и к конечному идеалу [20].

В-третьих, изучение образа «царства муравьев». В своей работе «Об образе муравьиного царства в произведениях Достоевского, Платонова и Варламова» Чжао Тинтин сосредоточила внимание на анализе образа главного героя романа «Купол» Никиты, который оценивает родной город Чагодай как «муравьиное царство», а также на анализе мироустройства деревни Бухара в романе «Затонувший ковчег». Устройство «муравьиного царства» первоначально задумывалось как идеальное общество, но появились два других понимания: как утопического «земного рая» и как антиутопического тоталитарного общества, члены которого лишены индивидуальности и свободы. Образ и устройство «муравьиного царства» послужили обоснованием тезиса о том, что Бухара и Петербург считаются тоталитарными обществами [21].

Варламов, унаследовавший прекрасные традиции русских мастеров реализма, таких как Толстой и Чехов, сохранил реалистический творческий стиль, при котором литература

способна показать многогранность реальной действительности.

Китайские литературоведы рассмотрели прозу Варламова с разных сторон, они уделяли внимание содержанию и методу написания произведений. В результате анализа рецептивной практики произведений А. Варламова в китайском литературоведении, можно отметить, что в качестве ведущей тематики в творчестве Варламова можно отметить религиозную, сопряженную с эсхатологическими мотивами, обращением к идеи духовного спасения и возрождения человека, сектантством. Китайские литературоведы относят творчество Варламова к постреализму, метод которого играет важную роль в рассмотрении произведения автора. Все эти точки зрения очень полезны для обогащения теоретических исследований и для понимания смысла произведений.

Библиография

1. Маркова Е.А. Английская и американская рецепция «Красного смеха» Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27, № 2. С. 299-322.
2. Шумская А.В. Вариативность рецепции текста художественного произведения // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2021. – Т. 56, № 2. – С. 73-76.
3. Логвинова И.В. «Орля» Мопассана и «Призраки» Тургенева. Опыт читательской рецепции // Литературоведческий журнал. 2020. № 2(48). С. 110-118.
4. Джемилева А.А. Специфика рецепции русской классики в переводах Османа Амита // Научный вестник Крыма. 2021. № 2(31).
5. Синьмэй Л. Перевод, исследование и рецепция Солженицына в Китае // Вопросы литературы. 2020. № 1. С. 246-257.
6. Шапкина О.И. Рецепция творчества И.А. Бунина в журнале «Весы» // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 126-139.
7. Муртазина Д.Р. Рецепция прозаических произведений А.Б. Мариенгофа в русскоязычной журналистике в 1926-1929-х гг. // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2020. Т. 39, № 3. С. 356-366.
8. Корноголуб Е. В. Проблемы рецепции литературного произведения и феномен билингвизма в творчестве Иона Друцэ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 2. С. 42-44.
9. Осипова О.И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин: монография. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2014. 360 с.
10. 刘涛. 瓦尔拉莫夫创作中的末世论倾向[J]. 俄罗斯文艺, 2004(3):37-40. Лю Тао. Тенденция конца света в творчестве Варламова // Русская литература и искусство. 2004. № 3. С. 37-40.
11. 赵建常.开端就在终结中—评瓦尔拉莫夫小说《沉没的方舟》中的末世论倾向[J]. 当代外国文学, 2006(03): 37-43. Чжоу Цзяньчан. Начало в конце-комментарий к тенденциям эсхатологии в романе Варламова «Затонувший ковчег» // Современная зарубежная литература. 2006. № 3. С. 37-43.
12. 李文静.末世情结下的现实笔触—读瓦尔拉莫夫的《沉没的方舟》. 安徽文学(下半月), 2009(12): 21-22. Ли Вэньцзин. Реальность в конце света – о прочтении «Затонувшего ковчега» Варламова // Аньхойская литература. 2009. № 12. С. 21-22.
13. 张建华.俄罗斯现实主义文学追求的当代姿态—访当代作家阿列克赛·瓦尔拉莫夫[J]. 中国俄语教学, 2006(01): 36-40. Чжан Цзянъхуа. Современные образы, к которым стремится русская реалистическая литература-интервью с современным писателем Алексеем Варламовым // Преподавание русского языка в Китае. 2006. № 1. С. 36-40.
14. 张晶. 新俄罗斯文学中的“弥塞亚”情结[J]. 语文学刊, 2009(11): 115-116.-Чжан Цзин. Комплекс

- «мессии» в новой русской литературе // Языковые журналы. 2009. № 11. С. 115-116.
15. 王康康.方舟中承载的宗教情怀—解读瓦尔拉莫夫《沉没的方舟》[J].俄语学习, 2013(06):60-63.-范
坎坎. Религиозные чувства, образованные в ковчеге-интерпретация «Затонувшего
ковчега» Варламова // Изучение русского языка. 2013. № 6. С. 60-63.
16. 齐昕.宗教复兴背景下的新俄罗斯小说[D].上海外国语大学,2010:73,255页.-齐 淦. 新ый
русский роман в контексте религиозного возрождения // Шанхайский университет
иностранных языков. 2010. № 73. С. 43-73.
17. 赵雪华.什么是俄罗斯后现实主义文学.[J]. 俄罗斯文艺, 2015(01): 107-113.-Чжоу Сюэхуа. Что
такое русская постреалистическая литература //Русская литература и искусство. 2015.
№1. С. 107-113.
18. 周启超.“后现实主义”—今日俄罗斯文学的一道风景[J]. 求是学刊, 2016(01):20-26.-Чжоу Цичао.
Постреализм-метод современной русской литературы // Ищите. 2016. № 1. С. 20-26.
19. 季晶. 后现实主义视角下《沉没的方舟》创作研究[D]. 长春: 吉林大学, 2018, 45页.-Цзи Цзин.
Творческие исследования «Затонувшего ковчега» с точки зрения постреализма//
Цзилиньский университет. 2018. 45 с.
20. 赵婷延.论瓦尔拉莫夫小说<沉没的方舟>的空间原型[J].名作赏析, 2014(1): 120-121.-Чжоу
Тинтин. О космическом прототипе романа Варламова «Затонувший ковчег» // Оценка
шедевра. 2014. № 1. С. 120-121.
21. 赵婷延.论陀思妥耶夫斯基、普拉东诺夫和瓦尔拉莫夫作品中的蚂蚁王国形象[J].天津外国语大学学
报,2014(6):60-66.-Чжоу Тинтин. О муравьином царстве в произведениях Достоевского,
Платонова и Варламова // Журнал Тяньцзиньского университета иностранных языков.
2014. № 6. С. 60-66.

Результаты процедуры рецензирования статьи

*В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не
раскрывается.*

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Рецепция творчества А. Варламова в китайском литературоведении и критике», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране. В статье рассматриваются особенности рецепции в китайском литературоведении творчества Алексея Варламова, современного русского писателя.

Целью статьи является анализ рецепции творчества А. Варламова в китайском литературоведении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить своеобразие китайской рецепции творчества современного российского автора, популярного в Китае.

Как отмечает автор, в фокусе внимания китайских ученых находятся религиозная тематика и художественный метод в произведениях А. Варламова.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений,

исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования. Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, что, несомненно, усилило бы теоретическую значимость работы. Отметим также нарушение ГОСТа при выстраивании библиографии.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, теории и практике перевода, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Рецепция творчества А. Варламова в китайском литературоведении и критике» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бао Л. Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70853 EDN: ALAKKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70853

Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива

Бао Лихун

ORCID: 0009-0004-1448-7056

аспирант; кафедра русская и зарубежная литература; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. -

✉ lihong.bao@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70853

EDN:

ALAKKO

Дата направления статьи в редакцию:

22-05-2024

Дата публикации:

29-05-2024

Аннотация: Объектом исследования являются тексты двух известных произведений русской и китайской литературы – романов М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Юй Хуа «Братья»; предметом исследования – приёмы карнавализации, которые встречаются в романах и которые, очевидно, появились у Юй Хуа под влиянием М. А. Булгакова, с творчеством которого он был хорошо знаком. Нужно учитывать, что теория карнавализации М. М. Бахтина стала известна в Китае одновременно с творчеством М. А. Булгакова, в 1980-х гг. Научная новизна исследования состоит в сопоставлении творчества русского и китайского писателей, установлении между их произведениями литературного и типологического сходства, выявлении ещё одного пути взаимодействия русской и китайской культуры, которые проводятся в российском литературоведении

впервые. Исследование проводилось на основе историко-литературного, биографического, сопоставительного и герменевтического методов, с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, наблюдения, описания и др. В результате исследования отмечено, что в произведениях обоих писателей ярко проявляется эстетика карнавальности. Романский нарратив организуется по законам карнавального действия, в нём присутствует карнавальный хаос, гротеск, образы шутов, безумцев и описания безумных поступков, карнавальное отношение к свободе и смерти, осмеяние властей, насмешка над порядком, разочарование в высоких идеалах, сочетание высокого и низкого, изображение толпы как единого деятеля и другие особенности. Делается вывод о том, что Юй Хуа впитал эстетику карнавала посредством русской литературы, в том числе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ему была близка данная эстетика, способствующая, как и у русского писателя, описанию нового мира, возникшего вокруг героев романов после произошедших революционных изменений.

Ключевые слова:

русская литература, Михаил Булгаков, Мастер и Маргарита, китайская литература, Юй Хуа, роман Братья, эстетика карнавала, карнавализация, традиции, влияние

Введение

У китайской культуры есть большие традиции взаимодействия с русской литературой, восходящие ещё ко второй половине XIX в. Исследователи говорят о диалоге китайской и русской культур, о том, что в китайской художественной литературе XX – начала XXI вв., в творчестве различных китайских писателей, воплотились традиции А. И. Герцена [1], И. С. Тургенева [2], Л. Н. Толстого [3], А. П. Чехова [4] и других русских авторов. В китайской культуре появилась в XX в. и живёт до сих пор любовь к русской литературе; будучи самобытной, воплощая глубокие национальные и культурные традиции, китайская литература, тем не менее, во многом следует русской традиции, а китайские писатели воспринимают русских предшественников как наставников и даже старших братьев, что связано с их глубоким уважением к русской культуре «золотого» периода – второй половины XIX – первой половины XX века. Известен в Китае и М. А. Булгаков, а также многие его знаменитые произведения, в том числе роман «Мастер и Маргарита».

Обзор литературы

В китайском литературоведении есть отдельная отрасль – китайское булгаковедение, в рамках которой сложились многолетние традиции изучения творчества М. А. Булгакова. Знакомство с писателем в КНР состоялось довольно поздно – в конце 1970-х – 1980-х гг., что связано с возвращением наследия М. А. Булгакова в этот период в советскую, российскую культуру. Как отмечает Ю. Хань, с этого времени и до наших дней интерес к писателю в Китае, в том числе в литературоведческих кругах, постоянно увеличивался [5, с. 113]. По характеристике Ц. Гуо и А. В. Чистякова, этап знакомства с творчеством писателя сменился этапом начального исследования, а с 2000-х гг. – этапом углубленного изучения [6, с. 83].

Творчество М. А. Булгакова привлекает китайских и российских литературоведов по различным причинам. Во-первых, в нём наблюдается своеобразное преломление «китайской» темы, поскольку русский писатель неоднократно обращался в своих художественных произведениях к теме Китая и образам китайцев. Данный аспект

культурных связей рассматривают Л. Бао [7], Ч. Яо [8], И. С. Урюпин [9] и др. Во-вторых, китайские писатели и литературоведы видят в произведениях М. А. Булгакова что-то культурно близкое, соответствующее мировоззрению, менталитету, взглядам представителей китайской культуры на жизнь, мир, человека и общество, обеспечивающее межцивилизационный диалог [10]. Одной из таких общих культурных доминант оказалась и карнавализация.

Цель статьи – выявить элементы карнавализации в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Юй Хуа «Братья», оценить преемственность в использовании данного приёма китайским писателем. Материалом для исследования стали тексты названных романов.

Результаты исследования

Юй Хуа родился в 1960 г., и его молодость пришлась на период, когда наследие М. А. Булгакова получило в КНР широкую популярность. Знакомство Юй Хуа с творчеством М. А. Булгакова не вызывает сомнений, причём это знакомство можно назвать глубоким, поскольку, Юй Хуа занимался анализом булгаковских текстов, в частности, опубликовал эссе «Булгаков и "Мастер и Маргарита"» в журнале «Чтение» за 1996 г. (№ 11). Ч. Се называет Юй Хуа, вместе с Юй Цзе, двумя китайскими писателями, которые способствовали «восприятию творчества М. Булгакова и распространению славы русского писателя у массовых китайских читателей» [11, с. 127].

О карнавализации как о процессе изменения сознания, мировоззрения и культуры, наблюдавшемся в Новое время и отражавшем традиции средневековья, начал говорить известный российский философ и литературовед М. М. Бахтин, определивший её как «полное освобождение от готической серьезности, чтобы проложить пути к серьезности новой, свободной и трезвой» [12, с. 226]. Карнавальная традиция прочно вошла в эстетику, поэтику, миропонимание человека и проявилась в смеховой культуре, культе телесности и эротики, пародийности, развенчании идеалов, демонстрации антиморали, антнормы, нарушениях общепринятых правил, насмешке над смертью, демонстративной десакрализации сакрального и многом другом. Глубокое укоренение карнавализации в культуре, яркое её проявление в литературе и языке отмечают многие современные исследователи. В частности, М. Н. Крылова полагает, что она стала важнейшим способом реакции человека на происходящие в окружающем мире странные, непонятные, алогичные явления [13, с. 31]. В КНР теория М. М. Бахтина стала известной в 1980-х гг. и оказалась удивительно созвучной китайской традиции описания действительности.

О проявлениях карнавализации в творчестве М. А. Булгакова вообще и в романе «Мастер и Маргарита», в частности, пишет ряд исследователей. Г. М. Ибатуллина и Р. А. Баранова отмечают «гротескно-фантастическую эксцентрику» романа [14, с. 48], Н. Санай характеризует сцены «карнавала» в романе «Мастер и Маргарита» как иллюстрацию теоретических построений М. Бахтина [15]. То, что карнавализация является частью эстетики романа «Братья» Юй Хуа, также отмечается некоторыми литературоведами. Так, Я. Ли выявляет следование писателя принципам карнавализации в изображении бессмысленных и нелепых ситуаций, «акцентирование бессознательных инстинктов (сексуальное влечение), преобладание материально-телесного начала жизни» [16, с. 148]. В то же время в сопоставительном аспекте, в попытке установить генетические связи карнавализация в романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» пока не рассматривалась.

В романе «Мастер и Маргарита» перед взором читателя предстаёт Москва в послереволюционное время, в 1930-х гг. В романе «Братья» описана жизнь и отношения двух сводных братьев на фоне времени, в контексте исторических событий, причём автором охвачен важный для китайской истории период с 1960-х до 2000-х гг. Изображение портрета человека на фоне эпохи свойственно обоим писателям.

И у М. А. Булгакова, и у Юй Хуа карнавальность проявляется посредством организации нарратива по законам карнавального действия. Писатели создают на страницах своих романов карнавальный хаос, в котором происходящее в дальнейшем, поступки героев, часто безумные, и их будущее угадываются с трудом. У русского писателя хаос воплощается с помощью образа Воланда, в действиях которого тесно переплетены моральное и аморальное, настоящее и нереальное, современное и произошедшее очень давно, а также с помощью постоянного перемещения действия из одного пространства и времени в другое. Воланд делает что хочет, свободно переносится из одной локации в другую, в том числе из реальной – в нереальную, манипулирует персонажами, открыто мистифицирует, присутствует одновременно везде, привносит в чинный московский мир хаос и одновременно удивительным образом его упорядочивает. К примеру, он удивительно быстро и точно схватывает суть произошедших с москвичами перемен: «Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» [17, с. 143]. У китайского автора хаос присутствует в описаниях ежедневных событий, происходящих с героями; сама жизнь – хаос, в ней никто не знает, кому удастся достичь успеха, кому нет, кто поднимется со дна на самый верх, а кого ждёт ужасное падение.

Для нарратива обоих авторов характерен гротеск. Если что-то описывается, то изображение обязательно будет доведено до абсурда, не только до края, но и за край повествовательной, моральной, поведенческой нормы. Нарратив также связан сочетанием и одновременным противопоставлением высокого и низкого. Превалирование низкого, выведение его на передний план показывают, что высокие слова, напыщенная благодетель – всего лишь маска, за которой скрываются истинные, весьма низменные, помыслы и желания героев. Низменное всегда становится явным, как бы старательно его ни прятали за возвышенным. В романе М. А. Булгакова все женщины, отдавшие во время представления в Варьете предпочтение заморским нарядам, оказываются в конце концов голыми. В романе Юй Хуа крах высокого символизирует конкурс красоты среди девственниц, в котором не приняла участие ни одна девственница. Все участницы «дружными рядами отправились в гинекологические отделения разных клиник и сделали себе операцию по восстановлению девственности» [18, с. 413].

В романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» происходит стирание границ, во-первых, между смешным и трагическим, во-вторых, между реальным и нереальным мирами. Гомерически комичные и нелепые сцены перемежаются с описанием драматических и трогательных событий. У Юй Хуа они не просто перемежаются, а сочетаются, обретают единство, к примеру, в сцене, где Сун Фаньпин приносит тело утонувшего в нужнике мужа беременной Ли Лань. Этот поступок одновременного позорный и героический, он показывает, как низко пали герои и как высоко они способны подняться.

Повествование перемещается между реальным и нереальным мирами. В романе М. А. Булгакова это вполне зримое перемещение из обыденного мира Москвы в мир чудес Воланда, где существуют ведьмы, где можно стать невидимой и летать на метле, где возможна вечная жизнь. В романе Юй Хуа сам мир словно является сказочным,

абсурдным, и всё описываемые автором никак не укладывается в рамки обычной китайской жизни. Чего стоит только сцена, в которой Бритый Ли на полном серьёзе вооружается шахтёрским снаряжением, чтобы исследовать вновь приобретённую девственность Линь Хун: «Голожопый Ли в шахтерской каске с фонариком был подпоясан кожаным ремнем, на котором висела батарея. От нее по спине к каске, словно традиционная коса, тянулся провод» [\[18, с. 515\]](#). В этом описании видим яркие проявления карнавальности: естественность непристойности, введение стихии низа в обиход человека, характерные для романа Юй Хуа.

В обоих произведениях одним из проявлений стихии карнавала является изображение толпы. Карнавал – это многолюдное, всенародное действие, в котором принимает участие множество людей. М. А. Булгаков изображает толпу зрителей в театре Варьете. Люди в этой толпе (москвичи) едины в своём желании иметь красивую одежду, квартиры; они объединены общими потребностями и намерениями. Толпа в романе «Мастер и Маргарита» – это отдельный герой, который делает что-то в едином порыве, в ней нет личностей, отдельных людей со своим мнением: «Кругом гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие; словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал...» [\[17, с. 75\]](#). Интересный вариант толпы представляет писатель и в изображении бала Сатаны, где каждый гость полон собственного зла, является нарушителем норм. Юй Хуа в самом начале романа рисует карнавальное шествие людей, ведущих домой пойманного за подглядыванием за женщинами в уборной четырнадцатилетнего Бритого Ли. Этот образ толпы, единой в своих мыслях и враждебной, понятной и страшной, будет возникать в романе ещё неоднократно. Например, когда Ли Лань «брела с детьми по улицам Великой культурной революции, меж заливших поселок красных флагов и выкриков так, словно бы рядом не было ни души. Многие тыкали в нее пальцами, но Ли Лань не видела» [\[18, с. 138\]](#). И в том, и в другом произведении люди в толпе с удовольствием развлекаются, проявляя не лучшие свои качества и с готовностью забывая о правилах приличия, о гуманистических ценностях и своей человеческой сущности.

В толпе в соответствии с эстетикой карнавальности выделяются образы шутов – людей, словно существующих для того, чтобы веселить толпу, оттенять то рациональное, что в ней осталось и демонстрировать стихию иррационального. В романе М. А. Булгакова шуты – это персонажи из свиты Воланда (Коровьев, Кот Бегемот, Гелла, Азазелло), а в романе Юй Хуа таким шутом является сам Бритый Ли – главный герой. Применяют авторы и схожий карнавальный приём – преображение шута в finale, утрату им основных шутовских, «дуряцких» качеств и обретение совершенно иных, противоположных. В конце романа «Мастер и Маргарита» шутовская свита Воланда преображается в прекрасных рыцарей. Вот пример одного из преображений: «Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношем, демоном-пажом, лучшим шутом, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны» [\[17, с. 434\]](#). У Юй Хуа Лысый Ли из всеми высмеиваемого, перепачканного экскрементами, постоянно избиваемого на улице бедняка превращается в кумира мужчин, объект женских мечтаний и богача-миллиардера: «Много лет спустя Бритый Ли стал нашим лючжэньским миллиардером и решил слетать туристом в космос» [\[18, с. 28\]](#).

Частью эстетики карнавализации становятся создаваемые авторами карнавальные образы безумцев. М. А. Булгаков уделяет мотиву безумия много внимания: сходит в ума

Иван Бездомный, находится в сумасшедшем доме Мастер, безумен сам мир, все его детали и даже вальс: «...И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс» [\[17, с. 268\]](#). В романе «Братья» эпитеты дурак, идиот, идиотский – одни из самых востребованных и помогающих автору описать безумие происходящего: «...Фабричные рабочие по-прежнему стояли вокруг с идиотскими ухмылками, словно на другое выражение лица были неспособны» [\[18, с. 200\]](#).

Карнавальным является в романах также нарочито спокойное отношение к смерти, карнавальное изображение «весёлой», гротескной, «нестрашной» смерти в комичной ситуации. Это особенно ярко проявляется у Юй Хуа, в самом начале книги которого мы узнаём, что отец Бритого Ли утонул в сортире, подглядывая за женщинами: «Этот его родимый папочка, заглядевшись в нужнике на женские задницы, упал по недосмотру в сточную канаву, да и захлебнулся» [\[18, с. 4\]](#). Однако и у М. А. Булгакова нет бесспорного, непрекаемого пieteta перед смертью, и начинается череда нелепых смертей с комсомолки Аннушки, «отрезавшей голову» Берлиозу: «...Трамвай накрыл Берлиоза, и под решётку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной. Это была отрезанная голова Берлиоза» [\[17, с. 53\]](#).

Стихия карнавального, проявляясь в рассматриваемых произведениях, ведёт героев к освобождению, иллюстрирует их стремление к внутренней свободе. Настоящая свобода в условиях, которые описаны в романах, оказывается невозможной, и только карнавализация помогает достичь пусть и не самой свободы, но её иллюзии. Пройдя через серьёзные испытания, свободен в конце романа «Мастер и Маргарита» Мастер. Получает свободу от мужа Маргарита, теперь она вечно может быть с Мастером, впрочем, свободна она была и летая на метле над Москвой. Освобождается от своей вечной пытки Фрида. В романе Юй Хуа оказывается, что настоящей свободой может быть только смерть, и человек может её достичь сам, с помощью самоубийства. Этот мотив проявляется не только в ключевой сцене смерти Сун Гана, но, к примеру, в таком описании добровольной смерти отца погибшего Сунь Вэя: «Истерзанный, в тот миг он совсем не чувствовал боли. Идущий на смерть вдруг освободился от своей прижизненной муки. Усевшись, как следует, он пару раз глубоко вздохнул, взял левой рукой гвоздь и воткнул его себе в лоб» [\[18, с. 158\]](#). Обратившись к истории Мастера и Маргариты, мы понимаем, что и им удалось освободиться только после смерти, приняв яд. Вечное бессмертие и вечную любовь они получили не в этом мире. Такое отношение к смерти выглядит вполне карнавально, представляя обратную сторону карнавала – мрачную и безнадёжную, которую прижизненное безудержное веселье пытается скрыть, преодолеть.

Стихия карнавальности в описанных писателями историях касается и отношения героев к власти, к тем, кто её представляет в реальном мире и поэтому противостоит обычным людям. С карнавализацией связаны осмеяние властей, расшатывание имеющегося порядка, стирание различий между людьми разного положения. В мире карнавала отличия между людьми определяются не их положением в обществе, во властной пирамиде, а совсем иными качествами.

В романе М. А. Булгакова основное мнение о власти высказывается словами Иешуа: «В числе прочего я говорил, <...> что сякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти» [\[17, с. 35\]](#). В романе Юй Хуа сущность власти самодовольно поясняет Бритый Ли: «Председатель

Мао верно сказал: винтовка рождает власть» [18, с. 238]. Разочарование во власти соотносится с карнавальным разочарованием в высоких идеалах; для героев очевидно, что у власти оказываются далеко не лучшие люди, и их там присутствие совсем не улучшает жизнь всех остальных членов общества.

Кроме того, карнавальность в романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» выражается через многоголосие, карнавальную полифонию, запретные шутки, карнавальные издевательства, что может стать предметом нашего дальнейшего исследования.

Нельзя сказать, что применение принципа карнавализации производится русским и китайским писателями идентично, напротив, можно найти целый ряд отличий. К примеру, Юй Хуа постоянно погружает читателя в обстановку непристойности и браны, а М. А. Булгаков не идёт по такому пути. В изображении телесных испражнений, органов, внутренностей, телесности Юй Хуа оказывается ближе к Рабле, чем М. А. Булгаков, посредством текстом которого он воспринимал карнавальную культуру. Данные способы выражения карнавальности оказались близки традиционному китайскому натурализму. Сходство в применении приёма является не внешним, а внутренним, генетическим и типологическим, проявляется на уровне идеи, как результат стремления авторов показать абсурдность окружающей действительности.

Заключение

Карнавализация в произведениях обоих авторов согласуется с принципом авангардности их эстетики, а также с идеей связи творчества писателей с реальностью, его зависимости от исторической ситуации. И М. А. Булгакову, и Юй Хуа карнавализация была необходима, чтобы показать абсурдность и нелепость мироустройства, чтобы контрастно и ярко изобразить основные проблемы времени. Мы полагаем, что писатели обратились к эстетике карнавализации не случайно. Оба романа создавались в условиях слома предыдущего мира и начала строительства нового, причём этот новый мир оказался далеко не таким радужным, каким он рисовался в воображении, исходя из реализуемой революционерами идеи. Люди в окружающей писателей реальности в ходе общественных трансформаций проявили не лучшие свои качества, а хаос, в который перешла революция, оказался тесно связанным с карнавальной природой человечества.

Несомненно, теория карнавала и карнавализации М. М. Бахтина имеет собственное культурное значение и демонстрирует, что карнавализации могут быть подвержены самые разные культурные явления и продукты независимо друг от друга. Однако мы утверждаем, что роман Юй Хуа «Братья» впитал карнавальные основы не только из общекультурного пространства, но и из пространства русской литературы, в частности, из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Творчество М. А. Булгакова стало для Юй Хуа своеобразным учебником карнавальной эстетики, продемонстрировало, как карнавальность становится неотъемлемой и важной составляющей нарративного пространства, влияя на изображаемые события, на героев.

В условиях, когда между российскими и китайскими литературоведами устанавливаются всё более тесные контакты, перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в выявлении всё более широкого спектра диалогических сопоставлений, взаимодействий, перекличек между творчеством М. А. Булгакова и китайских писателей. Современная китайская литература умеет сконцентрировать все достижения мировой художественной культуры и воплотить их в оригинальных художественных текстах, в которых творчески переплетены традиции и инновации.

Библиография

1. Цзи П., Чжоу Л. Рецепция произведения «Былое и думы» А. И. Герцена в Китае: проблемы изучения и влияния // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 368–385. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385.
2. Шан Б. Анализ тургеневской традиции в тематике произведений Ба Цзиня: диалог китайской и русской культур // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12 (104). С. 272–278. DOI: 0000-0001-6611-9563.
3. Ван К., Красноярова А. А. Л. Толстой и культура Китая // Филология в XXI веке. 2018. № 2 (2). С. 102–110.
4. Ши Ш. Традиции А. П. Чехова в китайской литературе 1950–1990-х гг. // Филология в XXI веке. 2020. № 1 (5). С. 193–198.
5. Хань Ю. Традиция изучения творчества М. А. Булгакова в Китае (обзор переводов) // Art Logos. 2020. № 4 (13). С. 113–128.
6. Гуо Ц., Чистяков А.В. О состоянии исследования произведений М.А. Булгакова в Китае // Litera. 2020. № 6. С.82-91. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.6.33181 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_33181.html
7. Бао Л. Особенности дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе «Зойкина квартира» М.А. Булгакова // Litera. 2024. № 1. С.157-165. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69726 EDN: JTHZNC URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69726.html
8. Яо Ч. Образы Китая и китайцев в рассказе «Китайская история» М. А. Булгакова // Апробация. 2017. № 1 (52). С. 179.
9. Урюпин И. С. «Китайская» тема в творчестве М. А. Булгакова: к вопросу об инокультурной стихии в русской литературе 1920-Х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 5 (59). С. 132–135.
10. Рожков В. П. Факторы межцивилизационного диалога России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции. Вып. 4. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2014. С. 398–404.
11. Се Ч. Китайское булгаковедение: перевод, восприятие и перспективы // «Один пояс – один путь»: российско-китайский культурный диалог: коллективная монография. Ярославль: Издательство ЯГПУ, 2021. С. 261–268.
12. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 395 с.
13. Крылова М. Н. Процесс «карнавализации» русского языка и сравнительные конструкции // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 23. С. 28–32.
14. Ибатуллина Г. М., Баранова Р. А. О поэтике карнавализации в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Славянские чтения – 2021: сборник материалов международной научно-практической конференции. Стерлитамак: Издательство БашГУ, 2021. С. 47–51.
15. Санай Н. Сцены «карнавала» в романе «Мастер и Маргарита» как иллюстрация теоретических построений М. Бахтина // Преподаватель XXI век. 2017. № 1-2. С. 455–463.
16. Ли Я. Метаэстетическая функция гротеска в романе Юй Хуа «Братья» в аспекте методологических принципов М. М. Бахтина // Наследие В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы II международной научно-практической конференции. Краснодар: Издательство КГУ, 2018. С. 147–149.
17. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: роман. М.: АСТ, 2023. 451 с.
18. Юй Хуа. Братья: роман. М.: Текст, 2015. 572 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Интерес к фигуре Михаила Булгакова и его роману «Мастер и Маргарита» не ослабевает в мировой практике. Формируются и создаются критические статьи, монографии, делают постановки фильмов, спектаклей, не утихает ажиотаж и в прозаическом жанре, а также драматургии. Волна интереса вполне объяснима, впечатляет нетривиальность сюжета, оригинальность образной системы, необычность решения базовой темы. Автор рецензируемой статьи обращает внимание на влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья». Точность предмета понятна, причем и вектор претворения карнавализации тоже понятен. Именно он влияет на формирование романной наррации. Синтез русской и китайской литератур манифестирует достаточно фактурно: «У китайской культуры есть большие традиции взаимодействия с русской литературой, восходящие ещё ко второй половине XIX в. Исследователи говорят о диалоге китайской и русской культур, о том, что в китайской художественной литературе XX – начала XXI вв., в творчестве различных китайских писателей, воплотились традиции А. И. Герцена [1], И. С. Тургенева [2], Л. Н. Толстого [3], А. П. Чехова [4] и других русских авторов. В китайской культуре появилась в XX в. и живёт до сих пор любовь к русской литературе...». Считаю, что ссылки / цитации вполне оправданы, формат введения данных не противоречит изданию. Основная цель исследования достигается по ходу работы выверено, задачи решаются планово. Комментарий и пояснения относительно значимости текстов М.А. Булгакова для китайской литературы прописываются детально: например, «в китайском литературоведении есть отдельная отрасль – китайское булгаковедение, в рамках которой сложились многолетние традиции изучения творчества М.А. Булгакова. Знакомство с писателем в КНР состоялось довольно поздно – в конце 1970-х – 1980-х гг., что связано с возвращением наследия М.А. Булгакова в этот период в советскую, российскую культуру», да и цель обозначена позиционно – «выявить элементы карнавализации в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Юй Хуа «Братья», оценить преемственность в использовании данного приёма китайским писателем. Материалом для исследования стали тексты названных романов». Практический ценз работы соотносится с рядом гуманитарных дисциплин, следовательно, материал можно использовать в вузовской и школьной практике. Фактическая расшифровка-комментарий принципа карнавализации сделаны; отсылка к трудам М.М. Бахтина дана полновесно: «о карнавализации как о процессе изменения сознания, мировоззрения и культуры, наблюдавшемся в Новое время и отражавшем традиции средневековья, начал говорить известный российский философ и литературовед М.М. Бахтин, определивший её как «полное освобождение от готической серьезности, чтобы проложить пути к серьезности новой, свободной и трезвой». Карнавальная традиция прочно вошла в эстетику, поэтику, миропонимание человека и проявилась в смеховой культуре, культе телесности и эротики, пародийности, развенчании идеалов, демонстрации антиморали, антинормы, нарушениях общепринятых правил, насмешке над смертью, демонстративной десакрализации сакрального и многом другом». Принцип компаративизма работает на протяжении всей статьи, сопоставление продуктивно: «И у М. А. Булгакова, и у Юй Хуа карнавальность проявляется посредством организации нарратива по законам карнавального действия. Писатели создают на страницах своих романов карнавальный хаос, в котором происходит в дальнейшем, поступки героев, часто безумные, и их будущее угадываются с трудом. У русского писателя хаос воплощается с помощью образа Воланда, в действиях которого тесно переплетены моральное и аморальное, настоящее и нереальное, современное и

произошедшее очень давно, а также с помощью постоянного перемещения действия из одного пространства и времени в другое», или «В романах «Мастер и Маргарита» и «Братья» происходит стирание границ, во-первых, между смешным и трагическим, во-вторых, между реальным и нереальным мирами. Гомерически комичные и нелепые сцены перемежаются с описанием драматических и трогательных событий. У Юй Хуа они не просто перемежаются, а сочетаются, обретают единство, к примеру, в сцене, где Сун Фаньпин приносит тело утонувшего в нужнике мужа беременной Ли Лань. Этот поступок одновременного позорный и героический, он показывает, как низко пали герои и как высоко они способны подняться» и т.д. Стиль сочинения соотносится с научным типом, фактических неточностей в терминологии не выявлено. Иллюстративного фона достаточно для аргументации взгляда, точка зрения исследователя объективна и понятна. Считаю, что в работе хватает аналитики: например, «стихия карнавального, проявляясь в рассматриваемых произведениях, ведёт героев к освобождению, иллюстрирует их стремление к внутренней свободе. Настоящая свобода в условиях, которые описаны в романах, оказывается невозможной, и только карнавализация помогает достичь пусть и не самой свободы, но её иллюзии. Пройдя через серьёзные испытания, свободен в конце романа «Мастер и Маргарита» Мастер. Получает свободу от мужа Маргарита, теперь она вечно может быть с Мастером, впрочем, свободна она была и летая на метле над Москвой. Освобождается от своей вечной пытки Фрида. В романе Юй Хуа оказывается, что настоящей свободой может быть только смерть, и человек может её достичь сам, с помощью самоубийства. Этот мотив проявляется не только в ключевой сцене смерти Сун Гана, но, к примеру, в таком описании добровольной смерти отца погибшего Сунь Вэя: «Истерзанный, в тот миг он совсем не чувствовал боли. Идущий на смерть вдруг освободился от своей прижизненной муки. Усевшись, как следует, он пару раз глубоко вздохнул, взял левой рукой гвоздь и воткнул его себе в лоб» и т.д. Выводы по тексту имеют, на мой взгляд, диалогически конструктивный характер, удачно завершать текст ориентиром на то, что тема может решаться и в ином исследовательском ключе, ибо «в условиях, когда между российскими и китайскими литературоведами устанавливаются всё более тесные контакты, перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в выявлении всё более широкого спектра диалогических сопоставлений, взаимодействий, перекличек между творчеством М. А. Булгакова и китайских писателей. Современная китайская литература умеет сконцентрировать все достижения мировой художественной культуры и воплотить их в оригинальных художественных текстах, в которых творчески переплетены традиции и инновации». Формальные требования издания учтены, текст достаточно объемен, материал субъективен и оригинален. Блок задач решен, цель в должной степени достигнута. Рекомендую статью «Влияние романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на роман Юй Хуа «Братья»: карнавализация как способ формирования романного нарратива» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Скомороха Е.А., Чжан Ю. Фонетические особенности диалекта Хакка китайского языка уезда Мэй // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.41004 EDN: EPUQSL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41004

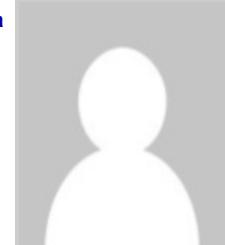
Фонетические особенности диалекта Хакка китайского языка уезда Мэй

Скомороха Ева Андреевна

ORCID: 0009-0003-0822-9408

студент, кафедра восточных языков, Сибирский Федеральный Университет
660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а

✉ Skomorokha10@mail.ru

Чжан Юй

старший преподаватель, кафедра Восточных языков, Сибирский Федеральный Университет
660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Пр. Свободный, 82а
✉ yuzhang0829@foxmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.41004

EDN:

EPUQSL

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2023

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию фонетических особенностей диалекта Хакка китайского языка уезда Мэй. Материалом для данной статьи послужили видеоролики из китайской социальной сети Bilibili. Объектом исследования является диалект Хакка уезда Мэй китайского языка. Предметом исследования выступают лингвистические особенности. Авторы подробно рассматривают устройство фонетической системы диалекта, а именно особенности тональной системы, инициали и финали. Особое внимание уделяется чертам, нехарактерным для путунхуа: расхождение в количестве тонов, особенности их звучания, сочетания звуков, отсутствующие в

общепринятым диалекте. Представленные в статье фонетические характеристики иллюстрируются примерами из речи носителей диалекта Хакка уезда Мэй. В данной статье авторы придерживаются мнения, что диалекты являются неотъемлемой частью культуры Китая, требующей особого внимания. Актуальность работы обоснована тенденцией к сохранению диалектов, следовательно, она направлена на популяризацию диалекта Хакка, подробное изучение его аспектов. В ходе исследования были проанализированы следующие моменты: современная диалектная ситуация в Китае, роль диалектов как составляющей культурного кода страны, фонетическое устройство диалекта Хакка уезда Мэй, его связь с языком времен эпохи Тан. Особым вкладом в исследование темы является систематизация существующей на данный момент информации в виде таблиц, а также описание фонетических особенностей диалекта.

Ключевые слова:

диалект, китайская диалектология, диалект Хакка, уезд Мэй, сохранение языкового разнообразия, произношение, звук, тон, фонетические особенности, путунхуа

Современная диалектная ситуация в Китае неоднозначна. Опираясь на мнение российских ученых, становится ясно, что с возникновением политики, направленной на распространение путунхуа, явно прослеживается идея пренебрежения интересами отдельных людей ради «общего блага» [3]. В частности, численность владеющих диалектом Хакка как неродным изменилась за десятилетия – наблюдается тенденция к снижению с 3,6% до 3,5% [4]. И хотя в конституции КНР существует статья, подтверждающая право населения «пользоваться своими языками и развивать их письменность», в стране активно протекает процесс вытеснения диалектов национальным языком [2]. В последние годы становится актуальным лозунг «说普通话、用规范字、做文明人» / *shuō pǔtōnghuà, yòng guīfàn zì, zuò wénmíng rén*, что в переводе означает «говорите на путунхуа, пользуйтесь стандартными иероглифами и будете культурным человеком». Подразумевается, что каждый, кто не пользуется путунхуа повсеместно, становится человеком низкого социального или образовательного уровня [3].

В то же время, исследуя работы китайских авторов, мы наблюдаем противоположную ситуацию: диалекты не только не вытесняются, наоборот, им уделяется особое внимание. На сайте Министерства Образования КНР закреплен документ, подтверждающий эту позицию. Посыл данного документа следующий: «方言与普通话互补共荣» / *fāngyán yǔ pǔtōnghuà hùbì gòngróng*, что переводится как «диалекты и путунхуа взаимодополняют друг друга и вместе процветают». В китайских школах и университетах проходят «уроки диалектов», направленные на распространение и приобщение молодого поколения к пользованию диалектной лексикой. Кроме того, в китайском интернет-пространстве встречаются такие лексемы, как «方言梗» / *fāngyán gēng* – шутка, основанная на различиях в диалектах, «方言保护» / *fāngyán bǎohù* – народная политика поддержки диалектов, «方言卫士» / *fāngyán wèishì* – прозвище для защитника диалектов и др. Все это свидетельствует о положительной тенденции поддержания развития диалектов.

Диалекты содержат множество устойчивых выражений или лексем, присущих определенному региону. При утрате языка теряется и часть культуры, которая так важна при описании многогранности китайской цивилизации. Согласно С.А. Барову, исчезновение части культуры станет серьезной проблемой для страны, так как в Китае отсутствует

объединяющее религиозное начало, «именно культура для китайцев становится неким общим источником их исторической уникальности» [3]. К числу достижений в «битве» за сохранение диалектов можно отнести кантонскую оперу или музыкальные представления на южнофуцзяньских диалектах, включенные в список нематериального культурного наследия КНР и ЮНЕСКО. Тем не менее, существует еще множество лакун в сфере китайской диалектологии, которые необходимо заполнить.

Диалектология представляет собой науку, занимающуюся изучением территориальных разновидностей языка, то есть диалектов, в их синхронном состоянии и историческом развитии. Термин «диалектология» восходит к греческим корням: *dialekto* – говор, диалект; *logos* – учение, знание [5]. Говоря о китайской диалектологии, она имеет ряд особенностей. Во-первых, в китайском языке существует специальный термин, обозначающий «диалект» - 方言 / *fāngyán*. История данного термина, который дословно переводится как «местные слова», уходит корнями глубоко в древность. Изначально он противопоставлялся термину 正音/ *zhèngyīn* «правильное произношение». Кроме того, китайские диалекты, по словам Алексея Николаевича Алексахина, настолько различаются, что представители разных диалектных групп с большим трудом взаимодействуют друг с другом, либо же их устная коммуникация полностью невозможна [1].

При выборе диалекта мы рассматривали наименее исследованные в русскоязычном пространстве диалекты. В процессе подготовки к исследованию было обнаружено, что диалект Хакка уезда Мэй входит в список самых популярных, но в то же время процент исследования данного диалекта невелик. Следовательно, мы выбрали его. Выбор уезда обоснован следующими факторами: на территории данного уезда проживает наибольшее количество людей, говорящих на этом диалекте. Более того, вариант диалекта данной области считается официальным образцом Хакка.

Фонетическая система диалекта Хакка насчитывает 17 инициалей, в том числе 1 нулевой начальный звук. Для диалекта присущее такое явление, как аспирация: 同 [tʰuŋ18], 动 [tʰuŋ], 读 [tʰuk31]. Инициали делятся на четыре категории: «верхнеязычные согласные» (舌上音/ *shéshàngyīn*), «переднеязычные согласные» (齿头音 / *chǐtóuyīn*), а также гласные звуки второй и третьей категорий китайской фонологии (正齿音 / *zhèngchǐyīn* – наука, анализирующая произношение китайских иероглифов с помощью таблицы слогов в качестве основного метода, является ветвью китайской фонологии). Так, будучи изначально звуками [ts]、[tsʰ]、[s]，в ходе преобразований они закрепились в диалекте Хакка в следующем виде: [tʃ]、[tʃʰ]、[ʃ]。Звучание инициалей [k]、[kʰ]、[h]、[ŋ] обусловлено влиянием других южных диалектов, таких как кантонский, диалект провинции Минь: 奇 [kʰi18], 见 [kian], 现 [hian], 牙 [ŋa18], 牛 [niu18], 疑 [ŋi18]. Интересен процесс образования инициалей [f] и [v], появившихся в результате слияния разных звуков: изначально были объединены звуки [x] и [h], после чего остался только звук [h], а затем, образуя слог «hu» с гласным [u], звук [h] был постепенно вытеснен. Таким образом в китайском языке диалекта Хакка закрепились звуки [f] и [v]: 欢 [fən304], 花 [fa], 辉 [fi], 回 [fi18], 还 [fan18], 换 [vən], 话 [va].

Таблица 1. Инициали диалекта Хакка уезда Мэй

b [p] 波	p [pʰ] 婆	m [m] 摸	f [f] 火	v [v] 窝
d [t] 多	t [tʰ] 拖	n [n] 挪	l [l] 罗	
g [k] 哥	k [kʰ] 科	ng [ŋ] 我	h [h] 河	? (Ø)
z [ts] 资济	c [tsʰ] 雌妻		s [s] 思西	

Если говорить о финалях, присущих диалекту, то их гораздо больше. Далее в таблице представлено 74 финали, входящих в фонетическую систему Хакка уезда Мэй.

Таблица 2. Финали диалекта Хакка уезда Мэй

ii [ɿ] 资	i [i] 衣	u [u] 姑
a [a] 阿	ia [ia] 也	ua [ua] 挂
o [ɔ] 哟	io [iɔ] 哟	uo [uɔ] 过
ê [ɛ] 细	iê [iɛ] (撒)	uê [uɛ] 稅
ai [ai] 矮	iai [iai] 冶	uai [uai] 怪
oi [ɔi] 哀		
au [au] 奥	iau [iau] 腰	
êu [ɛu] 欧	iêu [ieu] 腰	
	iu [iu] 有	
	iui [iui] 锐	ui [ui] 贵
am [am] 庵	iam [iam] 淹	
êm [ɛm] 砧		
em [əm] 针	im [im] 阴	
an [an] 班	ian [ian] 烟	uan [uan] 关
on [ɔn] 安	ion [iɔn] 软	uon [uɔn] 管
ên [ɛn] 恩	iên [iɛn] 边	uên [uɛn] 耿
en [ən] 真	in [in] 因	
	iun [iun] 云	un [un] 敦
ang [aŋ] 冷	iang [iaŋ] 影	uang [uaŋ] 矿
ong [ɔŋ] 江	iong [iɔŋ] 央	uong [uɔŋ] 光
	iung [iuŋ] 雍	ung [uŋ] 工
ab [ap] 鸭	iab [iap] 叶	
êb [ɛp] 粒		
eb [əp] 汗	ib [ip] 邑	
ad [at] 八	iad [iat] 乙	uad [uat] 刮
od [ɔt] 遏		
êd [ɛt] 北	iêd [iɛt] 别	uêd [uɛt] 国
ed [ət] 质	id [it] 一	
	iud [iut] 郁	ud [ut] 骨
ag [ak] 扼	iag [iak] 锡	uag [uak] □
og [ɔk] 恶	iog [iɔk] 约	uog [uɔk] 郭
	iug [iuŋ] 育	ug [uk] 督
m [m] 母	n [n] 五	ng[ŋ] 吳

Следует различать звуки [ɿ] и [i], которые при записи пиньинем указываются как «ii» и «i» соответственно. В случае, если гласный звук выступает в качестве финали, перед ним ставится звук «у», в записи это выглядит следующим образом: yi、ya、yo、yê、yai、yau、yu、yui、yam、yim、yan、yin、yun、yang、yong、yung、yab、yib、yad、yid、yud、yag、yog、yug. Особое внимание необходимо уделить тому факту, что в Хакка отсутствует «финаль стянутого рта» (последняя из 四呼 / *sīhū* – четырех степеней открытости гласных), то есть звук [ü], привычный в путунхуа. Тем не менее, в фонетической системе диалекта сохранились 6 финалей [-p]、[-t]、[-k]、[-m]、[-n]、[-ŋ]，берущих начало в среднекитайском языке: 鸽 [kap12]，夺 [tbɔt31]，锡 [siak12]，甘 [kam]，团 [tbɔn18]，唐 [tbɔŋ18]。Во многих словах, пришедших так же из среднекитайского языка, звук [-ŋ] заменился на звук [-n]：等 [tɛn32]，胜 [sɛn]，景 [kin32]。

Примечательна система тонов диалекта Хакка тем, что она включает в себя не 4 тона, привычных носителям путунхуа, в нее входят 6 тонов.

Таблица 3. Тональная система диалекта Хакка уезда Мэй

Тон	Тональное значение	Пиньинь	Пример
Ровный тон (阴平)	44	sa1	沙
Восходящий тон (阳平)	11	sa12	蛇
Нисходяще-восходящий тон (上声)	31	sa10	舍
Нисходящий тон (去声)	53	sa30	射
Нижний входящий тон (阴入)	1	sat31	杀
Верхний входящий тон (阳入)	5	sat13	舌

В отличие от путунхуа, в котором большое количество слов произносятся четвертым тоном, в Мэйсянъ Хакка превалирует первый тон. Так, например, общепринятое чтение иероглифов 柱 / zhù, 坐 / zuò, 被 / bēi, 弟 / dì, 翦 / jiù, 市 / shì, 丈 / zhàng, 簿 / bù характеризуется четвертым тоном, в то время как в Хакка все они будут читаться первым тоном. Отличительной характеристикой диалекта являются последние 2 тона, указанные в таблице. Они восходят к терминологии древней фонетики, представляют собой входящий тон и связаны с древней традицией сохранения рифмы, на письме обозначаются следующим образом: 阴入 / yīngrù – нижний входящий тон, наиболее низкий; 阳入 / yángrù – верхний входящий тон, наиболее высокий. Произносятся эти тоны очень быстро, по форме значительно короче предыдущих. Их особенностью является построение слова: инициалью является гласный звук (а, о, и, е), на месте финали располагается согласный звук (б, д, г). Таким образом, мы получаем следующие сочетания звуков: ab, ad, ag, od, og, ib, id, eb, ed. При чтении согласный звук не произносится, однако, он ограничивает попытку произнесения гласного звука, чем и вызвана краткость тона. В современном китайском языке сохранение рифмы не представляет особой важности, однако эта традиция до сих присутствует в южных диалектах [9].

Более наглядно фонетические особенности диалекта Хакка уезда Мэй проявляются в примерах, взятых из устной речи носителей диалекта.

Таблица 4. Примеры из устной речи носителей Хакка

№	Пример на Хакка	Пример на путунхуа	Хакка	Пиньинь	Перевод	Комментарий
1	涯系客家人。	我是客人。	ngai2 he4 hag1 ga1 ngin1	wǒ shì kèjíārén	Я носитель Хакка.	Уникальные для Хакка сочетания звуков: ngai, hag, ngin; использование входящего тона: hag1.
2	汝食欸饭么？	你吃了饭吗？	n2 siid5 hai4 fan4 mo3	nǐ chīle fàn ma	Ты поел?	Уникальные для Хакка сочетания

						звуков: siid, mo; использование входящего тона: siid5; удвоенная гласная «i» в слоге: siid5; краткий согласный звук n.
3	佢听唔 识客家 话。	他听不懂 客家话。	gi2 tang4m1siid1 hag1ga1fa4	tā tīng bù dǒng kèjiā huà	Он не понимает Хакка.	Уникальные для Хакка сочетания звуков: gi, siid, hag; использование входящего тона: siid1, hag1; удвоенная гласная «i» в слоге: siid1; краткий согласный звук m.

Данные предложения являются примерами живой речи носителя диалекта Хакка. Основываясь на них, мы можем наглядно наблюдать значительные отличия в фонетическом устройстве. Вышеперечисленные особенности определяются правилами грамматики и фонетики древнекитайского языка. Так, диалект Хакка до сих пор иногда называют термином «唐语» / táng yǔ «язык эпохи Тан», что свидетельствует о прямой связи с языковым устройством тех времен. Таким образом, изучая особенности данного диалекта, одновременно происходит знакомство и с историей одного из наиболее значимых периодов развития культуры в истории Китая.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит выделить основные моменты исследования. Во-первых, в статье была освещена настоящая диалектная ситуация в Китае. Как мы можем наблюдать, она на данный момент неоднозначна, так как существует расхождение во мнениях касательно настоящего положения диалектов и путунхуа между китайским и русским научным сообществом. Во-вторых, работа была посвящена исследованию фонетической составляющей диалекта. Были описаны и систематизированы системы инициалей и финалей диалекта, рассмотрена система тонов Хакка уезда Мэй. Был сделан вывод, что во многом фонетическая система строится по правилам древнекитайского языка, наблюдается влияние соседних южных диалектов. В-третьих, в очередной раз было подчеркнуто отличие диалекта Хакка от государственного языка. В нем отражается историческая и культурная составляющая китайского народа, поэтому авторы считают необходимым уделить внимание вопросу сохранения диалектов.

Библиография

1. Алексахин. А.Н. Диалект Хакка, М.: Наука, 1987 г. С. 13.

2. Баглаева А.С. Проблема сохранения диалектов в Китае как результат современной политики // Иностранные языки в современном мире: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. студ. конф. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та. 2021. С. 237–240.
3. Баров С.А., Егорова М.А. Кантонский диалект в современном Китае: проблема сохранения // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 152–166.
4. Гутин И.Ю. Языковая ситуация в специальном административном районе Гонконг КНР и политика властей в сфере языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2018, № 2. С. 79–83.
5. Касаткин Л.Л. Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 2005. С. 1–5.
6. Рыбников А.А. Исследование диалектов Китая российскими учёными // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 9 (28). Новосибирск: СибАК, 2013. С. 1–7.
7. Яхонтов С.Е. Классификация диалектов китайского языка // Проблемы китайского и общего языкоznания. К 90-летию С. Е. Яхонтова / Отв. ред. Е. Н. Колпачкова. СПб.: Изд-во «Студия «НП-Принт», 2016. С. 117–125.
8. Яхонтов С.Е. Письменный и разговорный китайский язык в VII–XIII вв. н.э. // Проблемы китайского и общего языкоznания. К 90-летию С. Е. Яхонтова / Отв. ред. Е. Н. Колпачкова. СПб.: Изд-во «Студия «НП-Принт», 2016. С. 182–195.
9. 郝鹏飞. 《广西贺州市桂岭镇客家话研究》. 广西师范大学, 2011年. 199页. Хао Пэнфэй. Исследование диалекта хакка в городе Гуйлин, городской округ Хэчжоу. Гуанси, 2011. 199 с.
10. 张雪. 杨梓蓉. 《普通话和梅县客家话的词汇比较研究》. 澳门科技大学国际学院, 2022年. 12–14页. Чжан Сюэ, Ян Цзыжун. Сравнительное исследование лексики путунхуа и Хакка уезда Мэй. Макао, 2022 г. С. 12–14.
11. 闫淑惠. 《近四十年来客家方言研究的:历史经验与当代反思》. 江西:赣南师范大学学报, 2020年. 17–23页. Янь Шухуэй: Исследование диалекта Хакка за последние 40 лет: исторический опыт и современное отражение. Цзянси, 2020 г. С. 17–23.
12. 徐荣. 汉语方言深度接触研究. 复旦大学, 2012年. 191页. Сюй Жун. Углубленное исследование китайских диалектов. Фудань, 2012 г. 191 с.
13. 谢留文. 黄雪贞. 《客家方言的分区(稿)》. 北京:中国社会科学院语言研究所, 2007年. 238–249页. Се Лювэнь, Хуан Сюэчжэнь. Разделение диалектов хакка (рукопись). Пекин, 2007 г. С. 238–249.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Фонетические особенности диалекта Хакка китайского языка уезда Мэй», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране.

В статье рассматриваются актуальные вопросы фонологии китайского языка и диалектологии, знакомя читателя с диалектами и особенностями китайского языка.

Автор исследует диалект Хакка уезда Мэй который является одним самых популярных, но в то же время процент исследования данного диалекта невелик в Китае.

Также отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной

тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования. Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюdenы основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе слишком сжатое, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории и практике перевода, сравнительному изучению русской и китайской культуры, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Фонетические особенности диалекта Хакка китайского языка уезда Мэй» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ло С. Общие и особенные свойства лексических единиц, обозначающих внутригородские проезды, в китайском языке // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.40987 EDN: FHPZPL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40987

Общие и особенные свойства лексических единиц, обозначающих внутригородские проезды, в китайском языке

Ло Сиси

Аспирант, Кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1105183882@qq.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.40987

EDN:

FHPZPL

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2023

Аннотация: Предметом исследования являются свойства лексических единиц, относимые к наименованиям городских проездов в китайском языке, выражающие отношения в русском, китайском языках. Цель работы выявить общую структуру нарицательных китайских улиц и других внутригородских объектов, а также проанализировать их значение. В данной статье использовались следующие методы: описательный, сравнительный, метод моделирования и метод компонентного анализа. Лексические единицы, именующие линейные объекты городской улично-дорожной сети и составляющие заметную для говорящих часть лексики, являются одной из ключевых составляющих городской архитектуры и одновременно частью коммуникативной культуры, которая, в свою очередь, отражает региональную культуру и национальный колорит местности. Отталкиваясь от состава названий улиц, в первую очередь с точки зрения теории семантического поля, в данной статье были проанализированы лексико-семантические группы и их значения. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в сопоставлении рассмотрены общие и особенные аспекты

анализируемых наименований проездов. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания лекционных курсов; при чтении спецкурсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Сделан вывод о том, что топонимы помогают сохранять и передавать историческое и культурное наследие определенной территории. В китайской культуре, особенно при именовании улиц, часто используются имена собственные, состоящие из нескольких иероглифов. В китайской письменности один иероглиф может представлять слово или идею, поэтому необходимо несколько иероглифов для полного имени собственного или местного топонима. В названиях улиц наиболее распространены односложные имена, состоящие из двух иероглифов. В некоторых случаях могут использоваться и имена, состоящие из четырех иероглифов, чтобы передать еще больше информации или уникальности, каждый из которых может иметь свою уникальную историю и значение.

Ключевые слова:

топонимический термин, семема, структура топонима, семантическое поле, нарицательные лексемы, названия городских дорог, китайский язык, словообразование, улицы, переулки

Китай обладает обширной территорией, многовековой историей и великой культурой. В каждом регионе КНР отражается своя составляющая культурного наследия, которая отличается уникальностью и неповторимостью. Благодаря самобытности китайского языка, и в том числе его составляющей – топоними, происходит формирование культурной и исторической идентичности городской среды. Безусловно, как особый языковой символ, названия улиц тесно связано с повседневной жизнью людей. Кроме того, само по себе любое наименование улиц выступает не только в качестве ориентира в данной местности, но также отражает в самом их названии местный колорит, социальную психологию населения, их жизнь, обычай и привычки.

Как уже было отмечено выше, исторически сложившееся культурное наследие КНР весьма неоднородно, именно поэтому исследованные топонимы различаются принадлежностью к семантическим полям, поводами и мотивами номинации.

1. Наричательный компонент в структуре топонимического наименования

В целом, китайский топоним состоит из двух частей: "**имя собственное**" и "**общее название**". Общее в название – это слово, которое описывает значение или общие характеристики объекта или исследуемого ландшафта. Имена собственные – особая часть названий. Эта структурная модель наименования географических объектов применима не только к названию провинции или города, но и к названию улицы внутри города в Китае.

Например:

广东省(Гуан Дун Шэн) = 广东+省, «**广东**» – это имя собственное, а «**省**» – общее название;

河北省(Хэ Бэй Шэн) = 河北+省, «**河北**» – это имя собственное, а «**省**» – общее название;

北京市(Бэй Цзин Ши) = 北京+市, «**北京**» – это имя собственное, а «**市**» – общее название;

上海市(Шан Хай Ши) = 上海+市, «**上海**» – это имя собственное, а «**市**» – общее название;

东长安街(Дон Чан Ань Цзе) = 东长安+街, 东长安 – это имя собственное, а 街 – общее название;

复兴路 (Фу Син Лу)= 复兴+路, 复兴 – это имя собственное, а 路 – общее название;

广安门内大街 (Гуан Ань Мэн Нэй Да Цзе) = 广安门内大+街, 广安门内大 – это имя собственное, а 街 – общее название;

南二环 (Нань Эр Хуань) = 南二+环, 南二 – это имя собственное, а 环 – общее название;

287弄 (Эр Ба Цзи Лон) = 287+弄, 287 – это имя собственное, а 弄 – общее название ;

周家嘴路 (Чжоу Цзя Цзэй) = 周家嘴+路, 周家嘴 – это имя собственное, а 路 – общее название;

红缨东坊 (Хон Им Дон Фан) = 红缨东+坊, 红缨东 – это имя собственное, а 坊 – общее название;

Из этого можно сделать вывод, что имя собственное находится в начале, а общее название – в конце, то есть само их положение всегда фиксировано и не может быть изменено. В современном китайском выражении нельзя сказать 市北京 (город Пекин), а только 北京市 (Пекин город) [5]. Таким образом, в китайском языке имя собственное выступает в синтаксической позиции определения к нарицательному имени (общем у названию).

В отличие от структуры китайских топонимов, в построении русских топонимов общие названия могут располагаться как впереди, так и позади, в зависимости от частеречной принадлежности и соответствующих синтаксических свойств собственного имени, например: улица Арбат, Ленинский проспект. Однако после образования топонима его структура остается прежней, то есть в естественной разговорной нельзя сказать: Арбат улица, проспект Ленинский. В то же время в русском языке такой порядок слов возможен в адресных табличках и документах официально-делового стиля (архитектурных и транспортных справочниках, списках, технической документации).

В обычном случае в разговорных китайских выражениях общие названия могут быть опущены из названий городов и провинций, потому что названия провинции и города являются уникальными названиями, и их имена не повторяются. В разговорных выражениях люди обычно опускают общие названия и называют их именами собственными. Например: «北京市» - называют «北京» [9]; 广东省 – называют «广东». Однако в названиях улиц из-за большого размера города, в котором есть много дорог, и может оказаться множество похожих имен собственных, поэтому в разговорной речи, когда люди употребляют названия улиц, они будут использовать полную форму названия улицы. Если название улицы выражено не полностью, это может предоставить неверную информацию и привести к неправильным указаниям адреса или маршрута. Например:

«花城大道» (Хуа Чэн Да Дао) – название Проспект Хуа Чэн относится к главной улице в районе Тяньхэ, в городе Гуанчжоу [4];

«花城» (Хуа Чэн) – обычно обозначает цветочный рынок [11].

«龙城路» (Лон Чэн Лу) – главная дорога в центре города Лючжоу [15];

龙城 (Лон Чэн) – прозвище города Лючжоу [15].

Если мы продолжим рассматривать и находить общее в названиях улиц в сопоставляемых языках с точки зрения теории семантического поля, то в этом случае единицы последнего позволяют усмотреть значимый процесс их группировки вокруг лексемы «дорога». Данное исследуемое поле включает следующие слова: “街” “路” “道” “巷” “里” “弄” “胡同” и т. д., поскольку эти слова содержат общее значение – архисему «дороги» [13].

Таблица 1.

Семантические компоненты в структуре
наименований типов внутригородских проездов

Наименование внутригородского проезда	Семантические компоненты (семы)
街 Цзе (Jie)	Большая дорога города, относительно широкая дорога с домами, расположеннымми по обе стороны от дороги
路 Лу (Lu)	Дорога, улица; большак, проспект; дорожный, уличный
道 Дао (Dao)	Дорога, улица; большак, проспект; дорожный, уличный
巷 Сян (Xiang)	Узкий переулок, улочка, проезд
胡同 Хутон (Hutong)	Узкий переулок, улочка, проезд
弄 Лон (Long)	Узкий переулок, улочка, проезд
里 Ли (Li)	Узкий переулок, улочка, проезд
坊 Фан (Fang)	Переулок, улочка, проезд, внутренний проход
径 Цзин (Jing)	Аллея, узкий переулок
町 Дин (Ding)	Полевой узкий путь
行 Хан (Hang)	Маленький и узкий переулок

Согласно толковому словарю, схожие названия улиц и других типов проездов имеют как объединяющее их значение “улица”, так и различные уникальные характеристики. Прежде всего, мы можем классифицировать их по значению: среди них слово «街» (относительно большая) обычно относится к широкой дороге с домами, расположеннымми по обе стороны от нее; значение слов «道» и «路» эквивалентно, также как эквивалентно и содержание слов «巷», «胡同», «弄», «里», «坊» [7].

Когда происходит процесс наименования улицы или изменения уже действующего ее названия, разработчики названия прибегают к анализу уже существующих наименований и стараются подобрать новое, не похожее на другие названия. Иногда также принимается во внимание отражение действительности и свойств самого объекта, например, его размера. С точки зрения размера улицы «街» являются самыми большими. Обычно это относится к широким и прямым дорогам, по середине которых могут располагаться жилые комплексы, в то время как «巷», «胡同», «弄» относятся к дорогам, формирующими более узкие улицы в КНР. «道» и «路» расположены между двумя более крупными городскими дорогами, их размер меньше, чем размер улицы «街»; и больше, чем «巷», «胡同», «弄», «里», «坊» [6]. Самый маленький размер имеют проезды,

называемые лексемами – «径», «町», «町», которые относятся к узкой аллее, узкому переулку; и «径» обычно относится к полевому узкому пути [3]. Данные наименования городских дорог относительны, и у них нет четко регламентированных границ, поэтому приведенные выше примеры названий улиц также не имеют однозначных различий.

Таким образом, «巷», «胡同», «弄», «里», «坊» эквивалентны одному и тому же типу улиц. Основное различие между ними заключается в географическом положении.

К отличительному элементу, с точки зрения семантического поля, также можно отнести место расположение объекта, например: если дорога расположена к югу от реки Янцзы, то большинство улиц носит название – «弄» и «里». Если же она находится ближе к северу от реки Янцзы, то в основном она будет именоваться – «巷», «胡同» и «坊» [8]. Данная особенность применима к большинству городов Китая, например, улицы в Пекине, Сиани и других городах, находящиеся к северу от реки Янцзы, называются «巷», «胡同», «坊», но в таких городах к югу от реки Янцзы, как Шанхай и Сучжоу, такого же размера называются «弄», «里». Конечно, противоположное толкование этих лексем тоже существует, но редко. Можно сказать, что «巷», «胡同», «坊» – это общее название улиц к северу от реки Янцзы, но это не значит, что улица названа в честь «巷», «胡同», «坊», эта улица должна быть на севере. То же самое относится и к «弄», «里». В некоторых городах южного Китая маленькие и узкие переулки также называются «行子» (Хан Цзы) [9]. Такого рода улицы обычно слишком узки для проезда автомобилей, по ним могут проехать только люди или велосипеды, и обычно эти слова используется в разговорной речи.

Итак, если улицы в КНР называются «巷», «胡同», «里», «坊» или «弄», то это свидетельствует о том, что они являются относительно узкими. В тоже время водители грузовых автомобилей, внедорожников и обладатели крупногабаритного транспортного средства, исходя из их названий, не смогут проехать по ним. Если же дорога носит наименования «街», «道» или «路», для водителей легковых автомобилей и пешеходов это будет означать, что эти магистрали относительно широкие и на них происходит интенсивное движение транспортных средств [4]. Таким образом, отражение реальных характеристик линейных транспортных объектов в наименованиях улиц и дорог способно привести к осознанным действиям людей, которые могут помочь в избежании аварийных ситуаций и, следовательно, выполняют важную коммуникативную функцию.

Можно сказать, что общее название в определенной степени указывает на размер улицы. Однако в настоящее время общее название улицы в Китае больше не указывает направление, и эту функцию выполняет имя собственное. Среди них стоит обратить внимание на то, что в Пекине большинство хутунов («胡同») построено рядом с «сыхэюйан» («四合院») (см. 4) – ансамбль с жилыми пристройками по всем четырем сторонам двора), а структура сыхэюйана квадратная, из-за чего направление большинства хутунов указывает на восток, запад, север и юг, а не на юго-западный и т.д. Хутуны в Пекине также имеют наклонные направления, на этот раз в названии улиц будет использоваться «斜街» (Сие Цзе), что означает наклонные улицы, косые улицы.

Кроме того, мы также можем найти некоторые характеристики эпохи в общих названиях улиц. Вообще говоря, «巷», «胡同», «坊», «弄», «里» относятся к старым улицам с давней историей, в прежние времена население было не таким большим, и не было больших автомобилей, поэтому большинство улиц были относительно маленькими, эти улицы сохранились до наших дней и превратились в узкие улочки, которые не подходят для автомобилей. Значения слов «巷», «胡同», «坊», «弄», «里» сохраняется и по сей день; но

значения слов «道» и «路» изменилось, раньше они означали только дорогу, но теперь они несут в себе новое значение: большая дорога, больше, чем «巷», «胡同», «坊», «弄», «里». Другими словами, когда люди говорят о улице с общему названию «巷», «胡同», «坊», «弄», «里», они сразу и непосредственно получат информацию об этой улице: улица старая, маленькая и узкая; о улице с общему названию «道» и «路», то такая улица большая, новая, и по этой улице автомобили могут ездить [\[14\]](#).

Еще, как мы говорили выше, общее название улицы нельзя опускать в повседневных разговорах, но когда мы называем улицу, можно опустить общее название, называем только с именами собственными. Эта структура обычно употребляется в следующих ситуациях:

1) когда эта дорога является кольцевой дорогой города или городским шоссе [\[12\]](#), например:

«**南二环**» (Нань Эр Хуань) – южная вторая кольцевая дорога;

«**外环高速**» (Вай Хуань Гао Су) – скоростная внешняя кольцевая дорога.

В этих примерах общее название улицы было опущено.

2) когда эта дорога названа в честь исторических событий, близлежащих исторических реликвий, известных памятников и т. д. [\[12\]](#) Например:

«**景龙池**» (Цзин Лон Чи) – назван в честь исторических памятников, в городе Сиани.

«**洒金桥**» (Са Цзинь Чо) – назван в честь истории, в городе Сиани.

В этих примерах общее название улицы тоже было опущено.

2. Роль имен собственных в названиях улиц КНР

В дополнение к повсеместным наименованиям улиц, в КНР также используются в их названиях имена собственные. По своей сути имя собственное – это специальное наименование, которое помогает идентифицировать конкретный объект.

С точки зрения грамматических оснований, компонентами, из которых состоят имена собственные, могут выступать существительные, глаголы, числительные, прилагательные и т.д. В Китае не предъявляются особые требования к составу имен собственных за исключением случаев, которые связаны с несоответствием предъявляемым требованиям национальных законов и нормативных актов, а также с нарушением общественного порядка или сложившихся в данной местности обычаев.

Заметим, в КНР наименования улиц основаны на использовании трех или четырех иероглифов. Однако в действительности существуют также наименования улиц, которые состоят из двух иероглифов. Напомним, что формула, которая часто применяется в Китае для названий улиц состоит из таких частей как "имя собственное" и "общее название". Таким образом, исходя из общей формулы, остальная часть названий улиц, состоящих из двух и трех иероглифах – имена собственные. Чаще всего имя собственное, которое имеет 2 иероглифа представляет собой фразу или словосочетание, в то время как имя собственное из 3 иероглифов состоит из двух слов. **Например:**

Таблица 2.

Позиция наименования внутригородского проезда в составе топонима

Название улицы	Значение имени собственного	Значение общего названия
三中路 (Сань Чжон Лу)	三中 - средняя школа № 3	路 - дорога
北站路 (Бэй Чженъ Лу)	北站 - северный вокзал	路 - дорога
跃进路 (Юэ Цзинъ Лу)	跃进 - скачок	路 - дорога
东环大道 (Дон Хуань Да Дао)	东环 - восточная кольцевая дорога; 大 - большой	道 - дорога
蝴蝶山路 (Ху Дие Шань Лу)	蝴蝶山 - гора бабочки	路 - дорога
柳江大道 (Лю Цзян Да Дао)	柳江 - река Люцзян; 大 - большой	道 - дорога

Из приведенных выше примеров мы можем сделать вывод о том, что имя собственное в названиях улиц может состоять из одного слова, такого как “三中” и “跃进”, или оно может состоять из двух слов, таких как “东环 + 大” и “柳江 + 大”. Таким образом, чаще всего имена собственные в названиях улиц представляют собой одно слово, состоящее из 2 иероглифов, или два слова, состоящие из 3 иероглифов. Также на практике возможно использование 4-х иероглифов.

В соответствии с существующими распространенными названиями китайских улиц, Имена собственные китайских названий улиц можно разделить на следующие типы:

1) Названы в честь близлежащих зданий, включая достопримечательности, построенные в древние времена, современные знаковые здания, реки, озера, гора и т.д. Такого рода название улицы обладает очень сильной направленностью. Например:

«香山路» (Сян Шань Лу): 香山 – Парк Сяншань, в Пекине. Эта улица названа в честь близлежащего парка Сяншань [\[4\]](#).

«动物园路» (Дон У Юань Лу): 动物园 – Зоопарк. Эта улица названа в честь зоопарка из-за своей близости к зоопарку [\[4\]](#).

«西直门外大街» (Си Чжи Мэнь Вуй Да Цзе): 西直门 (Сичжимэнь) - древние городские ворота, расположены к западу от старой Пекинской городской стены, 外 - внешний, 大 - большой. Эта улица расположена за воротами Сичжимэнь старой Пекинской городской стены [\[13\]](#).

2) Назван в честь имени человека, или названия исторического события, или фамилии. Такое название улицы обычно дается в память об этих людях или исторических событиях. Например:

«鲁迅路» (Лу Сюнь Лу): 鲁迅 – Лу Сюнь, известный китайский писатель, революционер [\[13\]](#),

«八一路» (Ба И Лу): 八一 – День армии в Китае;

«中山路» (Чжон Шань Лу): 中山 – Сунь Ятсен, Пионер современной китайской национально-демократической революции [\[14\]](#).

«汪家巷» (Ван Цзя Сян): 汪家 – Семья Ван [\[2, с. 213\]](#).

3) Назван в честь добрых желаний, выражаем стремление людей к лучшей жизни. Например:

«新华路» (Синь Хуа Лу): 新华 – Новый Китай [\[7\]](#);

«跃进路» (Юэ Цзинь Лу): 跃进 – Прыжок вперед [\[15\]](#);

«瑞康路» (Жуй Кан Лу): 瑞康 – Благоприятный и здоровый [\[4\]](#).

Вышеперечисленные типы названий улиц очень распространены в китайской городской топонимии. Кроме того, есть несколько редких типов, которые здесь повторяться не будут.

3. Отражение эпохи и региональной культуры в названиях улиц

Как уже было отмечено выше, в Китае названия улиц также отражают социальную психологию людей, общественную жизнь, обычай и привычки. Каждое имя собственное, которое используется в названиях улиц, отражает в себе культурные и исторические особенности конкретного региона. Чтобы лучше понять их значение и характеристики, мы сформировали таблицу.

Название улиц	Значение имени собственных
县后街 (Сянь Хоу Цзе)	县后 – за древним правительством зданием
八一路 (Ба И Лу)	八一 – 1 августа (День армии)
体育西路 (Ти Ю Си Цзе)	体育 – спорт; 西-запад
广场路 (Гуан Чан Лу)	广场 – площадь
科技路 (Кэ Цзи Лу)	科技 – наука и техника
永安路 (Юн Ань Лу)	永安 – всегда в безопасности
太平路 (Тай Пин Лу)	太平 – мир
三中路 (Сань Чон Лу)	三中 – средняя школа № 3
电视台路 (Диань Ши Тай Лу)	电视台 – телестанция
颐和园路 (И Хэ Юань Лу)	颐和园 – парк Ихэюань

В соответствии со значением имени собственного в названиях улиц, можно выделить следующие его категории:

- 1) имя собственное в названиях улиц отражает особенность конкретной исторической эпохи;
- 2) имя собственное в названиях улиц отражает региональные особенности.

3.1 Особенности отражения исторических эпох в названиях улиц

Смена эпох ведет к новым веяниям изменения наименований улиц. Прежде всего, при присвоении нового названия улицам часто учитываются наименования памятников

архитектуры, расположенных на этих улицах. Например, “县后街” (县 – уездное управление) была названа так, потому что в прежние времена улица располагалась позади древнего правительственного здания.

Заметим, что в Китае также сформировалась практика присвоения улицам названий, исходя из особенностей культурного наследия конкретного исторического периода. Например, во время китайской культурной революции многие названия улиц были переименованы – “八宝楼胡同” (八宝楼 – башня Ба Бао) в Пекине был изменен на “灭资胡同” (灭资 - ликвидировать капитализм). Позже данной улице вернули ее первоначальное название [\[10\]](#).

3.2 Особенности отражения регионального колорита в названиях улиц

3.2.1 Отражение характеристик природной среды в провинциях Китая

В дополнение к именам собственным, названным в честь достопримечательностей, к не менее распространенным можно отнести и имена собственные, используемые в честь характеристик природной среды той или иной провинции КНР. Эти имена собственные не только указывают на природные географические особенности провинции, но и являются важным воплощением ее региональной культуры. Например, «蝴蝶山路»: 蝴蝶山 (Ху Де Шань) – гора бабочки [\[10\]](#).

3.2.2 Отражение характеристики социокультурной и географической среды

Характеристики социокультурной и природной географической среды являются важным проявлением тесной связи людей между названиями мест и сложившейся культурой. В характеристиках гуманистической и природной географической среды имена, которые отражены в названиях улиц, в основном можно подразделить на следующие 5 форм:

1) добрые намерения людей к жизни: «永安路».

永安 (Юн Ан) – всегда в безопасности [\[11\]](#).

2) увековечивание памяти определенных известных личностей или значимых событий: «玉琳路».

玉琳 (Юй Линь) – мученик Сун Юйлин [\[11\]](#).

3) основные цели регионального развития «科技路».

科技 (Кэ Цзи) – наука и техника [\[10\]](#).

4) памятники, сохраняющие культурные ценности: «颐和园路».

颐和园 (И Хэ Юань) – парк Ихэюань [\[11\]](#).

5) основные достопримечательности КНР: «电视台路».

电视台(Диань Ши Тай) – телестанция [\[11\]](#).

Таким образом, названия улиц – это важный элемент, определяющий историческую идентичность городской и региональной среды. Подчеркнем, что уникальный культурный фон одной и той же эпохи также способствует сохранению схожих черт в названиях улиц. Безусловно, в наименованиях улиц важным элементом являются топонимы, поскольку не только помогают сохранять и формировать ценностные местные ориентиры,

но и служат одним из механизмов формирования новой современной действительности.

Приложение 1. «**胡同**» в Пекине.

Приложение 2. «**胡同**» в Пекине

Приложение 3. «弄» в Шанхае

Приложение 4. «Сыхэюйан»

Библиография

1. Китайский словарь / Под ред. Редакционного комитета Китайского словаря и Бюро составления китайского словаря. – Шанхай: Издательство словаря Ханью. 1986. – 2560 с.
2. Современный китайский словарь, 7-е издание / под ред. Отдела редактирования словаря Института лингвистики Китайской Академии общественных наук. – Пекин: Коммерческое издательство. 2016. – 1800 с.
3. Ян Линь. Исследование названий улиц в районе Фанчэн // Филологический журнал. 2014. № 9. С. 50–54.
4. Гуо Цзиньфу. Китайские топонимы и колоритная культура. – Шанхай: Шанхайского издательства словаря, 2004. – 177 с.
5. Чжан Цинчан. История названий улиц и переулков в Пекине – новое социолингвистическое исследование. – Пекин: Издательства Пекинского университета языка и культуры, 1997. – 320 с.
6. Ли Синкай. Структурные характеристики названий улиц в городе Кайфэн // Молодой писатель. 2009. № 22. С. 99–101.
7. Цинь Пэн. Сущность названия улиц в городе Цюйфу, общность и характеристики названий улиц // Современный язык. 2013. С. 142–145.
8. Конг Йи. Географические названия Цюйфу. – Цзинань: Шаньдунское издательство дружбы, 1998. – 634 с.
9. Чжан Цинчан. Хутон и другие. – Пекин: Издательства Пекинского университета языка и культуры, 1990. – 258 с.
10. Ли Баогуй. Состав названий улиц и их написание // Журнал Аньшаньского педагогического университета. 2004. № 5. С. 46–48.
11. Чэнь Бо, Юй Джихун. Языковые и культурные особенности названий улиц в городе Заоян // Журнал Колледжа естественных и гуманитарных наук Хубэй. 2015. № 4. С. 19–23.
12. У Шисянь. Обзор названий улиц в городе Чэнду. – Чэнду: Издательство Чэнду, 1992. – 684 с.
13. Ли Рулонг. Рукопись по китайской топонимике. – Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 1998. – 209 с.
14. Ван Гоань, Ван Сяомань. Культурная перспектива китайских слов. – Шанхай: Издательство словаря Ханью, 2003. – 321 с.
15. Хуан Щаоя. Краткое обсуждение названий улиц // Журнал университета Гуанчжоу. 2002. № 6. С. 46–50.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основная тема рецензируемой статьи – общие и особенные свойства лексических единиц, обозначающих внутригородские проезды в китайском языке. Выбранная проблема имеет явно частный характер, однако, она может быть распространена и на другие номинации, отражающие культурно-исторический колорит того или иного этноса. В начале данного сочинения отмечено, что «Китай обладает обширной территорией, многовековой историей и великой культурой. В каждом регионе КНР отражается своя составляющая культурного наследия, которая отличается уникальностью и неповторимостью. Благодаря самобытности китайского языка, и в том числе его составляющей – топонимии, происходит формирование культурной и исторической идентичности городской среды. Безусловно, как особый языковой символ, названия

улиц тесно связано с повседневной жизнью людей». Хотя данная характеристика может быть распространена и на другие страны мира. Привлекает в сочинении момент синтеза информативных / теоретических справок с иллюстративным фоном. Считаю, что наличный текстовый объем можно было бы увеличить, это позволило бы потенциально заинтересованному читателю целостнее погрузиться в проблему номинаций урбанистического пространства. Стиль работы соответствует научному типу: например, «в целом, китайский топоним состоит из двух частей: "имя собственное" и "общее название". Общее в название — это слово, которое описывает значение или общие характеристики объекта или исследуемого ландшафта. Имена собственные — особая часть названия. Эта структурная модель наименования географических объектов применима не только к названию провинции или города, но и к названию улицы внутри города в Китае», или «в отличие от структуры китайских топонимов, в построении русских топонимов общие названия могут располагаться как впереди, так и позади, в зависимости от частеречной принадлежности и соответствующих синтаксических свойств собственного имени, например: улица Арбат, Ленинский проспект. Однако после образования топонима его структура остается прежней, то есть в естественной разговорной нельзя сказать: Арбат улица, проспект Ленинский. В то же время в русском языке такой порядок слов возможен в адресных табличках и документах официального-делового стиля (архитектурных и транспортных справочниках, списках, технической документации)» и т.д. Принцип анализа языковых единиц обозначающих внутригородские проезды в китайском языке наукообразен, конструктивный тон оценки наблюдается на протяжении всего сочинения. Сведение общих полученных данных осуществлено в виде таблиц, наглядно-зримый тип достаточно эффективно усваивается реципиентом. Аргументация точки зрения происходит со ссылками на академические источники, проверенный контент: например, «согласно толковому словарю, схожие названия улиц и других типов проездов имеют как объединяющее их значение "улица", так и различные уникальные характеристики. Прежде всего, мы можем классифицировать их по значению: среди них слово **街** (относительно большая) обычно относится к широкой дороге с домами, расположенными по обе стороны от нее; значение слов **道** и **路** эквивалентно, также как эквивалентно и содержание слов **巷**, **胡同**, **弄**, **里**, **坊**, или «заметим, что в Китае также сформировалась практика присвоения улицам названий, исходя из особенностей культурного наследия конкретного исторического периода. Например, во время китайской культурной революции многие названия улиц были переименованы – "八宝楼胡同" (八宝楼 – башня Ба Бао) в Пекине был изменен на "灭资胡同" (灭资 - ликвидировать капитализм). Позже данной улице вернули ее первоначальное название» и т.д. На мой взгляд, основной типологический вектор, влияющий на номинацию архитектуры «городского пространства» выявлен правильно: это имена собственные, отражение региональной культуры, отображение исторических эпох, природной среды, географии, социокультурных обстоятельств. Тема работы раскрыта, целевая составляющая достигнута. Выводы по тексту гласят: «названия улиц – это важный элемент, определяющий историческую идентичность городской и региональной среды. Подчеркнем, что уникальный культурный фон одной и той же эпохи также способствует сохранению схожих черт в названиях улиц. Безусловно, в наименованиях улиц важным элементом являются топонимы, поскольку не только помогают сохранять и формировать ценностные местные ориентиры, но и служат одним из механизмов формирования новой современной действительности». Основные требования издания учтены, определенный диалог с оппонентами у автора сложился, ибо индивидуальная точка зрения сложилась на основе уже сказанного. Материал можно использовать при изучении дисциплин гуманитарного цикла, работа может быть базисом для написания новых статей смежной

тематической направленности. Рекомендую статью «Общие и особенные свойства лексических единиц, обозначающих внутригородские проезды, в китайском языке» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зеневич Е.В. Рецепция христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Юлии Жадовской // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70669 EDN: FNEIDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70669

Рецепция христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Юлии Жадовской

Зеневич Екатерина Васильевна

ORCID: 0009-0000-9118-5722

заведующая редакцией, соискатель (Институт русского языка им. А.С. Пушкина); Институт теоретической и прикладной электродинамики РАН

125412, Россия, г. Москва, ул. Ижорская, 13, стр. 6

✉ pasek1980@mail.ru

[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70669

EDN:

FNEIDK

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Аннотация: В связи с постоянным интересом к исследованию религиозных образов и мотивов в литературных произведениях становится актуальным изучение мотивов, содержащихся в художественных текстах религиозной тематики. Одной из ключевых особенностей творчества поэтессы середины XIX века Ю.В. Жадовской (1824–1883) является художественное переосмысление христианских традиций духовного плача и «очистительной» молитвы. Предмет исследования – мотив молитвенных слёз как внешний признак «очистительной молитвы» в лирике Ю.В. Жадовской. Объектом исследования являются тексты религиозно-духовной тематики первого прижизненного сборника стихотворений «Искушение» (1845), «Опять спокойно надо мной» (1846), «Монолог» (1846), «При чтении Истории Петра Великого» (1846), тексты второго прижизненного сборника стихотворений «Чудная минута!» (1847), «Ночь... Чу! в сад тенистый» (1846), «Пробуждение сердца» (1848), «Кто мне родня» (1850) и неопубликованные тексты «Я помню вечер тот и тихий и прекрасный», «Кто любил и верил страстно», «Шумят, шумят кудрявые березы». Для проведения исследования применялись метод историко-

филологического анализа, биографический метод, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод комплексного анализа текста. Особым вкладом автора в исследование темы является выделение в лирике Ю.В. Жадовской группы стихотворений религиозно-духовной тематики, лирическое событие которой ориентировано на православную традицию "очистительной" молитвы. Основными выводами является осмысление особенностей религиозной составляющей авторской картины мира. Обращение к христианской традиции духовного очищения позволяет, с одной стороны, определить основные рамки читательского ожидания, а с другой стороны, нарушить своеобразный жанровый канон «очистительной» молитвы, воплотив особое мировидение поэтессы, заключающееся в «двойственном» мироощущении: стремление к обретению внутренней гармонии и спокойствия сочетается с трагическим ощущением богооставленности. Художественное переосмысление традиции православного молитвословия связано, прежде всего, с использованием в лирике такого элемента «очистительной» молитвы, как плач и слёзы. Особое молитвенное состояние и поэтическое богообщение в лирических ситуациях, содержащих мотив молитвенных слез, являются признаком вхождения в «поле чистоты» для духовного очищения и молитвы, а также признаком внутреннего преображения. Новизна исследования заключается в проведении системного анализа мотива молитвенных слёз в текстах религиозно-духовной тематики.

Ключевые слова:

жанр молитвы, Юлия Жадовская, мотив молитвенных слёз, стихотворения религиозно-духовной тематики, тема одиночества, лирика, художественная рецепция, трагическое мироощущение, авторская картина мира, лирический сюжет

Введение

Влияние на формирование религиозной составляющей авторской картины мира Ю.В. Жадовской (1824 – 1883) оказали, прежде всего, биографические события. У писательницы была непростая судьба: она родилась без левой руки, а на правой было только три пальца, в трехлетнем возрасте потеряла мать, а в молодости пережила несчастную любовь. Все эти факты определили особое мироощущение Ю.В. Жадовской, связанное с «переживаниями боли безнадежной любви, трагического одиночества, молитвенных раздумий» [\[1, с.226\]](#).

Не только эти события, но и образование писательницы тоже повлияло на ее мироощущение. Юлия Жадовская с трех до пятнадцати лет находилась на воспитании бабушки по материнской линии Анастасии Петровны Готовцевой. Павел Жадовский, родной брат поэтессы, вспоминал, что бабушка воспитывала ее по-своему, «в страхе Божием» [\[2, с.6\]](#), «заставляла ее твердить молитвы и пересказывать события из священной истории» [\[2, с.7\]](#). Позднее воспитанница Ю.В. Жадовской Анастасия Федорова вспоминала, что «... любимая тема ея разговоров была философически-религиозная [\[3, с.396\]](#), а в зрелом возрасте, после потери отца и мужа, «... по целым часам она ... читала Евангелие и Библию» [\[3, с.405\]](#). Религиозность писательницы проявляется и в ее письмах, которые содержат цитаты из Библии или фразы из учений святых отцов православной церкви.

Особую религиозность мировидения писательницы отмечают исследователи ее

творчества Э.М. Афанасьева [1], В.А. Благово [4], Е.В. Хохлова [5], Е.А. Трушина [6], И.В. Войтенко [7], Л.К. Граудина [8]. Е.А. Трушина подчеркивает, что лирическая героиня Ю.В. Жадовской «анализирует свои собственные чувства, оценивает их с точки зрения православной нравственности, пытается определить их место в общем строе бытия и его духовных законов» [6, с.63]. Э.М. Афанасьева считает молитвенную лирику «органичной составляющей поэтического наследия Ю.В. Жадовской» [1, с.229].

Религиозно-духовная направленность является одной из главных особенностей творчества Ю.В. Жадовской. Поэтическое наследие Ю.В. Жадовской включает тексты религиозного содержания. В стихотворных молитвах и стихотворениях религиозной тематики раскрывается особое мировидение поэтессы, связанное с духовными размышлениями и молитвенным опытом.

Анализируя поэтические тексты религиозно-духовной тематики, Е.А. Трушина делит их на две группы: стихотворения, относящиеся к жанру молитвы, и стихотворения, созданные с опорой на библейские сюжеты [9, с.72]. Мы считаем, что есть еще третья группа – стихотворения, характеризующие особое молитвенное состояние. Лирическое событие этой группы стихотворений ориентировано на православную традицию духовного плача и «очистительной» молитвы [10, с.67], при которой слёзы приобретают «очистительную природу» [10, с.66] и служат признаком милости Божией [11].

Данная статья посвящена анализу художественной рецепции христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Ю.В. Жадовской. Объектом исследования являются тексты религиозно-духовной тематики первого прижизненного сборника стихотворений «Испытание» (1845), «Опять спокойно надо мной» (1846), «Монолог» (1846), «При чтении Истории Петра Великого» (1846), тексты второго прижизненного сборника стихотворений «Чудная минута!» (1847), «Ночь... Чу! в сад тенистый» (1846), «Пробуждение сердца» (1848), «Кто мне родня» (1850) и неопубликованные стихотворения «Я помню вечер тот и тихий и прекрасный», «Кто любил и верил страстно», «Шумят, шумят кудрявые березы» (неопубликованные стихотворения взяты из рукописной тетради Ю.В. Жадовской, которая хранится в РГАЛИ [17]).

Основная часть

В поэзии Ю.В. Жадовской (1824-1883) значительное место занимают лирические ситуации, содержащие мотивы слез и плача: в 56 стихотворениях (это примерно четверть всего поэтического наследия) через эти мотивы выражаются различные оттенки чувств.

Слезы в художественном мире Ю.В. Жадовской появляются не только от негативных (скорбь, печаль, тоска), но и от позитивных эмоций (любовь, радость, воодушевление). Многообразные эпитеты к слову «слезы» отражают всю гамму чувств: слезы могут быть «жаркие» («Притворство», «Пробуждение сердца»), «горькие» («Сожаление», «Ребенку (Дума)», «Необходимое притворство», «Кляну тебя, слепое убежденье», «П***»), «горячие» («Я все еще его, безумная, люблю», «Невыдержанная борьба», «Дума», «На кладбище»), «невольные» («Две сестры»), «сладкие» («Пробуждение сердца», «Прощанье»), «безотчетные» («Опять спокойно надо мной»), «светлые» («При чтении истории Петра Великого»). Данные эпитеты обладают повышенной экспрессивно-стилистической окраской, в целом свойственной «душевной» [12] лирике поэтессы.

Усиливает эффект обнаженности чувств лирической героини Ю.В. Жадовской использование атрибутивных глаголов состояния: слезы «катятся» («Притворство»,

«Монолог», «Вижу, в слезах ты! одна за другою»), «лъются» («Изгнание», «Невыдержанная борьба», «Чудная минута», «Ты меня позабудешь нескоро»), «блестят» / «блещут» («Я все еще его, безумная, люблю», «Опять спокойно надо мной», «Пробуждение сердца»), «светятся» («Русалка», «Посещение»), «пробиваются» («Все бы я теперь сидела да глядела»), «застыгают» («Кто мне родня»).

Одним из самых частых сюжетообразующих элементов в стихотворениях, содержащих мотив слез, становится антитеза «веселье – тоска/печаль» (например, «Притворство», «Необходимое притворство», «Чем ярче шумный пир, беседа веселей», «Монолог»). Лирический сюжет в таких стихотворениях, как правило, строится по похожей модели: лирическая героиня, не находя родственной души в обществе, пытается скрыть свои переживания и волнения. Она вынуждена притворяться, изображая веселость и внимание: «...вниманье полное изображает взор, но мысли далеко» [13, с.5]; «Как мне быть веселой, улыбаться, / Если грудь моя тоски полна» [13, с.46], «Чем ярче шумный пир, беседа веселей, / Тем на душе моей печальной тяжелей» [13, с.133], «И если б кто увидел эти слезы – / С какой улыбкою взглянул бы он на них» [13, с.134].

Темы поиска родственной души и милости Божией развивается и философски осмысляется в стихотворении «Кто мне родня». Сюжет стихотворения восходит к евангельской притче о милосердном самарянине (Лк. 10: 29 – 37). В Евангелии притча рассказана Иисусом Христом, а у Ю.В. Жадовской физические и духовные страдания переданы от первого лица:

Покрытый ранами, поверженный во прах,

Лежал я при пути, в томленьи и **слезах...**

.....

Уж мной охладевал холодный смерти сон;

Уж на устах моих стенанья замирали,

В тускнеющих очах уж **слезы** застывали... [13, с.95]

Главная мысль евангельской притчи – сострадание и помощь людям независимо от их вероисповедания – творчески переосмысляется в стихотворении. «Инаковость» [15, с.15] в художественном мире Ю.В. Жадовской имеет другую природу: она связана с духовным и мучительным одиночеством и трагическим ощущением богооставленности [16, с.34]: «Я плачу и о том, что в мире не единой / Родной души себе не нахожу!» [13, с.17] («Я плачу»), «... О, нет души живой / с участьем и отрадой!...» [17, с.13] («Хандра»), «... О чем я плачу так, о чем страдаю, / Зачем от всех свои страдания скрываю» [13, с.27] («Дитя»), «Оскорбят тебя люди жестоко, / Опозорят святыню души; / Будешь, друг мой, страдать одиноко, / Лить горячие слезы в тиши» [13, с.59] («Дума»). В самый острый момент страдания и близости к смерти появляется некто: «Он был неведом мне, но полн святой любовью»²¹. Спаситель в первую очередь «отер слезы спасительной рукой», затем «лил на раны целительный бальзам», «взял с собой и помогал» (ср. «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы» (Мф. 11:28)). Наивысшая степень страдания, соотнесенная со смертью, сопровождается слезами. Образ Спасителя связан с описанием особого духовного пути в художественном мире Ю.В. Жадовской. В критическую минуту, в минуту отчаяния появляется помощь свыше, которая дает силу

для продолжения жизни и духовного воскресения.

Обращение к жанру молитвы в лирической картине мира поэтессы определяется осознанием особого духовного пути. Именно одиночество является основой для внутреннего покоя и спасения души.

В художественном мире поэтессы стремление остаться в одиночестве, сбежать, освободиться от законов общества и «сладко... грустить, молиться» [14, с.11] («Притворство») связано с особым духовным состоянием. В стихотворении «Монолог» это состояние описывается как «непостижимая тайна»: «Да, не поймут, как всю меня проникла / Непостижимая и тайная отрада» [13, с.34] («Монолог»). В христианстве это состояние описывается как «очистительная» молитва. Христианская традиция «очистительной» молитвы подразумевает, что для духовного очищения необходимо войти в определенное состояние «умерщвления для мира» [10, с.66], гармонии и умиротворения. Для этого нужно отвлечь внимание от всего окружающего и сосредоточиться на внутренних переживаниях. Вечер и ночь в художественном мире Ю.В. Жадовской являются самым подходящим временем для отвлечения от людской суэты: «Все спят давно... На мысль, на звук никто не отзовется» [13, с.60] («Пробуждение сердца»), «Все спит вокруг меня спокойным, сладким сном...» [14, с.34] («Искушение»), «... никто не видит...» [13, с.51] («Чудная минута!»), «...люди спят давно» [13, с.82] («Ночь... Чу! в сад тенистый»). Сон, спокойствие и тишина – это первый символический этап отвлечения лирической героини от окружающего мира и начало духовного очищения.

Следующим символическим этапом погружения в особое молитвенное состояние и обретения умиротворения является созерцание красоты природы. Мировидению Ю.В. Жадовской характерно описание природы как живого единого целого, причем пейзаж почти всегда одинаков – это шумящие деревья, небо и звезды: «Опять спокойно надо мной сияют небеса» [14, с.39] («Опять спокойно надо мной»), «Кому я укажу на это небо, / Покрытое блестящими звездами?» [14, с.62] («Монолог»), «Шумят, шумят кудрявые березы, / И ни одной звезды в безбрежной высоте» [17, с.68] («Шумят, шумят кудрявые березы»), «Лейтесь слезы смело! / Месяцу с звездами / Что до вас за дело?» [13, с.51] («Чудная минута»), «Но с землей украдкой / Звезды говорят; / И в раздумье сладком / Дерева стоят» [13, с.83] («Ночь... Чу! в сад тенистый»).

Лирике Ю.В. Жадовской свойственен психологический параллелизм: переживания лирической героини связаны с состоянием природы. В стихотворении первого сборника «Опять спокойно надо мной» лирическая ситуация обретения гармонии для богообщения начинается с созерцания «спокойного сияния небес», а анафора «опять» подчеркивает многократность и повторяемость этого события:

Опять спокойно надо мной

Сияют небеса,

И безотчетною **слезой**

Блестят мои глаза;

Опять, опять в душе моей

И тихо, и светло... [14, с.39]

Мотив молитвенных слез, блестящих на глазах, является, с одной стороны, точкой перехода лирического события от внешнего описания к внутреннему состоянию, а с другой стороны, неким знаком, символом того, что душа начала входить в «поле чистоты» [10, с.66]: «Слезы в молитве... суть знамение милости Божией, которой сподобилась душа своим покаянием, и того, что она принята и начала входить в поле чистоты слезами» [10, с.66]. Подобная лирическая ситуация созерцания небесной гармонии и перехода в особое молитвенное состояние содержится и в стихотворении «Ночь... Чу! в сад тенистый». Как и в стихотворении «Опять спокойно надо мной» «взор» лирической героини «горит слезой», а молитвенные слезы являются признаком преображения героини и духовного очищения.

Лирическая ситуация перехода в молитвенное состояние в стихотворениях Ю.В. Жадовской чаще всего описана от первого лица. Исключение составляет неопубликованное стихотворение «Я помню вечер тот и тихий и прекрасный», в котором героиня вспоминает о своей подруге:

...Виднелася печаль

В твоих чертах... и тихо ты и грустно вдаль

С какой-то странною улыбкою глядела,

И крупная **слеза** в очах твоих блестела... [17, с.16]

Созерцание природы порождает новое состояние отрещенности от мира («с какой-то странною улыбкою»), а мотив молитвенных слез также становится символом внешнего проявления молитвенного состояния.

Итак, появление слез – это знак начала духовного преображения. Однако духовное очищение как заключительный этап «очистительной» молитвы в художественном мире Ю.В. Жадовской не всегда возможен. В стихотворении «Шумят, шумят кудрявые березы» состояние природы и отсутствие блестящих звезд («и ни одной звезды в безбрежной высоте» [17, с.68]) не позволяют героине достичь внутренней гармонии: «Сижу одна, роняя тихо слезы / В непроходимой темноте» [17, с.68], «Заветных образов встает печальный ряд, / Но не сливаюсь с ним, как прежде, я душою» [17, с.68]. Лирическая героиня «роняет» слезы, они не «блестят», не «горят» и не отражают сияние звезд. Стремление к слиянию с божественным и недостижимость этого духовного состояния подчёркивает образ тёмного беззвёздного неба. Используя литературную модель художественного двоемирия, Ю. В. Жадовская продолжает традиции эпохи романтизма. Романтическое ощущение недостижимости идеала и трагической судьбы подчёркивается характерными природными образами.

Интересен мотив молитвенных слез в стихотворении «Испытание». Лирический сюжет схож с предыдущими: отвлечение от мирской суеты, созерцание природной гармонии, сосредоточение на душевных переживаниях и даже «слезы на очах». Но необычен финал, где лирическая героиня признает, что ее слезы «не о грехах» и что достичь молитвенного состояния мешает греческая человеческая природа: «Полна томительных с самой собою битв, / Напрасно я ищу спасительных молитв, / Напрасно их зову на греческие уста - / Душа моя земным, ничтожным занята» [14, с.14]. В христианской традиции слезы, «проливаемые по греховым побуждениям» [10, с.65], называются греховными. Чтобы слезы из греховых стали богоугодными, необходимо изменить причину слез. Таким образом, «очистительная» молитва в художественном мире

Жадовской не всегда заканчивается духовным очищением и нравственным самосовершенствованием.

Особо хочется отметить мотив молитвенных слез в стихотворении «При чтении истории Петра Великого». Оно было опубликовано только в первом сборнике стихотворений и не вошло ни во второй сборник, ни в посмертное издание. В предисловии к посмертному изданию брат поэтессы П.В. Жадовский пояснил, что не стал включать в это издание стихотворения слабые, которые были исключены ранее из публикаций самой Ю.В. Жадовской [2].

Данное стихотворение интересно необычным лирическим событием, в котором мотив молитвенных слез символизирует «восславление Бога» [1, с.232] и умиление [18]. Лирическая героиня читает книгу о «подвигах» Петра I, восхищается ими и погружается в молитвенное состояние: «Но сладко мне! и я едва дышу, / И чувствую: мой взор то гордостью горит, / то светлою слезой смирения блестит» [14, с.20]. Финальная часть стихотворения – благодарственная молитва «за мир страны родной, / За славу, за Петра, за Царский дом святой» [14, с.20]. Это единственное стихотворение, где соединяются два лирических события – погружение в молитвенное состояние и собственно молитва. Благодаря такому соединению достигается желанное состояние – слияние души лирической героини с божественным. Очистительные слёзы меняют свою природу: они становятся слезами умиления, когда «качественным образом изменяется молитвенное обращение и сама форма общения между божественным и тварным» [18, с. 136].

В индивидуально-авторской картине мира Ю.В. Жадовской христианская традиция «онтологической радости в Боге и о Боге» [10] является высшей ступенью, свидетельствующей о духовном очищении.

Заключение

Рецепция христианской традиции духовного очищения формирует особое мировидение поэтессы, заключающееся в «двойственном» мироощущении: стремление к обретению внутренней гармонии и спокойствия сочетается с трагическим ощущением богооставленности. Тема одиночества и поиска родственной души в лирике Ю.В. Жадовской, продолжающая традиции эпохи романтизма, позволяет, с одной стороны, определить основные рамки читательского ожидания, а с другой стороны, нарушить своеобразный жанровый канон «очистительной» молитвы.

Одним из способов художественного переосмыслиения православного молитвословия в индивидуально-авторской картине мира Ю.В. Жадовской является включение в лирический сюжет стихотворений религиозной тематики мотива молитвенных слез. Этот мотив присутствует в текстах, включающих элементы просительных, благодарственных и покаянных молитв. Особое молитвенное состояние в лирических ситуациях, содержащих мотив молитвенных слез, соотносится с обретением внутренней гармонии и спокойствия и является признаком вхождения в «поле чистоты» для духовного очищения и молитвы.

Поэтесса, обращаясь к христианским ценностям, воплощает свое видение темы поэтического богообщения, целью которого является внутреннее преображение человека.

Библиография

1. Афанасьева Э.М. Молитвенная лирика русских поэтов. М.: Издательский Дом ЯСК,

2021. – С. 225 – 245.
2. Жадовский П.В. От издателя // Жадовская Ю.В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. СПб.: Типография С. Добродеева, 1885. – С. 5-26.
3. Федорова А. Воспоминание об Ю.В. Жадовской // Исторический вестник, 1887. – С. 394-407.
4. Благово В.А. Поэзия и личность Ю.В. Жадовской. Саратов: Издательство саратовского университета, 1981. – 158 с.
5. Хохлова Е. В. Опыт моделирования женского характера в прозе Ю. В. Жадовской // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей / под редакцией В. И. Успенской. Том Выпуск 2. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2002. – С. 244-250.
6. Трушина Е. А. Жанр молитвы в лирике поэтессы XIX века Ю. В. Жадовской // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии, 2018. № 4 (10). – С. 88-94.
7. Войтенко И.В. Проза Юлии Жадовской: жанровое и стилевое разнообразие: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Войтенко; Москва, 2007. – 195 с.
8. Граудина Л. К. «Цвет лиризма» в поэзии Ю.В. Жадовской / Л. К. Граудина // Русская речь, 2016. № 1. – С. 3-12.
9. Трушина Е.А. Лирика Ю.В. Жадовской (мировидение и поэтика): дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Трушина; Пензенский гос. педагогич. ун-т. им. В.Г. Белинского. Пенза, 2004. – 253 с.
10. Святитель Игнатий (Брянчанинов) Аскетические опыты: В 7 т. Т. 1. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 307 с.
11. Лествичник Иоанн. Лествица, возводящая на небо. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 592 с.
12. Вейнберг П. И. Стихотворения Юлии Жадовской // Библиотека для чтения, 1858. Т. 149. – С. 37-40.
13. Стихотворения Юлии Жадовской. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1858. – 142 с.
14. Стихотворения Юлии Жадовской. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1846. – 64 с.
15. Зизиулас Иоанн. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви / Пер. с англ. (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2012. – 407 с.
16. Зеневич Е. В. Поэтика евангельской Притчи о сеятеле в стихотворении Ю. В. Жадовской «Посев» // Православие и русская литература: Сборник статей участников VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Арзамас, 18-19 мая 2023 года / Отв. редактор С.Н. Пяткин. – Арзамас, 2023. – С. 31-35.
17. Жадовская Ю.В. Стихотворения. РГАЛИ. ф. 638. оп. 1. е.х. 1. л. 1-90.
18. Полякова Г. В. Мотив умиления в русской литературе XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 5-3 (59). – С. 36-40.
19. Будянский В. С. Образ плача в Православной Церкви // Христианство и мир: Сборник материалов III Всероссийской студенческой научно-богословской конференции, Пенза, 18-19 апреля 2018 года. – Пенза: Православная религиозная организация-учреждение высшего религиозного профессионального образования "Пензенская Духовная Семинария", 2018. – С. 133-142.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи направлена на рецепцию христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Юлии Жадовской. Предметная область

ориентирована на одну из рубрик издания, следовательно, в этой части каких-либо противоречий нет. Автор в начале работы отмечает, что «влияние на формирование религиозной составляющей авторской картины мира Ю.В. Жадовской (1824 – 1883) оказали, прежде всего, биографические события. У писательницы была непростая судьба: она родилась без левой руки, а на правой было только три пальца, в трехлетнем возрасте потеряла мать, а в молодости пережила несчастную любовь. Все эти факты определили особое мироощущение Ю.В. Жадовской, связанное с «переживаниями боли безнадежной любви, трагического одиночества, молитвенных раздумий». Вектор анализа, который предлагает исследователь, на мой взгляд, задан правильно, да и сам ход рассуждений достаточно интересен. Работа осложнена систематизацией критических источников, причем оценка работ делается конструктивно и объемно: «особую религиозность мировидения писательницы отмечают исследователи ее творчества Э.М. Афанасьева [1], В.А. Благово [4], Е.В. Хохлова [5], Е.А. Трушина [6], И.В. Войтенко [7], Л.К. Граудина [8]. Е.А. Трушина подчеркивает, что лирическая героиня Ю.В. Жадовской «анализирует свои собственные чувства, оценивает их с точки зрения православной нравственности, пытается определить их место в общем строе бытия и его духовных законов». Э.М. Афанасьева считает молитвенную лирику «органичной составляющей поэтического наследия Ю.В. Жадовской». Как видно ссылки / цитации дается в режиме указанного изданием стандарта. Автор указывает конкретный блок анализируемых текстов, это тоже стоит отметить как положительный момент. В частности указано, что «статья посвящена анализу художественной рецепции христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Ю.В. Жадовской. Объектом исследования являются тексты религиозно-духовной тематики первого прижизненного сборника стихотворений «Исклучение» (1845), «Опять спокойно надо мной» (1846), «Монолог» (1846), «При чтении Истории Петра Великого» (1846), тексты второго прижизненного сборника стихотворений «Чудная минута!» (1847), «Ночь... Чу! в сад тенистый» (1846), «Пробуждение сердца» (1848), «Кто мне родня» (1850) и неопубликованные стихотворения «Я помню вечер тот и тихий и прекрасный», «Кто любил и верил страстно», «Шумят, шумят кудрявые березы» (неопубликованные стихотворения взяты из рукописной тетради Ю.В. Жадовской, которая хранится в РГАЛИ). Намеченный набор текстов, на мой взгляд, достаточен для раскрытия темы. Материал имеет дробный вид: вступление, основной блок, заключение; подобная структура традиционна, собственно она вполне объективно может быть представление о магистрали христианской традиции в лирике Юлии Жадовской. Считаю, что примеры [сами тексты] введены в работу верно, при этом должный анализ сделан в рамках конструктивного метода. Стиль данного сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «в художественном мире поэтессы стремление остаться в одиночестве, сбежать, освободиться от законов общества и «сладко... грустить, молиться» («Притворство») связано с особым духовным состоянием. В стихотворении «Монолог» это состояние описывается как «непостижимая тайна»: «Да, не поймут, как всю меня проникла / Непостижимая и тайная отрада» («Монолог»). В христианстве это состояние описывается как «очистительная» молитва. Христианская традиция «очистительной» молитвы подразумевает, что для духовного очищения необходимо войти в определенное состояние «умерщвления для мира», гармонии и умиротворения», или «Лирике Ю.В. Жадовской свойственен психологический параллелизм: переживания лирической героини связаны с состоянием природы. В стихотворении первого сборника «Опять спокойно надо мной» лирическая ситуация обретения гармонии для богообщения начинается с созерцания «спокойного сияния небес», а анафора «опять» подчеркивает многократность и повторяемость этого события...» и т.д. Термины, понятия, которые используются по ходу исследования, унифицированы, разнотений не выявлено. Логика переходов в работе поддерживается

т.н. языковыми скрепами: «анализируя тексты», «итак», «хочется отметить», «мы считаем»... Заключительный блок работы соотносится с основным: «рецепция христианской традиции духовного очищения формирует особое мировидение поэтессы, заключающееся в «двойственном» мироощущении: стремление к обретению внутренней гармонии и спокойствия сочетается с трагическим ощущением богооставленности. Тема одиночества и поиска родственной души в лирике Ю.В. Жадовской, продолжающая традиции эпохи романтизма, позволяет, с одной стороны, определить основные рамки читательского ожидания, а с другой стороны, нарушить своеобразный жанровый канон «очистительной» молитвы». На мой взгляд, цель работы достигнута, поставленные задачи решены. Материал имеет практический характер, его можно использовать при изучении истории русской литературы. Список источников полновесен, формальная правка текста излишня. Рекомендую статью «Рецепция христианской традиции «очистительной» молитвы в лирике Юлии Жадовской» к публикации в журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

"The American Dream" in Norman Mailer's novel and travelogue "O'key, an American Novel" by B. Pilnyak: Shattered Illusions and Rethought Dreams

Abulanees Alwan Hassan

Doctor of Philology

Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042218123@pfur.ru

Abstract. The concept of "dreams" as the core of American literature is recognized by most literary critics. The affirmation and apologetics of the "American dream", which is associated with the traditions of critical realism, remains the subject of discussion by both foreign and Russian researchers. Literary studies of the concept of the "American dream" encourage us to critically analyze the beliefs, experiences and aspirations underlying it, as well as its broader implications for society. The subject of this article is the concept of the "American dream", analyzed on the basis of Norman Mailer's novel "The American Dream" and the travelogue "O'key, an American Novel" by Boris Pilnyak. Using descriptive, hermeneutical, comparative, historical-literary and historical-cultural methods, the author examines the details of this concept that were not affected in previously published scientific works. The sources and prerequisites for the emergence of the phenomenon of the "American dream" in American literature are presented and its complex quintessences presented in the works of Mailer and Pilnyak through the prism of different cultural contexts are revealed. The study showed that the failure of the American Dream project leads to its restructuring, which confirms its self-stabilizing nature and fundamental role in the process of personal self-determination of the character. Mailer, deeply rooted in American culture, criticizes the American dream from the inside, emphasizing individualism, social pressure and the pursuit of success. On the contrary, Pilnyak offers us a different view of the "American dream". This is the view of a Soviet writer who emphasizes the relationship of the American dream with capitalism, democracy and social transformation. Conclusions. Despite the revealed differences in views, both authors encourage readers to take a critical look at the promises and pitfalls of the American dream, enriching our understanding of its universal appeal and enduring relevance.

Keywords: American Dream, Concept, Cultural perspectives, Collectivism, Individualism, American literature, Russian literature, Comparative study, Norman Mailer, Boris Pilnyak

References (transliterated)

1. Adams J. T. The Epic of America. Boston: Little, Brown and Company, 1931. – 433 p.
2. Lewis R. W. B. The American Adam: Innocence, Tragedy, and Tradition in the Nineteenth Century. Chicago, University of Chicago Press, 1955. – 225 p.
3. Batalov E. Ya. Russkaya ideya i amerikanskaya mechta. Moskva: Progress-Traditsiya, 2009. – 382 s.
4. Golovina E. Russkaya ideya i amerikanskaya mechta – edinstvo i bor'ba protivopolozhnosti. Moskva: Izdatel'skii dom «Rodina», 2023. – 304 s.
5. Pilnyak B., & LeBlanc R. D. (Translator) O'kei: An American Novel (Annotated). Faculty

- Publications. University of New Hampshire, 2020. – 928 p.
6. Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992. – 296 p.
 7. Maguire R. A. Red Virgin Soil: Soviet Literature in the 1920s. Ithaca and London, Cornell University Press, 1987. – 482 p.
 8. Mailer N. An American Dream. [1965]. New York, Vintage Books, 1999. – 288.
 9. Kasitsyn A. V. Poetika ocherkovo prozy Borisa Pil'nyaka: diss... kan. fil. nauk. Moskva, Kolomenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2010. – 152 s.
 10. Shklovskii V. B. Pyat' chelovek znakomykh. Tiflis, 1927. – 100 c.
 11. Katsev A. S. Fakt, domysel i vymysel v proizvedeniyakh B. Pil'nyaka pervoi poloviny 20-kh godov // Fakt, domysel, vymysel v literature: mezhvuz. sb. nauch. tr. Ivanovo: IvGU, 1987. – S. 109-116.
 12. Fedorova L. G. «Eta ulitsa tozhe ved' nasha»: «Svoe» i «Chuzhoe» v amerikanskikh travelogakh sovetskikh pisatelei // Literatura dvukh Amerik. – 2017. – №3. – C. 307-324.
 13. Lytkina O. I. The Artistic Concept "America" as the Reflexion of the Russian Language Picture of the World (based on the novel "O'key: An American Novel" by B. Pilnyak) // Current issues of the Russian language teaching XIII. Simona Korycankova (ed.). Brno, Masarykova univerzita, 2018. – pp. 555-561.
 14. Fleischman L. From the History of Russian and Soviet Culture. Materials from the Hoover Institution Archives. Stanford, Calif.: Dept. of Slavic Languages and Literatures Stanford University, 1992. – Vol. 5. – 273 p.
 15. Shestakov V. P. American Dream and American Culture. Twentieth-Century Literary Criticism 210, edited by Thomas J. Schoenberg, Gale, 2009. Originally published in The Origins and Originality of American Culture, edited by Tibor Frank, Akademiai Kiado, 1984, pp. 583-590.

Russian and Arabic documentary tradition: syntactic aspect

Al-Anbagi Shaymaa Thamer Hasan

Postgraduate student, Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ shaimatamerhasan@yandex.ru

Abstract. The object of the study is documents of business correspondence in Russian-Arabic official communication; the subject of the study is the syntactic features of Russian and Arabic business documents, the similarities and differences between Russian and Arabic syntax in business communication. Syntactic organization is very important for business writing; it serves as the final stage of its structure. The scientific novelty of the study lies in the identification of universal and culturally determined features of the syntactic structure in relation to Russian and Arabic-language business writing. Among the universal elements are the use of sentences that convey the non-personal nature of communication, indirect expression of imperativeness (using forms of the subjunctive mood, interrogative sentences), introductory words with the semantics of politeness. Original syntactic constructions can be used to achieve a similar communicative effect.

The research was carried out on the basis of methods of analysis, synthesis, observation,

description. Methods of component analysis, interpretation and classification, a system-structural method, and elements of a functional approach were used.

As a result of the study, it was noted that the differences in the syntactic structure of Russian- and Arabic-language business letters are culturally and historically determined. The specifics of Arabic business syntax were influenced by increased requirements for the expression of politeness in society (indication of the regalia of the addressee), the predominance of the collective over the personal in culture, the origin of the official business style from the artistic, and not from the colloquial (long sentences). It is concluded that it is necessary to take into account cultural and historical factors both in the process of constructing business letters and in the process of their mutual translation. Among the important techniques of Russian-Arabic translation are combining sentences and increasing content

Keywords: syntactic construction, syntax, Arabic business letter, Russian business letter, documentary tradition, business correspondence, business letter, business document, sentence, traditions

References (transliterated)

1. Darbisheva Kh. A. Zhanrovye osobennosti delovykh pisem // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal). 2013. № 1 (21). S. 36.
2. Novikov D. A. Modal'nost' v ofitsial'no-delovykh pis'makh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti // Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v VUZe i shkole. 2022. № 35. S. 351-358.
3. Kornienko K. B. Stilisticheskaya kontaminatsiya v delovoi perepiske 30-kh godov XX veka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. № 4. S. 28-31. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.5.
4. Kotlyarevskaya I. Yu. Evolyutsiya delovogo diskursa v sovremenном obshchestve na primere delovoi korrespondentsii // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. 2020. № 13. S. 118-123.
5. Aleshina L. N. Soprovoditel'noe pis'mo: kak pravil'no ego pisat'? // Pravovoi al'manakh. 2022. № 3 (16). S. 41-42.
6. Krylova M. N. Tipichnye oshibki v yazyke delovykh bumag // Sovremennye nauchnye issledovaniya: problemy i perspektivy: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M.: Pero, 2019. S. 172-179.
7. Bodnar S. N. Yazyk arabskikh dokumentov torgovo-ekonomiceskoi deyatel'nosti / predisl. N. D. Volkova. M.: Tezaurus, 2012. 400 s.
8. Spirkin A. R. Funktsional'no-stilisticheskaya identifikatsiya arabskoi ofitsial'no-delovoi pis'mennoi rechi // Vestnik Voennogo universiteta. 2008. № 1 (13). S. 126-132.
9. Golikova A. S. Raznitsa mezhdu ofitsial'no-delovym stilem v arabskom i russkom yazykakh kak perevodcheskaya problema // Ponimanie i refleksiya v Rossii: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: materialy dokladov. Tver': TGU, 2020. S. 44-51.
10. Kayumova A. Kh., Pepel'nitsyna P. A. Sravnenie sistem delovykh kommunikatsii Rossii i Ob'edinennykh Arabskikh Emiratov // Nauka cherez prizmu vremeni. 2017. № 3 (3). S. 168-173.
11. Khomutova T. N., Shaban A. K., Fatkulin B. G. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya vezhlivosti v delovom pis'me-pros'be: kontrastivnoe issledovanie (na materiale

- angliiskogo, arabskogo i russkogo yazykov) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. T. 16. № 2. S. 27-35. DOI: 10.14529/ling190204.
12. Abdulina V. Predlozhenie kak edinitsa sintaksisa v arabskom yazyke // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2015. T. 8. № 2. S. 315-318. DOI: 10.31162/2618-9569-2015-8-2-315-318.
 13. Matveenko V. E. Natsional'no-kul'turnye osobennosti verbal'nykh i neverbal'nykh sredstv argumentatsii v arabskom ofitsial'no-delovom stile obshcheniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2012. № 4. S. 85-90.
 14. Mukhamadeev I. T. Delovoi arabskii: uchebnoe posobie po arabskому yazyku. Prakticheskii kurs. Ufa: PGPU, 2013. 82 s.
 15. Cho Y. Priemy povysheniya informativnosti perevoda sintaksicheskikh konstruktsii koreiskogo delovogo pis'ma na russkii yazyk // Inostrannye yazyki v vysshei shkole. 2017. № 3 (42). S. 36-44.

Metaphorical models of the concept of "Longing" in the idiostyle of A. P. Platonov

Lyan Ilan'

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690000, Russia, Vladivostok, 10, Russian Island str.

✉ lyan.il@dvfu.ru

Anisova Anna Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690000, Russia, Vladivostok, Narodny Prospekt str., 51

✉ anisann@list.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and analysis of conceptual metaphors that are involved in the implementation of the concept of "Longing" in the works of A. P. Platonov. The subject of the study is the metaphorical models of the concept under study. At the present stage of linguistic science, metaphors are presented as complex phenomena that are not only a fact of language, but reflect the mechanisms of human consciousness and ideas about the world. Conceptual metaphors are considered as a special tool of human cognition, having a culturally archetypal nature. The mechanisms of perception lie in the subconscious of a person, at the level of which there are units of the mental level – concepts represented to a greater extent by conceptual (cognitive) metaphors. Metaphorical models are one of the components of a concept and can be identified with the "signs of the concept that form its structure". The work is carried out in line with the cognitive campaign in linguistics, based on the research of conceptual metaphor. The following methods were used: continuous sampling, descriptive, contextual, modeling. The scientific novelty of the research consists in identifying metaphorical models of the concept of "Longing" in the discourse of A. P. Platonov. As a result of the study, 6 cognitive models of metaphors were identified: "Localization", "Living being", "Substance", "Object", "Organ", "Receptacle". These models represent the idea of the concept

of "Longing" as an entity that has a location inside a person, more often it is the heart of a person. This entity is represented as a living being or object. At the same time, if longing is a living being, then a person cannot control it, but can only hide from it, and if longing appears as an object, then a person can manipulate it. Also, longing is thought of as a kind of container that can absorb a person.

Keywords: cognitive science, artistic text, metaphor model, discourse, longing, concept, Andrey Platonov, cognitive metaphor, metaphor, linguoculturology

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory / Pod obshch. red. N. D. Arutyunovoi, M. A. Zhurinskoi. M.: Progress, 1990. S. 5-32.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. 896 s.
3. Baranov L. N. Kognitivnaya teoriya metafory: pochti dvadtsat' pyat' let spustya // Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem / Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. S. 7-21.
4. Kondrat'eva O. N. Dusha, serdtse, um. // Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 1. Volgograd: Paradigma, 2005. S. 80-92.
5. Krongauz M. A. Semantika. M.: Akademiya, 2005. 352 s.
6. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem: per. s angl. / Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
7. Moskov V. P. Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoi teorii. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: LENAND, 2006. 184 s.
8. Platonov A. P. Sobranie sochinenii. V 8 t. T. 1-8 / Sost. N. V. Kornienko. M.: Vremya, 2011.
9. Sergeeva N. M. Um i razum // Antologiya kontseptov / Pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 1. Volgograd: Paradigma, 2005. S. 286-305.
10. Yan' Kai. Analiz leksicheskikh sredstv vyrazheniya emotsiy v sovremennoj russkom jazyke i v khudozhestvennykh tekstakh I.A. Bunina (radost', udivlenie, strakh). Diss. ... kand. filol. n. M., 2018. 330 s.

The ideological and artistic features of the travelogues about Turkey in the Russian parent state literature of the 1920s (based on Summer in Angora by E. Lanceray and Istanbul and Turkey by P. Pavlenko)

Romanova Kseniya Sergeevna

PhD in Philology

Teacher, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Department of the English Language and Professional Communication

15 Verkhnyaya Maslovka str., Moscow, 127083, Russia

✉ ksromanova@inbox.ru

Ovcharenko Aleksei Yur'evich

Doctor of Philology

Russian Language and Linguoculturology Department of the Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, Associate Professor, Department of the Russian Language and Linguoculturology

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract. The article discusses the travelogues of Turkey by E. Lanceray and P. Pavlenko. If, until 1917, the Russian literature had described Turkey from the ethnographical and geographic perspectives or had made it a part of modernist vision, in the 1920s, the authors wrote mainly about its political, social and cultural changes. The aim of the article is to analyze Turkey's image in the parent state literature of the 1920s, close the lacuna in its Asian text and form a more complete understanding of the Russian literary process of that period. The article uses the descriptive, biographical and culture-historical methods of research. It concludes that so different writers as Lanceray and Pavlenko representing the unlike generations and artistic worlds and making different accents in their writings – on ethnography and the formation of a new statehood, respectively – are prone to interpret the revolutionary changes taking place in Turkey optimistically. Therefore, the Turkish motive and thematic vector should be viewed as a relevant stage of forming the ideology and aesthetics of a new artistic method, which is to be known as socialist realism subsequently.

Keywords: emancipation, orientalism, Atatürk, sketch, World Art members, reforms, Turkey, East, travelogue, ethnographical

References (transliterated)

1. Altynbaeva G. Russkii Stambul v knige P.A. Pavlenko «Stambul i Turtsiya» // Balkanistik Dil ve Edebiyat Dergisi. №1, 2019. S. 27-38.
2. Altynbaeva G. M., Rechber D. Obraz Stambula v rasskazakh 1920-kh godov P. A. Pavlenko // Filologicheskie etyudy: sb. nauch. st. molodykh uchenykh v 3 ch. № 18, ch. I-III. Saratov, 2015. S. 73-77.
3. Arsen'ev V.K. Dersu Uzala: iz vospominanii o puteshestvii po Ussuriiskomu krayu v 1907 g. Vladivostok: Svobodnaya Rossiya, 1923, 255 s.
4. Arsen'ev V.K. Po Ussuriiskomu krayu (Dersu Uzala). Puteshestvie v gornuyu oblast' Sikhote-Alin'. Vladivostok: Tip. Ekho, 1921, 280 s.
5. Bunin I.A. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2. M.: Pravda, 1988, 591 s.
6. Vodovozova E.N. Zhizn' evropeiskikh narodov. T.1. Sankt-Peterburg, 1897, 689 s.
7. Gorbachev O.V. Kontseptsiya sovetskogo prostranstva: ot material'nosti k mifu // Sovetskiy proekt. 1917-1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii/ Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018.
8. Dursunova F. Evolyutsiya turetskoi prozy: ot Namyka Kemalya do Orkhana Pamuka. Baku: Elm va təhsil, 2018, 136 s.
9. Zheltyakov A.D. Izuchenie kul'tury Turtsii v Rossii i SSSR // Tyurkologicheskii sbornik 1978. M.: Nauka, 1984. S. 88-109.
10. Lansere E.E. Dnevnik: v 3 kn. T.2. Moskva: Iskusstvo – XXI vek, 2008, 762 s.
11. Lansere E.E. Leto v Agore. L: Brokgauz-Efron, 1925, 86 s.
12. Lebedev D.A. V novoi Turtsii. M.: Doloi negramotnost', 1928, 73 s.
13. Lugovskoi V. Stikhovorenija i poemy. Moskva-Leningrad: «Sovetskii pisatel'», 1966, 640 s.

14. Miller A.I. Natsiya, ili mogushchestvo mifa. SPb.: Evrop.un-t, 2019, 146 s.
15. Oztyurk M. Sovetsko-turetskie otnosheniya na Kavkaze v 1918–1923: diss. kand. ist. n. SPb.: SPbGU, 2010, 188 s.
16. Orientalizm. Turetskii stil' v Rossii, 1760-1840-e. M.: Kuchkovo pole, 2017, 255 s.
17. Pavlenko v vospominaniyakh sovremennikov / Sost. i primech. Ts.E. Dmitrievoi. M.: Sovetskii Pisatel', 1963, 413 s.
18. Pavlenko P.A. Pisatel' i zhizn'. Stat'i. Vospominaniya. Iz zapisnykh knizhek. Pis'ma, M.: Sovetskii pisatel', 1955, 368 s.
19. Pavlenko P.A. Stambul i Turtsiya. M.: Federatsiya, 1930, 259 s.
20. Ponomarev E.R. Tipologiya sovetskogo puteshestviya. «Puteshestvie na Zapad» v literature mezhvoennogo perioda. Izd. 2, ispr. i dop. SPb: SPbGUKI, 2013, 411s.
21. Seifullina L.N. V strane ukhodyashchego islama. Poezdkha v Turtsiyu. L.: Gos.izdat., 1925, 145 s.
22. Skhimmel'pennink D. Russkii orientalizm. Aziya v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii. M.: ROSSPEN, 2019, 285 s.
23. Tishanskii Yu. (Astakhov G.A.) Po novoi Turtsii. M.: OGIZ, Mol.gv., 1933, 136 s.
24. Tolstoi L.N. Khadzhi-Murat: povesti i rasskazy. M.: Belyi gorod, 704 s.
25. Uzelli G. Poeticheskoe svoeobrazie stambul'skogo peizazha v rabotakh russkikh khudozhnikov XIX veka // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2018, № 37. C. 68-75.
26. Uturgauri S.N. Belye russkie na Bosfore. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2013, 328 c.
27. Ukhtomskii E.E. K sobityam v Kitae: ob otnosheniyakh Zapada i Rossii k Vostoku. SPb: Vostok, 1900. 87 s.
28. Fadeeva I.L. Ot imperii k natsional'nomu gosudarstvu: idei turetskogo sotsiologa Zii Gek Alpa v retrospektive XX v. M.: Vost. lit., 2001, 214 s.
29. Shafranskaya E.F. Turkestanskii tekst v russkoi kul'ture: kolonial'naya proza Nikolaya Karazina (istoriko-literaturnyi i kul'turno-etnograficheskii kommentarii). SPb.: Svoe izdvo, 2016. 370 s.
30. Shekherina L.D. F.F. Notgaft i Lansere: istoriya izdaniya knigi E.E. Lansere «Leto v Angore» // Vesnik SPbGUKI, №2 (11) iyun', 2012. S. 88-90.
31. Shul'gin V. 1921 god. M.: Kuchkovo pole, 2018.
32. Epel'bua A. Platonov i Srednyaya Aziya. // Beglye vzglyady: Novoe prochtenie russkikh travelogov pervoi treti XX veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 212-231.
33. Etkind A.M. Vnutrennaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 448 s.

The functions of peripheral combinations of N. M. Karamzin's novella "Natalia, the Boyar's Daughter"

Mikhailenko Arina Yur'evna

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

32A Leninsky str., Moscow, 119334, Russia

 arina.mikhaylenko@yandex.ru

Abstract. The linguistic description of a literary text involves consideration of its semantic

structure, by which, following L. A. Novikov, we understand the system of images of the work and the linguistic means of their embodiment in the author's text. Peripheral combinations play a significant role in the arsenal of artistic techniques of N.M. Karamzin, implemented in sentimental novels, and demonstrate primarily the functions of indicating feelings and states, embellishing speech, author's characterization and poetization of prose text. The subject of the study of the analyzed text of N. M. Karamzin's novella "Natalia, the boyar's daughter" is periphrasis as a special means of creating a semantic structure. The relevance of the work is due to the clarification of the status of the periphrase as an important structural element of the sentimental story. The aim of the work was to clarify the concept of periphrasis in the modern and preceding N. M. Karamzin literary tradition and highlight its functions in the texts of the stories. The methodological basis of the study was the work of Russian linguists of the V. V. Vinogradov school, based on a system-functional approach to the analysis of the language of fiction. The conducted research allowed us to conclude that the periphrasis is the basis of N. M. Karamzin's imagery and implements the functions of speech decoration; characterization, in which the periphrasis contains the author's attitude to the hero; stylistically marked periphrastic combinations serve to separate parts of the story, for example, the author's digression and the main text of the story. The novelty of the research lies in clarifying the functions of the periphrasis as the central means of the semantic structure of the sentimental story.

Periphrases are becoming one of the new tools for constructing the semantic structure of a prose work of the emerging aesthetics of sentimentalism. The use of periphrases is included in the concept of reforming the Russian language by introducing elements peculiar to the sentimental style of French salon literature into the text, while generally ordering syntax at the level of a simple and complex sentence.

Keywords: semantics, image structure, expression, syntactic reform, historical story, Karamzin, function, periphrase, sentimental story, aesthetics of sentimentalism

References (transliterated)

1. Amvrosii (Serebrennikov). Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu, kniga pervaya, v kotoroi soderzhitsya Ritorika pokazuyushchaya obshchie pravila oboego krasnorechiya to est' oratorii i poezii, sochinennyya v pol'zu lyubyashchikh slovesnyya nauki. – SPb., 1778.
2. Blagoi, D. D. Ot Kantemira do nashikh dnei. – T. 1. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1979. – 552 s.
3. Byteva, T. I. Fenomen perifrazy v russkom literaturnom yazyke: problemy semantiki i leksikografii: diss. na soiskanie d.filol.n. 10.02.01. – Krasnoyarsk, 2002. – 352 s.
4. Vinogradov, V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1934. – 287 s.
5. Vinogradov, V. V. Stil' Pushkina. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1941. – 620 s.
6. Vinogradov, V. V. Problema avtorstva i teoriya stilei. – M.: Goslitizdat, 1961. – 615 s.
7. Grehneva, L. V. Osobennosti perifrasticheskoi nominatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2009. – № 6–2. – S. 207–210.
8. Grech, N. I. Chteniya o russkom yazyke. – Ch. 1. – SPb., 1840.
9. Grigor'eva, A. V. Poeticheskaya frazeologiya kontsa XVIII – nachala XIX veka // Obrazovanie novoi stilistiki russkogo yazyka v pushkinskuyu epokhu. – M.: Nauka, 1964. – S. 3–21.
10. Ivanova, N. N. Glagol'nye perifrazy v russkoi poezii kontsa XVIII — nachala XIX (K

- voprosu ob evolyutsii poeticheskoi frazeologii): avtoreferat dis. ... kandidata filol.n. – M., 1970.
11. Karamzin, N. M. Izbrannye stat'i i pis'ma. – M.: Sovremennik, 1984.
 12. Kovtunova, I. I. Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII – pervoi treti XIX veka. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969. – 231 s.
 13. Kovtunova, I. I. N. M. Karamzin v istorii russkogo literaturnogo sintaksisa // Issledovanie po slavyanskomu yazykoznaniyu. Sbornik, posvyashchennyi pamyati akademika V. V. Vinogradova / Otv. red. V. A. Beloshapkova, N. I. Tolstoi. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1974. – S. 153–160.
 14. Lomonosov, M. V. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu // Polnoe sobranie sochinenii. – T. 7. Trudy po filologii (1739–1758 gg.). – M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952.
 15. Lotman, Yu. M. Evolyutsiya mirovozzreniya Karamzina (1789–1803) // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 51. – Tartu, 1957. – S. 123.
 16. Mogilevskii, A. G. Rossiiskaya ritorika, osnovannaya na pravilakh drevnikh i noveishikh avtorov. – Khar'kov, 1817.
 17. Mochul'skii, F. Slovesnoslovie i pesnopenie, to est' grammatika, logika, ritorika i poeziya v kratkikh pravilakh i primerakh. – M., 1790.
 18. Nikol'skii, A. S. Logika i ritorika kratkim i dlya detskogo vozrasta udoboponyatnym obrazom raspolozhennyya, iz "yasnennyya i v pol'zu yunoshestva izdannyya. – SPb., 1790.
 19. Orlov, P. A. Russkaya sentimental'naya povest' // Russkaya sentimental'naya povest'. – M: Izd-vo MGU, 1979. – S. 5–26.
 20. Orlov, P. A. Russkii sentimentalizm. – M: Izd-vo MGU, 1977. – 268 s.
 21. Podshivalov, V. S. Sokrashchennyi kurs rossiiskogo sloga. – M., 1796.
 22. KR – Kratkaya ritorika v pol'zu lyubyashchego rossiiskii slog yunoshestva, perevod s latinskogo. – SPb., 1801.
 23. Rizhskii, I. S. Opyt ritoriki sochinennyi i prepodavaemyi v Sanktpeterburgskom Gornom Uchilishche. – SPb., 1796.

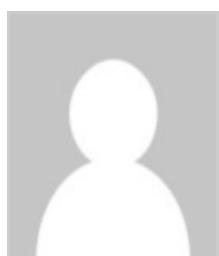
The image of China in modern Russian media (based on materials from the National Corpus of the Russian Language)

Li Qizheng

Postgraduate student; Department of Modern Russian Linguistics; Ufa University of Science and Technology

Zaki Validi str., 32, Ufa, 450076, Russia

✉ LiQizheng@yandex.ru

Abstract. The article examines the representation in the language of modern media of the image of China as a component of Russian linguistic consciousness. It is noted that in the language of the media, the image of China that has developed in the Russian linguistic consciousness is simultaneously realized, and this image is constructed and supplemented in its modern implementation. The media have a significant impact on the image of China, what it will be like in the future, and also on how Russians perceive it. The analysis was based on the consideration of the functioning in the media of lexemes and phraseological units expressing Chinese semantics: China, Chinese, Chinaman, Celestial Empire, hieroglyphs, etc.

Observation showed that the image of China is frequent.

The research was carried out on the basis of traditional methods of observation, description, analysis, synthesis, and generalization. One of the main ones was the method of corpus linguistics. The method of linguocultural interpretation, structural-semantic method were used. It has been revealed that the most important part of the image of China, implemented in the media, is the idea of this country as a strong state with developed industry, economy and social sphere, as a strategic partner of the Russian Federation and a global antagonist of the United States. Attention is focused on the fact that the brightest means of representing the image of China in the Russian linguistic consciousness are comparative constructions, metaphors, phraseological units, through which such features of China as ancient history, rich and difficult to understand culture, and deep philosophy are actualized. A Chinese in the Russian linguistic consciousness is a hardworking, enterprising, intelligent, cunning, wise, independent person. The conclusion is made about the dynamic image of China, to the change of which the Russian media make a significant contribution.

Keywords: comparative construction, phraseological unit, lexeme, media, Russian language, Russia, image of China, China, psycholinguistics, linguistic consciousness

References (transliterated)

1. Aleksandrova O. V. Yazyk sredstv massovoi informatsii kak chast' kollektivnogo prostranstva obshchestva // Yazyk sredstv massovoi informatsii / Pod red. M.N. Volodinoi. M.: Akademicheskii Proekt; Al'ma Mater, 2008. S. 210–220.
2. Frumkina R. M. Psikholingvistika // Russkii yazyk. Entsiklopediya / Gl. red. Yu. N. Karaulov. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Drofa, 1997. S. 398–399.
3. Sternin I. A. Kommunikativnoe i yazykovoye soznanie // Yazyk i natsional'noe soznanie. Vyp. 4. Voronezh: Istoki, 2002. S. 4–14.
4. Tarasov E. F. Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza soznaniya // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya / Pod red. N. V. Ufimtsevoi. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 1996. S. 7–22.
5. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (data obrashcheniya: 05.05.2024).
6. Kirsanova A. M. Obraz Kitaya v rossiiskikh spetsializirovannykh internet-SMI // Arkhont. 2019. № 3 (12). S. 55–61.
7. Go L. Obraz tsifrovogo Kitaya v rossiiskikh sredstvakh massovoi informatsii // Nauchnyi dialog. 2020. № 10. S. 26–36. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-26-36.
8. Bitsueva I. V. Evolyutsiya obraza Kitaya v rossiiskikh SMI (XVIII – nachalo XX vv.) // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2020. № 4 (96). S. 97–103. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-4-96-97-103.
9. Pavlyukevich R. V. Kitai – ot «zhertvy militaristov» do «brata-proletariya» (evolyutsiya obraza Kitaya v sovetskikh SMI. 1946–1953 gg.) // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2011. № 2. S. 117–124.
10. Khabarov A. A., Chudinov A. P., Yan Ke. Obraz Kitaya v rossiiskikh i amerikanskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 2 (92). S. 159–171.
11. Zlobina Yu. I., Lyan K. Obraz Kitaya v rossiiskoi pechati: natsional'no-kul'turnye osobennosti kommunikatsii // Mediaissledovaniya. 2019. № 6. S. 205–212.
12. Karabulatova I. S., Lagutkina M. D. Obraz Kitaya v lingvoinformatsionnoi modeli

- sovremennoogo mediadiskursa (na materiale russkikh i kitaiskikh SMI) // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2021. T. 21. № 4. S. 40–53. DOI: 10.37482/2687-1505-V124.
13. Krylova M. N. Simvolika Kitaya v sovremennoi russkoj literature // Kritika i semiotika. 2016. № 1. S. 227–235.
 14. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 15. Bulyko A. N. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Minsk: Kharvest, 2007. 448 s.
 16. Krylova M. N. Khudozhestvennyi tekst kak pretsedentnyi fenomen // Russkaya slovesnost'. 2010. № 1. S. 62–65.

The semantics of landscape vocabulary in the Lives of the Assumption Collection

Ilyin Boris Borisovich

Assistant, Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University

105005, Russia, Moscow, Engels str., 21, p. 3

 bilin85@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to describe the semantics of words nominating parts of the landscape in hagiographic texts that existed in Ancient Russia. The object of the study is words with spatial semantics denoting objects of nature. The subject of the study is the semantics of these lexical units. The material chosen for the analysis is the hagiographic texts included in the Assumption collection. To systematize the material, a classification of landscape vocabulary by semantic groups is proposed. The theoretical part of the work is an analysis of the already available methods of thematic ideography of landscape vocabulary, on the basis of which a classification of landscape vocabulary for the considered language material is proposed. The practical part of the article is devoted to the description of the meanings of words that represent a group of landscape vocabulary. Attention is drawn to the meaning of the word, the frequency of its use, and the connection with the event semantics of texts. The lexical material was obtained by the continuous sampling method. Lexicographic, contextual, and quantitative analyses were used to identify semantics. The article describes the words with their basic meanings that characterize the landscape in the lives of the Assumption collection: elevations: mountain, hill; flat spaces – coincide with open spaces; depressions: deep, ditch, pit, cave (pechera); overgrown areas: boron, lits, squabble; open areas: field, deserts; water spaces and land areas next to it: source, rѣka, sea, mouth, brѣg, island. It is noted that the group of landscape vocabulary is few and infrequent in use. The author comes to the conclusion that the semantics of landscape naming in the considered hagiographies includes elements of various linguistic Slavic systems. It is emphasized that the formation of metaphorical meanings in landscape vocabulary occurs under the influence of biblical contexts. The novelty of the research lies in the chosen source of linguistic facts: the hagiographic texts of the Assumption Collection did not become the subject of systematic lexical and semantic analysis. It can also be noted that the analysis of spatial vocabulary based on the material of texts that existed in Ancient Russia was not carried out. The work can be useful in studies of the category of locativity in the Old Russian language, as well as in the study of images of space in Slavic hagiographic texts.

Keywords: locativity, locus naming conventions, space, thesaurus, ideography, landscape vocabulary, semantics, The Assumption Collection, lives, nominations of natural objects

References (transliterated)

1. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyи slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. / RAN. In-t rus. yaz.; Pod obshchei red. N.Yu. Shvedovoi. – M.: «Azbukovnik», 2002.
2. Vendina T.I. Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka. – M.: Indrik, 2002.
3. Sreznevskii, I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: trud I. I. Sreznevskogo. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (Data obrashcheniya: 15.04.2024)
4. Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyи slovar' russkogo yazyka. – Spb.: «Norint», 2000.
5. Staroslavyanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov): pod redaktsiei R. M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. – M.: «Russkii yazyk», 1994.
6. Uspenskii sbornik XII–XIII vv. – M.: Nauka, 1971.
7. Skazanie o Borise i Glebe // Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo doma) RAN. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871#_edn46 (Data obrashcheniya: 15.04.2024)
8. Zhitie Mefodiya // Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo doma) RAN. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2164> (Data obrashcheniya: 15.04.2024)
9. Bibliya. – Moskva: Izdanie Moskovskoi patriarchii, 1988.
10. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. –T. 1. – M.: «Izdatel'stvo Astrel'», «Izdatel'stvo AST», 2003 g.
11. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): V 10 t. / RAN. In-t rus. yaz.; Gl.red. R.I. Avanesov, I.S. Ulukhanov. – M.: «Russkii yazyk», 2002.

Posthumanistic transformation of the subject in the "virtual personal presence" at the ontological level

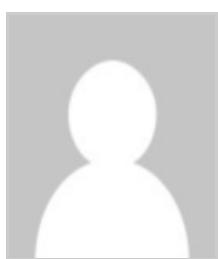
Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor of the Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

E YU-Chien'

Postgraduate student; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Baichik Anna Vitalievna

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

 annabaichik@gmail.com

Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

 n.labush@spbu.ru

Abstract. The relevance of this research is due to the growing commercialization and integration of "virtual reality" (VR) technology into everyday life and science, which requires understanding its impact on the user's experience and the construction of human subjectivity, as well as the potential for modifying human interaction with the outside world. Scientists are discussing the potential of VR and expressing the need for it to open the doors to a new era for humanity as soon as possible. In this context, critical analysis and philosophical reflection on the development of virtual reality technology and the possible impact on human life become extremely relevant and topical.

The subject of the study is the content and transformation of the subject of reality in the virtual space through mediatization.

The object of the study is virtual reality. The work is based on the deconstruction method based on the principles of interpreting what is read without distorting the meaning. With his help, the most significant and appropriate fragments were selected for scientific understanding and research of the phenomenon. As a result of the study, it was found that the informatization of the subject in the process of interaction with the virtual reality environment, a person as a subject is no longer an isolated substance, but expresses his existence through informatization. The concept of "virtual personal presence" provides a person with a framework for ontological expansion in the virtual dimension, therefore, the activity of virtual reality has a profound influence on the subjective construction of a person, characterized by posthumanistic features.

Along with this, such influence at the level of ontology is mainly manifested in the virtualization and informatization of the subject. Virtualization of the subject not only shows the expansion of subjectivity in the virtual dimension, but also expresses that it always retains an ever-changing, plastic potential; informatization of the subject implies that in the activity of virtual reality, the subject represents his existence in the form of a specific information structure.

Keywords: objective reality, Mediatization, Journalism, technical progress, media philosophy, media technologies, a virtual reality, Axiology of journalism, philosophy of journalism, media effect

References (transliterated)

1. Merlo Ponti M. Vidimoe i nevidimoe / per. s fr. O. N. Shparaga. Minsk: Logvinov, 2006. 400 s.
2. Krueger M.W. (1991)Artificial reality (2nd ed.). Addison-Wesley, 1991 P/286.

3. Burdea G.C., Coiffet P. Virtual Reality Technology. New York: John Wiley & Sons, 2003.
4. Heim, Michael. From Interface to Cyberspace: Metaphysics of Virtual Reality. Translated by Jin Wulun and Liu Gang. Shanghai: Shanghai Scientific & Technical Publishers, 2000.
5. Rozin V.M. Filosofiya tekhniki. Ot egietskikh piramid do virtual'nykh real'nosteii. – M.: NOTA BENA, 2001.
6. Lévy P. Becoming Virtual: Reality in the Digital Age. Translated by Bononno R. New York and London: Plenum Trade, 1998.
7. Khorroks Kristofer (2005). Maklyuen i virtual'naya real'nost' [M] / perevod Lyu Tsyan'li. – Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2005. P. 320.
8. Steuer J. Defining Virtual Reality: Dimensions Determining Telepresence // Biocca B F, Levy M R. Communication in the Age of Virtual Reality. Hillsdale, NJ:Lawrence Erlbaum, 1995, 33-56.
9. Chzhao Tsinpin. Tendentsii razvitiya VR posle pervogo goda VR. Nauchno-tehnicheskii vestnik, 2017, 35(15). S. 1.
10. Nigmatullina K.R.. "Aksiologiya v zhurnalistike: peresekayushchiesya izmereniya" Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura, 1-1, 2008, pp. 140-146.
11. Chzhao Tsinpin. Obzor virtual'noi real'nosti. Kitaiskaya nauka: informatsionnye nauki, 2009, 39(1). S. 2-46.
12. Khaidegger Martin. Sobranie sochinenii Khaideggera. Nitsshe (tom vtoroi) / Martin Khaidegger. – Pekin: Izdatel'stvo kommercheskoi pechati, 2015. R. 240.
13. Elliott Gregori, Nil Bedmington Gre Gumanizm i postgumanizm Kul'tury Kitaya i zarubezh'ya, 2020. S. 69-76.
14. Viner Norbert. Chelovek imet svoe znachenie / perevod Chen' Bu. – Pekin: Izdatel'stvo kommercheskoi pechati, 2017.

Research on the transformation of news media industries in China and Russia in the era of intelligent media

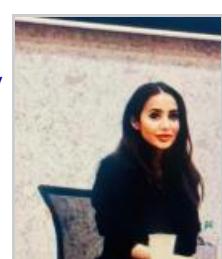
Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate professor of the Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str.6.

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Chen Fenglan

Postgraduate student, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042238094@rudn.ru

Ju Yang

Graduate student, Department of Mass Communications, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1032228405@rudn.ru

Chinennaya Tamara Yurievna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of National and Federal Relations, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

82 Vernadsky Ave., building 1, Moscow, 119571, Russia.

 t.chinennaya@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the era of smart media, which will have a significant impact on the news media ecosystem. It will lead to another industrial transformation and change in the news industry. The convergence of traditional and new media is made possible by 5G technology, cloud computing and big data technologies. The COVID-19 pandemic has accelerated the pace of media analytics, digitisation and platformisation. In addition, recent years have seen a surge in the development of artificial intelligence, which has been applied to various fields such as military, healthcare, retirement, etc. The development of ChatGPT has been an important signal of intelligent change in the media industry. The news media industry is undergoing a transformation that is already well underway. The research methodology is comprehensive and includes: descriptive method, comparative data analysis, statistical analysis and content analysis. The novelty of the research is the analysis of intellectual media paradigms in China and Russia. The nature of media interaction between the two countries, as well as the trajectory of global innovative technologies are investigated. Trends related to the development of digitalisation and AI in the following areas are described in detail: digitalisation of operations, news production, development of media platforms and AI technologies, and media content digitalisation processes. A prospective analysis is made of the need for international specialists with both humanitarian and technical competences. The digital and intellectual transformation of news media can take the cooperation between the two countries to a new historical level. In addition, media cooperation between China and Russia can help stabilise the world situation and provide a favourable ecological environment for international media.

Keywords: development, content production, change, Technology-driven, platform, digitalization, artificial intelligence, media, Russia, China

References (transliterated)

1. Go, D. Eksklyuzivnoe interv'yu: "Ya nadeyus', chto mir uvidit usiliya Kitaya v bor'be s epidemiei" // Interv'yu s yaponskim rezhisserom-dokumentalistom Rio Takeuchi. Tokio: 4, 10 aprelya, Informatsionnoe agentstvo Sin'khua, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-04/10/c_1125837833.htm
2. Khuan K.Kh. Vang D. (2020). 5G+: Tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya novykh media v Kitae // Nauka, tekhnologii i publikatsii. 2020. № 8. S. 5-13. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjE0MDYyNg==&mid=2694677195&idx=1&sn=ce415a57b0e1440e5566ce83d17c2714&chksm=bae36e768d94e760dfa3086df8a49f63fd538e888d14c9a2634fd13c4473a37597a9d2976c9c&scene=27
3. iiMedia Consulting. Sovmestno s Institutom ekonomicheskikh issledovanii 21-go veka. Otchet ob analize povedeniya pol'zovatelei mobil'nogo interneta v Kitae za 2023 god / iiMedia.com., 10, 2023. URL: <https://www.iimedia.cn/c400/96274.html>
4. Vartanova E., Gladkova A. Ot tsifrovogo neravenstva k epistemologicheskому: vozniknovenie novykh form neravenstva v konfliktnom mediaprostranstve // Mir MEDIA. Zhurnal rossiiskikh SMI i zhurnalistskikh issledovanii. 2022. № 4. S. 5-22.

5. Bobrov D. V., Buga V. V. (2024). Tsifrovaya transformatsiya pechatnykh izdanii v media (na primere izdatel'skogo doma "Komsomol'skaya pravda") // Filologicheskii aspekt: Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. 2024. №1. S. 105.
6. Malinina T. B. Problemy deyatel'nosti uchenogo i issledovatel'skikh kollektivov // Chelovek v tsifrovyyu epokhu. Moskva: № 4 (34). S. 146-156, 2018.
7. Li K. Ministerstvo promyshlennosti i informatsionnykh tekhnologii: Moya strana postroila krupneishuyu v mire i tekhnologicheski lidiruyushchuyu set' 5G. People's Daily Online. 2023. № 10. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2023/1021/c1004-40100491.html>
8. Rossiiskoe agentstvo sputnikovykh novostei. Zamestitel' Prem'er-ministra Rossii: K 2025 godu planiruetsya postroit' 1000 bazovykh stantsii 5G v Rossii. Rossiiskoe agentstvo sputnikovykh novostei. Moskva, 2, 5, 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1790088475606406637&wfr=spider&for=pc>
9. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. 2019. URL: <http://www.library.fa.ru/page.asp?id=733>
10. Gormaleva N. Pochta Rossii zapustila pilotnyu versiyu servisa dlya chteniya otsifrovannykh izdanii "Pochtovaya podpiska", soobshchaet "Kommersant""", 19.10. 2022. URL: <https://rb.ru/news/pochta-rossii-servis/>
11. Moskva 24. (2023). K 100-letiyu izdaniya v Yandekse poyavilsya otsifrovannyi arkhiv "Vecherney Moskvy". 2023. URL: <https://www.m24.ru/news/tehnologii/06122023/646516/>
12. Yan', Kh. Lyu, Yu. Issledovanie i razmyshleniya o novykh media-kommunikatsiyakh Kitaya s Rossiei na primere transnatsional'noi mediinoi kreativnoi deyatel'nosti «Radostnyi Kitai-Rossiya» // Global'naya kommunikatsiya. 2019. № 6. S. 38-45.
13. Tyan', Dzh. Lyu, S., Kh. Analiz novykh putei kommunikatsii dlya kitaisko-rossiiskogo sotrudnichestva v oblasti SMI v epokhu integrirovannykh SMI na primere prilozheniya "Kitaisko—rossiiskie zagolovki" // SMI. 2020. № 14. 2020, 50-52.
14. Issledovatel'skaya gruppa Instituta zhurnalistiki Shankhaiskoi akademii sotsial'nykh nauk. Rozhdennyi v integratsii, rastushchii v innovatsiyakh – Issledovatel'skii otchet o "Izvestnykh primerakh" konvergentsii SMI za desyat' let // Shankhaiskaya akademiya sotsial'nykh nauk. 2023. № 10, S. 30. URL: <https://www.sass.org.cn/2023/1030/c1210a556377/page.htm>
15. Kommunikatsionnyi universitet Kitaya. Sinaiskii meditsinskii issledovatel'skii institut. Otchet o razvitii intellektual'nykh media v Kitae (2020-2021) // Guangming Net. 2021. №3, 29. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20210329A07JE800>
16. Van Dzh.P., Syui Dzh.L. Caixin voshla v chislo 15 luchshikh kompanii v "Otchete o global'noi tsifrovoi podpiske za 2019 god" caixin.com, 12, 23, 2019. URL: <https://m.caixin.com/m/2019-12-23/101497066.html>
17. Media-konsalting. Otchet o tekushchei situatsii i perspektivakh razvitiya industriii informatsionnykh platezhei v Kitae v stat'e 2023.iiMedia.com., № 3, 27. URL: <https://www.iimedia.cn/c400/92443.html>
18. Vartanova E.L. Menyayushchayasya rossiiskaya mediaindustriya: teoreticheskie podkhody // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2018. T. 15. Vyp. 2. S. 186-196.
19. Chang Dzh. Luo Yu.K. Tsifrovaya zhurnalistika i otkrytoe proizvodstvo: ot prakticheskikh innovatsii k kontseptual'nym // Media Observer, 10. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/Ue4WCdP5ekoosfaX0gTdCw>
20. Chzhan, Z.A. Novaya novostnaya ekosistema: nastoyashchee i budushchee. The Press.

2016. № 4, S. 44-48. URL: http://paper.people.com.cn/xwzx/html/2016-04/01/content_1702575.htm
21. Kommunikatsionnyi universitet Kitaya. Issledovatel'skii institut Sina II media. Otchet o razvitiu intellektual'nykh media v Kitae (2020-2021). Guangming Net. 2021. № 3, S. 29. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20210329A07JE800>
22. Chertovskikh O.O., Chertovskikh M.G. Iskusstvennyi intellekt na sluzhbe sovremennoi zhurnalistiki: istoriya, fakty i perspektivy razvitiya, voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2019. T. 8, № 3, S. 555-568.
23. Dovbysh O., Viermars M., Makhortykh N. Kak dostich' Nirvany: Yandeks, personalizatsiya novosti i budushchee rossiiskikh zhurnalistik SMI // Tsifrovaya zhurnalistika. 2022. S. 1-20.
24. Sumskaya A., Solomeina V. Rossiiskie MEDIA-pokoleniya «tsifrovoi granitsy». Teoreticheskoe osmyslenie i empiricheskaya proverka // Mir MEDIA. Zhurnal issledovanii rossiiskikh SMI i zhurnalistiki. 2022. № 4. S. 68-93.
25. Li, E. Dzh., Tandok, E. S. Kogda novosti nakhodyat otklik u auditorii: kak otzyvy auditorii onlain vliyayut na proizvodstvo i potreblenie novosti. Issledovanie chelovecheskoi kommunikatsii. 2017. № 43 (4). S. 436-449.
26. Tsui B.G., Lyu Dzh. Kh. Obzor i perspektivy mediaindustrii Kitaya // The Press. 2019. № 1. S. 19-23. URL: <http://media.people.com.cn/n1/2019/0515/c426843-31086700.html>
27. Khuan K.Kh., Vang D. 5G+: Tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya novykh media v Kitae // Nauka, tekhnologii i publikatsii. 2020. № 8. S. 5-13. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4MjE0MDYyNg==&mid=2694677195&idx=1&sn=ce415a57b0e1440e5566ce83d17c2714&chksm=bae36e768d94e760dfa3086df8a49f63fd538e888d14c9a2634fd13c4473a37597a9d2976c9c&scene=27
28. Chzhan Dzh. Kh. Sostoyanie razvitiya internet-tehnologii i novykh media v Rossii // Nauchnyi vzglyad. 2021. № 5. S. 111-119. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2021/0723/619596.shtml?from=singlemessage>
29. Shao, Dzh., G. Song, Yu. Chzhu, M. Tekushchee sostoyanie kitaisko-rossiiskogo sotrudnichestva v oblasti SMI i predlozheniya po sovershenstvovaniyu kommunikatsii v Rossii // Global'naya kommunikatsiya. 2023. № 2, 2023. S. 49-58.
30. Davydov S. G., Zamkov A. V., Krasheninnikova M. A., Lukina M. M. Ispol'zovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rossiiskikh SMI i zhurnalistike // Vestn. Moskva. Universitet, seriya 10: Zhurnalistika. 2023. № 5. S. 3-21.

Artistic geography of "Middle Volga texts" by D. Osokin

Khromova Diana Alexandrovna

Lecturer; Department of Verbal Arts; Lomonosov Moscow State University

115573, Russia, Moscow, Orekhovy ave., 19, sq. 12

✉ idianaalexandrova@yandex.ru

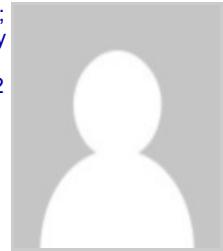

Kutdyusova Adilya Ildusovna

Postgraduate student; Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process;
Lomonosov Moscow State University

115573, Russia, Moscow, Orekhovy ave., 19, sq. 12

 adilya@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the representation of the Middle Volga space in the works of the Russian prose writer Denis Osokin. Domestic literary scholars propose to consider artistic space from the point of view of spatial topography, which implies the opposition of abstraction to concreteness, its horizontal or vertical orientation, spatial extent and localization (expansion-compression, openness-closedness). The search for new methods for studying literary texts has given rise to the need for a comprehensive method, in which a method combining cultural-historical, mythopoetic and geopoetic analysis is quite promising. The subject of the research is the artistic space of Osokin's "Volga region" texts. The purpose of the study is to determine the specifics of the literary geography of Osokin's works related to the Volga region. The work uses such scientific methods of analysis as cultural-geographical, structural-semiotic methods and contextual analysis. The scientific novelty of the research is determined by the fact that among modern literary works there are no works devoted to the study of the artistic space of the works of many modern authors, in particular Denis Osokin, his works are considered insufficiently in relation to the phenomena of Kazan and other regional texts. The main conclusion of the study is the substantiation of the special properties of the artistic space of the Middle Volga in the works of D. Osokin, which has attractive properties – uniqueness, semantic richness, cognitive value. Reflection of geographical space in works of art makes it possible to represent and interpret the sociocultural processes of a place and set ontological guidelines. Osokin's Middle Volga region is a metaspace where the national is organically combined with the foreign, it is a space of memory and the rediscovery of lost meanings.

Keywords: Kazan text, regional text, indigenous peoples of Russia, representation of national culture, Osokin's Middle Volga texts, artistic geography, mari, peoples of the Volga region, prose of Denis Osokin, urban space

References (transliterated)

1. Toporov, V. N. Chelovek i mesto («antropolokal'noe» edinstvo Sredizemnomor'ya) // Toporov, V. N. Enei chelovek sud'by. – Moskva: Radiks, 1993. – S. 37-88.
2. Abashev, V. V. Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature KhKh veka. – Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2000. – 404 s.
3. Zakharova V.T. Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti: k postanovke problemy // Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. – N. Novgorod: NGPU, 2007. – S. 3-7.
4. Khlybova T. V. Estetika duchovnogo stikha. // Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyi mir. Sb. materialov nauchnoi konferentsii. Vyp. 6. – M., 2004. S. 144-154.
5. Tyupa, V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoi literatury // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2002. – No 1. – S. 27-35.
6. Zai nullina G.I. Programmiruyushchaya moshch' kazanskogo teksta (Simvolicheskie realii Kazani v proze V. Popova, A. Sakhibzadinova, A. Khairova, D. Osokina i R. Bekkina) // Neva. – 2019. No3. – S. 208-219.
7. Shafarinskaya E. F. Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture. – M.: Art Khaus media,

2010. – 304 s.
8. Lotman, Yu. M. O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh // Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2000. – S. 297-303.
 9. Mar'in, D. V. Shukshinskaya geografiya (goroda SSSR v zhizni i tvorchestve V. M. Shukshina) // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2012. – No 3. – S. 99-105.
 10. Bogumil, T. A. Geopoetika V. M. Shukshina / T. A. Bogumil, A. I. Kulyapin, E. A. Khudenko. – Barnaul: AltGPU, 2017. – 176 s.
 11. Osokin. D. Ogorodnye pugala s noyabrya po mart. Moskva: AST, 2019. – 528 s.
 12. Odesskii, M. P. Volga – koldovskaya reka: ot «Dvenadtsati stul'ev» k «Povesti vremennykh let» // Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty. – Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – S. 605-625.
 13. Nigmatullin A. S lyud'mi, propagandiruyushchimi vsyakie antikazanskie teorii, ne stanu ni druzhit', ni rabotat' // Delovaya elektronnaya gazeta «BIZNES Online». Retrieved from https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fm.business-gazeta.ru%2Farticle%2F439745%3Futm_source%3Dbo-amp-page%26_gI%3D1*1v0n318*_ga*YW1wLXUwem44cDhDdGoyNFdkZExIMW80LXc
 14. Aleksandrova-Osokina, O. N. Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii / O. N. Aleksandrova-Osokina // Nauchnyi dialog. – 2020. – No 5. – S. 216-241.
 15. P'yanzina V.A. Avtorskii mif kak zhanr sovremennoi literatury. Universum. 2017. № 9. C. 9-11.
 16. Mitin, I. Mifogeografiya: prostranstvennye mify i mnozhestvennye real'nosti // Communitas / Soobshchestvo. – 2005. – No 2. – S. 12-25.

Lexemes vozrast (age) and vozrastnoy (age) as euphemisms in modern media discourse

WANGSHUOYING

Postgraduate student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University

89/2 Leninsky Ave., Moscow, 119313, Russia

✉ shoin.van@yandex.ru

Abstract. The object of this study is the lexemes vozrast and vozrastnoy; the subject of the study is the euphemistic uses of these lexemes and their semantic derivation in modern Russian and in media discourse. The author examines the definitions of lexemes in the main explanatory dictionaries of the Russian language, analyzing their semantic structure. The use of these lexemes in modern journalistic discourse as euphemisms is analyzed on the basis of the National Corpus of the Russian language. The corpus study confirms a significant number of euphemistic names of age in modern Russian, as well as the assumption that in modern journalistic discourse the lexeme vozrast can be used in the meaning of 'old age', and vozrastnoy – in the meaning of 'elderly'.

The research was conducted using general scientific methods of component and contextual analysis, corpus research, functional-semantic method, elements of quantitative method, etc. The scientific novelty of the study consists in identifying the features of the functioning of the lexemes vozrast and vozrastnoy, acting as euphemisms, in modern Russian speech (based on the material of media discourse), namely, in the high use of euphemistic uses. Contexts with

such uses usually report that the psychological age does not coincide with the physical one, about the desire of people to look younger than their years (more often about women), to hide their real (physical) age, about worries about the past youth. The euphemization reflects the cultural notion of old age as an abnormal age. It is concluded that the euphemistic meanings of the lexemes *vozrast* and *vozrastnoy* have become entrenched in the language, have become widely used and stylistically neutral. Thanks to the euphemistic meaning, the lexemes have expanded their use.

Keywords: semantic derivation, psychological age, age, euphemisms, media discourse, modern Russian language, semantic neologisms, age range, youth, old age

References (transliterated)

1. Senichkina E. P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka. M.: Flinta: Nauka, 2008. 459 s.
2. Golubeva V. V. Vyrazhenie kategorii vozrasta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 4 (82). S. 126-129.
3. Mospanova N. Yu. Tematicheskaya gruppa «detstvo (detskii vozrast)» i ee leksiko-semanticheskie osobennosti v bryanskikh govorakh // Polivanovskie chteniya. 2022. № 16. S. 129-135.
4. Salim'yanova I. V. Leksiko-semanticheskoe pole «pozhiloi chelovek» v russkoj yazykovoj kartine mira // Omskii nauchnyi vestnik. 2011. № 3 (98). S. 114-117.
5. Vepreva I. T., Kupina N. A. Serebryanyi vozrast // Russkii yazyk za rubezhom. 2019. № 2 (273). S. 116-119.
6. Novichikhina M. E. O roli nominatsii v protsesse kommunikatsii (ili o «pensii po starosti» i «vozraste dozhitiya») // Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii. 2012. № 3-4 (106-107). S. 39-40.
7. Burnaeva K. A. «Starost'» v russkoj i angliiskoj frazeologii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 1. S. 149-154.
8. Erkinbek K. N. Frazeologizmy, oboznachayushchie vozrastnye periody cheloveka v kirgizskoj i russkoj lingvokul'turakh // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2021. № 1 (71). S. 101-104.
9. Volkomorova O. B. Protsessy evfemizatsii i disfemizatsii v semantichestkom pole «vozrast» // Slavyano-russkie dukhovnye traditsii v kul'turnom soznanii narodov Rossii. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 2005. S. 37-40.
10. Gorshunov Yu. V. Vozrast kak ob'ekt evfemizatsii i politkorrektnosti // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2021. T. 26. № 4. S. 1020-1026. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.28.
11. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 27.04.2024).
12. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 1 / AN SSSR, Institut russkogo yazyka; pod red. A. P. Evgen'evoi. M.: Russkii yazyk, 1985. 702 s.
13. Tikhonov A. N. Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khochet byt' gramotnym. M.: AST, 2014. 639 s.
14. Slovar' sovremennoj russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. T. 2. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 1394 stb.
15. Bol'shoi tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. S. A. Kuznetsova. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.

16. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. M.: Rus. yaz., 2000. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (data obrashcheniya: 18.04.2024).

Friendship-rivalry between G. Hauptmann and T. Mann in creativity and correspondence

Voronovsky Aleksander Aleksandrovich

Postgraduate student; Department of the History of Foreign Literature; Lomonosov Moscow State University

105523, Russia, Moscow, Shchelkovskoe highway, 82 k.1

✉ voronovsky2112@yandex.ru

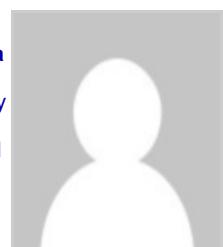

Reznik Liudmila Viktorovna

Postgraduate student; Department of the History of Foreign Literature; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1

✉ lyudmilareznik1996@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the relationship between two outstanding German writers Thomas Mann and Gerhart Hauptmann. The relationship between them developed as a rivalry, reflected not only in their work, but also in their correspondence. At different periods of their acquaintance, Hauptmann and Mann experienced the most contradictory feelings towards each other – from enthusiastic recognition to categorical denial. The publication in 1925 of Mann's novel "The Magic Mountain" became the first harbinger of the beginning of mutual estrangement after many years of friendship. The image of Mynheer Peperkorn sensitively hurt Hauptmann's ego. In addition, there was a rivalry between the writers related to the imitation of Goethe and the struggle for the right to be considered the national poet of Germany. In 1929, with the support of Hauptmann, Mann received the Nobel Prize in Literature. However, the latter's reaction provoked hostile rejection from an older contemporary. In 1933, the rupture of contacts between Mann and Hauptmann occurred for political reasons, and communication was never resumed, despite an attempt at reconciliation on Hauptmann's part. The methodological basis of the article is a historical and literary approach, in which the biographies, correspondence and diaries of Mann and Hauptmann are analyzed, as well as the interaction between writers reflected in their artistic work is studied. The scientific novelty of this article is determined by the lack of domestic research on the relationship between Thomas Mann and Gerhart Hauptmann. This work introduces for the first time into Russian literary criticism a number of relevant texts: letters and diary entries of Mann and Hauptmann, in which they express their attitude to each other and raise a wide range of issues of literary creativity and culture. The difficult relationship between the two writers, who defended completely different literary and ideological positions, is not only reflected in their correspondence and in their artistic work, but also largely reflects the experience of creative self-reflection of each. The main issue turned out to be the relationship between art and life, the possibility of creativity autonomy. If Mann insisted on the inevitable invasion of "life" into the sphere of the artist's activity, then Hauptmann saw in art the poet's salvation from his unworthy vanity.

Keywords: Death in Venice, freudian complexes, imitatio Goethe's, Nobel Prize, Magic

Mountain, Thomas Mann, Gerhart Hauptmann, german literature, dionysian principle, Nietzscheanism

References (transliterated)

1. Mann Th. Briefe 1948–1955 / Hrsg. von E. Mann. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1965.
2. Thomas Mann – Heinrich Mann. Briefwechsel 1900–1949 / Hrsg. von H. Wysling. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1984.
3. Wysling H., Schmidlin Y. (Hrsg.) Thomas Mann. Ein Leben in Bildern. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997.
4. Fischer S., Fischer H. Briefwechsel mit Autoren / Hrsg. von D. Rodewald und C. Fiedler. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1989.
5. Wysling H., Bernini C. (Hrsg.) Der Briefwechsel zwischen Thomas Mann und Gerhart Hauptmann. „Mit Hauptmann verband mich eine Art Freundschaft.“ Teil II / Thomas Mann Jahrbuch / Hrsg. von E. Heftrich und H. Wysling. Bd. 7, 1994. Frankfurt a. M.: V. Klostermann Verlag, 1995.
6. Mal'chukov L.I. Minger Peperkorn: «svyashchennoe» i «klassicheskoe» (K voprosu o granitsakh khudozhestvennykh mirov Gerkarta Gauptrama i Tomasa Manna v «Volshebnoi gore») / Granitsa v yazyke i literature. M., 2009.
7. Mann T. Gerkart Gauptrman / Sobranie sochineneii: v 10 t. T. 10. / Per. s nem.; pod red. N.N. Vil'monta i B.L. Suchkova. M.: Goslitizdat, 1961.
8. Wysling H., Bernini C. (Hrsg.) Der Briefwechsel zwischen Thomas Mann und Gerhart Hauptmann. „Mit Hauptmann verband mich eine Art Freundschaft.“ Teil I / Thomas Mann Jahrbuch / Hrsg. von E. Heftrich und H. Wysling. Bd. 6, 1993. Frankfurt a. M.: V. Klostermann Verlag, 1994.
9. Meletinskii E. M. Poetika mifa. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2000.
10. Mann T. Istorya «Doktora Faustusa». Roman odnogo romana / Sobranie sochineneii: v 10 t. T. 9. / Per. s nem.; pod red. N.N. Vil'monta i B.L. Suchkova. M.: Goslitizdat, 1960.
11. Sprengel P. Der Dichter stand auf hoher Küste: Gerhart Hauptmann im Dritten Reich. B.: Propyläen Verlag, 2009.
12. Thomas Mann – Agnes E. Meyer. Briefwechsel 1937–1955 / Hrsg. von H. R. Vaget. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1992.
13. Mann K. Meine ungeschriebenen Memoiren. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974.

The linguistic and cultural script "tea drinking" in Chinese communication

Sun' Yihan □

Postgraduate student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 9

✉ 1042235303@pfur.ru

Abstract. The article explores the cultural significance of tea drinking in Chinese communication by studying the corresponding linguistic and cultural script. The historical context and the current state of Chinese tea culture is considered; the language used to describe the tea drinking process, including individual lexemes, phrases and idiomatic

expressions, is analyzed. Also, the article explores the norms of etiquette and traditions associated with tea drinking. A brief overview of tea idioms in the Chinese language reflecting the linguistic and cultural value of tea drinking is provided. The conclusion is made about the high importance of the considered linguistic and cultural script in Chinese culture, as well as the need to introduce this linguistic and cultural component into the process of teaching Chinese to foreign students. The subject of the study is linguistic and cultural scripts relevant within the framework of Chinese linguoculture using the example of the script "tea party". The novelty of the study lies in the fact that it provides a multidimensional analysis of the linguistic and cultural script "Tea Party" in Chinese linguoculture. In particular, the specialized tea vocabulary, phraseological units, as well as etiquette replicas that are related to tea drinking in Chinese linguoculture are considered. In Chinese culture, there is a complex and interesting tea etiquette to study. The linguistic and cultural script "Tea Party" in the framework of Chinese culture consists of three parts: the preamble of the event, the event and the result of the event. The preamble of the event includes a greeting and an order for tea (the latter is relevant if the tea party takes place in a tea room). An event (i.e., a tea party) involves brewing tea and drinking tea. The latter usually goes without words, because in Chinese culture it is customary to turn off all possible stimuli for the sake of enjoying a tea drink. Besides, the important part is gratitude for a good tea. The result of the event is the payment of the bill (if it happens in a tea shop) and farewell at the end of the tea party.

Keywords: value, idiom, linguacultural script, linguaculture, communication, Chinese, tea etiquette, tea culture, tea-drinking, tea

References (transliterated)

1. Van Yumei. Sovremennaya interpretatsiya leksicheskikh edinits kitaiskogo yazyka, imeyushchikh otnoshenie k chayu // Sel'skokhozyaistvennaya arkheologiya. – Nan'chan, 2013. – № 5. – S. 10-12. 王玉梅. 汉语茶词语的现代性解读. 农业考古. 南昌, 2013. – № 5. – S. 10-12.
2. Vorob'eva A. V. Traditsiya chaepitiya v Kitae // Chai v istoricheskem, kul'turnom i meditsinskem aspektakh. – Kursk, 2022. – S. 47-54.
3. Zubkova Ya. V. Lingvokul'turnye skripty v akademicheskem diskurse // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Volgograd, 2008. – № 5 (29). – S. 34-38.
4. Li Dan'yan. Kul'tura chaepitiya v Kitae // Studencheskii forum. – Moskva, 2020. – № 8 (101). – S. 5-7.
5. Lyu Fan. Issledovanie ustarevshikh leksicheskikh edinits chainoi tematiki, a takzhe sovremennoi chainoi leksiki kitaiskogo yazyka // Chai i chainaya kul'tura provintsii Futszyan'. – Fuchzhou, 2018. – № 40(9). – S. 390. 刘芳. 汉语言茶词语的现代化特征研究.福建茶叶. 福州, 2018. – № 40(9). – S. 390.
6. Lyu Yuemyao, Se Lin'. Strategii mezhkul'turnoi kommunikatsii v sovremennom obshchestve na primere chainoi kul'tury razlichnykh narodov mira // Zhurnal Ukhan'skogo metallurgicheskogo upravlencheskogo kadrovogo kolledzha. – Ukhan', 2020. – № 30(4). – S. 69-71. 刘悦焱, 谢林. 基于语言景观文化功能的汉语文化传播路径. 武汉冶金管理干部学院学报. 武汉, 2020. – № 30(4). – S. 69-71.
7. Mei Tsyan'. Strategii prepodavaniya kitaiskogo yazyka i kitaiskoi kul'tury inostrannym studentam // Literaturnoe obrazovanie (Chast' 1). – Ukhan', 2020. – № 8. – S. 149-151. 梅倩. 对外汉语教学中融入语言文化因素的教学策略. 文学教育(上). 武汉, 2020. – № 8. – S. 149-151.

8. Chzhan Van'tai. Istoriko-kul'turnyi analiz chainogo tseremoniala v traditsionnom rossiiskom i kitaiskom obshchestve // Chelovek. Sotsium. Obshchestvo. – Moskva, 2020. – № 8. – S. 58-66.
9. Chzhan Syaopin., Gun Tsyang'. Kratkaya diskussiya o kitaiskoi kul'ture chaya i ob obuchenii svyazannoi s nei leksike inostrannykh studentov, izuchayuzhchikh kitaiskii yazyk // Chai i chainaya kul'tura provintsii Futszyan'. – Fuchzhou, 2020. – № 42(3). – S. 448-449. 张晓平, 龚倩. 浅谈茶文化传播中的茶词汇及其教学策略——以高校留学生茶艺课为例. 福建茶叶. 福州, 2020. – № 42(3). – S. 448-449.
10. Yu Tszintzin. Vzglyad na razlichiya mezdu kitaiskoi i russkoi kul'turami v kontekste sushchestvuyushchei «chainoi» leksiki // Chai i chainaya kul'tura provintsii Futszyan'. – Fuchzhou, 2018. – № 40(5). – S. 391. 于晶晶. 从“茶”类语汇翻译看中西文化差异性. 福建茶叶. 福州, 2018. – № 40(5). – S. 391.

The image of Russia in the minds of native speakers of the national Syrian version of the Arabic language

Safaralieva Lyubov Aleksandrovna □

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

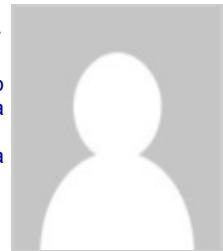
✉ kuznetsova-la@rudn.ru

Abdullah Luay

Master's Degree; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1032189183@pfur.ru

Abstract. The present study is devoted to the reconstruction of the image of Russia in the minds of native speakers of the national Syrian version of the Arabic language on the basis of data from a free associative experiment with a word روسيا 'Russia'. The purpose of the article is a semantic analysis of associative-verbal networks of the associative field روسيا 'Russia' and the identification of frequency, collective characteristics of the image of Russia, as well as the analysis of individual representations of respondents based on the material of individual associates. The conducted free associative experiment made it possible not only to reconstruct a significant fragment of the Syrians' linguistic picture of the world – the image of modern Russia, but also to identify common, average representations of speakers of Syrian linguistic culture due to the following extralinguistic factors: military-political, cultural, scientific and educational contacts between Russia and Syria in the last few years. The main research method was a free associative experiment conducted using the Google Forms resource. 116 Syrian citizens, aged 18 to 60, who are receiving or have received higher education, were interviewed. The respondents were asked to write 3 first reactions to the stimulus روسيا 'Russia'. An analysis of the data obtained showed that, first of all, in the minds of speakers of the Syrian linguistic culture, Russia is a cold but beautiful country that is a reliable friend and ally of Syria. It should be noted that among the 319 reactions obtained, only 3 differ in a pronounced pejorative value. For Syrians, Russia is a country with a rich history, diverse culture and vibrant traditions, a country that provides an opportunity for

personal development, including higher education. It was also found that for Syrians, the image of Russia is strongly associated with its capital, Moscow. In general, it can be argued that an exceptionally positive image of a strong and independent Russia has developed in the minds of speakers of the Syrian linguistic culture. The prospect of the study is to conduct an associative experiment with Russian-speaking respondents to reconstruct the image of Syria in the minds of native speakers of Russian linguistic culture and compare the results with those given in this article.

Keywords: extralinguistic factors, stereotypical representations, semantics, Syria, Russian, Russia, linguistic culture, Arabic language, associative experiment, the linguistic picture of the world

References (transliterated)

1. Ofitsial'nyi sait Russkogo Doma v Damaske. [Elektronnyi resurs] URL: <https://syria.rs.gov.ru/activities/> (data obrashcheniya: 15.05.2024).
2. Safaralieva L.A., Tutova E.V., Shevchenko V.A. Sopostavitel'nyi analiz ponyatiinykh priznakov kontseptov MOLODOST' i JUVENTUD v russkoi i ispanskoi lingvokul'turakh // Litera. 2024. № 2. S.119-129. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.2.69820 EDN: FMDSL URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69820.html
3. Evseeva O. V. Assotsiativnyi eksperiment kak issledovatel'skaya protsedura v psikhologistike // Vestnik YuUrGU. 2009. № 2 (8). C. 82-84.
4. Ufimtseva N. V. Assotsiativnyi slovar' kak model' yazykovoi kartiny mira // Vestnik IrGTU. 2014. № 9. S. 340-346.
5. Karaulov Yu.N. Russkii assotsiativnyi slovar'. M.: Astrel', 2002. 781 s.
6. Grebennikova E. I. Nekotorye aspekyt obraza Rossii: rezul'taty polevogo issledovaniya v Irake // RSM. 2024. №1 (122). S. 221-231.
7. Sizykh M. M., Lyu Chzhen' obraz Rossii v kitaiskoi ergonimii // Forum molodykh uchenykh. 2018. №6-3 (22). S. 118-120.
8. Barsukova E.A., Chzhan Ya. Poslovitsy i pogovorki kak sredstva formirovaniya obraza Rossii v sovremenyykh kitaiskikh uchebnikakh RKI // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2024. № 1. S. 111-120. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.68988 EDN: DHAFKV URL: https://e-notabene.ru/hr/article_68988.html
9. Lapina N. Yu. Obraz Rossii vo Frantsii // RSM. 2007. №4. S. 90-110.
10. Zaripov R. I. Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskem diskurse v kontekste voiny v Sirii // Politicheskaya lingvistika. 2017. №6. S. 76-85.
11. Shvedova N. V. Obraz Rossii v Slovakii // Slavyanskii al'manakh. 2012. №2011. S. 536-542.
12. Konik S. V. Obraz Izrailya i obraz Rossii: vzglyad izvne i iznutri // Monitoring. 2010. №2 (96). S. 191-199.
13. Dombrovskaya A. Yu., Mariyana Shundich reprezentatsiya imidzha Rossii v media stran byvshei Jugoslavii i soznani serbov, chernogortsev i khorvatov v period s 2014 po 2023 god // Izvestiya TUIGU. Gumanitarnye nauki. 2024. №1. S. 125-139.
14. Barabash V. V., Barabash O. B. Sovremennyi obraz Rossii // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2008. №4. S. 93-97.
15. Tan'shina N. P. Slavyanofil'stvo i paradoksy vospriyatiya Rossii na Zapade // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2024. №1 (38). S. 1-1.
16. Korablina E. P. Obraz Rossii v zerkale mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. Retsenziya

na kollektivnuyu monografiyu «Obraz Rossii vo vremennoi perspektive» // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2012. №2. S. 182-183.

Lexical and semantic features of the verbalization of the Russian concept of «Fate–Promysel» in diachrony

Dmitrieva Natalya Mikhailovna

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of Russian Philology and Methods of Teaching the Russian Language;
Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy str., 13, office 4504

✉ dmitrieva1977@yandex.ru

Korobeynikova Anna Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Philology and Methods of Teaching the Russian Language;
Orenburg State University

460050, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy str., 13, sq. 4504

✉ SSSR2004@yandex.ru

Malahova Olga Mikhailovna

Teacher; Department of Russian Language; Orenburg State Medical University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy str., 13, office 4504

✉ o1gamalahova@mail.ru

Abstract. The subject of the study – the concept «Fate–Promysel» and its lexical-semantic field in diachrony. The relevance is due to the key position of the idea of fate in Russian culture, the frequency of use of verbalizers of the concept. The concept is analyzed from the point of view of its lexical and semantic representation in different eras: the period of the spread of Old Church Slavonic writing – modern times. The purpose of the article is to determine the original semantic parts of the main verbalizers of the concept, study their constancy and changeability in diachrony. The methods of semantic analysis and of semantic experiment were used. Conclusions: 1) the main semantic parts of the concept in the Old Church Slavonic / Church Slavonic languages are designated as primordial, 2) changes in verbalizers and their meanings are traced: the predominance of verbalizers with the semes «random», «share», «fate» in the 19th century, the disappearance of the verbalizer «providence» and the rarity of fixation in the semantic field of dictionary definitions of the meaning «care of God about man» in the 20th century, 3) the semantic experiment made it possible to determine that the verbalizer «fate» is fixed by the participants mainly in the meaning of «destiny», while the idea of the randomness of events, their independence from the will of a person is inferior among modern native speakers to the understanding of fate as a set of cause-and-effect relationships, personal choices and influence of external circumstances that can be predicted and influenced by humans. There is a significant semantic shift in the lexical-semantic field of the concept «Fate–Promysel» from the main seme «Divine care for man» to the seme «coincidence of circumstances» (controlled or not by a person).

Keywords: diachrony, verbalization, semantic, promysel, lexical and semantic field of the

concept, fate, Russian language, linguistic picture of the world, ethical concept, concept

References (transliterated)

1. Vendina T. I. Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka / T. I. Vendina. M.: Indrik, 2002. 336 s.
2. D'yachenko G. Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' / G. D'yachenko. M.: Otchii dom, 2001. 720 s.
3. Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 4 t. T.3. / I. I. Sreznevskii. SPb, 1893.
4. Dal' V. I. Tolkovyи slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: [v 4 t. / sochinenie] Vladimira Dalya. M.: Izdanie Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti, uchrezhdennogo pri imperatorskom Moskovskom universitete, 1863-1866.
5. Tolkovyи slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. M.: Sov. entsikl.: OGIZ, 1935-1940. T. 4: S-Yashchurnyi. / Gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; Sost. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskii, D. N. Ushakov; Pod red. D. N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. 1502 stb.
6. Efremova T. F. Sovremennyi tolkovyи slovar' russkogo yazyka: v 3 t. T. 3. M.: AST, Astrel', Kharvest, Lingua, 2005. 1168 s.
7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 80 000 slov. 4-e izd., dopolnennoe / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. M.: «Azbukovnik», 2003. 944 s.
8. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgen'evoi. 3-e izdanie. T. 1. M.: Russkii yazyk, 1985. 696 s.
9. Zaliznyak A. A. i dr. Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira. Sbornik statei / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 540 s.
10. Forofontova Yu. L. Kontsept sud'ba i ego yazykovaya reprezentatsiya v diskurse: na materiale russkogo yazyka / Yu. L. Forofontova. Tambov, 2009. 190 s.
11. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste / V. V. Kolesov. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 624 s.

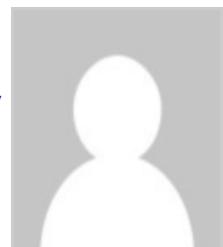
Reception of A. Varlamov's Creativity in Chinese Literary Studies and Criticism

Niu Yueqiu

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Vladivostok, Ajax str., 101007

 nyu.yu@dvgfu.ru

Abstract. The subject of the research is the reception of A.N. Varlamov in Chinese literary criticism. The object of the study is critical articles, literary works devoted to the work of A. Varlamov, and an interview with the author. The novelty of the article is determined by the fact that the works of Chinese researchers are analyzed in order to characterize critical judgments about the work of a modern Russian author, taking into account national specifics. The article highlights the main aspects in the field of studying the work of A. N. Varlamov by

Chinese criticism and literary criticism. It is determined that Chinese researchers pay attention to the consideration of religious themes in the writer's prose, and also analyze Varlamov's creative method, defining it as neo-release. The main conclusions of the study are the definition of aspects of the study of religious themes in Varlamov's novels, such as eschatology, the level of morality and religiosity in Russian society, the spiritual salvation and rebirth of man, sectarianism. According to critics, Varlamov's work shows sectarianism as a viral idea of the Russian people, poisoning the collective consciousness and historical memory. The creative method of A. Varlamov is assessed by critics as neo-releaseism, the features of which are marginal heroes, a combination of mysticism and realism, artistic time-space. Chinese literary scholars also note mythological prototypes and folklore elements that are important for Varlamov's works. The main contribution of the author to the study of the topic is that the points of view of Chinese literary scholars and critics are considered, which expand the reception of Varlamov's work in world art, complementing a single receptive field, organizing a dialogue of cultures.

Keywords: religious themes, critical reception, literary criticism, modern literature, context, Chinese criticism, creative method, reception, Varlamov, neorealism

References (transliterated)

1. Markova E.A. Angliiskaya i amerikanskaya retseptsiya «Krasnogo smekha» L. Andreeva // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2022. T. 27, № 2. S. 299-322.
2. Shumskaya A.V. Variativnost' retseptsii teksta khudozhestvennogo proizvedeniya // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. Mediakommunikatsii. – 2021. – T. 56, № 2. – S. 73-76.
3. Logvinova I.V. «Orlya» Mopassana i «Prizraki» Turgeneva. Opyt chitatel'skoi retseptsii // Literaturovedcheskii zhurnal. 2020. № 2(48). S. 110-118.
4. Dzhemileva A.A. Spetsifika retseptsii russkoi klassiki v perevodakh Osmana Amita // Nauchnyi vestnik Kryma. 2021. № 2(31).
5. Sin'mei L. Perevod, issledovanie i retseptsiya Solzhenitsyna v Kitae // Voprosy literatury. 2020. № 1. S. 246-257.
6. Shapkina O.I. Retseptsiya tvorchestva I.A. Bunina v zhurnale «Vesy» // Novyi filologicheskii vestnik. 2020. № 4(55). S. 126-139.
7. Murtazina D.R. Retseptsiya prozaicheskikh proizvedenii A.B. Mariengofa v russkoyazychnoi zhurnalistike v 1926-1929-kh gg. // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2020. T. 39, № 3. S. 356-366.
8. Kornogolub E. V. Problemy retseptsii literaturnogo proizvedeniya i fenomen bilingvizma v tvorchestve Iona Drutse // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2019. № 2. S. 42-44.
9. Osipova O.I. Zhanrovye modifikatsii v proze Serebryanogo veka: F. Sologub, V. Bryusov, M. Kuzmin: monografiya. M.: IMPE im. A.S. Gribogedova, 2014. 360 s.
10. 刘涛. 瓦尔拉莫夫创作中的末世论倾向[J]. 俄罗斯文艺, 2004(3):37-40. Lyu Tao. Tendentsiya kontsa sveta v tvorchestve Varlamova // Russkaya literatura i iskusstvo. 2004. № 3. S. 37-40.
11. 赵建常. 开端就在终结中—评瓦尔拉莫夫小说《沉没的方舟》中的末世论倾向[J]. 当代外国文学, 2006(03): 37-43. Chzhao Tszyan'chan. Nachalo v kontse-kommentarii k tendentsiyam eschatologii v romane Varlamova «Zatonuvshii kovcheg» // Sovremennaya zarubezhnaya literatura. 2006. № 3. S. 37-43.

12. 李文静.末世情结下的现实笔触—读瓦尔拉莫夫的《沉没的方舟》. 安徽文学(下半月), 2009(12): 21-
22. Li Ven'tszin. Real'nost' v kontse sveta – o prochtenii «Zatonuvshego kovchega» Varlamova // An'khoiskaya literatura. 2009. № 12. S. 21-22.
13. 张建华.俄罗斯现实主义文学追求的当代姿态—访当代作家阿列克赛·瓦尔拉莫夫[J]. 中国俄语教学, 2006(01): 36-40. Chzhan Tszyan'khua. Sovremennye obrazy, k kotorym stremitsya russkaya realisticheskaya literatura-interv'yu s sovremennym pisatelem Alekseem Varlamovym // Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae. 2006. № 1. S. 36-40.
14. 张晶. 新俄罗斯文学中的“弥塞亚”情结[J]. 语文学刊, 2009(11): 115-116.-Chzhan Tszin. Kompleks «messii» v novoi russkoi literature // Yazykovye zhurnaly. 2009. № 11. S. 115-116.
15. 王康康.方舟中承载的宗教情怀—解读瓦尔拉莫夫《沉没的方舟》[J].俄语学习, 2013(06):60-63.-Van Kankan. Religioznye chuvstva, obrazovannye v kovchege-interpretatsiya «Zatonuvshego kovchega» Varlamova // Izuchenie russkogo yazyka. 2013. № 6. S. 60-63.
16. 齐昕.宗教复兴背景下的新俄罗斯小说[D].上海外国语大学,2010:73,255页.-Tsi Sin'. Novyi russkii roman v kontekste religioznogo vozrozhdeniya // Shankhaiskii universitet inostrannykh yazykov. 2010. № 73. S. 43-73.
17. 赵雪华.什么是俄罗斯后现实主义文学.[J]. 俄罗斯文艺, 2015(01): 107-113.-Chzhao Syuehua. Chto takoe russkaya postrealisticheskaya literatura // Russkaya literatura i iskusstvo. 2015. № 1. S. 107-113.
18. 周启超.“后现实主义”—今日俄罗斯文学的一道风景[J]. 求是学刊, 2016(01):20-26.-Chzhou Tsichao. Postrealizm-metod sovremennoi russkoi literatury // Ishchite. 2016. № 1. S. 20-26.
19. 季晶. 后现实主义视角下《沉没的方舟》创作研究[D]. 长春: 吉林大学, 2018, 45页.-Tszi Tszin. Tvorcheskie issledovaniya «Zatonuvshego kovchega» s tochki zreniya postrealizma// Tszilin'skii universitet. 2018. 45 s.
20. 赵婷延.论瓦尔拉莫夫小说<沉没的方舟>的空间原型[J].名作赏析, 2014(1): 120-121.-Chzhao Tintin. O kosmicheskem prototipe romana Varlamova «Zatonuvshii kovcheg» // Otsenka shedevra. 2014. № 1. S. 120-121.
21. 赵婷延.论陀思妥耶夫斯基、普拉东诺夫和瓦尔拉莫夫作品中的蚂蚁王国形象[J].天津外国语大学学报,2014(6):60-66.-Chzhao Tintin. O murav'inom tsarstve v proizvedeniakh Dostoevskogo, Platonova i Varlamova // Zhurnal Tyan'tszin'skogo universiteta inostrannykh yazykov. 2014. № 6. S. 60-66.

The influence of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" to Yu Hua's novel "Brothers": carnivalization as a way of forming a novel narrative

Bao Lihong

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, of. -

✉ lihong.bao@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the texts of two famous works of Russian and Chinese literature – novels by Bulgakov's "The Master and Margarita" and Yu Hua's "Brothers"; The subject of the study is the techniques of carnivalization that are found in novels and which,

obviously, appeared in Yu Hua under the influence of Bulgakov, with whose work he was well acquainted. The scientific novelty of the study lies in the comparison of the works of Russian and Chinese writers, and the identification of another way of interaction between Russian and Chinese culture, which is being carried out in Russian literary studies for the first time.

The research was carried out on the basis of historical-literary, biographical, comparative and hermeneutical methods, using general scientific methods of analysis and synthesis, observation, description, etc.

As a result of the study, it was noted that the aesthetics of carnivalism is clearly manifested in the works of both writers. The novel narrative is organized according to the laws of carnival action, it contains carnival chaos, grotesque, images of jesters, madmen and descriptions of crazy actions, a carnival attitude towards freedom and death, ridicule of authorities, mockery of order, disappointment in high ideals, a combination of high and low, image crowds as a single figure and other features. It is concluded that Yu Hua absorbed the aesthetics of the carnival through Russian literature, including Bulgakov's novel "The Master and Margarita". This aesthetics was close to him, which, like the Russian writer, contributed to the description of the new world that arose around the heroes of the novels after the revolutionary changes that had occurred.

Keywords: traditions, carnivalization, carnival aesthetics, novel Brothers, Yu Hua, Chinese literature, The Master and Margarita, Mikhail Bulgakov, Russian literature, influence

References (transliterated)

1. Tszi P., Chzhou L. Retseptsiya proizvedeniya «Byloe i dumy» A. I. Gertsen v Kitae: problemy izucheniya i vliyaniya // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12. № 5. S. 368–385. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385.
2. Shan B. Analiz turgenevskoi traditsii v tematike proizvedenii Ba Tszinya: dialog kitaiskoi i russkoi kul'tur // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2022. № 12 (104). S. 272–278. DOI: 0000-0001-6611-9563.
3. Van K., Krasnoyarova A. A. L. Tolstoi i kul'tura Kitaya // Filologiya v XXI veke. 2018. № 2 (2). S. 102–110.
4. Shi Sh. Traditsii A. P. Chekhova v kitaiskoi literature 1950-1990-kh gg. // Filologiya v XXI veke. 2020. № 1 (5). S. 193–198.
5. Khan' Yu. Traditsiya izucheniya tvorchestva M. A. Bulgakova v Kitae (obzor perevodov) // Art Logos. 2020. № 4 (13). S. 113–128.
6. Guo Ts., Chistyakov A.V. O sostoyanii issledovaniya proizvedenii M.A. Bulgakova v Kitae // Litera. 2020. № 6. S. 82–91. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.6.33181 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_33181.html
7. Bao L. Osobennosti diskursivnoi reprezentatsii obrazov kitaitsev v p'ese «Zoikina kvartira» M.A. Bulgakova // Litera. 2024. № 1. S. 157–165. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69726 EDN: JTHZNC URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69726.html
8. Yao Ch. Obrazy Kitaya i kitaitsev v rasskaze «Kitaiskaya istoriya» M. A. Bulgakova // Aprobatsiya. 2017. № 1 (52). S. 179.
9. Uryupin I. S. «Kitaiskaya» tema v tvorchestve M. A. Bulgakova: k voprosu ob inokul'turnoi stikhii v russkoi literature 1920-Kh gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 5 (59). S. 132–135.
10. Rozhkov V. P. Faktory mezhtsivilizatsionnogo dialoga Rossii i Kitaya // Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 4. Blagoveschensk: Izdatel'stvo BGPU, 2014. S. 398–

404.

11. Se Ch. Kitaiskoe bulgakovedenie: perevod, vospriyatie i perspektivy // «Odin poyas – odin put'»: rossiisko-kitaiskii kul'turnyi dialog: kollektivnaya monografiya. Yaroslavl': Izdatel'stvo YaGPU, 2021. S. 261–268.
12. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransa Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 395 s.
13. Krylova M. N. Protsess «karnavalizatsii» russkogo yazyka i sravnitel'nye konstruktsii // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept. 2016. T. 23. S. 28–32.
14. Ibatullina G. M., Baranova R. A. O poetike karnavalizatsii v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» // Slavyanskie chteniya – 2021: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sterlitamak: Izdatel'stvo BashGU, 2021. S. 47–51.
15. Sanai N. Stseny «karnavala» v romane «Master i Margarita» kak illyustratsiya teoreticheskikh postroenii M. Bakhtina // Prepodavatel' XXI vek. 2017. № 1-2. S. 455–463.
16. Li Ya. Metaesteticheskaya funktsiya groteska v romane Yui Khua «Brat'ya» v aspekte metodologicheskikh printsipov M. M. Bakhtina // Nasledie V. I. Likhonosova i aktual'nye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii: materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskii konferentsii. Krasnodar: Izdatel'stvo KGU, 2018. S. 147–149.
17. Bulgakov M. A. Master i Margarita: roman. M.: AST, 2023. 451 s.
18. Yui Khua. Brat'ya: roman. M.: Tekst, 2015. 572 s.

Phonetic features of the Hakka dialect of the Chinese language of Mei County

Skomorokha Eva

Student, Department of Oriental Languages, Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82a

✉ Skomorokha10@mail.ru

Chzhan Yui

Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, ul. Pr. Svobodny, 82a

✉ yuzhang0829@foxmail.com

Abstract. This work is devoted to the study of phonetic features of the Hakka dialect of the Chinese language of Mei County. The material for this article was videos from the Chinese social network Bilibili. The object of the study is the Hakka dialect of the Mei County Chinese language. The subject of the study is linguistic features. The article discusses in detail the structure of the phonetic system of the dialect, namely the features of the tonal system, the system of initials and finals. Special attention is paid to the features that are uncharacteristic for Mandarin: the difference in the number of tones, the specificity of sounds, combinations of sounds that are absent in the generally accepted dialect. The phonetic characteristics presented in the article are illustrated by examples from the speech of the Hakka dialect speaking people of Mei County. In this article, the authors are of the opinion that dialects are

an integral part of Chinese culture that requires special attention. The relevance of the work is justified by the tendency to preserve dialects, therefore, it is aimed at popularizing the Hakka dialect, a detailed study of its aspects. The study analyzed the following points: the current dialect situation in China, the role of dialects as a component of the cultural code of the country, the phonetic structure of the Hakka dialect of Mei County, its connection with the language of the Tang era. A special contribution to the research of the topic is the systematization of the currently existing information in the form of tables, as well as a description of the phonetic features of the dialect.

Keywords: tone, sound, pronunciation, Meixian county, preserving linguistic diversity, Hakka, Chinese dialectology, dialect, phonetic features, Mandarin

References (transliterated)

1. Aleksakhin. A.N. Dialekt Khakka, M.: Nauka, 1987 g. S. 13.
2. Baglaeva A.S. Problema sokhraneniya dialektov v Kitae kak rezul'tat sovremennoi politiki // Inostrannye yazyki v sovremennom mire: sb. st. po mater. mezhunar. nauch.-prakt. stud. konf. Rostov-na-Donu: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks Rost. gos. ekon. un-ta. 2021. S. 237–240.
3. Barov S.A., Egorova M.A. Kantonskii dialekt v sovremenном Kitae: problema sokhraneniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 2019. T. 10. № 1. S. 152–166.
4. Gutin I.Yu. Yazykovaya situatsiya v spetsial'nom administrativnom raione Gonkong KNR i politika vlastei v sfere yazyka // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2018, № 2. S. 79–83.
5. Kasatkin L.L. Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. 2005. S. 1–5.
6. Rybnikar A.A. Issledovanie dialektov Kitaya rossiiskimi uchenymi // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb. st. po mater. XXVIII mezhunar. nauch.-prakt. konf. № 9 (28). Novosibirsk: SibAK, 2013. S. 1–7.
7. Yakhontov S.E. Klassifikatsiya dialektov kitaiskogo yazyka // Problemy kitaiskogo i obshchego yazykoznaniya. K 90-letiyu S. E. Yakhontova / Otv. red. E. N. Kolpachkova. SPb.: Izd-vo «Studiya «NP-Print», 2016. C. 117–125.
8. Yakhontov S.E. Pis'mennyi i razgovornyi kitaiskii yazyk v VII–XIII vv. n.e. // Problemy kitaiskogo i obshchego yazykoznaniya. K 90-letiyu S. E. Yakhontova / Otv. red. E. N. Kolpachkova. SPb.: Izd-vo «Studiya «NP-Print», 2016. S. 182–195.
9. 郝鹏飞. 《广西贺州市桂岭镇客家话研究》. 广西师范大学, 2011年. 199页. Khao Penfei. Issledovanie dialekta khakka v gorode Guilin, gorodskoi okrug Khechzhou. Guansi, 2011. 199 s.
10. 张雪. 杨梓蓉. 《普通话和梅县客家话的词汇比较研究》. 澳门科技大学国际学院, 2022年. 12–14页. Chzhan Syue, Yan Tszyzhun. Cravnitel'noe issledovanie leksiki putunkhua i Khakka uezda Mei. Makao, 2022 g. S. 12–14.
11. 闫淑惠. 《近四十年来客家方言研究的:历史经验与当代反思》. 江西:赣南师范大学学报, 2020年. 17–23页. Yan' Shukhuei: Issledovanie dialekta Khakka za poslednie 40 let: istoricheskii opyt i sovremennoe otrazhenie. Tszyansi, 2020 g. S. 17–23.
12. 徐荣. 汉语方言深度接触研究. 复旦大学, 2012年. 191页. Syui Zhun. Uglublennoe issledovanie kitaiskikh dialektov. Fudan', 2012 g. 191 s.
13. 谢留文. 黄雪贞. 《客家方言的分区(稿)》. 北京:中国社会科学院语言研究所, 2007年. 238–249页.

Se Lyuven', Khuan Syuechzhen'. Razdelenie dialektov khakka (rukopis'). Pekin, 2007 g.
S. 238–249.

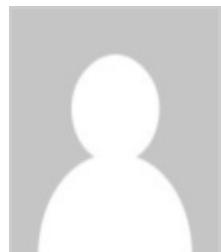
General and special properties of lexical units denoting inner-city driveways in Chinese

Luo Xixi

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1105183882@qq.com

Abstract. The subject of the study is the properties of lexical units related to the names of city passages in Chinese, expressing relations in Russian, Chinese. The purpose of the work is to identify the general structure of common Chinese streets and other inner-city objects, as well as to analyze their meaning. The following methods were used in this article: descriptive, comparative, modeling method and component analysis method. Lexical units that name linear objects of the urban road network and make up a part of the vocabulary that is noticeable to speakers are one of the key components of urban architecture and at the same time part of the communicative culture, which, in turn, reflects the regional culture and national flavor of the area. Starting from the composition of street names, primarily from the point of view of the theory of the semantic field, lexico-semantic groups and their meanings were analyzed in this article. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the general and special aspects of the analyzed names of driveways are considered in comparison. The results of the research can be used in the process of teaching lecture courses; when reading special courses on cognitive linguistics, linguoculturology, intercultural communication. It is concluded that toponyms help to preserve and transmit the historical and cultural heritage of a certain territory. In Chinese culture, especially when naming streets, proper names consisting of several hieroglyphs are often used. In Chinese writing, one hieroglyph can represent a word or an idea, so several hieroglyphs are needed for the full proper name or local toponym. Monosyllabic names consisting of two hieroglyphs are most common in street names. In some cases, names consisting of four hieroglyphs can also be used to convey even more information or uniqueness, each of which may have its own unique history and meaning.

Keywords: word formation, Chinese language, city road names, common lexemes, semantic field, toponym structure, sememe, toponymic term, streets, lanes

References (transliterated)

1. Kitaiskii slovar' / Pod red. Redaktsionnogo komiteta Kitaiskogo slovarya i Byuro sostavleniya kitaiskogo slovarya. – Shankhai: Izdatel'stvo slovarya Khan'yu. 1986. – 2560 s.
2. Sovremennyi kitaiskii slovar', 7-e izdanie / pod red. Otdela redaktirovaniya slovarya Instituta lingvistiki Kitaiskoi Akademii obshchestvennykh nauk. – Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo. 2016. – 1800 s.
3. Yan Lin'. Issledovanie nazvanii ulits v raione Fanchen // Filologicheskii zhurnal. 2014. № 9. S. 50–54.
4. Guo Tszin'fu. Kitaiskie toponimy i koloritnaya kul'tura. – Shankhai: Shankhaiskogo izdatel'stva slovarya, 2004. – 177 s.

5. Chzhan Tsinchan. Istorya nazvanii ulits i pereulkov v Pekine – novoe sotsiolingvisticheskoe issledovanie. – Pekin: Izdatel'stva Pekinskogo universiteta yazyka i kul'tury, 1997. – 320 s.
6. Li Sinkai. Strukturnye kharakteristiki nazvanii ulits v gorode Kaifen // Molodoi pisatel'. 2009. № 22. S. 99–101.
7. Tsin' Pen. Sushchnost' nazvaniya ulits v gorode Tsyuifu, obshchnost' i kharakteristiki nazvanii ulits // Sovremennyi yazyk. 2013. S. 142–145.
8. Kong Ii. Geograficheskie nazvaniya Tsyuifu. – Tszinan': Shan'dunskoe izdatel'stvo druzhby, 1998. – 634 s.
9. Chzhan Tsinchan. Khuton i drugie. – Pekin: Izdatel'stva Pekinskogo universiteta yazyka i kul'tury, 1990. – 258 s.
10. Li Baogui. Sostav nazvanii ulits i ikh napisanie // Zhurnal An'shan'skogo pedagogicheskogo universiteta. 2004. № 5. S. 46–48.
11. Chen' Bo, Yui Dzhikhun. Yazykovye i kul'turnye osobennosti nazvanii ulits v gorode Zaoyan // Zhurnal Kolledzha estestvennykh i gumanitarnykh nauk Khubei. 2015. № 4. S. 19–23.
12. U Shisyan'. Obzor nazvanii ulits v gorode Chendu. – Chendu: Izdatel'stvo Chendu, 1992. – 684 s.
13. Li Rulong. Rukopis' po kitaiskoi toponimike. – Shankhai: Shankhaiskoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 1998. – 209 s.
14. Van Goan', Van Syaoman'. Kul'turnaya perspektiva kitaiskikh slov. – Shankhai: Izdatel'stvo slovarya Khan'yu, 2003. – 321 s.
15. Khuan Shchaoiya. Kratkoe obsuzhdение nazvanii ulits // Zhurnal universiteta Guanchzhou. 2002. № 6. S. 46–50.

Reception of the Christian tradition of "cleansing" prayer in the lyrics of Julia Zhadovskaya

Zenevich Ekaterina Vasilievna □

Head of the Editorial Office, Postgraduate (Pushkin Institute of the Russian Language); Institute of Theoretical and Applied Electrodynamics of the Russian Academy of Sciences

125412, Russia, Moscow, Izorskaya str., 13, p. 6

✉ pasek1980@mail.ru

Abstract. Due to the constant interest in the study of religious images and motifs in literary works, it becomes relevant to study the motifs contained in literary texts on religious subjects. One of the key features of the work of the poetess of the mid – 19th century Yu.V. Zhadovskaya (1824–1883) is an artistic reinterpretation of the Christian traditions of spiritual weeping and "cleansing" prayer. The subject of the study is the motif of prayer tears as an external sign of "cleansing prayer" in the lyrics of Yu.V. Zhadovskaya.

The object of the research is the texts of religious and spiritual subjects of the first lifetime collection of poems "Temptation" (1845), "Calmly over me Again" (1846), "Monologue" (1846), "When reading the History of Peter the Great" (1846), the texts of the second lifetime collection of poems "Wonderful Minute!" (1847), "Night... Chu! into the shady Garden" (1846), "The Awakening of the Heart" (1848), "Who are my relatives" (1850) and unpublished texts "I remember that evening and quiet and beautiful", "Who loved and believed passionately", "The curly birches are noisy, noisy". To conduct the research, the method of historical and philological analysis, the biographical method, the comparative method, as well as the

method of complex text analysis were used. A special contribution of the author to the study of the topic is the identification in the lyrics of Yu.V. Zhadovskaya of a group of poems of religious and spiritual themes, the lyrical event of which is focused on the Orthodox prayer tradition.

The main conclusions of this study are the identification of the religious component of the author's worldview. Turning to the Christian tradition of spiritual purification allows, on the one hand, to define the basic framework of readers' expectations, and on the other hand, to violate the peculiar genre canon of "cleansing" prayer, embodying the poetess's special worldview, which consists in a "dual" worldview: the desire to find inner harmony and tranquility is combined with a tragic sense of God-abandonment. The artistic reinterpretation of the tradition of Orthodox prayer is primarily associated with the use of such an element of "cleansing" prayer as crying and tears in the lyrics. A special prayerful state and poetic communion with God in lyrical situations containing the motif of prayer tears are a sign of entering the "field of purity" for spiritual purification and prayer, as well as a sign of inner transformation. The novelty of the research lies in conducting a systematic analysis of the motive of prayer tears in religious and spiritual texts.

Keywords: the author's picture of the world, The lyrical plot, tragic worldview, artistic reception, poems of religious and spiritual themes, lyrics, The theme of loneliness, The motive of prayer tears, Julia Zhadovskaya, the genre of prayer

References (transliterated)

1. Afanas'eva E.M. Molitvennaya lirika russkikh poetov. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2021. – S. 225 – 245.
2. Zhadovskii P.V. Ot izdatelya // Zhadovskaya Yu.V. Polnoe sobranie sochinenii: V 4 t. T. 1. SPb.: Tipografiya S. Dobrodeeva, 1885. – S. 5-26.
3. Fedorova A. Vospominanie ob Yu.V. Zhadovskoi // Istoricheskii vestnik, 1887. – S. 394-407.
4. Blagovo V.A. Poeziya i lichnost' Yu.V. Zhadovskoi. Saratov: Izdatel'stvo saratovskogo universiteta, 1981. – 158 s.
5. Khokhlova E. V. Opyt modelirovaniya zhenskogo kharaktera v proze Yu. V. Zhadovskoi // Zhenshchiny. Iстoriya. Obshchestvo: Sbornik nauchnykh statei / pod redaktsiei V. I. Uspenskoi. Tom Vypusk 2. – Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo, 2002. – S. 244-250.
6. Trushina E. A. Zhanr molityv v lirike poetessy XIX veka Yu. V. Zhadovskoi // Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii, 2018. № 4 (10). – S. 88-94.
7. Voitenko I.V. Proza Yulii Zhadovskoi: zhanrovye i stilevye raznoobrazie: dic. ... kand. filol. nauk / I.V. Voitenko; Moskva, 2007. – 195 s.
8. Graudina L. K. «Tsvet lirizma» v poezii Yu.V. Zhadovskoi / L. K. Graudina // Russkaya rech', 2016. № 1. – S. 3-12.
9. Trushina E.A. Lirika Yu.V. Zhadovskoi (mirovidenie i poetika): dic. ... kand. filol. nauk / E.A. Trushina; Penzenskii gos. pedagogich. un-t. im. V.G. Belinskogo. Penza, 2004. – 253 s.
10. Svyatitel' Ignatii (Bryanchaninov) Asketicheskie opyty: V 7 t. T. 1. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2010. – 307 s.
11. Lestvichnik Ioann. Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2007. – 592 s.
12. Veinberg P. I. Stikhovoreniya Yulii Zhadovskoi // Biblioteka dlya chteniya, 1858. T.

149. – S. 37-40.
13. Stikhotvorenija Yulii Zhadovskoi. SPb.: Tipogr. E. Pratsa, 1858. – 142 s.
14. Stikhotvorenija Yulii Zhadovskoi. SPb.: Tipogr. E. Pratsa, 1846. – 64 s.
15. Ziziulas Ioann. Obshchenie i inakovost'. Novye ocherki o lichnosti i tserkvi / Per. s angl. (Seriya «Sovremennoe bogoslovie»). M.: Izdatel'stvo BBI, 2012. – 407 s.
16. Zenevich E. V. Poetika evangel'skoi Pritch'i o seyatele v stikhotvorenii Yu. V. Zhadovskoi «Posev» // Pravoslavie i russkaya literatura: Sbornik statei uchastnikov VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Arzamas, 18–19 maya 2023 goda / Otv. redaktor S.N. Pyatkin. – Arzamas, 2023. – S. 31-35.
17. Zhadovskaya Yu.V. Stikhotvorenija. RGALI. f. 638. op. 1. e.kh. 1. l. 1-90.
18. Polyakova G. V. Motiv umileniya v russkoj literature XIX veka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016. № 5-3 (59). – S. 36-40.
19. Budyanskii V. S. Obraz placha v Pravoslavnoi Tserkvi // Khristianstvo i mir: Sbornik materialov III Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, Penza, 18–19 aprelya 2018 goda. – Penza: Pravoslavnaya religioznaya organizatsiya-uchrezhdenie vysshego religioznogo professional'nogo obrazovaniya "Penzenskaya Dukhovnaya Seminariya", 2018. – S. 133-142.